66 — сад [illegible]

69 — дух [illegible] — 217

240 — pour les beaux yeux

236 — [illegible]

66 — [illegible]

69 — дух [illegible]

2[illegible]

ИСТОРІЯ
НАПОЛЕОНА I.

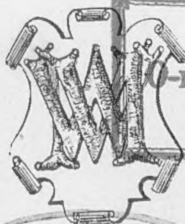
СОЧИНЕНІЕ

П. ЛАНФРЕ.

ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Афанасьева-Чужбинскаго.

ТОМЪ I.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
Гостиный Дворъ, №№ 18, 19 и 20.

МОСКВА,
Кузнецкій Мостъ, д. Рудакова.

1870.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. ВОЛЬФА (СПБ., ПО ФОНТАНКѢ, № 59).

ОГЛАВЛЕНИЕ

I ТОМА.

ГЛАВА I.

Юность и начало дѣятельности Наполеона.

Сужденія о Наполеонѣ чаще всего имѣли источникомъ любовь или ненависть. Послѣ смерти, какъ и при жизни, ему суждено было глубоко волновать сердца человѣческія, а войны, возродившіяся изъ его политики, продолжали за или противъ его убѣжденій. Народные апоѳеозы, пристрастныя восхваленія партій, любезности историковъ—вызывали въ отвѣтъ яростное мщеніе, въ которомъ часто виднѣлась истина, раненая собственнымъ же оружіемъ. Впрочемъ, слава его находила болѣе поклонниковъ, нежели хулителей, ибо ладанъ, котораго не имѣется больше для идола, все еще воскуряется передъ его приверженцами. Исторія не создана для ролей, которыя не согласуются ни съ спокойствіемъ правосудія, ни съ достоинствомъ судьи.

Въ настоящее время, когда хвала и хула, будучи исчерпаны, приготовили всѣ данныя для полнаго изученія, настала пора для болѣе точной оцѣнки. Если послѣ стольких знаменитыхъ современниковъ, публицистовъ, философовъ, историковъ и поэтовъ, я, въ свою очередь, осмѣливаюсь коснуться личности, которую немногіе изъ нихъ могли изучать безнаказанно, то единственно потому, что могу воспользоваться благодѣяніемъ времени: свѣдѣній изобильно, побудительныя

причины лучше извѣстны, факты болѣе освѣщены, разрывается ложное обаяніе. Настоящее, сдѣлавшись менѣе суровымъ, не позволяетъ болѣе сомнѣваться за будущее. Меня не волнуютъ ни пристрастіе ненависти, ни порывы энтузіазма, и всякое мнѣніе, которое могло бы помѣшать мнѣ склониться передъ истиннымъ величіемъ, я оттолкнулъ бы какъ позорное рабство.

Есть, впрочемъ, въ исторіи умѣряющая сила, которая защищаетъ душу отъ фанатизма духа партій. Если она представляетъ намъ неутѣшительное зрѣлище упадковъ, паденій и безчисленныхъ противорѣчій, за то, въ чертахъ болѣе поразительныхъ, она показываетъ намъ, что въ цивилизаціи существуетъ постоянное стремленіе поднять свой уровень. Не взирая на нѣкоторые, дурно понятые наружные признаки, исторія не есть школа фатализма, но продолжительная защита въ пользу человѣческой свободы.

Это изученіе, свойственное всѣмъ временамъ, выступаетъ съ особенною силою изъ поступательнаго движенія вѣка, въ которомъ родился Наполеонъ, до начала французской революціи, и уклоненія, наступающія впослѣдствіи, не могутъ ослабить его дѣйствія. Никогда дѣятельность, помимо своихъ увлеченій, не была болѣе свободна и основательна, никогда люди не стремились къ истинѣ съ рвеніемъ болѣе искреннимъ и смѣлымъ. Успѣхамъ ихъ усилій могли помѣшать страсти, ошибки, вліяніе старинныхъ предразсудковъ и препятствія, неразлучныя съ веденіемъ дѣла, но усилія ихъ не были напрасны. Масса великихъ дѣятелей возобновила всѣ поприща знанія и мысли; они внушили болѣе возвышенную идею о человѣческомъ достоинствѣ, расширили понятіе о правахъ народовъ и индивидуумовъ, разрушили всевозможные роды рабства и примирили политику съ правосудіемъ и свободою; они смягчили нравы до такой степени, что какъ бы готовы были простить заблужденіямъ и дать имъ время умереть естественною смертью.

Былъ ли въ этомъ XVIII вѣкъ исключеніемъ? Преслѣдовалъ ли онъ утопію? Онъ продолжалъ дѣло своихъ предшественниковъ: XVI столѣтія, видѣвшаго рожденіе реформаціи, и XVII, которое видѣло, какъ восторжествовали англійскія учрежденія; онъ шелъ по великому пути рода человѣческаго, сознавалъ это, и подобная увѣренность придавала его закату нѣчто торжественное. Послѣ мыслителей, прославившихъ его карьеру, онъ видѣлъ уже появленіе тѣхъ великихъ личностей, которыя должны были дополнить его дѣятельность: такъ послѣ Локке, Монтескье, Вольтеровъ, Руссо, возникли Тюрго, Франклины, Мирабо, Вашингтоны. Американская республика, это дитя опыта, безукоризненная какъ созданіе чистаго разума, родилась за Океаномъ, чтобъ служить маякомъ для будущихъ обществъ. Будущее казалось до такой степени обезпеченнымъ, ходъ событій до такой степени неотразимымъ, что самые трезвые умы не могли не поддаться легкому опьянѣнію, и устремились къ послѣднимъ предѣламъ возможнаго. Не довольствуясь провозглашеніемъ конца религіознаго и политическаго деспотизма, они стремились къ уничтоженію бѣдности, рабства, войны. Около этого-то времени на неизвѣстномъ, почти лишенномъ исторіи островкѣ, родился ребенокъ, долженствовавшій носить имя Наполеона Бонапарте.

Противоположность, какую этотъ необыкновенный человѣкъ представляетъ съ общимъ духомъ своей эпохи, рѣзко бросается въ глаза: по своему характеру, идеямъ и въ особенности по цѣли, къ которой Наполеонъ стремился, онъ кажется принадлежащимъ къ другому вѣку. Однако же чѣмъ больше его изучаешь, тѣмъ яснѣе видишь, что изъ остатковъ его дѣятельности сохранились въ живыхъ именно тѣ, которые онъ заимствовалъ у генія своего времени. Остальное положительно феноменально. Поэтому роль Наполеона не имѣетъ ничего необъяснимаго для исторіи.

Родина его, повидимому, служила живымъ изобличеніемъ въ неправдѣ мечтанія философовъ. Въ тотъ вѣкъ космо-

политизма, Корсика, по своимъ бѣдствіямъ и по характеру своихъ обитателей, представляла особенную, какъ бы отдѣльную страну въ Европѣ. Сношенія ея съ континентомъ, которыя никогда не были часты, сдѣлались еще рѣже во время продолжительной борьбы ея съ генуэзцами. Вслѣдствіе этого, не взирая на нѣкоторый лоскъ просвѣщенія, за которымъ корсиканская молодежь отправлялась въ итальянскіе университеты, они сохранили почти нетронутою энергическую и дикую оригинальность своего характера. „Корсика, говоритъ Титъ Ливій:—страна суровая, гористая и почти непроходимая. Жители ея, сходствуя съ нею и въ дикости, мало чѣмъ отличаются отъ дикаго звѣря. Будучи взяты въ плѣнъ, корсиканцы не смягчаются въ неволѣ: они дѣлаются невыносимы для хозяевъ, или умираютъ подъ гнетомъ рабства.“

Портретъ этотъ сохранилъ долю истины, не смотря на перемѣны, происшедшія отъ смѣшенія племенъ и прогресса времени. Хотя послѣдовательные набѣги и вліяніе общей цивилизаціи и смягчили первоначальный типъ, однако не могли уничтожить главныя черты его: къ неукротимой дикости присоединилась нѣкоторая уклончивость, заимствованная у Италіи, къ энергіи характера — утонченность понятій. Корсиканцы были и суть въ настоящее время трезвы, храбры, гостепріимны, но скрытны, суевѣрны и мстительны. Какъ бы соотвѣтствуя своему климату, знойному на равнинахъ и холодному на горахъ, они обладаютъ пылкостью сердца и холодомъ разсудка. Они созданы для отличій на дипломатическомъ и военномъ поприщахъ. Они соприкасались тогда съ современными идеями лишь посредствомъ крохъ классической эрудиціи, выносимой изъ итальянскихъ университетовъ. Паоли могъ серьезно надѣяться играть на родинѣ роль Солона и Ликурга, и въ томъ, что обстоятельства дозволили ему предпринять, не встрѣтилъ ни малѣйшаго препятствія, которое встрѣтилъ бы непремѣнно во всякомъ другомъ мѣстѣ. То, что во Франціи было лишь фантазіею мечтателей, стало

въ Корсикѣ фактомъ, возможнымъ для государственнаго человѣка и немедленно могло быть приведено въ дѣйствіе. Вотъ почему Корсика обратила на себя вниманіе Жанъ-Жакъ Руссо, преданнаго тогда всецѣло воспоминаніямъ о древнемъ мірѣ, съ которыми онъ надѣялся создать новое. Въ своемъ Contrat Social, онъ называетъ Корсику единственною въ Европѣ страною, способною для законодательства, что подало поводъ Паоли просить у него чрезъ посредство Буттафуоко проекта конституціи. Корсиканцы очутились сразу въ положеніи, которое немыслимо нигдѣ иначе какъ по уничтоженіи всего существующаго. Это соціальное положеніе и духъ, изъ него вытекавшій, объясняютъ въ нѣкоторой степени то, что отзывается древностью въ политическомъ идеалѣ Наполеона и Паоли, ибо Цезарь не менѣе Ликурга неприложимъ къ мягкимъ условіямъ современныхъ обществъ.

Послѣ долголѣтней упорной борьбы, въ продолженіе которой маленькая эта страна удивляла Европу, генуэзцы, видя, что имъ вновь не завоевать этого острова, подарили его Франціи. Шуазель, прибывшій сперва какъ примиритель и въ этомъ качествѣ занявшій главные порты Корсики, не постыдился обратить всѣ силы могущественной націи противъ слабаго народа, ввѣрившагося его покровительству. Напрасно герой войны съ генуэзцами, Паоли, старался воспротивиться французскому насилію: необходимость заставила уступить. Съ отчаяніемъ въ душѣ, онъ удалился изъ страны, которую освободилъ отъ прежнихъ угнетателей только для того, чтобъ видѣть, какъ она подчинилась новому деспотизму. Но въ тотъ же самый годъ, когда французскія силы раздавили патріотовъ, на Корсикѣ родился тотъ, кого ея завоеватели должны были вскорѣ признать своимъ повелителемъ. Наполеонъ впервые увидѣлъ свѣтъ 15 августа 1769 г., чрезъ два мѣсяца послѣ покоренія острова.

Дѣтство и юность самыхъ великихъ людей непремѣнно ускользаютъ отъ исторіи, и вотъ почему чаще всего они дѣ-

лаются достояніемъ вымысла. Юность полна песихологическихъ тайнъ и тайныхъ превращеній, которыя, при самомъ внимательномъ наблюденіи, представляютъ весьма мало положительныхъ данныхъ. Это возрастъ формаціи, въ которомъ въ душѣ человѣка все еще неопредѣленно и измѣнчиво. Въ ней еще нѣтъ ничего, составляющаго историческую дѣйствительность, и необыкновенно мало у юноши дѣйствій, которыя были бы достойны особеннаго вниманія. Поэтому усиленныя старанія, употребленныя для того, чтобъ извлечь память Наполеона изъ этого неизбѣжнаго мрака, послужили только къ сочиненію легендъ, ребячество которыхъ равняется неправдоподобію. Поставленный съ одной стороны между неудобствомъ значительной краткости, а съ другой неудобствомъ мелочности, не имѣющей ничего серьезнаго и правдиваго, я, откинувъ все гадательное, бѣгло набросалъ только тѣ факты и наблюденія, которые, вслѣдствіе всеобщаго свидѣтельства, представляютъ единственно характеръ вѣроятія.

Между товарищами Паоли въ первыхъ рядахъ отличался Карлъ Бонапарте, отецъ Наполеона. Родъ этотъ происходилъ изъ Италіи, гдѣ сохранились еще его потомки, и отличался нѣкоторою извѣстностью въ политикѣ и литературѣ въ эпоху итальянскихъ республикъ. Вслѣдствіе гражданскихъ несогласій, раздиравшихъ Флоренцію, родъ этотъ переселился въ Корсику, но всегда сохранялъ сношенія съ родиною, и оставался итальянскимъ почти на столько же какъ и корсиканскимъ, такъ что нельзя въ немъ не узнать племени, отъ котораго произошелъ Макіавель. Когда Паоли покинулъ островъ, Карлъ Бонапарте, незадолго предъ тѣмъ женившійся на Летиціи Рамолино, женщинѣ рѣдкой красоты, раздѣлявшей съ нимъ опасности въ то время, когда уже она была беременна Наполеономъ, долженъ былъ поступить, какъ поступило большинство сограждaнъ. Онъ даже сумѣлъ съ замѣчательною легкостью снискать расположеніе французскаго правительства; но, въ продолженіе многихъ еще лѣтъ, горсть патріотовъ,

преслѣдуемая въ горахъ, продолжала поддерживать борьбу, и казнь ихъ обрызгала кровью побѣды французовъ.

Среди этого-то народа, побѣжденнаго, но не укрощеннаго, среди этихъ страстей, то сдерживаемыхъ, то разражавшихся со всею корсиканскою необузданностью, росъ Наполеонъ I. Будучи ребенкомъ, онъ присутствовалъ при послѣднихъ судорогахъ независимости своего отечества. „Я родился, когда моя родина погибала, писалъ онъ къ Паоли, въ 1789 г.:—и съ дѣтства колыбель мою окружали — крики умирающихъ, стоны притѣсняемыхъ и слезы отчаянія.“ Рожденный среди этихъ бурь, онъ заранѣе освоился съ ихъ порывами, и имъ-то обязанъ отчасти тѣмъ хладнокровіемъ, которое выказалъ впослѣдствіи среди революціоннаго хаоса. Подобно ребенку—Ахиллу, онъ былъ погруженъ въ воды Стикса.

Первые элементы, которыми питалось его юное и пламенное воображеніе, были: воспоминанія о войнѣ за независимость, проклятія угнетеннаго патріотизма и въ особенности тогда уже легендарные подвиги великаго Паоли, воина-законодателя, этой античной личности, какъ-то зашедшей въ XVIII столѣтіе. Впечатлѣнія эти глубоко врѣзались въ его воспріимчивую душу и восторжествовали надъ всѣми чувствами молодости; они-то придали ему необыкновенную серьезность. Въ дѣтствѣ еще онъ раздѣлялъ великія патріотическія движенія, понимая ихъ инстинктиво, прежде нежели могъ понять сознательно; онъ присутствовалъ при событіяхъ, освѣщавшихъ для него слишкомъ рано всѣ крайности жизни человѣческой. Онъ зналъ уже политическія страсти еще въ томъ возрастѣ, когда юноши обыкновенно увлекаются игрушками, и, можетъ быть, онъ и отрѣшился отъ нихъ такъ скоро собственно потому, что познакомился съ ними слишкомъ рано. По прибытіи въ Бріеннъ, этотъ одиннадцатилѣтній мальчикъ увидѣлъ въ одной изъ школьныхъ залъ портретъ Шуазеля, виновника бѣдствій своей родины; тотчасъ же онъ осыпалъ его ругательствами и пришелъ въ негодованіе, зачѣмъ сохра-

няли въ Бріеннѣ портретъ подобнаго человѣка. Немного позже, говоря о покойномъ своемъ отцѣ, онъ выразился, что не можетъ простить ему — зачѣмъ онъ не послѣдовалъ за Паоли раздѣлить судьбу послѣдняго въ изгнаніи.

Карлъ Бонапарте, у котораго семейство было многочисленно, а состояніе весьма ограниченно, помѣстилъ своихъ дѣтей на казенный счетъ въ лучшія учебныя заведенія, благодаря покровительству графа Марбёфа, корсиканскаго губернатора. Этимъ-то способомъ и Наполеонъ попалъ въ Бріеннъ. Отбрасывая массу подозрительныхъ анекдотовъ, изобилующихъ относительно этой эпохи его жизни, и придерживаясь только общаго впечатлѣнія знавшихъ его въ ту пору, мы видимъ уже въ немъ сосредоточенный, рѣшительный характеръ, воинственныя наклонности, и, помимо вспышекъ веселости, мрачное настроеніе ума, столь странное въ такомъ ребенкѣ. Суровая доля уничтожила въ немъ всю наивную прелесть дѣтства. Онъ любилъ уединяться, рѣдко бывалъ откровененъ съ товарищами, которые мало любили его и въ игры которыхъ онъ почти никогда не вмѣшивался. Эта наклонность къ уединенію, врожденная душѣ, не находящей вокругъ себя предмета сближенія, въ которомъ ощущаетъ потребность, часто сопутствуетъ превосходству, даже въ такомъ возрастѣ, когда это не сознается, и дѣти не прощаютъ этого точно такъ же, какъ и взрослые.

Впрочемъ, онъ былъ трудолюбивый, рачительный воспитанникъ. и что странно—необыкновенно послушенъ наставникамъ. Это видно изъ удостовѣренія кавалера Кераліо, бывшаго инспекторомъ военныхъ училищъ, котораго поразили умъ и характеръ, обнаруживавшіеся въ этомъ юношѣ. Съ тѣхъ поръ Наполеонъ умѣлъ, когда ему хотѣлось, побѣждать свою природную грубость предъ обстоятельствами и дѣлаться покорнымъ, когда требовала того надобность. Въ короткое время онъ сталъ первымъ ученикомъ по математикѣ, къ которой чувствовалъ страстное влеченіе. Любилъ онъ также и

исторію, но замѣтно отдавалъ предпочтеніе изученію древнихъ республикъ, гдѣ находилъ возвышенныя картины борьбы, жертвою которой пало его отечество. Съ раннихъ лѣтъ любимымъ чтеніемъ его были—Плутархъ и Комментаріи Цезаря, ибо въ одномъ онъ находилъ ту странную смѣсь положительнаго съ романическимъ, къ которымъ всегда чувствовалъ особенное влеченіе, а въ другомъ родъ контроля для сравненія при изученіи военныхъ наукъ, и въ то же время великолѣпнѣйшую рамку, какую только могло создавать его воображеніе. На прочіе предметы онъ обращалъ лишь второстепенное вниманіе, и впослѣдствіи только принялся за изученіе французскаго языка, котораго впрочемъ иныхъ элементовъ, самыхъ существенныхъ, не зналъ никогда, хотя не разъ доказывалъ, что владѣлъ имъ какъ первоклассный писатель.

Въ парижскомъ военномъ училищѣ, куда онъ поступилъ для усовершенствованія своего образованія, по выходѣ изъ Бріенна (1785), и гдѣ онъ нашелъ менѣе суровую дисциплину, личность его начала развиваться энергичнѣе и показалась въ новомъ свѣтѣ. Онъ находился какъ бы затеряннымъ среди большаго количества воспитанниковъ. Кротость его уступила мѣсто чувству робкой независимости; онъ сдѣлался упрямымъ, рѣзкимъ, недовольнымъ, такъ что учителя его жаловались на эту перемѣну. Характеръ его принялъ замѣтно мизантропическое направленіе. Будущее представляло ему печальную перспективу. Отецъ его умеръ, оставивъ семейство въ стѣсненномъ положеніи, худшемъ самой бѣдности; братья и сестры были разсѣяны по разнымъ учебнымъ заведеніямъ, гдѣ они воспитывались, какъ говорили тогда, на королевскій счетъ; онъ долженъ былъ лишь разсчитывать на непрочную помощь покровителей....

Противоположность судьбы его съ судьбою товарищей-кадетъ, по большей части богатыхъ фамилій, живо заставляла его чувствовать горечь лишеній, которыя онъ долженъ былъ налагать на себя и которыя впрочемъ онъ умѣлъ переносить

безропотно. Недовольный, раздраженный, тревожимый безпокойною дѣятельностью,—первыми признаками его генія, онъ жилъ въ одиночествѣ и считался необщительнымъ. Онъ усвоилъ бывшіе тогда въ модѣ тонъ и рѣчи древнихъ цензоровъ, и критиковалъ, со всею строгостью шестнадцатилѣтняго моралиста, злоупотребленія общества, среди котораго, по всѣмъ вѣроятіямъ, ему суждено было темное прозябаніе въ нижнихъ чинахъ арміи. Бурьеннъ сохранилъ намъ нѣсколько довольно любопытныхъ отрывковъ изъ Записокъ, сочиненныхъ Бонапарте въ военномъ училищѣ, чтобъ показать все неприличіе разорительныхъ привычекъ, усвоенныхъ воспитанниками, благодаря либеральному уставу. Страшная неправильность его писемъ той эпохи не дозволяетъ предполагать, чтобъ слогъ записокъ принадлежалъ ему, но мысли уже обнаруживаютъ умъ практическій и организаторскій. Онъ справедливо смотрѣлъ на всю эту роскошь, какъ на несообразное приготовленіе къ военной жизни; но суровыя правила, которыми онъ предлагалъ замѣнить эти привилегіи, слишкомъ явно обнаруживаютъ тайное памятозлобіе, внушенное духомъ равенства молодому реформатору.

Черезъ годъ Бонапарте вышелъ изъ военнаго училища, поступилъ подпоручикомъ въ полкъ Ла-Фера и отправился въ гарнизонъ въ Валенцію (1786). Ему было шестнадцать лѣтъ съ небольшимъ. Тамъ, подъ вліяніемъ любезной и образованной женщины, радушно принявшей и введшей его въ свѣтъ, сосредоточенная натура эта, не знавшая до того солнечныхъ лучей, распустилась впервые. Замѣчательная перемѣна произошла въ характерѣ, привычкахъ и манерахъ молодаго подпоручика. Тогда-то начала обнаруживаться та вкрадчивая и обольстительная любезность, которую онъ умѣлъ иногда придавать своему разговору, обыкновенно грубому и прямому, если онъ не былъ повелительнымъ. Умъ его сдѣлался утонченнѣе и гибче, придя въ соприкосновеніе съ обществомъ, державшимся старинныхъ преданій, созданнымъ женщинами.

и для женщинъ. Въ то же самое время обильное чтеніе расширило въ разнообразныхъ направленіяхъ его мысли и познанія. Многочисленныя замѣтки, написанныя его рукою, свидѣтельствуютъ, что никогда не было употреблено съ большею пользою свободное время гарнизонной жизни.

Наконецъ страсти въ то время, повидимому, занимали его не слишкомъ и непродолжительно, если вѣрить *Разговору о Любви* (Dialogue sur l'Amour), оставшемуся въ бумагахъ его молодости, гдѣ есть одна выходка, подкрѣпляющая всегдашнее его мнѣніе объ этомъ предметѣ: „Любовь, говоритъ онъ:—дѣлаетъ болѣе зла нежели добра, и покровительствующее божество оказало бы истинное благодѣяніе, устранивъ ее отъ насъ и освободивъ отъ нея мужчинъ.“ Никакія развлеченія не могли заставить его позабыть родной островъ, его бѣдную Итаку, котораго онъ не видѣлъ много лѣтъ, и который въ то время былъ предметомъ его искренней и единственной любви. Но въ какомъ состояніи онъ найдетъ его, когда обстоятельства позволятъ ему посѣтить родину? Мысли эти навѣвали на него такую грусть, которая какъ бы внушала ему идею самоубійства, если только допустить вѣру въ слѣдующее мѣсто, написанное имъ въ юности:

„Какъ люди удалились отъ природы! Какъ они подлы, низки! Какое зрѣлище предстанетъ мнѣ на родинѣ? Соотечественники мои съ трепетомъ цѣлуютъ руку, ихъ угнетающую. Это уже не тѣ храбрые корсиканцы, которыхъ воодушевляетъ герой, не враги тирановъ, роскоши и подлыхъ интригановъ.... Французы! вы не довольствовались отнятіемъ того, что мы любимъ, но вы еще развратили наши нравы.

„Жизнь мнѣ въ тягость, потому что я не ощущаю никакого удовольствія, и все для меня непріятно оттого, что люди, съ которыми я живу и вѣроятно буду жить всегда, характеромъ своимъ отличаются отъ меня, какъ лунный свѣтъ отъ солнечнаго. Я не могу слѣдовать единственному

образу жизни, который могъ бы меня заставить выносить существованіе. Изъ этого слѣдуетъ отвращеніе ко всему" [1]).

По всѣмъ вѣроятіямъ, въ Наполеонѣ впервые честолюбіе пробудилось въ Валенціи. По крайней мѣрѣ тамъ онъ началъ писать *Исторію Корсики* [2]), которая, кажется, составляетъ главнѣйшее умственное занятіе его молодости, и изъ которой напечатаны были только отрывки. Въ 1786 г. онъ посылалъ двѣ первыя ея главы аббату Рейналю, при весьма льстивомъ письмѣ, въ которомъ просилъ совѣтовъ и покровительства. Аббатъ, находившійся въ то время въ апогеѣ своей славы, охотно исполнилъ и то и другое. Судя по выбору этого предмета и по всему, что извѣстно о Бонапарте въ ту эпоху, родной островъ былъ главнымъ предметомъ его мечтаній, цѣлью, на которой сосредоточивались всѣ планы его будущаго. Корсика представлялась ему самымъ лучшимъ театромъ, какой только онъ могъ вообразить. Онъ добивался литературныхъ успѣховъ собственно лишь для того, чтобъ предстать предъ земляковъ съ большимъ блескомъ и авторитетомъ. Корсика была прибѣжищемъ для его воображенія, гдѣ онъ забывалъ скудость своего существованія, и создавалъ себѣ состояніе по своему вкусу. Достигнуть роли, какую игралъ Паоли, и когда нибудь осуществить въ освобожденномъ отечествѣ проекты, составленные, но не исполненные его героемъ,—было для него самою возвышенною цѣлью, къ которой онъ только дерзалъ стремиться.

---

[1]) Libri, Souvenirs de la jeunesse de Bonaparte. Изъ множества сочиненій, написанныхъ объ этой эпохѣ жизни Наполеона, эта маленькая вещь болѣе всѣхъ изобилуетъ точными данными. См. о томъ же ***Mémoires de Nasica*** о дѣтствѣ и юности Наполеона; ***Histoire des premières années de Bonaparte, du baron de Coston;*** Mémoires de Bourienne, de la duchesse d'Abrantès, etc.—сочиненія, которыми должно пользоваться съ особенною осторожностью. ***Пр. автора.***

[2]) Libri говоритъ (Souvenirs de la jeunesse de Bonaparte), что рукопись этой исторіи существуетъ и составляетъ часть коллекціи бумагъ, ввѣренныхъ въ оригиналѣ первымъ консуломъ кардиналу Фешу. id.

При подобныхъ обстоятельствахъ застали его начатки французской революціи. Онъ не колеблясь ни минуты сталъ на ея сторонѣ, ибо былъ изъ числа тѣхъ, кто принадлежалъ ей по своему положенію; но если онъ принялъ ея цвѣта и языкъ, то не раздѣлялъ ни восторговъ, ни ненависти: онъ видѣлъ въ ней скорѣе принципъ, нежели могущество. Хотя онъ и былъ отъявленнымъ сторонникомъ новыхъ идей, однако долго еще принималъ ближе къ сердцу дѣло Корсики, чѣмъ дѣло Франціи,—страны, въ которой онъ всегда считалъ себя какъ бы иноземцемъ, и это патріотическое предпочтеніе поддерживалось въ немъ частыми поѣздками на родной островъ. Когда совершился великій переворотъ 1789 г., на Корсикѣ ударъ этотъ отразился довольно поверхностно, ибо тамъ не имѣлось привилегированныхъ классовъ для уничтоженія. Островитяне сперва удовольствовались было просьбою о присоединеніи родины къ французскимъ провинціямъ, но потомъ надѣялись на возможность получить полную независимость. Національное собраніе присоединило однако же Корсику къ Франціи, прежде нежели Паоли успѣлъ выѣхать хлопотать объ отечествѣ. Онъ прибылъ въ Парижъ, когда дѣло уже было сдѣлано. Его приняли съ большими почестями, но декретъ остался во всей силѣ.

На слѣдующій годъ (въ іюлѣ 1790) Паоли возвратился въ Корсику, и возвращеніе его возбудило живѣйшій восторгъ между соотечественниками. Бонапарте находился въ то время на островѣ, и съ братомъ своимъ Іосифомъ игралъ дѣятельную роль въ небольшомъ муниципальномъ переворотѣ въ Аяччіо. Ему поручено было составить поздравительный адресъ генералу отъ города. Онъ съ радостью схватился за это порученіе, представлявшее ему возможность узнать ближе его героя. Паоли очень любезно и дружески обошелся съ сыномъ своего стариннаго друга. Онъ былъ пораженъ оригинальностью идей этого двадцатилѣтняго молодаго человѣка, энергіею, съ которою онъ выражался, силою его ума и замѣча-

тельнымъ закаломъ его характера. Не менѣе восхищался онъ его военными способностями, обнаружившимися въ фортификаціонныхъ планахъ, составленныхъ Наполеономъ для защиты острова. Паоли предсказалъ ему великую будущность.

Наполеонъ съ своей стороны чувствовалъ прежнее уваженіе къ генералу, простая и достойная личность котораго поддерживала высокое мнѣніе, внушенное его добродѣтелями. Одно только честолюбіе могло отдалить его отъ Паоли. Около этой эпохи, т. е. въ 1791 г., Наполеонъ напечаталъ первое свое политическое сочиненіе подъ заглавіемъ: „*Письмо къ Маттео Буттафуоко*“ (Lettre à Matteo Buttafuoco). Этотъ памфлетъ служитъ страстнымъ отраженіемъ мнѣній и чувствъ, волновавшихъ его въ ту пору. Въ немъ ясно видно, что, не смотря на французское воспитаніе, онъ остался истымъ корсиканцемъ и не могъ утѣшиться послѣ паденія своей родины. Въ письмѣ этомъ чувствуется злопамятство патріотизма, не могшаго простить побѣды Франціи, не смотря на превращеніе послѣдней въ 1789 г.

Это сочиненіе имѣло цѣлью защитить Паоли отъ несправедливыхъ нападокъ Буттафуоко, и было напечатано противъ желанія Паоли, который писалъ къ Бонапарте со скромностью и простотою, сродными великой душѣ: „Я хочу, чтобы обо мнѣ говорили только какъ о человѣкѣ, имѣвшемъ добрыя намѣренія.“

Буттафуоко былъ главнымъ орудіемъ Шуазеля со времени присоединенія острова къ Франціи, и получилъ отъ него вознагражденіе за свои услуги. Впослѣдствіи, будучи посланъ депутатомъ отъ корсиканскаго дворянства въ конституціонное собраніе, вмѣсто того, чтобъ стараться предать забвенію гнусную роль, игранную въ этой интригѣ, онъ въ самомъ собраніи оказался ярымъ противникомъ самыхъ справедливыхъ преобразованій. Всѣ эти политическія выходки были выведены на чистую воду, и записаны огненными чертами той политической пылкости, въ которой самая язвительная

насмѣшливость соединена съ пламеннымъ краснорѣчіемъ. Бонапарте, постоянный и любимый ораторъ тогдашнихъ народныхъ собраній, отдалъ прочесть письмо въ клубѣ Аяччіо, который принялъ его съ живѣйшими одобреніями и голосовалъ напечатаніе. Хотя письмо предназначалось собственно для Корсики, однако не теряло изъ вида Франціи и заключало въ себѣ полную чисто южнаго восторга, дань благоговѣнія къ могуществу французскаго общественнаго мнѣнія:—„О, Ламетъ! о, Робеспьеръ, о, Петіонъ, о, Вольней, о, Мирабо, о, Бернавъ, о, Бальи, о, Лафайетъ! Вотъ какой человѣкъ осмѣливается садиться между вами! Обрызганный кровью братьевъ, запятнанный всевозможными преступленіями,—онъ довѣрчиво является въ генеральскомъ мундирѣ—неправедной наградѣ за свои низости. Онъ смѣетъ называться представителемъ націи, которую продалъ, и вы его терпите! Онъ дерзаетъ подымать глаза, слушать ваши рѣчи, и вы его терпите! Онъ избранъ не народомъ, а какими нибудь двѣнадцатью дворянами. Это ли представитель народа! Аяччіо, Бастіа́ и большая часть кантоновъ сдѣлали съ его изображеніемъ (effigie) то, что хотѣли бы сдѣлать съ его собственною особою“.

Письмо къ Буттафуоко написано лучше, нежели что либо, вышедшее изъ-подъ пера Наполеона въ молодости. Будучи внушено искреннимъ патріотическимъ негодованіемъ, оно вылилось подъ вліяніемъ душевнаго волненія, и потому, не взирая на безобразящія его витійскія украшенія, носитъ отпечатокъ истиннаго чувства, чего нельзя сказать ни о рѣчи его, посланной на конкурсъ, предложенный Ліонскою академіею, относящейся къ той же эпохѣ, ни объ *Ужинѣ Бокэра* (Souper de Beaucaire) 1793 г.

Въ то время Наполеонъ, какъ и всѣ молодые люди его поколѣнія, находился подъ исключительнымъ почти вліяніемъ идей Жанъ-Жака Руссо, и, какъ бываетъ обыкновенно, подражалъ недостаткамъ своего образца предпочтительно предъ его достоинствами, что гораздо легче. Этому-то вліянію онъ

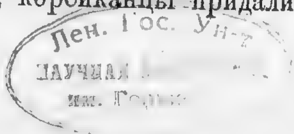
обязанъ своими горячечными порывами и восторженностью. Ведя гарнизонную жизнь въ Озоннѣ, онъ, по скудости средствъ, долженъ былъ подвергать себя лишеніямъ и соблюдать строжайшую умѣренность. Все свободное время онъ употреблялъ на воспитаніе брата Людовика, постановивъ себѣ закономъ не появляться никогда на пирушкахъ товарищей, усвоивъ стоическую внѣшность, а небрежность въ одеждѣ доходила у него до крайности. Въ этомъ настроеніи онъ написалъ „*Discours sur les verités et les sentiments qu'il importe le plus d'inculquer aux hommes pour leur bonheur*"— сочиненіе, посланное на конкурсъ въ Ліонскую академію.

Судя по пріемамъ, съ которыми онъ обработывалъ предметъ, и не смотря на восторженность, изобилующую въ сочиненіи, позволительно заключить, что онъ не имѣлъ никакого призванія къ профессіи моралиста. Слогъ его, который долженъ былъ впослѣдствіи сдѣлаться необыкновенно сжатымъ, и который въ первомъ его памфлетѣ весьма силенъ, здѣсь растянутъ, напыщенъ и не имѣетъ еще ни малѣйшей доли лаконизма, свойственнаго потомъ Наполеону Бонапарте. Надобно прочесть это разсужденіе для того, чтобъ имѣть понятіе о томъ, до какой степени великій умъ можетъ упасть низко, если пристрастіе увлекаетъ его на путь, противный его природѣ. Въ принадлежности этого сочиненія Наполеону сомнѣваться невозможно: онъ обличаетъ себя многими характеристическими чертами, а именно выговоромъ, съ которымъ онъ обращается къ своему благодѣтелю Рейналю, и восторженными похвалами Паоли. Извѣстно, впрочемъ, что разсужденіе это, отысканное въ Ліонѣ, угодливостью Талейрана, похожею, впрочемъ, на шалость, было сохранено вопреки Наполеону, бросившему оригиналъ и не подозрѣвавшему, что копія была списана Готривомъ. Развѣ это не доказательство подлинности? и кто бы въ авторѣ этого школьническаго упражненія, этой многорѣчивой, сантиментальной риторики, этихъ общихъ мѣстъ нелѣпой филантропіи,

этого паѳоса по образцу Флоріана, кто, въ авторѣ этого надутаго сочиненія, доходящаго порой до смѣшнаго, угадалъ бы генія, величайшаго полководца, долженствовавшаго вскорѣ выполнить такое ужасное назначеніе. И онъ не безнаказанно заставилъ себя пародировать чувства, которыхъ никогда не питалъ въ сердцѣ. И это разсужденіе, вмѣсто того, чтобъ быть увѣнчаннымъ, какъ ошибочно говоритъ *Mémorial de Sainte-Helène,* удостоилось отъ испытателя конкурса Вассельера слѣдующей любопытной надписи: „Разсужденіе это, можетъ быть, произведеніе *чувствительнаго человѣка*, но оно плохо расположено, очень нескладно, слишкомъ растянуто и весьма дурно написано, чтобъ стоило вниманія.“

Это заблужденіе ума, столь мало склоннаго къ гуманнымъ мечтаніямъ, не представляетъ ничего удивительнаго въ концѣ XVIII столѣтія. Это было не много раньше того, какъ Робеспьеръ кропалъ свои мадригалы для академіи Розати. Характеръ Бонапарте обнаружился въ истинномъ свѣтѣ при обстоятельствѣ, доселѣ малоизвѣстномъ вообще. Вся жизнь его объясняется этимъ коротенькимъ эпизодомъ. Оно доказываетъ, что ни одно изъ хорошихъ или дурныхъ качествъ человѣка не обнаруживается, прежде чѣмъ не обличитъ сперва какимъ нибудь способомъ своего присутствія. Характеры не образуются вслѣдствіе внезапныхъ вспышекъ, но какіе нибудь элементы ихъ остаются незамѣченными, пока тотъ или другой случай не заставитъ ихъ появиться на свѣтъ. Только вслѣдствіе самаго произвольнаго вымысла, нѣкоторые историки показывали намъ нѣсколько послѣдовательныхъ характеровъ въ одной и той же личности.

Законъ о національной гвардіи произвелъ въ Корсикѣ большее нежели гдѣ нибудь движеніе — результатъ, который очень легко предвидѣть въ странѣ, только-что покоренной. Законъ этотъ, вооружая всѣхъ гражданъ, давалъ нѣкоторый перевѣсъ мѣстнымъ силамъ надъ силами метрополіи. Вслѣдствіе этого, корсиканцы придали особую важность вы-

борамъ, долженствовавшимъ назначить начальниковъ въ эту милицію. Хотя Наполеонъ и служилъ офицеромъ въ дѣйствующей арміи, однако, воспользовавшись многими безпорядками, внесенными революціею въ службу, и находясь въ то время въ отпуску, добивался званія батальоннаго командира національной гвардіи въ Аяччіо, нѣкотораго залога популярности, а слѣдовательно и повышенія, такъ какъ популярность была тогда источникомъ всякой власти. Званіе это, самое высшее въ милиціи Аяччіо, оспаривали у Бонапарте многіе богатые и вліятельные конкурренты, надежды на успѣхъ которыхъ были серьезнѣе надеждъ Наполеона. Но Бонапарте успѣлъ помочь бѣдѣ своею дѣятельностью: для того, чтобъ пріобрѣсти себѣ новыхъ сторонниковъ и разгорячить старыхъ, онъ употребилъ рвеніе и силу, необыкновенныя въ столь молодомъ человѣкѣ. Онъ купилъ готовыхъ продать себя, и старался запугать тѣхъ, которыхъ не могъ купить: для того, чтобъ пріобрѣсти избирателей, онъ пустилъ въ ходъ все — и деньги, и обѣщанія, и угрозы, и семейныя и дружескія связи.

Вскорѣ городъ раздѣлился на двѣ партіи, и число приверженцевъ молодаго Бонапарте возрасло до такой степени, что почти могло равняться съ количествомъ его противниковъ. Но склонить на свою сторону народъ не составляло еще всего,—необходимо еще было согласіе комиссаровъ, которымъ конституціонное собраніе поручило формированіе батальоновъ. Имѣть ихъ противъ себя значило потерять дѣло. Обѣ стороны, казалось, рѣшились заявить имъ взаимныя жалобы и избрать ихъ судьями, и съ нетерпѣніемъ ожидали ихъ къ выборамъ.

Наконецъ комиссары прибыли, и важнѣйшій изъ нихъ, Мюратъ, остановился у Маріуса Перальди, главнаго соперника Наполеона Бонапарте. Это значило, что Мюратъ былъ за кандидатуру Перальди, но не производя никакого подозрительнаго вліянія на общественное мнѣніе. Бонапарте не пред-

видѣлъ этого удара, разрушавшаго его планы, такъ сказать, безъ боя, и когда узналъ объ этомъ, то пришелъ въ необыкновенную ярость. Онъ становился поочередно то мрачнымъ, то убитымъ, то нерѣшительнымъ. Оставить дѣло на произволъ судьбы,—все равно что предоставить противникамъ вѣрную побѣду; борьба тоже представляла не меньше опасностей Безпокойный, встревоженный, онъ провелъ большую часть дня въ бесѣдѣ съ самыми близкими людьми, не смѣя рѣшиться ни на что, пытаясь объясниться полусловами, въ надеждѣ, что его избавятъ отъ отвѣтственности за какое нибудь неосновательное рѣшеніе. Наконецъ, видя, что никто не хотѣлъ брать на себя почина, рѣшился дѣйствовать самъ.

Передъ вечеромъ, когда Перальди сидѣлъ за обѣдомъ, къ нимъ кто-то громко постучался. Не успѣлъ слуга отворить какъ въ дверь ворвались вооруженные люди и бросились на испуганныхъ гостей. Мюратъ предался бѣгству. Его схватили и силою отвели въ домъ Бонапарте. Наполеонъ съ волненіемъ ожидалъ результата экспедиціи. Пересиливъ свое смущеніе и показывая спокойный видъ, онъ очень любезно встрѣтилъ своего плѣнника. „Я хотѣлъ, чтобъ вы были совершенно свободны, сказалъ онъ:—а вы не были свободны у Перальди.“ Будучи пораженъ подобною дерзостью и послѣдствіями, какія повлекло бы за собою сопротивленіе, комиссаръ не счелъ нужнымъ протестовать, а еще менѣе возвратиться туда, откуда его взяли.

На другой день совершились выборы, и Бонапарте былъ назначенъ батальоннымъ командиромъ. Поццо-ди-Борго хотѣлъ протестовать съ трибуны противъ насилія, сдѣланнаго комиссару, и противъ устрашеній, повредившихъ искренности выборовъ, но его схватили снизу за ноги, бросили на землю и непремѣнно затоптали бы, еслибъ не вмѣшался и не спасъ его самъ Бонапарте. Дѣло было замято, благодаря изумительной быстротѣ, съ какою совершались событія въ Парижѣ, и

Бонапарте остался батальоннымъ командиромъ [3]); но если бы *совѣтъ пятисотъ* зналъ наканунѣ 18 брюмера эту черту изъ его жизни, то не собрался бы въ Сенъ-Клу [4]).

Между тѣмъ революція продолжала свое бурное шествіе. Кормило правленія захватили жирондисты послѣ паденія конституціоналистовъ, и все уже предвѣщало, что оно скоро ускользнетъ изъ ихъ ослабѣвшихъ рукъ. Въ Аяччіо вспыхнуло возмущеніе. По возстановленіи порядка, Бонапарте, котораго военный министръ Лайярдъ лишилъ чина въ артиллеріи, служившаго Наполеону синекурою, отправился въ Парижъ оправдаться въ продолжительномъ отсутствіи и вмѣстѣ въ роли, которую онъ игралъ въ подавленіи этихъ смутъ, въ качествѣ командира батальона національной гвардіи. Благодаря вліятельнымъ покровителямъ, онъ снова былъ принятъ въ армію. Этому-то обстоятельству онъ обязанъ тѣмъ, что ему удалось быть свидѣтелемъ нѣскольких славныхъ дней республики, именно 20 іюля, 10 августа и 10 сентября. Легко угадать, какое дѣйствіе на его столь положительный умъ должно было произвести зрѣлище подобнаго бѣшенства и разнузданныхъ страстей. Онъ никогда твердо не вѣрилъ въ принципы, а теперь эта вѣра была совершенно уничтожена; но вмѣсто того, чтобъ быстро перейдти въ противоположный лагерь, какъ это случается обыкновенно, онъ остался рѣшительнымъ, болѣе нежели когда нибудь, сторонникомъ идей, которымъ болѣе не вѣрилъ, и

---

[3]) Біографъ, сообщившій эти малоизвѣстные факты, основанные на свѣдѣніяхъ, собранныхъ на мѣстѣ, былъ старинный корсиканскій чиновникъ; въ этой продѣлкѣ молодости онъ видитъ лишнюю блестку славы для Наполеона, ибо прибавляетъ въ видѣ заключенія: «въ его сердцѣ былиглубоко напечатлѣны чувства чести, добродѣтели и свободы.»

Пр. автора.

[4]) 18 брюмера VIII г. совѣтъ этотъ, переведенный въ Сенъ-Клу изъ *залы Манежа,* былъ разогнанъ силою генераломъ Бонапарте.

Пр. перевод.

готовый въ случаѣ нужды идти съ людьми, которыхъ презиралъ. При врожденной любви къ порядку и власти, онъ не могъ безъ отвращенія видѣть мятежъ и невоздержность народныхъ побѣдъ, и извѣстно его сожалѣніе, высказанное 20 іюля Буррьену, что „не вымели всю эту сволочь.“ Но сила не имѣла ни малѣйшаго обаянія на его умъ, и съ того дня какъ онъ узналъ неодолимое могущество движенія, онъ слѣдовалъ ему до конца, не смотря на отвращеніе и не оспаривая у него ни хода, ни событій.

Сквозь преувеличенное мнѣніе, которое онъ началъ обнаруживать съ тѣхъ поръ, до той минуты, когда оно перестало быть ему полезнымъ, вы видите человѣка, который судитъ революцію въ качествѣ зрителя, а Францію почти какъ иностранецъ; который на столько же отрѣшенъ отъ страстей своего времени, насколько занятъ собственными интересами, не скомпрометируетъ себя никогда въ дѣлѣ погибшемъ или колеблющемся, однимъ словомъ, политика котораго будетъ заключаться въ томъ, чтобъ слѣдовать по теченію и согласоваться съ рѣшеніемъ большинства, чтобъ извлечь изъ обстоятельства наибольшую выгоду. Одинъ только разъ онъ былъ скомпрометированъ, но и то не за дѣло, внушавшее ему наиболѣе симпатіи, а за то, которое показало больше силы и строгости при исполненіи власти, и которое, казалось, было призвано установить судьбы революціи.

Это путешествіе въ Парижъ въ подобную минуту способно было заставить его задуматься, и произвело совершенное преобразованіе въ его идеяхъ. Ничто до такой степени не способствовало ему узнать людей, революцію, научиться искусству пользоваться страстями, притворяясь, что ими пользуешься. Такъ какъ эмиграція отняла у арміи болѣе трехъ четвертей офицеровъ, то людямъ, принявшимъ сторону революціи, обезпечивалась быстрая и блестящая карьера. Сравнивъ безграничное почти поприще, представляемое ему революціею, съ узкимъ и оспариваемымъ поприщемъ, ожи-

давшимъ его на родинѣ, съ тѣхъ поръ онъ привязался къ судьбѣ Франціи, которой служилъ дотолѣ только потому, что не имѣлъ возможности посвятить себя всецѣло своему настоящему отечеству. Онъ сближался съ революціею тѣснѣе по мѣрѣ того, какъ соотечественники его, испуганные злоупотребленіями, происходившими въ Парижѣ, болѣе отъ нея отдалялись. Разномысліе это постоянно усиливалось, такъ что настало время, когда ему пришлось дѣлать выборъ между прежнею и новою родиною.

Корсиканцы знали только по слуху привилегіи и злоупотребленія, такъ долго тяготѣвшія надъ Франціею, видѣли только не оправдываемое варварство въ кровавомъ возмездіи, сопровождавшемъ паденіе этихъ привилегій и злоупотребленій. Революціонное законодательство со своими категоріями подозрительныхъ и систематическими убійствами казалось имъ изступленнымъ бредомъ непростительной жестокости. Они хотѣли избавиться отъ этого во что бы то ни стало. Они уже предвидѣли, что ихъ священники, на которыхъ они не имѣли ни малѣйшаго повода жаловаться, должны были подвергнуться одной участи съ французскимъ духовенствомъ, и страхъ этотъ породилъ безпокойство, смѣшанное съ раздраженіемъ въ народѣ, преданномъ религіи.

Подъ скромныхъ именемъ президента департаментской директоріи, Паоли дѣйствительно управлялъ Корсикою въ родѣ самовластнаго начальника. Популярность его на родинѣ дала ему власть, хотя и замаскированную, но гораздо болѣе существенную, чѣмъ власти французскія. Судя по этимъ обстоятельствамъ, можно было догадываться, что не далеко время, когда его соотечественники должны были снова завладѣть независимостью, для которой онъ принесъ столько напрасныхъ жертвъ; онъ приготовлялъ постепенно умы въ смыслѣ этой революціи. Онъ открыто заявилъ свое негодованіе при извѣстіи о сентябрскихъ убійствахъ и о смерти короля. Бонапарте, который прибылъ въ Корсику, весь проникнутый французскимъ

вліяніемъ, не присоединился ни къ чувствамъ, ни къ намѣреніямъ Паоли. Генералъ не замедлилъ замѣтить перемѣну, происшедшую въ идеяхъ молодаго его любимца; онъ уже чувствовалъ значительное охлажденіе къ Наполеону за непомѣрное честолюбіе, которое имѣлъ случай въ немъ замѣтить. Бонапарте съ своей стороны питалъ неудовольствіе къ Паоли за то, что послѣдній упорно противился неумѣреннымъ требованіямъ. Ихъ окончательно разлучило это народное движеніе, въ которомъ за Паоли слѣдовало огромное большинство соотечественниковъ.

Разрывъ, временно лишившій насъ Корсики, послѣдовалъ во время краткаго отсутствія Бонапарте. По возвращеніи изъ сардинской экспедиціи, въ которой французскій флотъ, подъ начальствомъ адмирала Трюге, тщетно пытался овладѣть этимъ островомъ, Бонапарте засталъ на родинѣ дѣятельное вооруженіе. Конвентъ послалъ на Корсику комиссаровъ съ порученіемъ отрѣшить Паоли и объявить ему приказаніе явиться въ Парижъ для объясненій. Мѣры эти оказались однакоже неудобоисполнимы, и его назначили главнокомандующимъ итальянскою арміею—грубая ловушка, имѣвшая цѣлью привлечь его во Францію; но назначеніе, поразившее послѣдовательно Бирона, Ансельма и Брюнета, слишкомъ ясно говорило о готовившейся ему долѣ: онъ отказался отъ чести, предложенной для того, чтобы погубить его, и вскорѣ потомъ былъ объявленъ лишеннымъ покровительства закона. Корсика поднялась поголовно для защиты великаго своего гражданина.

Будучи принужденъ искать могущественнаго покровителя для своей родины, Паоли обратился къ Англіи, флотъ которой легко могъ отрѣзать намъ сообщеніе и защитить островъ отъ высадки. Сторонники Франціи немедленно почувствовали свое безсиліе предъ единодушіемъ патріотовъ, и нигдѣ не обнаруживали серьезнаго сопротивленія. Очутясь въ необходимости избрать или независимость родины, или преиму-

щества, которыя обѣщала ему вѣрность къ Франціи, Бонапарте одно время колебался: въ бумагахъ его молодости нашли даже проэктъ защиты Паоли предъ Конвентомъ, но проэктъ этотъ оставался черновымъ. Авторъ *письма къ Буттафуоко*, сдѣлавшись противникомъ того самаго народнаго движенія, за которое ратовалъ прежде съ такимъ пыломъ, составилъ втайнѣ родъ заговора въ Аяччіо, съ цѣлью захватить цитадель и предать городъ французской республикѣ. Но не смотря на дѣятельность и изумительную настойчивость, употребленныя имъ для исполненія этого намѣренія, онъ только подвергъ опасности себя и своихъ сторонниковъ. Его преслѣдовали, объявили измѣнникомъ отечества, такъ что онъ спасся съ большимъ трудомъ. Домъ Бонапарте былъ разграбленъ, мать его и сестры, будучи принуждены бѣжать, увидѣли себя въ необходимости, по примѣру его, скрыться на континентъ, и вскорѣ на островѣ не осталось ни одного явнаго сторонника Франціи (май 1793).

Поселивъ свое семейство въ Марсели, гдѣ оно жило нѣкоторое время въ довольно плохомъ положеніи, Бонапарте уѣхалъ въ итальянскую армію, въ которой служилъ въ чинѣ капитана артиллеріи. Франція тогда находилась въ судорогахъ ужаснаго переворота, въ которомъ погибла Жиронда, а вмѣстѣ съ нею и свобода. Онъ участвовалъ съ своимъ полкомъ въ подавленіи возстанія въ южныхъ департаментахъ и даже присутствовалъ нѣкоторое время, сколько можно догадываться, при осадѣ Ліона. Достовѣрнѣе всего, что онъ самъ наводилъ орудія Карно, когда послѣдній выбивалъ изъ Авиньона марсельскихъ федералистовъ. Послѣ этихъ-то военныхъ подвиговъ, впрочемъ неважныхъ, т. е. въ концѣ іюля 1793 г., онъ написалъ и напечаталъ „*Ужинъ Бокэра*".

Сочиненьице это, написанное съ притворнымъ безпристрастіемъ, сквозящимъ на каждой страницѣ, умѣренное по формѣ (хотя нельзя сказать того же о содержаніи), служитъ явною апологіею *coup d'état* Горы. Въ немъ нѣтъ ни увле-

ченія, ни искренняго жара, ни язвительной ироніи *Письма къ Буттафуоко.* Очевидно, оно написано не подъ вліяніемъ энтузіазма, а дѣло разсчета. Дѣйствительно, Бонапарте не разъ сознавался, что пока продолжалась борьба, всѣ его симпатіи были на сторонѣ жирондистовъ. Не имѣя возможности скрыть своихъ связей съ монтаньярскою партіею, которыя едва не стоили ему жизни, онъ думалъ достаточно оправдать ихъ, сказавъ, что съ его стороны это было не болѣе какъ дѣломъ честолюбія.

Въ „Ужинѣ Бокэра" встрѣчаются довольно общія мысли, выраженныя слогомъ, замѣчательнымъ только частыми итальянизмами, но который, къ удивленію, становится твердымъ и сжатымъ каждый разъ, когда авторъ излагаетъ свои военныя познанія. Доказательство, на которое онъ опирается съ бо́льшею силою, и которое наиболѣе сдѣлало на него впечатлѣнія, ясно показываетъ, что онъ дѣйствовалъ въ пользу Горы вслѣдствіе ея успѣха, тогда уже несомнѣннаго. Доказательство это не что иное какъ вѣчный софизмъ, съ помощью котораго всегда оправдывалось насиліе, прикрывая его ненарушимостью самого отечества.

„Я не ищу, пишетъ онъ говоря о Жирондистахъ:—дѣйствительно ли эти люди, оказавшіе въ столькихъ случаяхъ и такъ много заслугъ народу, злоумышляли противъ него: мнѣ достаточно знать, что такъ какъ Гора, руководствуясь ни общимъ духомъ или духомъ партій, дошла относительно ихъ до послѣднихъ крайностей, то *бриссотены* [5]) погибли подъ бременемъ гражданской войны, которая ставила ихъ въ положеніе предписывать непріятелю.... Еслибъ они заслужили первую репутацію, они бросили бы оружіе при видѣ конституціи и пожертвовали бы личными интересами общему благу; но легче цитировать Деція нежели подражать ему;

---

[5]) Политическая партія. *Прим. перевод.*

они оказались виновными въ величайшемъ изъ преступленій" и проч.

Значитъ, теорія совершившихся фактовъ далеко не изобрѣтеніе нашего времени. Въ основаніи этой доктрины замѣчательно отсутствіе всякаго правила и всякаго принципа, ибо если побудительныя причины, выведенныя противъ жирондистовъ, были законны, то не во сто ли разъ справедливѣе они должны были защищать этихъ людей, представлявшихъ законное правительство противъ довольно безчестныхъ для конвента ловушекъ, какъ напримѣръ дни 31 мая и 2 іюня. И если гражданская война такое тяжелое преступленіе, то на кого же какъ не на первыхъ притѣснителей должна была пасть отвѣтственность за нее. Доказательство это сводилось лишь къ тому, чтобъ сказать, что присоединиться къ Горѣ было дѣломъ гражданскаго мужества, ибо Гора убѣдила, что она была сильнѣе. Мысль эта сто разъ встрѣчается въ *Ужинѣ Бокэра*, и авторъ усиливается придать ей ясность аксіомы; но ему удается только доказать,—какъ сильно она овладѣла его душою. Вотъ почему въ этой маленькой брошюркѣ слышится тонъ необыкновеннаго позитивизма. Легко угадать рѣдкое хладнокровіе и раннее искусство въ манерѣ, съ какою обходились затрудненія. Авторъ тщательно старается не скомпрометировать себя окончательно съ партіею, которой онъ держалъ сторону; онъ возражаетъ противникамъ и сохраняетъ наружный видъ безпристрастія. Прибавимъ какъ послѣднюю черту, что Наполеонъ здѣсь топчетъ въ грязь Паоли—кумира своей молодости. Онъ обвиняетъ Паоли, что онъ обманулъ народъ, раздавилъ истинныхъ друзей свободы, увлекъ соотечественниковъ въ свои честолюбивые, преступные замыслы, ограбилъ магазины, продавая по дешевой цѣнѣ все, что у нихъ находилось, чтобъ имѣть деньги для поддержки возстанія, и проч.

Довольно! Въ минуту, гдѣ исторія овладѣваетъ Бонапарте, разсчетъ и честолюбіе берутъ у него верхъ надъ всѣми побужденіями. Вотъ онъ освобождается отъ щекотливости общественнаго мнѣнія, внѣ всякихъ историческихъ увлеченій, въ наилучшихъ отношеніяхъ съ побѣдителями, не разойдясь и съ побѣжденными; откинулъ всѣ юношескія благородныя мечтанія и измѣряетъ взоромъ безграничное поприще, открывающееся передъ нимъ. Этому предъизбраннику славы единственнымъ совѣтникомъ будетъ его ненасытный геній, — а закономъ нѣкоторый идеалъ величія, и то, что онъ самъ называетъ обстоятельствами (circonstances), т. е. совершившіеся факты, успѣхъ, счастье. Придетъ случай—онъ не упуститъ имъ воспользоваться, и этотъ случай не замедлилъ ему явиться самымъ неожиданнымъ и блестящимъ образомъ.

ГЛАВА II.

Осада Тулона и 13-е вандемьера.

Былъ сентябрь 1793 г., и республиканскія войска осаждали Тулонъ. По примѣру Марсели, Ліона, Бордо и Каэна, городъ этотъ возмутился противъ якобинской диктатуры, сдѣлавшейся могущественною съ тѣхъ поръ, какъ чернь подняла руку на представителей націи. Вскорѣ потомъ, будучи устрашены ужасами, съ какими подавлено было это непрочное возмущеніе, и увлеченные роялистскими страстями, незамедлившими овладѣть движеніемъ, начатымъ во имя героической и несчастной Жиронды, тулонцы отворили коалиціи ворота своего города, сдѣлавшагося огромнымъ и передовымъ постомъ вторженія. Крѣпость защищалъ многочисленный гарнизонъ, составленный изъ различныхъ племенъ. Бѣглецы, спасшіеся отъ марсельскихъ и ліонскихъ убійствъ, изгнанники, между которыми находилось столько оттѣнковъ мнѣній, сколько въ революціи было побѣждено партій, заблужденные французы, незамѣчавшіе въ своемъ бреду, что разрывали грудь собственнаго отечества, разсчитывая сражаться противъ партіи, — стояли рядомъ съ солдатами всевозможныхъ странъ, которыхъ коалиція бросила на наши прибрежья Средиземнаго моря, чтобъ этою диверсіею подкрѣпить и возмущеніе въ Вандеѣ, и нападеніе, сдѣланное на наши

сѣверныя провинціи. Въ своей поспѣшности—овладѣть этою богатою добычею, англійская эскадра быстро собрала для высадки въ Тулонъ всевозможныя войска, какія только находились на берегахъ Средиземнаго моря: здѣсь были англичане, сардинцы, испанцы, неаполитанцы,—однимъ словомъ космополитическій сбродъ, имѣвшій единственною связью—общую ненависть. Даже самъ папа захотѣлъ споспѣшествовать коалиціонерамъ, посылая имъ поповъ и монаховъ.

Войско Конвента состояло изъ двухъ армейскихъ корпусовъ, раздѣленныхъ горою Фарономъ, этою неприступною преградою. Они составляли неслыханную смѣсь безпорядка, неопытности и дикаго величія, будучи сформированы частью изъ людей, явившихся послѣ покоренія Марсели, частью изъ отрядовъ альпійской арміи, и безпрерывно подкрѣплялись воинами того разлива мильона двухсотъ тысячъ человѣкъ, которымъ революція, атакованная со всѣхъ сторонъ, обдавала своихъ враговъ, какъ лавою волкана. Здѣсь существовали всевозможные контрасты и всевозможная неурядица страшнаго хаоса, ихъ породившаго: здѣсь сталкивались и рвеніе, и невѣжественный восторгъ, и демагогическій пылъ, и отъявленная храбрость, и страшное высокомѣріе. Войска эти, составлявшія ядро итальянской арміи, освоенныя заранѣе съ нашими гражданскими неурядицами, не отличались чистотою и безкорыстіемъ тѣхъ войскъ, которыя никогда не служили орудіемъ для мщенія партій; но въ высшей степени обладали фанатизмомъ революціи. Безъ вождей, безъ запасовъ, безъ организаціи и дисциплины, имѣя предъ собою непріятельскія орудія, а сзади эшафотъ, армія эта черпала единственную силу въ мрачной и непоколебимой рѣшимости, которую умѣли вдохнуть во всѣхъ; но этого уже было достаточно, чтобъ не сомнѣваться въ успѣхѣ. Такъ какъ большинство офицеровъ погибло частью во время войны, а частью подверглось изгнанію, то для того, чтобъ сдѣлаться командиромъ, достаточно было показать смѣлость или патріотизмъ,

и самыя высокія должности достались людямъ энергическимъ, но не имѣвшихъ самаго элементарнаго понятія о военномъ искусствѣ.

Простые солдаты быстро достигали генеральства, артиллерійскіе сержанты командовали батареями; эксъ-артистъ, живописецъ Карто назначенъ командиромъ главнаго корпуса арміи, назначеннаго дѣйствовать на правомъ флангѣ; вскорѣ его замѣстилъ медикъ, савояръ Доппе́. Эксъ-маркизъ, избавившійся отъ подозрѣнія только потому, что обнаруживалъ изступленныя мнѣнія, генералъ Лапойпъ командовалъ на лѣвомъ флангѣ. Еще выше ихъ стояли, облеченные почти безграничною властью, комиссары Конвента: Саличетти, Альбиттъ, Гаспаренъ, Фреронъ и Баррасъ, которые, не взирая на возраставшее значеніе арміи, съ тѣхъ поръ какъ она приняла участіе въ нашей внутренней борьбѣ, представляли еще превосходство, довольно неограниченное, гражданскихъ властей надъ военными.

Не смотря на рвеніе республиканскихъ войскъ, осада шла медленно. Хотя они и взяли съ обычною храбростью Оліюльскія ущелья и другія дефилеи, защищавшія подходъ къ городу, но усилія ихъ оказались безуспѣшны у подошвы тулонскихъ укрѣпленій, и они не могли сдѣлать ничего серьезнаго противъ страшной крѣпости. Безспорно, что въ день осады горячность не можетъ замѣнить ученыхъ распоряженій, которыя только одни могутъ обезпечивать успѣхъ. Главнокомандующій Карто не зналъ даже приблизительно, на какое разстояніе хватали орудія; все было разстроено, въ арміи недоставало необходимѣйшихъ инструментовъ для постройки редута, и какъ у каждаго былъ свой планъ взятія Тулона, то все дѣлалось на авось, безъ единства, безъ руководящаго направленія. Среди страшнаго разстройства этихъ суетливыхъ и сбивчивыхъ приготовленій, прибылъ въ лагерь Бонапарте.

Онъ отправлялся изъ Авиньона въ Ницу, гдѣ находилась главная квартира итальянской арміи, и, проѣзжая мимо Тулона, захотѣлъ увидѣться съ своимъ землякомъ Саличетти, бывшимъ при осадѣ въ качествѣ комиссара [6]). Послѣдній представилъ его главнокомандующему. Карто поспѣшилъ показать вновь прибывшему батареи, устроенныя съ цѣлью громить англійскій флотъ. Онѣ были расположены по крайней мѣрѣ на три выстрѣла отъ ближайшаго корабля. Бонапарте много стоило труда удержаться, чтобъ не выказать презрѣнія при видѣ подобнаго невѣжества и тщеславія; но ему легко было разсѣять самообольщеніе Карто, ибо снаряды едва достигали до берега. Смущенный Карто сваливалъ вину на дурное качество пороха. Замѣчанія молодаго офицера и предложенныя имъ распоряженія показали такое пониманіе дѣла и такую рѣшимость, что комиссары, находившіеся при этомъ разговорѣ, были имъ поражены и тотчасъ же уволили его отъ службы въ итальянской арміи.

---

6) Наполеонъ разсказываетъ въ своихъ *Запискахъ*, диктованныхъ на островѣ св. Елены, что онъ былъ посланъ изъ Парижа комитетомъ общественной безопасности къ осадѣ Тулона съ порученіемъ командовать артиллеріею, и всѣ почти историки повторили эту ошибку. Наполеона опровергли не только братъ его Іосифъ и Мормонъ, боевые товарищи его при осадѣ Тулона, но и собственная его корреспонденція, въ которой онъ, подтверждая ихъ свидѣтельство, выражается слѣдующимъ образомъ: „*Когда народные представители удержали меня въ арміи передъ Тулономъ и поручили мнѣ командованіе артиллеріею*". Онъ скрылъ это обстоятельство въ *Запискахъ*, чтобъ не сознаться въ одолженіи, сдѣланномъ ему тогда Саличетти, который впослѣдствіи былъ его врагомъ. Здѣсь будетъ умѣстно заявить разъ навсегда, что *Записки* Наполеона изобилуютъ ошибками и пропусками, иногда неумышленными, а чаще разсчитанными. Что же касается до *Записокъ* Лас-Каза, который говоритъ здѣсь, что это были замѣтки, найденныя въ артиллерійскомъ бюро о Наполеонѣ, которыя заставили обратить на него вниманіе за осаду Тулона, то онъ никогда почти не приводитъ ни точныхъ свѣдѣній, и что хуже—не представляетъ событія въ истинномъ свѣтѣ. Въ нихъ замѣтенъ характеръ и слогъ Лас-Каза гораздо болѣе, нежели характеръ и слогъ Наполеона. *Прим. автора.*

Съ этихъ поръ батальонный командиръ Бонапарте дѣйствительно начальствовалъ артиллеріею, а слѣдовательно, и главнѣйшею частью операцій осады. Онъ заявилъ себя достойнымъ благосклонности, ниспосланной ему судьбою, и заявилъ это посредствомъ способа, съ помощью котораго съумѣлъ ею воспользоваться. Въ теченіе нѣсколькихъ дней часть его была преобразована съ невѣроятною дѣятельностью. Изъ Ліона, Гренобля, Марсели и изъ сосѣднихъ городовъ онъ вытребовалъ все, въ чемъ ощущался недостатокъ—офицеровъ, орудія и военные припасы; многія батареи были устроены на позиціяхъ, съ которыхъ онѣ причиняли большой вредъ непріятелю. Онъ сдѣлался необходимымъ человѣкомъ. Онъ такъ съумѣлъ повліять на всѣхъ, что генералъ Дютель, посланный въ Тулонъ для командованія артиллеріею, не думалъ даже ни минуты оспаривать у него диктатуру, учрежденную Наполеономъ по необходимости, и изъ которой онъ дѣлалъ такое отличное употребленіе.

Чрезъ нѣсколько дней главнокомандующій созвалъ военный совѣтъ, чтобъ рѣшить окончательно планъ нападенія. Тамъ прочли инструкціи, присланныя изъ Парижа комитетомъ общественной безопасности. Сочиненныя въ военномъ министерствѣ, столь далеко отъ театра дѣйствія, онѣ предписывали арміи всѣ условія правильной осады, которыя, принимая во вниманіе силу и развитіе защиты, не могли не быть весьма трудными и продолжительными. Одна полная блокада требовала 60,000, а осадный корпусъ имѣлъ едва 25,000. Начальники частей, имѣвшіе кое-какія военныя познанія, не могли не видѣть затруднительности подобнаго проэкта; но многочисленные и весьма недавніе примѣры показывали, какъ опасно генералу оспаривать планы страшнаго комитета. Они знали по собственному опыту, что неудача запрещалась наравнѣ съ неповиновеніемъ, и что несчастье не разъ наказывалось также какъ и преступленіе. Поставленные между страхомъ и долгомъ, они держались

критики, доказывавшей только ихъ смущеніе. Однако же въ этомъ совѣтѣ возвысился одинъ голосъ противъ инструкціи комитета, и этотъ голосъ принадлежалъ молодому начальнику артиллеріи.

Онъ утверждалъ, что не было никакой необходимости въ правильной осадѣ. По его мнѣнію, вся сила гарнизона, состоявшаго изъ иностранныхъ войскъ, заключалась въ эскадрѣ, ибо эскадра доставляла ему подкрѣпленія и обезпечивала отступленіе. Стоило только заставить эскадру удалиться отъ Тулона, то гарнизонъ, видя себя блокированнымъ и будучи увѣренъ рано или поздно сдѣлаться военно-плѣннымъ, предпочелъ бы очистить городъ, уничтоживъ всѣ запасы, нежели продолжать защиту, исходъ которой не могъ подлежать сомнѣнію. Для прогнанія эскадры достаточно было овладѣть пунктомъ, чтобъ артиллерія могла обстрѣливать двойной рейдъ, въ глубинѣ котораго расположенъ Тулонъ. Этотъ пунктъ существовалъ именно на оконечности мыса Эгвильеттъ, раздѣлявшаго оба рейда. Окончивъ этотъ неожиданный планъ, Наполеонъ положилъ палецъ на указанный пунктъ на картѣ и сказалъ: „Тамъ Тулонъ".

Это внушеніе генія тѣмъ замѣчательнѣе, что оно было основано не на простомъ разсчетѣ матеріальныхъ силъ, но на глубокомъ пониманіи побудительныхъ причинъ, долженствовавшихъ руководить непріятелемъ. Таково было первое созданіе этого великаго полководца, и до сихъ поръ сохранился подробный рапортъ, въ которомъ онъ, болѣе чѣмъ за мѣсяцъ до паденія крѣпости, представлялъ военному министру этотъ планъ, предсказанія котораго съ минуты на минуту должны были осуществиться.

Когда предложенія начальника артиллеріи были наконецъ приняты на второмъ военномъ совѣтѣ, созванномъ генераломъ Дюгомье, храбрымъ и опытнымъ воиномъ, котораго комитетъ общественной безопасности рѣшился послать преемникомъ живописца Карто и медика Доппè, обстоятельства

незамедлили принять новый оборотъ. Всѣ усилія осаждавшихъ устремились на фортъ Мюльгравъ, который защищалъ подступъ къ мысу Эгвильеттъ. Англичане съ своей стороны понимали важность этой позиціи; они тамъ построили нѣсколько сильныхъ редутовъ и назвали Мюльгравъ малымъ Гибралтаромъ. Съ цѣлью произвести диверсію, они сдѣлали большую вылазку, которая сперва увѣнчалась успѣхомъ, но потомъ энергически была отбита самимъ Бонапарте, который получилъ рану въ этой схваткѣ. Намъ достался въ плѣнъ англійскій генералъ О'Гара.

Вслѣдствіе этого, линія огня, окружавшая крѣпость, стала еще больше, и въ продолженіе нѣсколькихъ дней фортъ Мюльгравъ послѣдовательно былъ осыпаемъ градомъ снарядовъ. 18 декабря брешь показалась достаточною, и послѣдовало приказаніе взять Мюльгравъ приступомъ. Послѣ многихъ безполезныхъ попытокъ, одинъ батальонъ подъ командою Мюирона, будущаго адъютанта, проникъ наконецъ въ фортъ, изрубилъ прислугу при орудіяхъ, которыя и поворотилъ противъ англо-испанской эскадры. Будучи не въ состояніи защищаться, фортъ былъ ночью очищенъ, и, какъ говорилъ Наполеонъ,—Тулонъ былъ взятъ.

Но городъ находился еще въ полной безопасности. Главныя укрѣпленія его были нетронуты, имъ даже не грозила серьезная опасность, и при видѣ разстоянія, на которомъ находились республиканскія батареи отъ городскихъ стѣнъ, жители Тулона могли разсчитывать на весьма продолжительную осаду. А между тѣмъ уже осуществлялось предсказаніе Бонапарте, и англійскій флотъ начиналъ отступательное движеніе, за которымъ должно было неминуемо послѣдовать очищеніе города. Съ неописаннымъ изумленіемъ узнали тулонцы, что эскадра готовилась удалиться, и что суда были готовы для желавшихъ покинуть городъ. Испуганная толпа въ отчаяніи бросилась на суда, чтобы спастись отъ мщенія республиканцевъ. Болѣе пятнадцати тысячъ жи-

телей оставили такимъ образомъ родныя пепелища. Городъ скоро почти опустѣлъ и очутился во власти каторжниковъ, разбившихъ свои цѣпи. Наступившая ночь увеличила смятеніе, господствовавшее въ портѣ. Вдругъ столбъ пламени блеснулъ надъ арсеналомъ и вскорѣ другой показался среди рейда: это непріятель, предъ уходомъ, жегъ наши суда и наши магазины. Республиканцы заняли очищенные форты и ядрами начали потоплять суда, на которыхъ спасались тулонцы.

На другой день войска Конвента вступили въ безмолвный и испуганный городъ. Въ слѣдующіе дни нѣсколько сотъ жителей, не считавшіе себя обязанными уходить, взятые на публичныхъ площадяхъ, по одному указанію согражданъ, были разстрѣляны безъ суда, и казнь ихъ служила дополненіемъ страшной кары несчастнаго города, выходившей уже изъ границъ всякой соразмѣрности съ его преступленіемъ. Будущій великій сановникъ имперіи Фуше поспѣшилъ изъ Ліона, чтобъ по-своему принять участье въ торжествѣ нашихъ войскъ. Вотъ что онъ писалъ Конло д'Ербуа отъ 23 декабря: „Намъ остается лишь одинъ способъ отпраздновать побѣду. Сегодня вечеромъ мы разстрѣливаемъ 213 мятежниковъ... Прощай, другъ мой, радостныя слезы текутъ изъ глазъ моихъ и затопляютъ мою душу!“ Такова была эта мрачная и страшная эпоха, которая представляетъ намъ въ одно и то же время свидѣтельство самой гнусной подлости и самой высокой добродѣтели.

Только съ осады Тулона начинаетъ появляться имя Наполеона Бонапарте, и фигура этого необыкновеннаго человѣка показалась въ первый разъ на сцену исторіи, окруженная этими страшными картинами. Хотя ему не было тогда болѣе двадцати четырехъ лѣтъ, но онъ пережилъ такъ много событій и сталкивался съ такимъ множествомъ разныхъ людей, что умъ его окрѣпъ, самъ онъ созрѣлъ, сдѣлался опытенъ и усвоилъ тонкую разсчетливость—качества, ко-

торыя не легко развиваются при обыкновенныхъ условіяхъ жизни человѣческой. „Въ сраженіяхъ скоро старѣются", выразился онъ однажды, говоря о себѣ самомъ. Это еще справедливѣе относительно революціи. Частныя и общественныя перемѣны, въ которыхъ онъ принималъ участіе, закалили его сердце, и какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, эта неожиданная и преждевременная судьба, постигшая его въ молодости, придавъ страшную силу умственнымъ его способностямъ, изсушила въ его сердцѣ источникъ нѣкоторыхъ лучшихъ и благороднѣйшихъ страстей человѣческихъ. Въ этой душѣ господствовало уже одно только честолюбіе, еще неопредѣлившееся, но уже дѣятельное, упорное, нетерпѣливое, раздраженное какъ препятствіями, которыя онъ встрѣчалъ до тѣхъ поръ, такъ и еще болѣе несчастьями, которыя навлекло оно на головы невинныхъ жертвъ; честолюбіе поглотило въ немъ всѣ прочія побужденія. Да и чего не могло оно надѣяться среди подобнаго хаоса и при такомъ превосходномъ оружіи какъ—геній великаго полководца, искусство овладѣвать воображеніемъ, необыкновенно проницательный взоръ, познаніе и презрѣніе людей, тонкость итальянца и неукротимая суровость корсиканца.

Послѣ осады Тулона, Бонапарте былъ произведенъ въ чинъ артиллерійскаго генерала съ порученіемъ укрѣпить берега Прованса, находившіеся въ заброшенномъ и крайненеисправномъ состояніи. Въ исполненіе этой обязанности онъ внесъ свою обычную дѣятельность, преобразовалъ защиту по новому плану, значительно упростившему прежнія системы, исполненіе котораго онъ продолжалъ съ невозмутимою настойчивостью, не смотря на возраженія невѣжества и рутины. За одну изъ его операцій его потребовали было къ суду Конвента, какъ обвиненнаго въ попыткѣ возстановить Бастилію въ Марсели; но вліятельное ручательство избавило его отъ этого путешествія. Въ скоромъ времени онъ привелъ берега въ такое положеніе, что имъ уже

не могъ наносить вреда англійскій флотъ, который былъ лишенъ возможности тревожить нашу каботажную торговлю. Исполнивъ это, онъ уѣхалъ въ Ниццу, въ главную квартиру итальянской арміи (мартъ, 1794 г.).

Армія эта, находившаяся подъ командою генерала Дюмербіона, стараго и дряхлаго офицера, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ истощала силы въ безполезныхъ нападеніяхъ на неприступныя почти позиціи, на которыхъ укрѣпились піемонтцы у подошвы Альпъ, на покатостяхъ, обращенныхъ къ Средиземному морю. Солдаты, пришедшіе въ уныніе отъ этой неподвижной войны, которой они не видѣли успѣха и не надѣялись окончанія, выказывали необычную лѣнь, а начальники, отученные отъ предпріимчивости взысканіемъ, которому подверглись за неуспѣхъ ихъ предшественники, — не смѣли дѣлать никакихъ попытокъ и ограничивались сохраненіемъ позиціи, или регулярно исполняли медленные и методическіе маневры, какъ при осадѣ, которые не могли ни принести имъ славы, ни подвергнуть ихъ опасности.

Но Бонапарте былъ не такой человѣкъ, чтобъ отступить передъ отвѣтственностью, ихъ испугавшею, съ тѣхъ поръ въ особенности, когда иниціатива его подъ Тулономъ оказалась столь удачною. Съ самаго пріѣзда онъ съумѣлъ овладѣть умомъ главнокомандующаго и коммиссаровъ Конвента, а въ числѣ послѣднихъ преимущественно повліялъ на Робеспьера младшаго [7]), съ которымъ въ то время былъ чрезвычайно друженъ. Онъ воспользовался этимъ, чтобъ подвинуть ихъ къ наступательному движенію съ цѣлью отбросить за Альпы

---

[7]) Августинъ Робеспьеръ, братъ извѣстнаго, Максимиліана, родился въ 1764. Хотя онъ и засѣдалъ въ Конвентѣ вмѣстѣ съ братомъ, и находился при италіянской арміи, но замѣчателенъ только его конецъ. Когда братъ его былъ осужденъ на смерть, то онъ объявилъ, что *„раздѣляя его добродѣтели, онъ желаетъ раздѣлить и его участь“*. Онъ погибъ вмѣстѣ съ Максимиліаномъ на эшафотѣ. *Прим. перевод.*

піемонтскую армію. Тщательно изучивъ сложную топографію этой гористой страны и позиціи, занимаемыя непріятелемъ, онъ самъ представилъ свои планы сперва въ запискѣ, поданной Дюмербіону, а потомъ въ военный совѣтъ, гдѣ они были обсуждены и приняты.

6-го апрѣля 1794 г. армія тронулась въ походъ. Піемонтцы твердо опирались на Саоржіо, очень крѣпкое мѣсто, защищающее входъ въ ущелье Тенде, которое составляетъ съ этой стороны ключъ къ Альпамъ. Вмѣсто того чтобъ аттаковать съ фронта эти страшныя позиціи, какъ это постоянно дѣлалось дотолѣ съ большими и безполезными пожертвованіями, Бонапарте рѣшился обойдти ихъ. Въ этихъ видахъ часть арміи, раздѣленная на три отряда, пошла на Ройю, Нервію и Таджіо и устремилась на лѣвый флангъ піемонтцевъ, чтобъ окружить ихъ и держать въ страхѣ. Въ это время четвертый отрядъ, предназначенный для нанесенія рѣшительнаго удара, подъ начальствомъ Массены, пошелъ вдоль Корниша, разбилъ австро-піемонтцевъ въ Сентъ-Агатѣ, и овладѣлъ Онейлемъ и Лоано. Оттуда, продолжая этотъ смѣлый походъ, Массена перешелъ Альпы въ Понте ди Нове, недалеко отъ источниковъ Танаро, одержалъ тамъ полную побѣду, овладѣлъ замками Ормеа, Гарессіо, потомъ, внезапно спустившись съ Альпъ, началъ угрожать ущелью Тенде, на склонѣ противоположномъ тому, который занимала піемонтская армія. Послѣдняя, позиціи, которой были обойдены подобнымъ образомъ и которой сообщеніе съ Піемонтомъ могло быть отрѣзано, быстро покинула Саоржіо и безъ боя оставила намъ столь долго оспариваемую позицію. Они отступили чрезъ ущелье Тенде, которое незамедлило очутиться въ нашихъ рукахъ (7-го мая). Эта краткая и блестящая одномѣсячная кампанія предоставила французской арміи господство надъ Альпами, всѣ ущелья которыхъ были заняты нами, начиная отъ Тенде и оканчивая Бардинетто.

Успѣхъ этотъ усилилъ до высшей степени благосклонность, какою Бонапарте пользовался у младшаго Робеспьера. Послѣдній раздѣлялъ иногда диктатуру своего брата Максимиліана и господствовалъ въ итальянской арміи, какъ братъ его во Франціи. Товарищи его, Рикордъ и Саличетти, должны были или склоняться передъ нимъ, или оставить армію. Онъ смотрѣлъ на все только съ точки зрѣнія молодаго артиллерійскаго генерала. Здѣсь надобно отдать справедливость Бонапарте, что если онъ изъ разсчета присталъ къ партіи, мнѣнія которой не раздѣлялъ и дурные поступки которой внушали ему отвращеніе, то онъ пользовался этимъ вліяніемъ не единственно въ интересахъ личнаго честолюбія, но и дѣятельно употреблялъ его для предохраненія итальянской арміи отъ смертныхъ приговоровъ и отставокъ, столь обыкновенныхъ въ арміяхъ сѣверныхъ. Онъ даже спасъ жизнь эмигрантамъ, захваченнымъ на одномъ испанскомъ кораблѣ, къ которымъ хотѣли примѣнить законъ, изданный относительно эмигрантовъ, являющихся во Францію. Но оба Робеспьера тѣмъ не менѣе считали его преданнымъ ихъ дѣлу и называли его, какъ и сказано въ рапортѣ о немъ послѣ 9-го термидора, *своимъ человѣкомъ*. Не смотря на крайнюю осторожность, съ которою онъ обыкновенно относится къ этой эпохѣ своей жизни, онъ самъ разсказываетъ фактъ, доказывающій, до какой степени онъ съумѣлъ пріобрѣсти дружбу и довѣріе Робеспьеровъ. Наканунѣ борьбы съ комитетами, чувствуя, что имъ необходимъ опытный и рѣшительный офицеръ, они предлагали ему мѣсто Ганріота, командовавшаго вооруженными силами Парижа, и въ неспособности котораго они убѣдились. Позванный братомъ въ Парижъ, не задолго до 9-го термидора, младшій Робеспьеръ старался уговорить генерала ѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Но Бонапарте, не смотря на крайность мнѣнія, которую онъ считалъ своею обязанностью обнаруживать, чувствовалъ одно лишь отвращеніе къ совершеннымъ ими жестокостямъ, и тѣмъ менѣе ощу-

щалъ желанія раздѣлять солидарность съ нимъ, что съ тѣхъ поръ можно уже было предвидѣть поворотъ къ гуманности. Конечно, ему хотѣлось извлечь пользу изъ обоихъ Робеспьеровъ, но не скомпрометировать себя безвозвратно вмѣстѣ съ ними.

И такъ онъ отказался отъ предложеній своего друга, чтобъ остаться при карьерѣ, сулившей ему успѣхъ болѣе продолжительный; но этотъ отказъ не спасъ его отъ опасности быть вовлеченнымъ въ катастрофу, которой онъ не ожидалъ такъ скоро. Бонапарте въ іюлѣ 1794 г. выпросилъ себѣ порученіе, предметъ котораго оставался довольно долго темнымъ и которое вызвало множество разнорѣчивыхъ предположеній. Явная цѣль этого порученія заключалась въ томъ, чтобъ отправиться въ Генуу ускорить доставку разныхъ припасовъ, заплоченныхъ, но недоставленныхъ, существенная жецѣль, какъ пишетъ Мармонъ, участвовавшій въ этой командировкѣ была „осмотрѣть и обсудить препятствія, какія могли представиться при овладѣніи этимъ городомъ“. Завладѣть Генуею входило въ новые планы Бонапарте. Республика подала нѣкоторый родъ предлога къ этому насилію, допустивъ англичанъ, не смотря на нейтралитетъ, завладѣть фрегатомъ „Модестомъ“; но главная ея вина, въ глазахъ будущихъ завоевателей Италіи, заключалась въ томъ, что республика была слаба и что было неудобно уважать ея права въ то время, какъ представлялось столько выгоды имѣть ея территорію базисомъ военныхъ дѣйствій.

Едва прошло нѣсколько дней по возращеніи Бонапарте изъ Генуи, какъ его арестовали и потребовали въ Парижъ предъ судъ Комитета общественной безопасности, что равнялось тогда смертному приговору. Революція 9-го термидора совершилась, и генералъ понесъ наказаніе за отношенія свои къ Робеспьерамъ. Арестъ его, на которомъ до сихъ поръ лежитъ еще какая-то таинственность, подписанъ двумя представителями, находившимися до сихъ поръ при альпій-

ской арміи и не задолго предъ тѣмъ переведенными въ итальянскую. Саличетти, разошедшійся нѣсколько времени тому назадъ съ Бонапарте за сношенія его съ Робеспьеромъ младшимъ, поспѣшилъ прибыть послѣ побѣды и присоединился къ Альбитту и Лапорту, чтобъ отдать подъ арестъ своего молодаго соотечественника.

Саличетти былъ самымъ дѣятельнымъ сторонникомъ бѣды, постигшей Бонапарте. Сперва онъ ему покровительствовалъ, но потомъ, по мѣрѣ того какъ возрастало счастье генерала, становился его непріятелемъ. Вражда эта, имѣвшая всю энергію корсиканской ненависти, увеличивалась еще соперничествомъ, которое, какъ увѣряютъ, касалось не одного только честолюбія. Извѣстно лишь, что всѣ жалобы, находящіяся въ рапортѣ коммиссаровъ въ Комитетѣ общественной безопасности, отъ 19-го термидора, были выставлены Саличетти, который одинъ слѣдовалъ за движеніями этой арміи, ибо Альбиттъ и Лапортъ ничего здѣсь не знали.

Въ этомъ доносѣ отношенія Бонапарте къ Робеспьерамъ играли второстепенную роль; на него въ особенности нападали за поѣздку въ Генуу. Вслѣдствіе самаго безумнаго предположенія, которое можно приписать только заблужденію страсти или внушенію коварства, поѣздка эта смѣшивалась въ умѣ коммиссаровъ съ обширнымъ планомъ измѣны, составленнымъ Робеспьеромъ и Рикордомъ съ цѣлью передать непріятелю планъ нашихъ военныхъ дѣйствій. Принятіемъ этой басни все объясняется; нѣтъ болѣе надобности искать повода поѣздки въ Генуу: „Бонапарте былъ *ихъ человѣкъ, ихъ составитель плановъ*, которому мы должны были повиноваться“. Изъ рапорта видно также, какимъ образомъ пришла имъ эта счастливая мысль; Саличетти раскрылъ передъ ними всѣ эти злоумышленія: „Саличетти по прибытіи объявилъ намъ, что Бонапарте уѣхалъ въ Генуу, будучи уполномоченъ отъ Рикорда. Какое дѣло вело этого генерала въ чужую землю? Всѣ подозрѣнія наши *сосредоточиваются надъ его головою*“.

Образное выраженіе это, которое въ ту эпоху не было простою риторическою фигурою, служило доказательствомъ — какимъ опасностямъ эта голова подвергалась нѣкоторое время.

Однакоже арестованіе Бонапарте, а въ особенности извѣстіе о томъ, что онъ скоро уѣдетъ въ Парижъ на судъ Комитета общественной безопасности, произвели живѣйшее волненіе между молодыми офицерами арміи, которые уже пристали къ его судьбѣ. Они составили планъ освободить его силою и переселиться вмѣстѣ въ Генуэзскую республику. Въ этомъ заговорѣ участвовали Жюно и Мармонъ. Генералу едва удалось ихъ успокоить. „Совѣсть моя чиста, писалъ онъ къ Жюно:—не предпринимай ничего, а иначе ты меня скомпрометируешь". Дѣйствительно, обвиненіе въ измѣнѣ не заключало ничего ужаснаго для Наполеона предъ безпристрастнымъ и прозорливымъ судьею, но все было возможно въ ту эпоху смятенія и изступленія.

Тогда же обратился онъ къ своимъ обвинителямъ, напомнилъ услуги, оказанныя имъ республикѣ подъ Тулономъ и Саорджіо, и упрекалъ ихъ за подозрѣніе, которое объявили они, не провѣривъ взводимыхъ на него обвиненій. Если онъ уѣдетъ въ Парижъ съ постановленіемъ, объявляющимъ его въ подозрѣніи, то Комитетъ будетъ судить его какъ человѣка подобнаго сорта, и участь его рѣшена заранѣе; не лучше ли провѣрить сперва — справедливо ли подозрѣніе? „Саличетти! ты меня знаешь, видѣлъ ли ты что-нибудь въ теченіе пяти лѣтъ подозрительнаго въ моемъ поведеніи относительно республики? Альбиттъ! ты меня не знаешь; тебѣ не могли доказать ни одного факта, ты не слышалъ меня, а тебѣ извѣстно, съ какимъ искусствомъ иногда шипитъ клевета....

„Выслушайте меня!. Уничтожьте отягчающія меня подозрѣнія, возвратите мнѣ уваженіе патріотовъ... Потомъ, если злые люди хотятъ моей жизни, я такъ мало дорожу ею, я такъ часто презиралъ ее... Да, одна мысль, что она можетъ

быть еще полезна отечеству, заставляетъ меня бодро переносить ея тягость“ [8]).

Бумаги генерала были опечатаны. Въ нихъ найденъ приказъ относительно командировки его въ Генуу, подписанный коммиссаромъ Рикордомъ, съ подробными инструкціями, но ничего, что оправдывало бы странныя, взводимыя на него подозрѣнія. Вслѣдствіе этого коммиссары сдѣлали 3-го фруктидора постановленіе, въ силу котораго онъ былъ освобожденъ временно, и въ то же время донесли Комитету, что, не найдя противъ него никакой положительной улики, они освободили его, принимая особенно во вниманіе „пользу, ожидаемую отъ способностей этого офицера, который сдѣлался очень необходимъ въ арміи, извѣстной ему лучше, нежели кому-бы то ни было, и гдѣ чрезвычайно трудно найдти людей подобнаго рода.“

Вотъ истинныя свѣдѣнія отъ этомъ событіи, затемненномъ или самимъ Бонапарте, или историками, для которыхъ исторія служила только рабскимъ коментаріемъ къ свидѣтельствамъ, какія угодно было ему оставить о своей жизни. Онъ былъ, говорится въ его *Запискахъ:* — арестованъ *въ продолженіе самаго короткаго времени коммиссаромъ Лапортомъ, передъ которымъ онъ не хотѣлъ сгибаться*“. Но, во-первыхъ это самое короткое время продолжалось десять дней, весьма тяжелыхъ какъ для него, такъ и для его друзей, а во-вторыхъ, коммиссаръ Лапортъ былъ все время въ отсутствіи, пока шло слѣдствіе, и не игралъ въ этомъ дѣлѣ никакой роли. Невозможно понять цѣли подобнаго ложнаго свѣдѣнія, еслибъ не было извѣстно, какъ тщательно Наполеонъ старался скрыть малѣйшіе слѣды своихъ отношеній къ Робеспьерамъ, которыя сдѣлались столь сильны въ послѣдующее время. Воспоми-

---

[8]) Письмо это, хотя и весьма подлинное, не помѣщено въ *Корреспонденціи*, также какъ и многія другія, относящіяся къ той же эпохѣ.

Прим. автора.

наніе объ этихъ прежнихъ мнѣніяхъ огорчало его впослѣдствіи тѣмъ болѣе, что онъ поразилъ эту партію съ необычайною суровостью, и онъ старался заставить позабыть свои связи по тѣмъ же самымъ причинамъ, которыя принудили его уничтожить изданіе *Ужина Бокэра* и отвѣтственность за эти клубныя рѣчи обратить на брата Люціана, который былъ слишкомъ молодъ для произнесенія чего нибудь подобнаго.

Наконецъ Бонапарте не замедлилъ примириться съ Саличетти, ибо имъ обоимъ хорошо были извѣстны поводы оставаться въ хорошихъ другъ къ другу отношеніяхъ; но примиреніе произошло только для формы. Они обстановились взаимными услугами, но никогда не возвращались къ прежней дружбѣ. Въ эпоху 1 преріаля Наполеонъ могъ погубить Саличетти, но воздержался. Онъ былъ способенъ къ увлеченіямъ, но, незнакомый съ ненавистью, также какъ и съ симпатіею, руководствовался однимъ лишь разсчетомъ.

Многими было повторено свѣдѣніе, находящееся въ *Запискахъ* сестры Робеспьеровъ, которую Наполеонъ зналъ въ Ницѣ и которой назначилъ пенсіонъ во время консульства, что, узнавъ о 9 термидорѣ, первымъ движеніемъ Наполеона было предложить комиссарамъ идти на Парижъ и уничтожить термидорцевъ; но этотъ разсказъ обнаруживаетъ только мысль, какую имѣли тогда о его характерѣ и мнѣніяхъ, и принять его безъ другихъ доказательствъ значило бы плохо понимть неотразимую силу термидорской реакціи и панику, наведенную ею на непріятелей. Есть впрочемъ неизложенное свидѣтельство о впечатлѣніи, произведенномъ на Бонапарте паденіемъ Робеспьера, заключающееся въ письмѣ, которое онъ писалъ въ моментъ полученія этого извѣстія и наканунѣ своего ареста. Въ этомъ письмѣ, которое такъ и сквозитъ запасною мыслью выказать преданность республикѣ, онъ вкратцѣ разсказываетъ происшествіе и его послѣдствія и, дойдя до трагическаго конца того, кто былъ его

другомъ, онъ прибавляетъ въ видѣ надгробнаго слова: „Меня *огорчила немного* катастрофа, случившаяся съ младшимъ Робеспьеромъ, котораго я любилъ и считалъ честнымъ, но будь онъ мой отецъ, я самъ закололъ бы его, если бы онъ замышлялъ тиранію“ [9]).

Такимъ образомъ Бонапарте отдѣлался отъ опеки крайней демократіи, когда увидѣлъ въ ней болѣе опасностей, нежели выгодъ. Онъ удалился отъ этой партіи, какъ сдѣлалъ съ партіею Паоли и въ силу одинаковыхъ причинъ; но 9 термидора не было послѣднимъ пораженіемъ террористской демократіи; она долго сохраняла еще и дѣятельное вліяніе и упорныя надежды, и онъ покончилъ съ нею далеко впослѣдствіи. Хотя разсчетъ и игралъ большую роль въ его связи съ этою партіею, однако было бы заблужденіемъ не видѣть здѣсь его природной наклонности къ силѣ и власти Всѣ системы диктатуры сходны между собою, и хотя наполеоновская исторически дочь диктатуры Комитета общественной безопасности, однако очень естественно, что онъ прежде всего инстиктивно льнулъ къ людямъ, которыхъ долженъ былъ сдѣлаться современемъ наслѣдникомъ. Такъ Кромвель былъ самымъ ярымъ разрушителемъ, прежде нежели сталъ самымъ крайнимъ деспотомъ.

Однако затруднительность сообщеній въ нагорныхъ странахъ, занятыхъ линіею французовъ отъ Бардинетто до ущелья Тенде и дальше въ верхнихъ Альпахъ, обширная окружность которой позволяла лишь діаметръ охранять отъ непріятеля, заставила Комитетъ пожелать, чтобъ армія возобновила нападеніе: Дюмербіонъ получилъ приказъ начать военныя дѣйствія. Моментъ этотъ былъ еще ускоренъ приближеніемъ значительнаго австрійскаго корпуса, направлявшагося на Бор-

---

[9]) Эти письма отъ 20-го термидора II г., адресованныя къ гражданину Тилли, генуэзскому министру, не помѣщены въ Корреспонденціи.

Прим. автора.

миду. Въ то время пришло извѣстіе, что англійская дивизія должна высадиться въ Вадо и занять Савоне съ цѣлью принудить Генуэзскую республику выйдти изъ нейтралитета. И на этотъ разъ Дюмербіонъ обратился къ Бонапарте, планъ котораго, лишь выполненный отчасти, служилъ какъ бы первымъ очеркомъ того, который вскорѣ онъ долженствовалъ привести въ исполненіе въ качествѣ главнокомандующаго (20-го сентября 1794). Французская армія вступила въ Піемонтъ чрезъ равнину Каркаре, недалеко отъ точки соприкосновенія Альпъ съ Аппенинами. Оттуда она быстро направилась на Каиро, гдѣ и очутилась въ виду австрійской арміи, которая тотчасъ же начала отступать. Ее настигли у Дего, атаковали и разбили; но вмѣсто того чтобъ преслѣдовать и окончить успѣхъ кампаніею въ Піемонтѣ, гдѣ можно было ожидать лишь небольшихъ препятствій, французы спустились чрезъ Монтенотте на Савоне и Вадо и ничего уже не предпринимали въ томъ году.

Съ легко понятнымъ неудовольствіемъ Бонапарте смотрѣлъ на отступленіе арміи въ моментъ осуществленія операцій, отъ которыхъ онъ ожидалъ столь богатыхъ результатовъ. Краткая эта кампанія, не смотря на причиненное ему огорченіе внезапнымъ ея прекращеніемъ, не была однако же безплодна какъ для его генія, такъ и для славы, ибо съ этого же пункта онъ долженъ былъ ринуться на Піемонтъ въ свою безсмертную кампанію 1796 г., и онъ, можетъ быть, не оказалъ бы столько чудесъ на этомъ самомъ театрѣ, если бы заблаговременно не изучилъ топографіи мѣста битвы.

Когда итальянская армія пришла на зиму на свои прежнія позиціи, рѣшено было употребить часть ея на морскую экспедицію, которая сформирована была въ Тулонѣ преимущественно заботами генерала Бонапарте. Ея цѣлью было прежде всего отнять у англичанъ Корсику, отъ чего впрочемъ не замедлили отказаться, потомъ наказать великаго герцога Тосканскаго за его робкое соглашеніе съ коалиціею—

наказаніе, навлеченное скорѣе его слабостью, нежели проступками,—и наконецъ произвести высадку въ римскія владѣнія, съ цѣлью отомстить за убійство Бассевиля. Но когда флотъ нашъ помѣрялся съ англійскою эскадрою и мы убѣдились въ своемъ безсиліи, то и брошена была мысль объ экспедиціи, отъ которой можно было ожидать только потери (январь 1795).

Вскорѣ послѣ отмѣны этого неудавшагося предпріятія, Бонапарте, къ величайшему своему удивленію, получилъ приказъ о переводѣ его съ тѣмъ же званіемъ артиллерійскаго генерала въ Западную армію. Перемѣна эта сопряжена съ общею мѣрою скорѣе политическаго, нежели военнаго характера и которая поразила много другихъ офицеровъ итальянской арміи. На эту армію смотрѣли какъ на разсадникъ якобинизма и потому считали за лучшее — какъ можно болѣе разрознить ея элементы. Мѣра эта была принята Комитетомъ общественной безопасности вслѣдствіе рапорта Дюбуа де Крансе [10]). Они удалили Бонапарте изъ арміи, гдѣ онъ возвеличился, гдѣ оказалъ блистательныя заслуги, гдѣ пріобрѣлъ себѣ громкое имя, и послали на службу въ войска, употреблявшіяся исключительно на подавленіе гражданскихъ безпорядковъ, — роль почти гнусная, если она исполняется самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Тамъ имя его долженствовало быть едва извѣстно, и еслибы даже онъ отличился самыми блестящими подвигами, то могъ надѣяться лишь на одно вознагражденіе—на двусмысленную, компрометирующую славу. Необходимо патріотическое самоотверженіе Гошо, чтобъ принять безропотно эту обязанность.

Неожиданный этотъ ударъ причинилъ Бонапарте тяжкое огорченіе. Онъ немедленно уѣхалъ въ Парижъ постараться отвратить эту невзгоду. Съ нимъ отправились адъютанты

---

[10]) Бывшій военный министръ Директоріи, у котораго Наполеонъ отнялъ портфель послѣ 18-го брюмера. *Прим. переводч.*

его, Жюно и Мармонъ, оба подчинившіеся его вліянію, искренно ему преданные и уже слѣпо вѣрившіе въ его звѣзду. По прибытіи въ Парижъ онъ узналъ, что его назначили въ Вандейскую армію не въ качествѣ артиллерійскаго генерала, но просто командиромъ пѣхотной бригады.

Во время его поѣздки, депутатъ Обри, назначенный управлять военными дѣлами на мѣсто Карно, пересмотрѣлъ дѣло Дюбуа де Крансе и ввелъ это новое измѣненіе. До вступленія въ должность депутата конвента, Обри, служившій капитаномъ въ артиллеріи, былъ по службѣ старше Бонапарте и съ досадою видѣлъ, какъ говорятъ, быстрое возвышеніе многихъ офицеровъ моложе его. Къ этому поводу непріязни, который, повидимому, столь мало согласуется съ высокимъ постомъ, занимаемымъ Обри въ правительствѣ въ качествѣ члена Комитета общественной безопасности, присоединяется еще другой поводъ, долженствовавшій болѣе повліять на него,—а именно прошедшее Бонапарте и антагонизмъ ихъ политическихъ мнѣній. Обри былъ жирондистъ и отважно подписалъ протестъ противъ событій 31-го мая; его заключили въ тюрьму вмѣстѣ съ семидесятью тремя, и теперь онъ былъ одинъ изъ самыхъ ярыхъ вождей термидорской реакціи.

Кто знаетъ ядовитыя страсти этой кровавой эпохи изъ нашей исторіи, тотъ не имѣетъ надобности объяснять ненависть Обри къ Бонапарте поводомъ личной зависти. Партіи заявили себя такими страшными примѣрами мщенія, что мѣра, жертвою которой сдѣлался молодой генералъ,—можетъ быть признана чертою умѣренности со стороны всемогущаго противника. Для того чтобъ смягчить его, Бонапарте употреблялъ предстательство самыхъ вліятельныхъ друзей. Барра, Фреронъ, епископъ Марбозъ поочередно ходатайствовали за него, но безъ успѣха. На всѣ ихъ просьбы и доводы, Обри представлялъ—безпокойное честолюбіе Наполеона и его раннее возвышеніе, которымъ онъ обязанъ угодливостью яко-

Прошло уже восемь дней, какъ его вычеркнули изъ списка служащихъ генераловъ за то, что онъ не понравился Летурнеру, преемнику Понтекулана [12]), какъ 13-е вандемьера доставило ему случай, котораго онъ ожидалъ, случай болѣе рѣшительный и болѣе блестящій, нежели при осадѣ Тулона, съ тѣми благопріятствомъ и блескомъ, какіе судьба хранитъ только для своихъ любимцевъ. Она, казалось, послала ему временную невзгоду лишь для того, чтобъ сдѣлать возвышеніе его болѣе яркимъ и внезапнымъ.

Конвентъ закончилъ свою бурную и продолжительную карьеру, давъ Франціи Конституцію III года. Послѣднимъ днямъ его дѣлаетъ честь эта твердость, которую онъ употребилъ противъ тираніи большинства, — это было гораздо труднѣе уничтожить, нежели тиранію побѣжденныхъ термидорцевъ. Закрывъ залу якобинцевъ, обезоруживъ предмѣстья, отмѣнивъ конституцію 93 года, созданную въ ярости и бреду, обуздавъ чернь, рискуя разрушить свою главную точку опоры, безжалостно поразивъ своихъ собственныхъ членовъ, какъ бы наказывая себя за то, что былъ ихъ соучастникомъ и орудіемъ, комитетъ, все-таки великое собраніе, не смотря на свои ошибки, окалѣченный собственными руками,—хотѣлъ предохранить своихъ предшественниковъ отъ тѣхъ испытаній, которымъ самъ подвергался. Онъ положилъ плоды своей долговременной опытности и поздней мудрости въ учрежденіяхъ, которыя, не взирая на ихъ несовершенства, остаются все-таки самыми либеральными, какія когда либо существовали во Франціи. Но въ моментъ предоставленія самому себѣ, — будучи безвозвратно скомпрометированъ относительно крайней демократіи и оставляя республику на руки поколѣнію, въ сущности ни мало невраждебному

[12]) Приказъ объ исключеніи послѣдовалъ 25-го октября 1795 г. Сохраняя его, Бурріенъ ошибся въ числѣ.

Прим. автора.

революціи, но которое, будучи чуждо ея страстямъ, ненавидя ея злоупотребленія, нетерпѣливо желало дѣйствовать въ свою очередь, видя въ Конвентѣ лишь препятствіе къ собственному вступленію на путь дѣятельности, — Конвентъ не имѣлъ уже вѣры въ будущее.

Подобное недовѣріе Конвента къ странѣ породило главный недостатокъ конституціи III года, я разумѣю неизбѣжный почти антагонизмъ, который она создала между властями законодательною и исполнительною, дозволивъ второй устраниться отъ контроля первой и не оставивъ между ними никакого посредника, который могъ бы избавить ихъ отъ выбора между неправильнымъ разрывомъ или полнымъ подчиненіемъ. Боязнь увидѣть, какъ собственное дѣло достанется во вражескія или неопытныя руки, заставила Конвентъ совершить другую ошибку, послѣдствія которой были болѣе непосредственны. Подъ вліяніемъ своихъ консервативныхъ чувствъ тѣмъ болѣе щекотливыхъ, что они были для него гораздо новѣе, Конвентъ вспомнилъ съ ужасомъ о судьбѣ, постигшей конституцію 91 г. потому только, что ей не покровительствовали ея же авторы. Будучи обмануто чрезмѣрною щекотливостью и дурно понятнымъ безкорыстіемъ, Конституціонное собраніе само себя исключило изъ собранія законодательнаго, имѣвшаго за нимъ послѣдовать. Конвентисты впали въ противоположную погрѣшность, допустивъ себя въ избиратели. Декретъ 5 фруктидора постановлялъ, что двѣ трети Конвента составятъ часть Законодательнаго корпуса, который долженствовалъ собраться, а декретомъ 13 того же мѣсяца предоставлялось избирателямъ назначить остальныхъ членовъ. Эти оскорбительные для націи декреты глубоко раздражили людей, наиболѣе расположенныхъ къ законному принятію новыхъ учрежденій, ибо видѣли, не безъ основанія похищеніе своихъ правъ. Несмотря на ихъ жалобы, пойдено было далѣе: конституцію и оба декрета представили на принятіе первыхъ собраній—насмѣшливое подтвержденіе, требуе-

ударъ, чтобъ раздѣлить піемонтскую армію съ австрійскою. Съ безошибочною проницательностью онъ предвидѣлъ, что арміи эти, будучи разбиты, будутъ легко принуждены разлучиться, вслѣдствіе различія интересовъ, ими защищаемыхъ, одна имѣя въ виду прикрытіе Піемонта, а другая защиту Ломбардіи, и раздѣливъ ихъ подобнымъ образомъ, не трудно уже уничтожить каждую отдѣльно, и предписать миръ Піемонту, вознаградивъ его въ Ломбардіи за Ниццу и Савоію, и пріобрѣтя этимъ способомъ его союзъ вмѣсто того, чтобъ сдѣлать изъ него тайнаго врага, какъ въ 1796 г. Если бы и послѣ этого имперія не попросила бы мира, то слѣдовало проникнуть чрезъ Тироль въ наслѣдственныя владѣнія и подать помощь Рейнскимъ арміямъ. Таковъ этотъ планъ, который предъ осуществленнымъ впослѣдствіи имѣетъ то неоцѣненное преимущество, что если въ немъ и встрѣчается первая мысль о нарушеніи венеціанскаго нейтралитета, потому что Адидже обозначена въ немъ какъ операціонная линія, по крайней мѣрѣ въ немъ нѣтъ ни побѣды, прикрытой освобожденіемъ народовъ, ни войны, то продолжаемой, то прерываемой поочередно въ интересахъ личнаго честолюбія, ни безчестныхъ поступковъ Кампо-Форміо.

Безполезно будетъ говорить, что это созданіе генія не могло быть выполнено съ успѣхомъ никѣмъ другимъ, кромѣ его автора. Планы эти, хотя и подкрѣпленные авторитетомъ новаго военнаго комитета, не произвели однакожъ никакого вліянія на дѣйствія Келлерманна и Шерера. Келлерманъ отвѣчалъ, что автора ихъ слѣдуетъ посадить въ домъ сумасшедшихъ [11]), а Шереръ—„что самому составителю плановъ слѣдовало и приводить ихъ въ исполненіе". Легко видѣть, что на эти планы такъ мало обращалось вниманія потому, что они не носили на себѣ страшной подписи Коми-

---

[11]) Замѣтка, извлеченная изъ бумагъ и корреспонденціи Понтекулана.
Прим. автора.

тета общественной безопасности. Арміи начинали освобождаться отъ этого ига, чтобъ налагать его въ свою очередь. Впрочемъ эта система — посылать арміямъ готовые планы кампаній изъ Парижа, отстоящаго столь далеко отъ театра дѣйствій, была чрезвычайно ошибочна, и тотъ, кто составлялъ ихъ съ превосходствомъ, такъ мало понятымъ, первый же освободился отъ этой системы, какъ только ему самому пришлось получить готовые планы. Новая должность Бонапарте, хотя и соотвѣтствовала способностямъ его ума, опредѣлявшаго военныя дѣйствія съ математическою точностью, была однакожъ довольно ничтожна, чтобъ вполнѣ удовлетворить молодаго генерала. Онъ не былъ расположенъ предоставлять другимъ честь воспользоваться его созданіями. Кромѣ того, его снѣдала лихорадочная жажда дѣятельности. Онъ ничуть не отказался отъ своихъ видовъ на Востокъ, но первые порывы его нетерпѣнія успокоились въ виду грозныхъ случайностей, обнаруживавшихся на политической сценѣ. Почему же этотъ переворотъ, казавшійся каждому громаднымъ, не могъ предоставить ему тутъ же въ Парижѣ случая, за которымъ онъ хотѣлъ ѣхать такъ далеко? Среди этихъ испытаній онъ всегда сохранялъ непоколебимое довѣріе въ себя самого и свою будущность. Сюда еще присоединялся фатализмъ, свойственный великимъ авантюристамъ, и живя изо-дня въ день, въ ожиданіи событій, онъ слишкомъ легко смотрѣлъ на жизнь, чтобъ непоколеблясь рискнуть своею, если моментъ покажется ему благопріятнымъ.

„Я нахожусь постоянно въ такомъ положеніи, въ какомъ находятся наканунѣ битвы, — писалъ онъ къ брату своему Іосифу:—и убѣжденъ, что если смерть готова все покончить, то безпокойство чистѣйшая глупость. Все заставляетъ меня презирать судьбу, и если, другъ мой, продолжится такое сомнѣніе, то я окончу тѣмъ, что не оборочусь при проѣздѣ экипажа“ (12-го августа 1795).

Воображеніе его, придавленное на время перемѣною счастья, воспрянуло вновь съ большею силою и огнемъ, нежели когда бы то ни было, и онъ каждый день создавалъ новый планъ, въ которомъ отражалась любовь его къ исполинскому и чудесному. Когда же неизбѣжныя разочарованія охлаждали его, онъ мечталъ только о скромномъ деревенскомъ пріютѣ и о спокойной мѣщанской жизни, пріискивалъ выгодное помѣщеніе для капиталовъ своего брата Іосифа и занимался выборомъ лучшей карьеры для своихъ младшихъ братьевъ. Въ особенности онъ внимательно изучалъ общество, въ которомъ искалъ себѣ мѣста,—тогдашнее парижское общество, возрождавшееся послѣ долгаго угнетенія, счастливое сознаніемъ этого возрожденія, предававшееся роскоши, удовольствіямъ, и онъ оставилъ его изображенія, не лишенныя зависти, ибо хотя онъ уже и мечталъ какъ честолюбецъ, но чувствовалъ еще какъ молодой человѣкъ.

„Экипажи, щеголи показываются вновь, или скорѣе они вспоминаютъ какъ продолжительный сонъ, что они переставали блистать.... Все здѣсь соединено для того, чтобъ развлекать и содѣлывать жизнь пріятною. Некогда предаться размышленіямъ, и есть ли возможность видѣть что нибудь въ черномъ цвѣтѣ среди этого дѣятельнаго водоворота? Вездѣ женщины, въ спектакляхъ, на прогулкахъ, въ библіотекахъ; вы встрѣчаете хорошенькихъ особъ въ кабинетѣ ученаго. Единственно здѣсь, преимущественнѣе нежели гдѣ бы то ни было, онѣ достойны держать кормило, и потому мужчины отъ нихъ безъ ума, только и думаютъ о нихъ и живутъ для нихъ. Женщинѣ необходимо лишь прожить шесть мѣсяцевъ въ Парижѣ, чтобъ узнать свое значеніе и свое вліяніе“ (Наполеонъ къ Іосифу, 12-го іюля 1795 г.).

Около этого времени онъ составилъ проектъ испросить у Комитета общественной безопасности порученіе въ Турцію—усилить военныя средства этой страны, усовершенствовать защиту главнѣйшихъ крѣпостей, устроить новыя и, наконецъ

преобразовать ея артиллерію. Просьбу свою онъ основывалъ на близкой возможности войны этой естественной союзницы Франціи съ Россіею или Австріею, но Бонапарте въ этомъ планѣ привлекала неопредѣленная перспектива, открывавшаяся для его самолюбія. На эти страны и на ихъ будущіе перевороты онъ имѣлъ уже грандіозные и химерическіе виды, которые развились впослѣдствіи, когда, желая во что бы то ни было обольстить своихъ согражданъ, онъ бросилъ имъ въ глаза золотую пыль Востока.

Но прежде еще нежели онъ представилъ этотъ проектъ на благоусмотрѣніе Комитета, итальянская армія потерпѣла значительныя потери, вслѣдствіе чего Дульсе и Понтекуланъ, преемники Обри въ управленіи военными дѣйствіями, назначили Бонапарте въ топографическій комитетъ, гдѣ вырабатывались планы кампаній, разсылавшіеся по арміямъ. Когда генералъ просилъ позволенія уѣхать вмѣстѣ съ избранными имъ офицерами,—Комитетъ, по предложенію одного изъ членовъ, Жана Дерби, отказалъ Бонапарте въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, ссылаясь на пользу, какой отъ его службы ожидала республика. Въ силу подобнаго же счастья, Кромвель былъ насильно удержанъ въ Англіи въ ту самую минуту, когда собирался уѣхать въ Америку.

Во время перехода своего въ топографическое отдѣленіе, Бонапарте составилъ для командовавшаго въ то время итальянскою арміею Келлермана и впослѣдствіи для его преемника Шерера цѣлый рядъ инструкцій, которыхъ невозможно читать безъ удивленія. Дѣйствительно, тамъ заключаются главнѣйшія комбинаціи, обозначенныя самымъ точнымъ образомъ и основанныя на политическихъ и стратегическихъ соображеніяхъ, представляющія первую итальянскую кампанію наилучшимъ созданіемъ его генія и образцомъ военнаго искусства. Онъ назначилъ даже время, необходимое для приведенія въ исполненіе различныхъ частей плана. Онъ съ точностью опредѣлилъ пунктъ, гдѣ слѣдовало нанести первый

бинскому терроризму; а у одного изъ нихъ, который сильнѣе приставалъ съ просьбами, спросилъ: „можно ли принимать такъ близко къ сердцу дѣло террориста?“ Бонапарте захотѣлъ объясниться лично и представился члену Комитета общественной безопасности. Обри выслушалъ его, но упорствовалъ въ своемъ отказѣ. „Вы слишкомъ молоды, чтобъ начальствовать артиллеріею“.—„Въ сраженіяхъ скоро старѣются и я достигаю этого“—съ живостью отвѣчалъ Бонапарте. Въ этомъ отвѣтѣ Обри могъ видѣть критику собственной военной службы, протекшей самымъ мирнымъ образомъ, и потому онъ остался непоколебимымъ въ своемъ рѣшеніи. Бонапарте имѣлъ впослѣдствіи низость припомнить объ этомъ, когда одного слова его достаточно было, чтобъ избавить Обри отъ незаслуженной ссылки въ Кайену, и поэтому потерялъ случай отомстить единственнымъ способомъ, достойнымъ великаго человѣка (іюнь 1795).

Вслѣдствіе этой неудачи, Бонапарте не могъ рѣшиться служить въ линейныхъ войскахъ и жилъ нѣсколько времени въ Парижѣ въ нерѣшимости и безъ занятій. По этому случаю замѣтили, не безъ основанія, что онъ преувеличивалъ свое несчастіе вслѣдствіе тогдашней щекотливости артиллеристовъ, служба которыхъ цѣнилась очень высоко, благодаря общему невѣжеству, ибо если въ нижнихъ чинахъ артиллерійскій офицеръ важнѣе офицеровъ другаго рода оружія, то разница исчезаетъ въ чинахъ высшихъ, и преимущество склоняется на сторону послѣднихъ. Пѣхотный генералъ въ сраженіи играетъ очень часто болѣе замѣтную и рѣшительную роль, нежели генералъ артиллерійскій. Это такъ вѣрно, что въ двухъ первыхъ кампаніяхъ итальянской арміи, гдѣ Бонапарте исполнялъ, такъ сказать, все, и гдѣ всѣ планы принадлежали ему, не смотря на главное начальствованіе артиллеріею, онъ былъ менѣе на виду, чѣмъ какой нибудь другой генералъ, напримѣръ Массена, имя котораго фигурировало въ первыхъ рядахъ бюллетеней. Нельзя однакожъ и об-

винять его по этому случаю въ излишней щекотливости, ибо изъ независимаго начальника артиллеріи онъ дѣлался бригаднымъ командиромъ—званіе относительно низшее, и, какъ онъ писалъ кригсъ-коммисару Сюси, онъ полагалъ, что многіе офицеры лучше его командовали бы бригадою, тогда какъ немногіе командовали съ большимъ успѣхомъ артиллеріею (17-го августа 1795).

Какъ бы то ни было, уныніе и досада, никогда у него долго непродолжавшіяся, овладѣли имъ на короткое время, и онъ рапортовался больнымъ, чтобы не ѣхать къ мѣсту новаго назначенія. Не въ эту минуту, а нѣсколько позже онъ былъ исключенъ изъ кадровъ арміи за то, что отказался отправляться на свой постъ, и совершенно несправедливо, что онъ подалъ въ отставку, какъ говорятъ *Записки*. Въ письмахъ Бонапарте къ брату Іосифу упоминается только о намѣреніи его взять двухъ или трехмѣсячный отпускъ; онъ даже въ нихъ упоминаетъ нѣсколько разъ, что „состоитъ генераломъ въ Западной арміи, но удерживается въ Парижѣ болѣзнью“ (25-го іюля 1795). Положеніе его въ это время было весьма невѣрно, ибо скорѣе походило на выжидательное положеніе, нежели на правильную отставку. Страшный финансовый кризисъ, происходившій отъ возраставшаго упадка ассигнацій, повергъ Францію въ отчаяніе, и въ Парижѣ существовалъ голодъ со всѣми послѣдствіями. Будущій властитель континента, не имѣя чѣмъ жить, раздѣлялъ не разъ средства своихъ друзей Жюно и Буррьена. Въ хлѣбѣ нуждались богатые точно также какъ и бѣдные; луидоры ходили по 750 франковъ; настало время, что Бонапарте принужденъ былъ продавать книги для дневнаго пропитанія. Но бѣдствіе это было случайное и временное, и братъ его Іосифъ, женившійся на богатой и питавшій къ нему искреннюю дружбу, никогда не оставилъ бы его въ такомъ отчаянномъ положеніи.

нилъ ее. Съ тѣхъ поръ можно было предвидѣть, что всѣ выборы будутъ произведены въ оппозиціи съ духомъ Конвента, и что изгнанный такимъ образомъ изъ законодательнаго корпуса духъ этотъ скроется въ исполнительной власти, чтобъ сдѣлать изъ нея оплотъ для себя. Дѣйствительно такъ и случилось. Треть депутатовъ, какъ дополненіе оставшимся конвенціоналистамъ, избрана была среди массы враждебной Конвенту, составлявшей еще большинство въ совѣтахъ, а послѣдній на это выраженіе національнаго желанія отвѣчалъ призваніемъ въ директорію пятерыхъ цареубійцъ: Барра, Карно, Ревбелля, Летурнера и Ларевельера-Лепо. Но такъ какъ законодательный корпусъ обновляетъ свою третью часть ежегодно, а Директорія только пятую, то очевидно, что въ данный моментъ правительство, составленное изъ цареубійцъ, должно было очутиться въ открытой враждѣ съ совѣтами, составленными изъ умѣренныхъ. Обѣ эти стороны не имѣли другъ на друга никакого законнаго вліянія, и поэтому между ними естественно оставалась судьею одна сила. Къ несчастью, 13 вандемьера показало всему міру, какую тяжесть имѣла на чашкѣ вѣсовъ шпага солдата. Такимъ образомъ этотъ роковой день пріучилъ исполнительную власть разсчитывать на войско, а войско на распоряженіе властью. Онъ издали приготовилъ путь къ военному правительству.

Бонапарте нѣсколько мѣсяцевъ, протекшихъ между 13 вандемьера и его назначеніемъ въ Итальянскую армію, употребилъ на упроченіе побѣды, оканчивая уничтоженіе элементовъ смутъ и безпорядковъ, формируя гвардію Директоріи и Законодательнаго корпуса, наконецъ на весьма дѣятельное занятіе собственными дѣлами. Какъ истинный честолюбецъ, онъ въ своемъ новомъ положеніи видѣлъ только средство къ достиженію еще болѣе высокаго положенія. Роль, выпавшая ему на долю въ послѣднихъ событіяхъ, важность поста, имъ занимаемаго, связи его съ сильными людьми, образованіе новаго еще правительства, направленіе

котораго было неизвѣстно, все это доставляло ему рѣдкую возможность вмѣшиваться всюду, даже въ право своихъ товарищей, и дѣйствовать по усмотрѣнію въ предѣлахъ ввѣренной ему части. Съ обычною рѣшимостью онъ пользовался этою свободою, дѣйствуя безъ чьего бы то ни было совѣта, почти не обращая вниманія ни на какія представленія. Это однако же ему не мѣшало расточать угодничество предъ главнѣйшими правительственными лицами, заслужить благоволеніе которыхъ ему было надобно. Въ то же время онъ покровительствовалъ членамъ прежняго дворянства, желая въ этомъ классѣ изгладить воспоминаніе о вандемьерской картечи; онъ призывалъ находившихся въ немилости генераловъ, пополнялъ кадры правительственной гвардіи своими креатурами, и которыхъ онъ былъ счастливъ встрѣтить 18 брюмэра,—какъ говоритъ онъ въ своихъ Запискахъ. Онъ раздавалъ мѣста родственникамъ и друзьямъ, отыскивая ихъ въ глубинѣ провинціи для переселенія въ Парижъ: онъ посылалъ своему семейству значительныя суммы. (Письмо къ Іосифу, съ октября 1795 по февраль 1796 г.).

Человѣкъ такого безпокойнаго характера не могъ ни находить на подобномъ мѣстѣ достаточно пищи для ума, ни держаться на немъ, не возбуждая подозрѣній. Строго заключиться въ предѣлы своей обязанности значило уничтожить себя; выйдти изъ нихъ значило кинуться въ самое дерзкое предпріятіе. Въ виду непрерывной дѣятельности партій было впрочемъ и трудно устоять противъ подобнаго соблазна. Итакъ Директорія вскорѣ начала смотрѣть на Бонапарте съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, которое не было чуждо и назначенію его главнокомандующимъ Итальянскою арміею. Считая опаснымъ сдѣлать изъ него врага, подчинивъ общему закону, предпочли отдѣлаться отъ него, оказавъ ему блестящее благоволеніе, не вообразивъ, что подъ предлогомъ удаленія опасности, ее только дѣлали болѣе неизбѣжною въ будущемъ. Эта низость, множество разъ возобновлявшаяся

образомъ, что могъ двинуть одновременно всѣ свои силы на угрожаемую мѣстность; наконецъ онъ вооружилъ и представителей, на случай крайней опасности, тщательно обезпечивъ своей маленькой арміи отступленіе на Сен-Клу. Приготовившись подобнымъ образомъ, онъ ожидалъ и отдалъ приказаніе войскамъ не стрѣлять до тѣхъ поръ, пока на нихъ не нападутъ.

На другой день, 13-го вандемьера, утромъ, когда вооруженныя массы недовольныхъ высыпали изъ всѣхъ сосѣднихъ улицъ съ цѣлью овладѣть Тюильри, они вездѣ встрѣтили конвентскіе посты и караулъ у всѣхъ входовъ. Эти массы остановились съ оружіемъ въ рукахъ противъ конвентскихъ войскъ; ихъ было около 40,000 національныхъ гвардейцевъ, исполненныхъ храбрости, но вмѣстѣ неопытныхъ и нестойкихъ. Они взяли себѣ случайно двухъ начальниковъ: генерала Даникана, удаленнаго отъ службы, мало способнаго офицера, и одного возвратившагося эмигранта, Лафона, молодаго, чрезвычайно отважнаго человѣка.

Обѣ стороны провели бо́льшую часть дня, простоявъ шагахъ въ пятнадцати другъ противъ друга въ угрожающемъ положеніи, но не начиная непріятельскихъ дѣйствій, словно не рѣшались раздирать снова грудь отечества послѣ столькихъ кровавыхъ раздоровъ. Одно время надѣялись, что Франція избѣгнетъ этой крайности, столь опасной для свободы, но слѣпая вражда партій уничтожила попытки къ соглашенію. Въ половинѣ пятаго вечеромъ Даниканъ подалъ сигналъ, и Бонапарте въ свою очередь сѣлъ на лошадь. Битва началась на многихъ пунктахъ въ одно и то же время, и не имѣла ни продолжительности, ни трагическаго остервенѣнія, которыхъ стѣны этого города были столько разъ свидѣтелями. Публичныя площади не служили еще полемъ сраженія, и стратегія уличной войны не сдѣлалась еще наукою. Исходъ битвы ни минуты не подлежалъ сомнѣнію. Лафонъ, направлявшій атаку со стороны набережныхъ, пу-

стилъ свою колонну изъ Дофиновой улицы на Королевскій мостъ, слѣдуя по набережной Вольтера; но, будучи поражена съ фронта и съ фланга картечью, колонна остановилась и вскорѣ разсѣялась. Три раза Лафонъ собиралъ остатки своихъ войскъ подъ огнемъ непріятельскимъ, но не могъ овладѣть мостомъ. У церкви св. Роха сопротивленіе было не серьезнѣе: нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ очистили прилегавшія улицы. Національные гвардейцы, весьма пылкіе во время первой атаки, не полагали, повидимому, что непріятель рѣшится встрѣтить ихъ пушечными выстрѣлами. Они нигдѣ не могли держаться передъ артиллерійскимъ огнемъ, который послѣдовательно выбилъ ихъ изъ всѣхъ позицій. Въ 6 часовъ все было кончено, и Конвентъ одержалъ верхъ на всѣхъ пунктахъ. Конвентъ впрочемъ боялся предаваться слишкомъ торжеству, ибо у него были враги не одного рода, и, уничтоживъ однихъ, онъ отдавался во власть другимъ. Поэтому онъ оказалъ снисхожденіе побѣжденнымъ, довольствуясь только роспускомъ и обезоруженіемъ ихъ батальоновъ. Одинъ Лафонъ не могъ спастись, такъ какъ онъ былъ эмигрантъ и ни за что въ мірѣ не хотѣлъ отпереться отъ этого. Конвентъ объявилъ своимъ защитникамъ, что они заслужили признательность отечества, и утвердилъ въ должностяхъ Барра̀ и Бонапарте, а какъ Барра̀ вскорѣ вышелъ въ отставку, то Наполеонъ и остался одинъ главнокомандующимъ внутренними силами.

Этотъ день, столь выгодный для молодаго генерала, котораго карьеру подвинулъ съ необыкновенною быстротою, былъ пагубенъ для Франціи. Онъ усилилъ и отравилъ антагонизмъ, созданный Конвентомъ, между общественнымъ мнѣніемъ и правительствомъ — своими несчастными декретами. Вмѣсто того чтобъ успокоить лучшую часть націи, составляющую мнѣніе, и которую декреты его повергли въ подозрѣніе, отнявъ у нея надежду вліять конституціонно на правительство страны, онъ оскорбилъ и безвозвратно отстра-

послѣдствіе этого событія. Отданъ былъ декретъ объ арестованіи Мену, и члены разсуждали о томъ, кому ввѣрить командованіе войсками. Крайность грозившей опасности придавала этому выбору исключительную важность, а еще болѣе затрудняло его небольшое количество офицеровъ, находившихся то время въ Парижѣ. Бонапарте, бывшій въ числѣ зрителей, слышалъ, какъ онъ увѣряетъ въ своихъ Запискахъ, что его имя произнесено было первымъ и что онъ „около получаса разсуждалъ, что́ ему дѣлать". Но истиннѣе то, что бо́льшее число голосовъ получилъ Барра, который сильнѣе всѣхъ тогда вліялъ на умы, благодаря воспоминаніямъ, которыя оставило по себѣ его энергическое поведеніе 9 термидора. Барра взялъ въ помощники себѣ Бонапарте. Объ этомъ обстоятельствѣ, имѣвшемъ такое рѣшительное вліяніе на жизнь послѣдняго, есть у Бонапарте три различные разсказа, и во всѣхъ онъ съ замѣтною заботливостью старался избѣгать упоминанія о рекомендаціи Барра, — которая между тѣмъ одна была дѣйствительна. Разсказъ, оставленный намъ Лас-Казомъ и собственноручно исправленный Бонапарте, разнится нѣсколько довольно важными варіантами отъ написаннаго Монтолономъ, и тамъ встрѣчаются мысли, вслѣдствіе которыхъ онъ колебался въ продолженіе получаса принять на свои руки дѣло Конвента.

„Благоразумно ли соглашаться? Самая побѣда будетъ отзываться чѣмъ-то гнуснымъ, между тѣмъ какъ неудача обѣщаетъ проклятіе будущихъ поколѣній. Какимъ образомъ рѣшиться служить козломъ очищенія за столько преступленій, въ которыхъ самъ не участвовалъ? Зачѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ добровольно увеличивать количество именъ, которыя произносятся неиначе какъ съ ужасомъ?

„Съ другой стороны, въ случаѣ паденія Конвента, что станется съ великими истинами нашей революціи? Многочисленныя наши побѣды, кровь наша, столь часто проливаемая,—не болѣе какъ безславныя дѣянія. Иностранецъ,

котораго мы столько разъ побѣждали, торжествуетъ и подавляетъ насъ презрѣніемъ; неспособные люди, жестокіе и наглые приближенные появляются торжествующими, упрекаютъ насъ въ преступленіяхъ, изливаютъ месть, управляютъ нами какъ невольниками рукою иностранца. И такъ, паденіе Конвента увѣнчаетъ чело чужеземца и запечатлѣетъ стыдъ и рабство отечества.“

„Эти чувства, двадцатипятилѣтій возрастъ, увѣренность въ своей силѣ, въ своей судьбѣ — заставили его рѣшиться“.

Единственно, что исторія можетъ извлечь истиннаго изъ этого риторическаго многословія, очевидно, написаннаго послѣ событія, только то, что личныя симпатіи не увлекали его ни въ ту, ни въ другую сторону, и что онъ поступилъ скорѣе по внушенію разсчета, нежели принципа. Если же онъ и колебался, то конечно менѣе относительно самаго дѣла, нежели относительно неувѣренности въ успѣхѣ, и онъ скоро побѣдилъ эту нерѣшительность. Какъ только онъ рѣшился, пошелъ немедленно въ комитеты и тамъ по рекомендаціи Барра̀, получилъ назначеніе. Барра̀ узналъ Бонапарте при осадѣ Тулона и чрезвычайно полюбилъ его, какъ говоритъ онъ въ своихъ неизданныхъ Запискахъ, — за сходство его съ Мара̀, къ которому былъ искренно привязанъ. Роли назначены были слѣдующимъ образомъ: Барра̀ поручалось главное начальство, а Бонапарте назначался его помощникомъ и исполнителемъ приказаній.

Войска Конвента составляли тысячъ около осьми, включая въ то число и патріотовъ, которымъ возвратили оружіе; но они были хорошо дисциплинированы и имѣли сорокъ орудій, привезенныхъ изъ саблонскаго лагеря,—драгоцѣнное преимущество противъ непріятеля, разсчитывавшаго болѣе на свою массу, нежели на стратегію. Всю ночь Бонапарте провелъ въ распоряженіяхъ. Луврь и Тюильри онъ превратилъ въ родъ укрѣпленнаго лагеря, всѣ выходы котораго были уставлены артиллеріею. Онъ устроилъ себѣ сообщеніе такимъ

мое у страха, ибо всякая нація, поставленная своими властями въ необходимость высказаться въ пользу извѣстнаго или неизвѣстнаго, непремѣнно, какъ единственное средство спасенія, избираетъ извѣстное, каково бы оно ни было.

Парижъ однако же рѣшился отвергнуть оба декрета, вотируя за конституцію, но провинціи, слѣдуя рутинѣ, согласились на все, что отъ нихъ требовали. Обстоятельство это смутило на время враговъ Конвента, которые сперва были увѣрены въ успѣхѣ. Вскорѣ отъ жалобъ они перешли къ угрозамъ, и съ трибунъ 48 частей Парижа раздались самыя сильныя нападенія. Но когда воззваніе къ общественному мнѣнію не привело къ результатамъ, которыхъ они ожидали они рѣшились сдѣлать призывъ къ оружію.

Партія, съ которою произошелъ разрывъ у Конвента, была та самая, которая помогала ему въ борьбѣ съ крайнею демократіею. Здѣсь были наиболѣе просвѣщенные жители Парижа: національная гвардія и почти весь избирательный корпусъ, наконецъ тѣ блестящіе граждане средняго сословія которые, давъ Франціи столько знаменитыхъ людей, совершивъ дѣло 89 г., такъ долго были попираемы населеніемъ предмѣстій. Въ то время, когда они старались забыть всѣ эти униженія, воспринимая вновь подобающее имъ вліяніе, ихъ вдругъ поразила мѣра недовѣрія, остановила на пути и, такъ сказать, лишила законной побѣды. Партія эта въ порывѣ своего неудовольствія безмѣрно преувеличила послѣдствія фрукдиторскихъ декретовъ, и еще безумнѣе преувеличила свои силы. Благодаря этой могущественной солидарности броженіе быстро распространилось по Парижу, искусно развиваемое агентами роялизма, сдѣлавшимися весьма предпріимчивыми съ тѣхъ поръ, какъ Пишегрю принялъ ихъ предложенія. 11-го вандемьера, собравшись въ Одеонѣ, избиратели различныхъ городскихъ частей сосчитали своихъ сторонниковъ и повѣрили свои силы. 12-я часть Ле-Пелетье, расположенная

въ центрѣ Парижа и наиболѣе извѣстная количествомъ и смѣлостью своихъ членовъ, приступила къ возстанію.

Конвентъ, при первомъ извѣстіи о мятежѣ, мало смутился при видѣ зрѣлища, которое было для него не ново, и объявилъ постоянныя засѣданія. Собравъ небольшое количество войскъ, находившихся въ Парижѣ, онъ приказалъ взяться снова за оружіе двумъ или тремъ тысячамъ тѣхъ самыхъ патріотовъ, которыхъ обезоружилъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ. Такъ какъ надменность его враговъ только возрастала въ виду малочисленности его защитниковъ, то Конвентъ приказалъ генералу Мену силою обезоружить городскую часть Ле-Пелтье. Мену былъ хорошій офицеръ, но простоватый человѣкъ; съ неудовольствіемъ принялъ онъ это порученіе и, будучи смущенъ необходимостью дѣйствовать, какъ противъ враговъ, противъ людей, которые были съ нимъ союзниками въ войнѣ съ предмѣстьями, собралъ кое-какъ свои войска въ узкомъ пространствѣ, гдѣ они были парализованы. Потомъ, въ сопровожденіи представителя онъ вошелъ въ женскій монастырь Сенъ-Тома, зданіе, стоявшее на мѣстѣ, гдѣ теперь возвышается Биржевой Домъ. Будучи смущенъ и устрашенъ отвѣтами, вырывавшимися изъ груди разъяренной толпы, онъ, вмѣсто того чтобъ приказывать, — вступилъ въ переговоры. Результатъ этого свиданія, который былъ тѣмъ болѣе ободрителенъ для мятежа, чѣмъ менѣе согласовался съ достоинствомъ Конвента, представлялъ родъ капитуляціи, въ силу которой было рѣшено, что войска отступятъ, а недовольные очистятъ залу засѣданія. Нетрудно угадать, что лишь войска исполнили условіе; что же касается недовольныхъ, то они поспѣшили объявить всему городу о своей побѣдѣ. Это было въ восемь съ половиною часовъ вечера.

Въ этотъ вечеръ Бонапарте сидѣлъ въ театрѣ Фейдо, и когда ему сказали о происходившемъ, онъ побѣжалъ на мѣсто происшествія, захватилъ еще конецъ этой оригинальной сцены, а оттуда пошелъ въ собраніе, — посмотрѣть на

и окончательно наказанная жестокимъ и памятнымъ урокомъ, служило единственною политикою, которую Директорія умѣла постоянно употреблять, чтобъ избавиться отъ намѣреній, приписываемыхъ сю Бонапарте. Неизвѣстно однакожъ, послужило ли бы къ подобному возвышенію генерала—недовѣріе, возбужденное имъ при этомъ первомъ случаѣ, еслибы женитьба его на Жозефинѣ Богарне не подоспѣла увѣнчать его карьеру.

Бонапарте разсказываетъ самъ, какъ онъ познакомился съ дѣвицею Богарне. Чрезъ нѣсколько дней послѣ обезоруженія недовольныхъ гражданъ, явился въ главный штабъ мальчикъ лѣтъ десяти-двѣнадцати и требовалъ шпагу своего отца, прежняго республиканскаго генерала, погибшаго на эшафотѣ. Мальчикъ этотъ былъ Евгеній Богарне. Тронутый слезами мальчика, Бонапарте велѣлъ выдать ему шпагу, а на другой день къ нему явилась поблагодарить его госпожа Богарне, которую онъ зналъ только по имени, не смотря на то, что она была очень дружна съ Барра, его покровителемъ. Молчаніе, которое Бонапарте хранитъ объ этихъ отношеніяхъ и объ участіи, которое принималъ Барра въ семейныхъ рѣшеніяхъ госпожи Богарне, объясняется легче, нежели забвеніе его объ услугѣ, оказанной наканунѣ вандемьера. Но фактъ не подверженъ ни малѣйшему сомнѣнію, ибо подтверждается современными свидѣтельствами и самою Жозефиною, которая, по своей креольской безпечности, можетъ быть, никогда не рѣшилась бы на этотъ бракъ, еслибы въ ея свадебную корзинку Барра не положилъ назначенія Бонапарте главнокомандующимъ Итальянскою арміею. „Барра увѣряетъ, писала она незадолго до своей свадьбы:— что если я выйду за генерала, то онъ выхлопочетъ ему мѣсто главнокомандующаго Итальянскою арміею. Вчера Бонапарте, говоря объ этой благосклонности, еще не исполненной, но уже возбудившей ропотъ между его сотоварищами, выразился слѣдующимъ образомъ: „Неужели они думаютъ, что мнѣ нужна протекція? Придетъ время, что они

сочтутъ себя счастливыми, если я самъ окажу имъ покровительство. Моя шпага при мнѣ, а съ нею я пойду далеко."

Бонапарте запылалъ къ дѣвицѣ Богарне восторженною и пламенною страстью, которая еще болѣе усилила въ немъ честолюбіе, ибо онъ зналъ, что это супружество дастъ ему сразу роль, которой онъ такъ добивался, и откроетъ входъ въ общество, которое отвѣчало сильнымъ недовѣріемъ на всѣ его попытки. Въ этой страсти, какъ увѣряютъ, единственной, когда-либо заставлявшей биться его сердце, заключались весь огонь и всѣ пламенные порывы его горячей натуры. Что же касается дѣвицы Богарне, то въ его присутствіи она чувствовала скорѣе смущеніе и удивленіе нежели любовь. Даже геній, блиставшій въ его проницательномъ и повелительномъ взорѣ, наводилъ нѣчто въ родѣ волшебнаго обаянія на эту милую и безпечную душу, которое она переносила не безъ тайнаго страха, и прежде нежели рѣшиться, она не разъ спрашивала себя — не была ль несбыточною надеждою молодаго человѣка необыкновенная увѣренность генерала, сквозившая въ каждомъ его словѣ. Нерѣшительность эта усиливалась, когда она сравнивала разность возрастовъ, ибо Жозефина была уже красота отцвѣтающая, а генералъ въ то время еще далеко не достигъ зрѣлыхъ лѣтъ мужчины.

Однако Бонапарте удалось побѣдить эти препятствія. 23-го февраля 1796 г. онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ Итальянскою арміею, а 9-го марта женился на Жозефинѣ Богарне. Въ брачномъ свидѣтельствѣ генералъ прибавилъ себѣ годъ, что породило неосновательныя сомнѣнія о настоящемъ времени его рожденія, а Жозефина убавила себѣ четыре года: двойной обманъ, исполненный съ одной стороны вслѣдствіе легкаго женскаго тщеславія, а съ другой одобренный въ тѣхъ видахъ, чтобъ въ глазахъ свѣта возстановить равенство лѣтъ. Въ числѣ свидѣтелей первымъ стояло имя Поля Барра.

ГЛАВА III.

Покореніе Піемонта и завоеваніе Ломбардіи.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, Бонапарте отправился въ Итальянскую армію и прибылъ въ главную квартиру въ Ниццу 26-го марта. До отъѣзда еще онъ получилъ отъ Директоріи подробную инструкцію относительно будущей кампаніи. Инструкція эта лишь отчасти согласовалась съ планомъ, который не разъ уже былъ предложенъ генераломъ. Ему дѣйствительно предписывалось перейдти Аппенины и немедленно раздѣлить армію піемонтскую съ австрійскою; но послѣ этого, вмѣсто того, что принудить Піемонтъ къ миру, какъ всегда предполагалъ Бонапарте, онъ долженъ былъ довольствоваться взятіемъ Цевы и Тортона, пріобрѣтеніемъ Гавы у генуэзцевъ добровольно или силою, оставленіемъ обсерваціоннаго корпуса передъ Кони; отсюда, оставивъ піемонтскую армію, онъ долженъ былъ напасть на Миланъ, чтобъ отбросить австрійскую армію за Адидже—планъ безумный, въ силу котораго Бонапарте оставлялъ сзади себя вооруженный Піемонтъ, враждебную Генуу, готовую поссориться при первомъ случаѣ, и кромѣ того подвергался неизбѣжному пресѣченію всѣхъ сообщеній. Директорія кромѣ того запретила ему назначать перемирія, исключительно предоставивъ себѣ право вступать въ переговоры о мирѣ. Она

впрочемъ приняла мысль генерала о необходимости продовольствовать армію на непріятельской землѣ. Бонапарте было приказано „стараться всѣми зависѣвшими, отъ него средствами возбуждать недовольныхъ въ Піемонтѣ противъ туринскаго двора". Что жъ оставалось дѣлать съ Миланомъ по его завоеваніи? Директорія давала замѣтить, что область эта, по плану самого Бонапарте, могла быть предложена Піемонту въ вознагражденіе за взятыя у послѣдняго двѣ области Савоію и Ниццу; но не разрѣшала вопроса, такъ какъ разсчитывала отдать Миланъ и Австріи за Нидерланды,—сомнѣніе, заставлявшее однимъ взоромъ измѣрить всю почву, уже утраченную великодушными принципами революціи, ибо Франція 92 г. не располагала бы подобнымъ образомъ народами безъ ихъ согласія.

Инструкція эта, всѣхъ послѣдствій которой, безъ сомнѣнія, не предвидѣла Директорія, съ перваго взгляда измѣняла характеръ войны. Борьба Франціи съ Европою оставалась до тѣхъ поръ чисто оборонительною, ибо занятіе нами Савоіи и Бельгіи мотивировалось не только тождествомъ племени и почти единодушнымъ желаніемъ населенія, но и чрезмѣрнымъ расширеніемъ Россіи и Германіи вслѣдствіе раздѣленія Польши. Мы и самую Голландію заняли, только будучи принуждены необходимостью защищаться и безъ всякаго намѣренія захватывать право и владѣнія этой страны. Вступая въ Италію съ запасною мыслью располагать, не по праву, но изъ собственной выгоды, землями отнятыми у непріятеля, уполномочивая своего генерала возбуждать населеніе противъ монарховъ, не для обезпеченія независимости населенію, но для того чтобъ имъ воспользоваться съ помощью обмана, Директорія не только вела наступательную войну, дальнѣйшаго развитія которой не возможно было предвидѣть, она замѣнила принципы выгодами, право силою, вступила на путь старинной рутины—войнъ расширенія, и, какъ неизбѣжное послѣдствіе этого, дала военному элементу перевѣсъ въ Республикѣ

Прокламація, которою Бонапарте увѣдомлялъ свою армію объ открытіи войны, далеко не заключала въ себѣ того, что до тѣхъ поръ воодушевляло республиканскія арміи. Здѣсь уже не обращались къ ихъ патріотизму, но къ честолюбію. Война, объявлявшаяся этою прокламаціею, не была уже войною свободы, но войною завоеваній.

„Солдаты, говорилъ онъ:—васъ плохо кормятъ, и вы почти наги. Правительство много вамъ должно, но ничего не въ состояніи сдѣлать для васъ. Терпѣніе ваше и храбрость дѣлаютъ вамъ честь, но не приносятъ ни выгодъ, ни славы. Я веду васъ въ самыя плодородныя страны въ мірѣ, гдѣ вы найдете большіе города, богатыя провинціи, гдѣ вы найдете почести, славу и *богатства*. Солдаты Итальянской арміи! неужели вы не будете храбры?"

Эти обольстительныя обѣщанія, долженствующія часто повторяться въ прокламаціяхъ Бонапарте, эти обѣщанія богатства, изобилія и побѣдъ, не освободительныхъ, но завоевательныхъ, раздавались еще въ первый разъ. До тѣхъ поръ республиканскимъ солдатамъ часто говорили о тираніи, которую слѣдовало уничтожить, о свободѣ, требовавшей отмщенія, о разбитіи оковъ,—и если это была избитая фразеологія, то по крайней мѣрѣ силы, прикрываемыя ею, не устарѣли; но никогда не говорили имъ о пріобрѣтеніи богатствъ, никогда не старались возбудить въ нихъ отвагу, разжигая алчность; до тѣхъ поръ они были извѣстны по своей храбрости и по своему безкорыстію. Читая эти первыя слова, обращенныя къ вооруженной демократіи могущественнымъ обольстителемъ, съ грустью думается о безумныхъ и гигантскихъ предпріятіяхъ, куда онъ долженъ былъ вовлечь ее ложною приманкою величія. Конечно, солдаты республики не въ одинъ день превратились въ солдатъ имперіи, но превращеніе началось въ день этой прокламаціи, въ которой Бонапарте указалъ имъ на Италію, не какъ на страну, требовавшую освобожденія, но какъ на добычу.

Легко понять, какое должны были произвести дѣйствіе подобныя возбужденія, притомъ взывающія къ одной изъ благороднѣйшихъ страстей, на армію нетерпѣливую, голодную, терпѣвшую во всемъ недостатки и состоявшую по большей части изъ молодежи пылкой, склонной къ похожденіямъ и которой предстояло устроить свою карьеру. Сперва они возбудили въ солдатѣ жажду къ грабежу, другаго примѣра которой не представляетъ современная война, — въ начальникахъ—духъ честолюбія и ненасытимую алчность, о которыхъ намъ часто придется говорить. Однако же это еще не были самыя серьезныя и самыя опасныя послѣдствія перемѣны нашего военнаго духа.

По прибытіи въ главную квартиру, Бонапарте нашелъ армію на тѣхъ же позиціяхъ, какія занимала она послѣ сраженія при Лоано—послѣ блестящей, но безполезной побѣды Шерера. Войска наши стояли эшелонами по дорогѣ изъ Ниццы въ Савону, занимая ущелье Тенде; дивизія Серюрье наблюдала въ Гарессіо за укрѣпленнымъ лагеремъ Цевы по ту сторону Аппенинъ.

Силы наши считаютъ въ 30,000 человѣкъ, согласно съ цифрою, обозначенною Наполеономъ, который однакожъ не всегда согласуется самъ съ собою въ подобныхъ случаяхъ. Естественнѣе за этимъ обращаться къ его Корреспондеціи, писанной, такъ сказать, подъ диктовку событій, нежели къ *Запискамъ*, сочиненнымъ послѣ для потомства, въ которыхъ многія обстоятельства искажены или обойдены молчаніемъ. Но и въ Корреспонденціи исчисленіе не всегда одинаково. Если впрочемъ принять цифру, заключающуюся въ письмѣ къ Карно, писанномъ изъ Хераско 29-го апрѣля, чрезъ двѣ недѣли по открытіи кампаніи и до прибытія подкрѣпленія изъ Альпійской арміи, — письмо, въ которомъ онъ настоятельно требовалъ помощи и слѣдовательно имѣлъ разсчетъ уменьшать количество своихъ войскъ, то армія его со-

стояла изъ 35,000 человѣкъ.[12]) Въ то же время онъ объявляетъ, что намѣренъ вступить въ Ломбардію съ 28,000— цифра, которой невозможно принять, предположивъ, что онъ началъ кампанію съ 30,000, потому что съ тѣхъ поръ онъ далъ шесть кровопролитныхъ сраженій и оставилъ значительные гарнизоны во многихъ укрѣпленіяхъ.

Можно, кажется, безъ боязни ошибки и принимая въ разсчетъ преувеличенія какъ въ ту, такъ и въ другую сторону, опредѣлить французскую армію отъ 36,000, до 38,000 человѣкъ; но она состояла изъ превосходныхъ войскъ, издавна привыкшихъ къ горной войнѣ на Альпахъ и Пиринеяхъ, пламенно желавшихъ покинуть для новыхъ битвъ безплодныя скалы, гдѣ они изнемогали въ сраженіяхъ, не приносившихъ ни славы, ни выгодъ. Во главѣ этой арміи отличались пріобрѣвшіе уже извѣстность генералы: Массена, Ожеро, Серюрье, Лагарпъ, Червони и Кильменъ; въ нижнихъ ея рядахъ находилась большая часть людей, имѣвшихъ составить славу имперіи, какъ — Жюно, Мюратъ, Мармонъ, Ланнъ, Викторъ, Сюше, Бертье, Рампонъ и другіе, которымъ суждено было пасть прежде, нежели они увидѣли всѣ плоды побѣдъ, захваченные на пользу одного человѣка: Жубертъ, Мюнронъ, Стенгель, Ланюссъ.

На назначеніе Бонапарте главнокомандующимъ смотрѣли не совсѣмъ благопріятно иные изъ этихъ генераловъ, заслуги которыхъ были старѣе и замѣтнѣе, хотя и не существеннѣе заслугъ Наполеона; но ихъ ропотъ заглушался восторженными восклицаніями ихъ молодыхъ товарищей, которые въ быстромъ возвышеніи Бонапарте видѣли вѣрный залогъ своего собственнаго возвышенія. Молодому генералу не безъизвѣстно было это расположеніе, но будучи увѣренъ въ себѣ

---

[13]) Въ другомъ мѣстѣ 34,000 пѣхоты и 3,500 ч. кавалеріи. (Къ директоріи, Каррю, 24-го апрѣля). Въ томъ же письмѣ онъ исчисляетъ непріятельскія силы въ 100.000—цифра фантастическая. *Прим. автора.*

самомъ, онъ съ перваго же дня принялъ какъ съ недовольными, такъ и со всѣми рѣшительный и начальническій тонъ, столь ему свойственный. Массена и Ожеро, наиболѣе ему враждебные, писали къ нему поздравительныя письма, и вскорѣ тайная ихъ непріязнь не смѣла обнаруживаться при блескѣ его побѣдъ.

Піемонтская армія состояла изъ 20,000 человѣкъ хорошихъ войскъ подъ командою замѣчательнаго въ военномъ дѣлѣ генерала Колли; въ австрійской считалось отъ 38,000 до 40,000, подъ начальствомъ Больё, генерала опытнаго, но стараго и не имѣвшаго хорошихъ помощниковъ. Эти обѣ арміи, назначенныя дѣйствовать совмѣстно, занимали покатости Аппенинъ, противоположныя морю; но та и другая преслѣдовали особенную цѣль, мало удобную для поддержанія между ними единства дѣйствій, столь для нихъ необходимаго. Первая должна была прикрывать въ особенности Піемонтъ, вторая не допускать насъ въ Ломбардію. Двойное это занятіе, мало удобное для общаго дѣла, усложнялось еще взаимными несогласіями и недовѣріемъ. Піемонтъ, находившійся въ союзѣ съ Австріею по трактату 1794 г., былъ весьма недоволенъ способомъ, съ какимъ послѣдняя держава выполняла условія, и, дѣйствуя съ нею заодно, съ досадою подчинялся ея требованіямъ. Первымъ нашимъ дѣло было отдѣлить Піемонтъ отъ его союзника, что и легко было начать съ помощью стратегіи и окончить посредствомъ политики.

Сообразно съ первымъ своимъ планомъ кампаніи, Бонапарте рѣшился перейдти Альпы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ они ниже, т. е. близъ точки соприкосновенія ихъ съ Аппенинами, повыше Савоны. Проходя по этому пути, онъ значительно облегчалъ движеніе транспортовъ, что было очень важно въ виду ранняго времени года, и независимо отъ этого, вмѣсто того, чтобъ идти возлѣ крѣпостей, защищавшихъ входъ въ Піемонтъ со стороны ущелья Тенде, или укрѣпленнаго ла-

геря Цевы, оберегавшаго эти владѣнія со стороны ущелья Бардинетто, онъ вступалъ въ Піемонтъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ соприкасались обѣ арміи, и могъ ударить на ту или на другую по своему усмотрѣнію. Итакъ онъ перенесъ главную квартиру въ Альбенгу за двадцать миль впереди Ниццы на извѣстной горной дорогѣ *Corniche*. Онъ надѣялся захватить врасплохъ австрійцевъ, но движеніе одной изъ его дивизій на Генуу подало имъ сигналъ, и они сами напали на Бонапарте.

Обманутый касательно намѣреній Бонапарте, австрійскій главнокомандующій Больё перешелъ Аппенины у Бокетты, повыше Генуи, съ частью своей арміи, чтобъ прикрыть этотъ городъ. Его помощникъ Аржанто получилъ приказаніе перейдти горы выше Савоны, по ущелью Монтенотте, т. е. по той самой дорогѣ, по которой французы намѣревались ринуться на Піемонтъ. Еслибъ удалось это движеніе, то вся часть французской арміи, находившаяся вдоль моря между Савоною и Генуею, была бы отрѣзана и взята въ плѣнъ. Но пока Больё тѣснилъ дивизію Лагарпа, составлявшую наши аванпосты, со стороны Генуи, Аржанто встрѣтилъ по дорогѣ въ Монтеледжино препятствіе, разомъ остановившее его движеніе. Это былъ простой редутъ, защищаемый 1200 человѣкъ подъ командою полковника Рампона. Отъ этого редута со столь слабою защитою зависѣла тогда участь кампаніи. Солдаты поклялись защищаться до послѣдней капли крови. Рампонъ выдержалъ три яростныхъ приступа, и стойкость его спасла армію.

Понимая опасность, отъ которой онъ избавился какъ бы чудомъ, Бонапарте, находившійся тогда въ Савонѣ, употребилъ всю ночь на то, чтобъ скрыть свое движеніе отъ непріятеля и нанести ему одинъ изъ неожиданныхъ ударовъ,— любимый пріемъ его военнаго генія. На другой день утромъ 12-го апрѣля, Больё не нашелъ никого впереди, а Аржанто, который вытянулся отъ Ментеледжино до Монтенотте, встрѣ-

тилъ впереди редута дивизіи Лагарпа и Ожеро, а сзади дивизію Массены, прибывшую окольными дорогами. Будучи застигнутъ превосходными силами, онъ былъ принужденъ отступить на Дего, гдѣ находились остатки австрійской арміи, оставивъ въ рукахъ французовъ двѣ тысячи плѣнныхъ.

Первое это дѣло, извѣстное подъ именемъ Монтеноттскаго сраженія, не только все исправило, но и внесло разстройство въ австрійскую армію, корпуса которой, разбросанные отъ Генуи до Дего, не представляли уже массы и единства, достаточныхъ для перехода въ наступленіе. Нетерпѣливо желая докончить побѣду, Бонапарте напалъ на нихъ 13-го апрѣля. Но на этотъ разъ онъ очутился между двумя арміями австрійскою и итальянскою, изъ которыхъ послѣдняя въ Милесимо прикрывала дорогу въ Піемонтъ, а первая старалась собратся на дорогахъ Акки и Миланской. Онъ ихъ оттѣснилъ за ущелья Милесимо на Цеву, отрѣзавъ одну изъ ихъ дивизій подъ начальствомъ Провэры. Послѣдній принужденъ былъ запереться въ замкѣ Коссаріа, но сдался послѣ двадцати-четырехъ часоваго сопротивленія. На другой день, 14-го апрѣля, оставивъ одного только Ожеро съ дивизіею для охраны ущелій Миллесимо противъ піемонтцевъ, которые не умѣли понять необходимости соединенія во что бы то ни стало съ Больё, Бонапарте сосредоточилъ всѣ свои остальныя силы противъ австрійской арміи: послѣ нѣсколькихъ приступовъ онъ выгналъ ее изъ Дего и взялъ четыре тысячи плѣнныхъ. Черезъ нѣсколько часовъ количество это почти удвоилось, вслѣдствіе ошибки одного изъ блуждавшихъ корпусовъ Больё, который, выйдя изъ Генуи для соединенія съ австрійцами, наткнулся на французскую армію и взялъ Дего лишь для того, чтобъ немедленно почти быть взятымъ самому.

И такъ, въ четыре дня, благодаря быстротѣ своихъ движеній и системѣ неожиданныхъ ударовъ, посредствомъ которыхъ онъ въ каждомъ сраженіи являлся съ превосходными

противъ непріятеля силами, Бонапарте достигъ чрезвычайно важнаго результата—раздѣленія двухъ союзныхъ армій. Піемонтцы отступили на Цеву и Мондови, австрійцы на Акки, а французская армія очутилась владычицею двухъ дорогъ, съ тѣхъ поръ дѣйствительно обладавшая превосходными силами надъ каждымъ непріятелемъ и могшая напасть на того или другаго по своему усмотрѣнію. Важность этихъ результатовъ поразила всѣхъ, и когда солдаты на походѣ въ Севу вступили на высоты Монте-Земото и увидѣли великолѣпныя равнины, разстилавшіяся передъ ними, окруженныя чуднымъ амфитеатромъ величественныхъ Альповъ, они остановились отъ восторга и единодушными восклицаніями привѣтствовали своего молодаго главнокомандующаго.

По раздѣленіи непріятельскихъ армій Директорія предписывала Бонапарте — не обращать вниманія на Піемонтъ, и устремиться на Миланъ. Предписаніе это не было безусловно, ибо его уполномочивали бомбардировать Туринъ, въ случаѣ надобности, „если бы по обстоятельствамъ оказалось это необходимымъ", но съ тѣмъ, чтобъ онъ останавливался какъ можно менѣе въ Піемонтѣ. Генералъ же, напротивъ, твердо рѣшился, не уничтоживъ послѣдняго,—не вступать въ Ломбардію. И такъ, оставивъ дивизію Лагарпа въ Сан-Бенедетто въ обезпеченіе себя отъ нападенія австрійцевъ, и будучи подкрѣпленъ дивизіею Серюрье, наблюдавшею до тѣхъ поръ Гарессіо передъ Цевою, онъ со всѣми своими силами бросился на слабую піемонтскую армію. Послѣдняя, бывъ принуждена отступать предъ гораздо сильнѣйшимъ непріятелемъ, едва пыталась защищать укрѣпленный лагерь Цевы и ограничилась тѣмъ, что стягивалась шагъ за шагомъ, пользуясь всевозможными препятствіями, какія представляла мѣстность, чтобъ замедлить шествіе французовъ и дать время австрійцамъ поправиться и придти къ ней на помощь. 23-го марта послѣ цѣлаго ряда отдѣльныхъ сраженій она была настигнута при Мондови. Она защищалась храбро, но безъ

успѣха и потеряла три тысячи человѣкъ убитыми и ранеными. 23-го апрѣля Колли попросилъ перемирія, чтобъ выиграть время, но его и слушать не хотѣли. 25-го Бонапарте прибылъ въ Хераско и очутился не болѣе какъ въ десяти миляхъ отъ Турина.

При сардинскомъ дворѣ царствовалъ ужасъ. Король былъ за продолженіе войны, но всѣ почти окружающіе его, испугавшись мысли о торжествѣ революціонной вспышки въ Туринѣ, просили его о заключеніи мира. Въ отчаяніе однакоже приходить было нечего, ибо сопротивленіе, продолжаясь, могло только предоставить побѣжденнымъ всѣ шансы, которые оно должно было отнять у побѣдителей. По своему топографическому положенію, ущельямъ, многочисленнымъ крѣпостямъ, по своему энергическому, отважному населенію, Піемонтъ былъ какъ бы созданъ для партизанской войны. Одинъ Туринъ могъ долго удерживать французовъ, у которыхъ не было ни запасовъ, ни крѣпостной артиллеріи; ему стоило только заглянуть въ собственную исторію, чтобъ въ ней найдти славные примѣры для подражанія и которые могли спасти его. Піемонтская армія имѣла еще драгоцѣнныя средства—многочисленную артиллерію и отличную кавалерію, превосходнѣе нашей, — при томъ же Больё выступилъ уже къ ней на помощь. Но могутъ ли подобныя условія быть взвѣшены умами, деморализованными страхомъ? Король уступилъ мольбамъ окружающихъ, страху богатыхъ, изнѣженныхъ гражданъ, и самъ отдался непріятелю.

По приказанію его, маршалъ Де-ла-Туръ отправился въ лагерь Бонапарте. Для послѣдняго это была неожиданная нечаянность, и онъ принялъ посланнаго съ тѣмъ побѣдительнымъ и начальственнымъ тономъ, которымъ онъ умѣлъ пользоваться, и когда маршалъ произнесъ слово „условія“, онъ воскликнулъ: „—Условія! Это мое дѣло предложить ихъ, и вы должны принять ихъ немедленно, а иначе Туринъ завтра

же утромъ будетъ въ моей власти". Директорія формально запретила генералу право перемирія, но онъ не поколебался нарушить это запрещеніе, будучи увѣренъ, что его простятъ по случаю побѣдъ. Какова бы ни была впрочемъ эта увѣренность, которую онъ считалъ своею обязанностью обнаруживать, она въ сущности была такъ мало искренна, что онъ поощрялъ революціонныя демонстраціи въ Асти, чтобъ ускорить медленные, по его мнѣнію, переговоры. (Письмо къ адъютанту Балле 26-го апрѣля). Перемиріе подписано было 26-го апрѣля. Піемонтъ выходилъ изъ коалиціи, и, въ знакъ своей покорности, до заключенія мира оставлялъ за Франціею крѣпости Кони, Цеву и Тортону, или вмѣсто послѣдней Александрію; онъ предоставлялъ французамъ всѣ военные пути сообщенія съ Франціею, наконецъ распускалъ армію и милицію. Желая обмануть Австрію относительно своихъ намѣреній, онъ велѣлъ включить одинъ параграфъ, по которому должны были отдать ему городъ Валенцію, для обезпеченія перехода черезъ По.

Перемиріемъ этимъ Бонапарте принесъ большую пользу, нежели завоеваніемъ Піемонта, ибо побѣда обязывала бы его къ занятію этого государства, весьма тягостному, продолжительному и исполненному опасностей; теперь же онъ держалъ его въ рукахъ, имѣлъ обезпеченные пути сообщенія, и могъ безъ боязни ринуться на Ломбардію.

Прежде подписанія перемирія, онъ поспѣшилъ увѣдомить о немъ Директорію, стараясь прикрыться одобреніемъ генераловъ и правительственныхъ комиссаровъ, „которые, подобно мнѣ,—говорилъ онъ,—смотрятъ на это событіе какъ на самое счастливое, какое только можно себѣ представить". (27-го апрѣля). На другой день онъ сообщилъ директорамъ самое перемиріе, и изъявляя полную готовность подчиниться ихъ рѣшенію, на случай еслибы они отказались подписать миръ, онъ нѣкоторымъ образомъ понуждалъ ихъ извѣщеніемъ, что немедленно предпринимаетъ преслѣдованіе Больё. Онъ предло-

жилъ имъ — „не разсчитывать на революцію въ Піемонтѣ, ибо для этого, говоритъ онъ:—необходимо, чтобъ эти народы созрѣли“. Слова эта заранѣе уничтожали любимую мечту Директоріи. Бонапарте надѣялся черезъ мѣсяцъ быть въ Тиролѣ, подать помощь рейнскимъ арміямъ и перенести войну въ Баварію. „Если однако вы не примете мира съ сардинскимъ королемъ, писалъ онъ 29-го апрѣля:—если намѣрены свергнуть его съ престола,—то необходимо, чтобъ вы позабавили его нѣсколько времени и предупредили меня вмѣстѣ: я овладѣваю Валенціею и иду на Туринъ“.

„Я наложу, прибавлялъ онъ:—нѣсколько милліоновъ на герцога пармскаго; онъ будетъ просить у васъ перемирія, но вы не спѣшите заключать, пока я не заставлю его выплатить военныхъ издержекъ“.

Что касается Генуэзской республики, у которой продолжали требовать стариннаго вознагражденія по поводу фрегата „Модеста“ скорѣе мѣрами устрашенія, нежели какими либо другими, Бонапарте писалъ въ началѣ кампаніи нашему министру въ Генуѣ, Файпульту, что было бы счастьемъ получить *три милліона*. Теперь онъ уже совѣтовалъ требовать пятнадцатъ: — такъ побѣда сдѣлала его притязательнымъ.

Этотъ духъ алчности, эта жажда корысти, которые онъ столь безразсудно возбудилъ въ арміи, желая заохотить ее къ великимъ предпріятіямъ,—выразились такими грабежами и насиліями, что онъ сперва самъ испугался своего дѣйствія. Въ Цевѣ, Сен-Мишелѣ и Мондовѣ солдаты предавались неистовствамъ, которыя по выраженію самого Бонапарте, „заставляютъ краснѣть за человѣка“ (письмо въ Директорію, Каррю 24-го апрѣля).

„Я хочу показать ужасный примѣръ, прибавляетъ онъ:— я отмѣню приказъ, или откажусь отъ командованія этими разбойниками“. 23-го апрѣля въ Лезенье онъ отдалъ приказъ, гдѣ, говоря о томъ, что видитъ съ ужасомъ страшный

грабежъ, которому предаются развращенные люди, предписываетъ начальникамъ донести „о нравственности военныхъ комиссаровъ, генералъ-адъютантовъ и старшихъ офицеровъ", и уполномочиваетъ начальниковъ дивизій — разстрѣливать офицеровъ и солдатъ, уличенныхъ въ грабежѣ. Чрезъ нѣсколько дней послѣдовалъ второй приказъ, доказывающій о плохомъ исполненіи перваго. „Если грабежъ будетъ продолжаться, говоритъ онъ:—все погибло, даже честь и слава", и прибавляетъ, „что онъ предполагалъ взять большія контрибуціи съ завоеванныхъ странъ, чтобъ имѣть возможность уплатить деньгами половинное жалованье"

Дѣйствительно, онъ показалъ примѣры строгости: офицеровъ разжаловывали, солдатъ разстрѣливали; но съ системою эксплуатаціи, какую самъ онъ считалъ законною въ примѣненіи къ народамъ, которыхъ мы призваны были освободить, онъ не имѣлъ возможности достигнуть коренной, глубокой реформы; все, что онъ могъ сдѣлать — положить конецъ явнымъ безпорядкамъ, сценамъ насилія; однимъ словомъ, регуляризировать грабежъ, но не прекратить его, ибо безкорыстіе невозможно было въ солдатѣ, когда оно не существовало въ начальникахъ. Онъ первый извиняетъ тѣхъ, кого долженъ былъ наказывать. „Эти несчастные, говорилъ онъ:—заслуживаютъ снисхожденія; послѣ трехлѣтнихъ томленій на вершинахъ Альповъ, они вступаютъ наконецъ въ обѣтованную землю; имъ хочется насладиться ею". (Хераско, 26-го апрѣля, въ Директорію). Обѣтованная земля! Дѣйствительно этимъ именемъ называлъ онъ своимъ солдатамъ Италію. Что жъ удивительнаго, что они поймали его на словѣ, требуя свою долю добычи.

По какому праву онъ разсчитывалъ одинъ располагать общимъ завоеваніемъ? Неужели грабежъ остается дѣломъ справедливымъ, если онъ совершенъ по извѣстнымъ правиламъ и отъ имени правительства? Очевидно, таково было его мнѣніе, ибо въ томъ же самомъ письмѣ, въ которомъ онъ

заявлялъ объ ужасахъ, приводившихъ его въ трепетъ, онъ говоритъ: „Прекрасная эта страна, обезпеченная отъ грабежа, доставитъ намъ значительныя выгоды; одна провинція Мондови дастъ намъ милліонъ контрибуціи". Отъ грабежа до подобной эксплуатаціи—разстояніе, безъ сомнѣнія, было огромно съ точки зрѣнія дисциплины арміи, но съ точки зрѣнія моральной, и то и другое происходило изъ одного источника и должно привести къ однимъ и тѣмъ же результатамъ.

Въ новой прокламаціи (26-го апрѣля, Хераско), обращенной къ арміи, которую Бонапарте привѣтствовалъ названіемъ „завоевательницы Италіи", онъ перечисляетъ прошедшіе подвиги своихъ солдатъ и указываетъ на тѣ, которые вскорѣ предстояло имъ исполнить; онъ имъ напомнилъ, что „прахъ побѣдителей Тарквинія попирали еще убійцы Басвиля". Какую же награду обѣщалъ онъ для возбужденія въ нихъ пыла? Наградою этою была все та же Италія. „Друзья, говорилъ онъ имъ:—я обѣщаю вамъ это *завоеваніе*", и по какому-то необыкновенно странному противорѣчію онъ называетъ ихъ „*освободителями* народовъ". Онъ оканчиваетъ обращеніемъ къ итальянцамъ слѣдующими словами: „Народы Италіи! армія Итальянская пришла для того, *чтобъ разбить ваши оковы;* народъ французскій — другъ всѣхъ народовъ; встрѣчайте довѣрчиво эту армію". Плохо же ознаменовалось вступленіе въ роль спасителей, когда сразу начали грабить тѣхъ, кого пришли спасать отъ угнетенія.

Извѣстіе объ этихъ успѣхахъ произвело необыкновенное дѣйствіе въ Парижѣ. Никогда еще ни одно торжество не поражало умовъ такою простотою дѣйствій и такою громадностью результатовъ. Вся Франція заразилась горячкою, которая овладѣла арміею. Ежедневно утромъ „Мониторъ" печаталъ рапорты Бонапарте Директоріи, его прокламаціи къ арміи и количество добычи, отнятой имъ у непріятеля. Умы воспламенились. Что же касается новыхъ людей, составляв-

шихъ большинство Директоріи, людей, вчера еще темныхъ, а сегодня облеченныхъ властью располагать завоеванными царствами, то они были ослѣплены перспективою, которую генералъ открывалъ передъ ними, и, не предвидя неизбѣжнаго предѣла, куда долженъ былъ вскорѣ привести духъ завоеваній, позабывъ, что вся сила ихъ заключалась лишь въ вѣрности новымъ идеямъ, они въ упоеніи слѣдовали за Бонапарте по пути, по которому онъ увлекалъ ихъ. Съ восторженною радостью приняли они его адъютанта Мюрата, который привезъ имъ знамена, взятыя у непріятеля; они осыпали генерала самыми лестными знаками одобренія; приказали Совѣтамъ издать декретъ, что Итальянская армія оказала большія заслуги; подписавъ миръ, одобрили политику Бонапарте, принятую имъ относительно Сардинскаго двора, который съ тѣхъ поръ очутился въ полной власти французовъ; наконецъ, будучи ослѣплены его исчисленіемъ неисчерпаемыхъ источниковъ, представляемыхъ Италіею, и средствами, какія думали тамъ найдти для поправленія своихъ истощенныхъ финансовъ, они ободряли его въ системѣ, которой онъ предполагалъ слѣдовать относительно итальянцевъ, и подобно тѣмъ монархамъ Божіею милостью, которыхъ они такъ часто безчестили въ своихъ прокламаціяхъ, скоро начали смотрѣть на Италію какъ на богатую ферму для эксплуатаціи, а на ея народы какъ на людей, подлежащихъ произвольнымъ налогамъ и барщинѣ.

Новыя инструкціи, посланныя Директоріею Бонапарте 7 мая, имѣли господствующее и неотразимое вліяніе на дальнѣйшее веденіе войны. Съ этими-то документами необходимо справляться, кто хочетъ знать истинный смыслъ нашего занятія Италіи, ибо невозможно основываться на условныхъ причинахъ, однообразно повторяемыхъ безсовѣстными или непроницательными историками. Главнѣйшая ошибка первоначальныхъ инструкцій Директоріи, въ особенности, заключалась въ сомнѣніи и медленности относительно

иныхъ обстоятельствъ, о которыхъ никогда не должно-бъ быть вопроса для правительства, возникшаго изъ французской революціи: вторыя вошли безвозвратно на путь, который до этихъ поръ былъ только обозначенъ, и вошли самымъ печальнымъ образомъ, ибо есть тамъ нѣчто серьезнѣе политики завоеваній, именно политика грабежа и расхищенія.

При чтеніи этихъ документовъ поразительнѣе и возмутительнѣе всего—необыкновенная сила, какую пріобрѣла въ столь короткое время эта жажда завладѣнія богатствами дружественнаго народа, и безстыдство, съ которымъ высказывается эта алчность, по большей части столь искусно прикрывающаяся политическими поводами. Отъ эксплуатаціи Генуи не отказываются, но считаютъ нужнымъ еще пощадить, потому что она можетъ сдѣлаться опасною. Нѣтъ никакой причины атаковать Тоскану, ибо французская республика въ мирѣ съ нею, но надобно вступить въ Ливорно, гдѣ можно захватить англійскія, неаполитанскія и проч. суда. Тамъ конфискуются имѣнія иностранцевъ и оставляется гарнизонъ, для защиты города. Что касается до Пармскаго герцогства, вошедшаго, въ коалицію, то его не тронутъ во вниманіе къ Испаніи, съ которою мы заключили миръ, но не преминутъ все-таки вынудить у него значительную сумму.

Можетъ быть, Миланъ заслужитъ въ нашихъ глазахъ снисхожденіе, потому что мы освобождаемъ его изъ-подъ ига австрійскаго дома? Ничуть не бывало: „Миланъ въ особенности *щадить не слѣдуетъ*, писали директоры Бонапарте: — возьмите съ него тотчасъ контрибуцію звонкою монетою, и во время первоначальнаго страха, внушеннаго приближеніемъ нашей арміи, надобно соблюдать экономію въ ея употребленіи.“

„Если Римъ сдѣлаетъ первый шагъ, то прежде всего надобно потребовать, чтобъ папа приказалъ всенародно молиться объ успѣхѣ французскаго оружія. Нѣкоторые изъ его красивыхъ памятниковъ, статуй, картинъ, медалей, библіо-

текъ и серебряныхъ мадоннъ вознаградятъ насъ за издержки, какихъ будетъ стоить намъ ваше посѣщеніе Рима и проч."

Этотъ послѣдній родъ грабежа, неслыханнаго въ мірѣ со временъ знаменитаго взятія римлянами Коринѳа, способствовалъ, можетъ быть, болѣе всего къ возстановленію противъ насъ народовъ, и конечно справедливо, ибо отнять у нихъ произведенія геніевъ—все равно что ограбить ихъ прошедшее, ихъ славу. Всѣ прежніе завоеватели оставляли итальянцамъ эти историческіе ихъ памятники, похищенные только ихъ освободителями!

Нѣтъ ничего удивительнаго, что развращенный Барра́ могъ подписать подобныя условія; но непонятно, какъ неподкупной честности Карно не возмутился и подкрѣпилъ своимъ именемъ политику, столь удаленную отъ принциповъ Революціи. Чего нельзя было ожидать, когда уже человѣкъ, считавшійся олицетвореніемъ древней добродѣтели, не погнушался подтвердить такія предложенія? Трудно знать настояще, принадлежала ли Бонапарте или Директоріи иниціатива конфискаціи картинъ и статуй въ Италіи, мѣра чуждая нашимъ новѣйшимъ нравамъ, но которая, къ сожалѣнію, была употреблена за годъ предъ тѣмъ въ Голландіи и Бельгіи, хотя и въ значительно меньшихъ размѣрахъ. Вѣроятнѣе всего, постыдное это дѣло было обсужено, и предъ отъѣздомъ генерала передано ему словесно, на всякій случай; оно могло быть принято и обобщено только человѣкомъ, который столько способствовалъ къ возстановленію стариннаго права завоеванія съ его самыми яркими злоупотребленіями, но Директорія раздѣляетъ съ нимъ въ этомъ дѣлѣ и печальную славу и отвѣтственность [14]). Должно сказать однако же, что

---

[14]) Тибодо (Thibeaudeau), одинъ изъ людей, лучше всего олицетворяющихъ эту эпоху, съ негодованіемъ разсказываетъ въ своихъ *Запискахъ о Директоріи*, что французскіе артисты осмѣливались подавать въ Директорію прошеніе, протестуя противъ этого *перемѣщенія* образцовыхъ произведеній искусства. Онъ позабылъ упомянуть объ отважномъ про-

инструкція Директоріи касательно этой мѣры относилась только къ папскимъ владѣніямъ, тогда какъ 1 мая Бонапарте писалъ къ Фейпульту, нашему министру въ Генуѣ:

„Пришлите мнѣ замѣтки о герцогахъ пармскомъ, піаченскомъ, моденскомъ, о силахъ, какими они располагаютъ, и въ чемъ заключаются богатства этихъ странъ. Въ особенности сообщите мнѣ списокъ *картинъ, статуй и разныхъ рѣдкостей*., находящихся въ Миланѣ, Пармѣ, Піаченцѣ, Болоньѣ и проч.“

А 6 мая, наканунѣ дня, въ который инструкціи долженствовали быть высланы изъ Парижа, онъ писалъ о томъ же въ Директорію, безъ предварительныхъ разсужденій, какъ поступаютъ съ дѣломъ рѣшеннымъ: „Было бы полезно, — говоритъ онъ: — чтобъ вы прислали мнѣ трехъ или четырехъ извѣстныхъ артистовъ для выбора вещей, *которыя слѣдуетъ взять* и отправить въ Парижъ.“

Національное самолюбіе часто набрасывало покрывало на побужденія постыдной алчности, господствовавшія при первомъ нашемъ занятіи Италіи, и которыя съ самаго же начала омрачили блескъ нашихъ побѣдъ и испортили плоды ихъ. Обыкновенно предпочитаютъ останавливаться на эфектныхъ фразахъ и на риторическихъ общихъ мѣстахъ, предназначенныхъ для забавы толпы; картины эти болѣе льстятъ и болѣе пріятны народнымъ самолюбіямъ, но за то ускользаетъ истинный духъ событій, перипетіи которыхъ становятся загадкою. Непонятна, кажется, быстрота, съ какою со-

тестѣ Катрмера де Кенси (Quatremère de Quincy). Противники этой мѣры, въ его глазахъ, не болѣе какъ «враги нашей славы, странные умы, фанатики.» Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія онъ приводитъ то, что дѣлалось въ Греціи и Египтѣ, и удивляется, что у насъ оспариваютъ право заставить уступить намъ нѣсколько картинъ, которыя *могли быть сожжены* нашими войсками; нѣсколько мраморныхъ издѣлій, которыя *могли быть разрушены* солдатами.» Вотъ какимъ образомъ этотъ трибунъ понималъ право.

Пр. авт.

крушается наше дѣло въ Италіи; наконецъ не могутъ объяснить себѣ, какимъ образомъ Республика погибла отъ руки республиканскихъ же солдатъ. Кто шагъ за шагомъ слѣдилъ преуспѣяніе духа, развратившаго наши политическія и военныя учрежденія, — для того въ этихъ событіяхъ нѣтъ ничего непредвидѣннаго: тотъ не удивится ни хладнокровію, съ какимъ эти апостолы республиканской добродѣтели барышничали правами народовъ, словно дѣло шло о какой нибудь скотинѣ, ни малой прочности призрака республикъ, оставленныхъ нами въ Италіи послѣ завоеванія; наконецъ ему легко понять, какимъ образомъ солдаты наши, не привыкшіе уважать другаго закона кромѣ военнаго права, видѣвшіе только во власти награду за побѣды, получавшіе все отъ своего главнокомандующаго, — не поколебались 18 брюмера повергнуть къ его ногамъ послѣднее завоеваніе.

Что касается военныхъ дѣйствій, Директорія сообщила генералу рѣшеніе чрезвычайной важности, влекшее за собою раздѣленіе начальствованія арміею и перемѣну всего плана кампаніи Бонапарте. Его увѣдомляли о раздѣленіи Итальянской арміи на два корпуса: одинъ подъ командою Келлермана долженъ былъ оберегать Миланъ отъ дальнѣйшаго нападенія австрійцевъ; а другой, ввѣренный Бонапарте, имѣлъ отправиться вдоль берега на Ливорно, Римъ и Неаполь. Директорія въ особенности настаивала на экспедиціи въ Римъ, придавая этому, какъ кажется, большую важность, потому ли что надѣялась нанести самый чувствительный ударъ старинному суевѣрію, открывъ всему міру немощь идола, или рвеніе это было подстрекаемо завистью теофилантропа Ларевельера, видѣвшаго въ папѣ личнаго врага. Наконецъ Директорія предлагала вновь Бонапарте не предпринимать ничего безъ совѣта ея комиссаровъ, и, не имѣя возможности порицать его за перемиріе, заключенное въ Хераско, благосклонно отнеслась къ нему за то, что онъ совѣтовался съ нею прежде приступленія къ договору. „Этого рода дѣла, — писала она:

преимущественно лежатъ на обязанности правительственныхъ комиссаровъ, находящихся при арміяхъ."

Инструкціи эти согласовались съ старою рутиною французскихъ вторженій, которыя всѣ потерпѣли послѣдовательно неудачу оттого, что устремлялись въ сердце Италіи, прежде чѣмъ заняты были пути къ ней. Онѣ опрокидывали всѣ планы Бонапарте, который, понимая со свойственною ему быстротою соображенія, что единственнымъ опаснымъ для насъ врагомъ была Австрія, хотѣлъ направить противъ нея всѣ свои силы, и сдѣлать неопреодолимую преграду изъ линіи Адидже, будучи увѣренъ, что по достиженіи этого результата слабыя итальянскія государства, одно за другимъ, сами попадутъ въ наши руки. Быстрота его движенія впередъ и успѣхи избавили его отъ необходимости выбора между безполезными увѣщаніями и опаснымъ принятіемъ и придали ему силу поддержать свои представленія.

Въ тотъ самый день, когда Директорія подписывала депеши, долженствовавшія огорчить его столь тягостною неожиданностью, именно 7 мая, Бонапарте, начавшій уже кампанію, подкрѣпивъ свою армію и обезпечивъ себѣ сообщенія, внезапно явился передъ Піаченцою, для перехода черезъ По. Обманутый ложными, нарочно распущенными слухами и фальшивыми движеніями, Больё ожидалъ его у Валенціи. Онъ покрылъ сложными укрѣпленіями не только подходы къ По, но и къ Тессину, представлявшему вторую линію и обѣщавшему для него весьма крѣпкую позицію въ Павіи, замѣчательной прежде по одной изъ нашихъ неудачъ. Направившись съ нѣсколькими тысячами человѣкъ на Піаченцу, миляхъ въ осьми повыше впаденія въ По Тессина, Бонапарте обошелъ разомъ Павію и Тессинъ и кромѣ того могъ совершить опасную всегда переправу чрезъ По, не боясь серьезныхъ препятствій со стороны непріятеля. Только на другой день въ Фомбіо возлѣ Пиццигентоне на него напала одна

австрійская дивизія, у которой онъ взялъ двѣ тысячи плѣнныхъ.

Будучи слишкомъ слабъ, чтобъ дѣйствовать открыто противъ французской арміи, Больё могъ разсчитывать на успѣшную борьбу, только пользуясь оборонительными линіями, которыя представляли ему многочисленные притоки По, бороздящіе верхнюю Италію съ сѣвера на югъ: Тессинъ, Адда, Огліо, Минчіо, Адидже. Такъ какъ линія Тессина была укрѣплена, то онъ поспѣшно отступилъ къ Аддѣ, очистивъ всю часть Ломбардіи, находящуюся между этими двумя рѣками, оставивъ впрочемъ гарнизонъ въ Миланскомъ укрѣпленіи. Бонапарте настигъ его 9 мая при Лоди, городѣ лежащемъ на томъ берегу Адды, который занимала французская армія. Городъ былъ взятъ безъ затрудненія, но, для того чтобъ переправиться чрезъ рѣку, представлялась необходимость овладѣть мостомъ, обороняемымъ артиллеріею и двѣнадцатью тысячами человѣкъ. Подобныя препятствія по большей части избѣгаютъ брать приступомъ, щадя жизнь солдатъ; но, овладѣвъ мостомъ, Бонапарте надѣялся раздѣлить двѣ австрійскія дивизіи, которыя, по его мнѣнію, находились еще за Аддой. Онъ не колеблясь рѣшился на этотъ смѣлый ударъ, вслѣдствіе чего образовалъ колонну изъ отборныхъ войскъ и прикрылъ ее городскими укрѣпленіями, приказавъ кавалеріи переправиться въ бродъ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ повыше моста. Сдѣлавъ эти распоряженія, онъ началъ осыпать мостъ ядрами и картечью. Непріятельская линія отступила за одно небольшое возвышеніе, чтобъ укрыться отъ огня. Вскорѣ наша кавалерія показалась у нея во флангѣ. Тогда наша колонна выступила изъ-за укрѣпленій, бросилась къ мосту и, послѣ минутнаго колебанія подъ тучею непріятельскихъ снарядовъ, перешла бѣглымъ шагомъ черезъ мостъ, переколовъ непріятельскихъ канонировъ при орудіяхъ.

Таково было сраженіе при Лоди, менѣе важное по своимъ матеріальнымъ послѣдствіямъ, какъ они значительны ни были,

нежели по той глубокой деморализаціи, которую оно внесло въ австрійскую армію, внушивъ послѣдней преувеличенное понятіе объ ея собственной слабости. Потерявъ только двѣсти человѣкъ, мы взяли двѣ тысячи плѣнныхъ. Блестящая эта битва отдала намъ Ломбардію. Больё принужденъ былъ отступить на Мантуу и на Минчіо.

Черезъ четыре дня послѣ своей побѣды, именно 14 мая, въ главной квартирѣ въ Лоди, Бонапарте получилъ предписаніе Директоріи, которое разрушало его планъ кампаніи и объявляло о необходимости раздѣлить съ Келлерманомъ начальство надъ арміею. Ничто не могло глубже оскорбить эту пылкую и честолюбивую душу; но съ рѣшимостью человѣка, сознающаго себя необходимымъ, онъ не поколебался предложить свою отставку, будучи въ глубинѣ души убѣжденъ, что ее не примутъ. Немедленно отвѣчалъ онъ Директоріи въ выраженіяхъ почтительныхъ, но съ твердостью. Онъ началъ донесеніемъ о завоеваніи Ломбардіи, что было самымъ лучшимъ вступленіемъ, придававшимъ вѣсъ его словамъ. Обсуждая потомъ проектъ экспедиціи на Ливорно, Римъ и Неаполь, онъ увѣрялъ, что тутъ достаточно простой военной демонстраціи, но съ условіемъ, чтобъ никто не мѣшалъ ему. „Если я долженъ за каждый мой шагъ отдавать отчетъ правительственнымъ комиссарамъ, если они имѣютъ право измѣнять мои движенія, отнимать у меня или прибавлять мнѣ войска, — не ждите ничего хорошаго.“ Но важнѣе всего остальнаго по его мнѣнію было то, чтобъ не разрывать единство военной мысли. „При настоящемъ положеніи дѣлъ необходимо вамъ имѣть генерала облеченнаго вашимъ довѣріемъ. Если выборъ вашъ падетъ не на меня, я не буду жаловаться и удвою рвеніе на томъ постѣ, куда вы меня назначите. У каждаго свой способъ веденія войны. Генералъ Келлерманъ опытнѣе меня и, можетъ быть, будетъ дѣйствовать лучше, но оба вмѣстѣ мы станемъ воевать плохо.“

Письмо это адресовано къ Карно, съ которымъ онъ находился въ постоянной перепискѣ, который былъ его защитникомъ въ Директоріи. Бонапарте предоставлялъ ему сдѣлать изъ этого письма употребленіе, какое будетъ внушено ему благоразуміемъ и привязанностью къ генералу.

„Клянусь вамъ, писалъ онъ:—что во всемъ этомъ я прежде всего думаю объ отечествѣ. Всегда вы найдете меня на прямой дорогѣ. Я долженъ жертвовать Республикѣ своими идеями. Если стараются выставить меня дурно передъ вами, — мой отвѣтъ въ глубинѣ моего сердца и моей совѣсти.... Я думаю, что дурной генералъ стоитъ двухъ хорошихъ. Война какъ и правительство, это дѣло такта.... Я не хочу, чтобъ мнѣ мѣшали, писалъ онъ въ заключеніе. — Я началъ съ нѣкоторою славою и желаю продолжать съ достоинствомъ."

Посредствомъ этой смѣси честности съ лестью, Бонапарте надѣялся на поддержку Карно, но согласіе остальныхъ его товарищей было болѣе сомнительно: многіе члены Директоріи питали къ нему явное нерасположеніе. Обстоятельство было впрочемъ очень важно и требовало самаго зрѣлаго обсужденія. Генералъ въ письмѣ своемъ требовалъ не только отмѣны двухъ ложныхъ идей — неаполитанской экспедиціи и раздѣленія начальства, въ немъ явнѣе виднѣлось желаніе освободиться отъ всякаго контроля, — въ этомъ-то заключалась цѣль его жалобъ на правительственныхъ комиссаровъ. Онъ требовалъ, конечно косвенно, чтобъ его облекли нѣкотораго рода диктатурою. Но это еще не все надобно было отречься отъ принятаго рѣшенія, ибо Келлерманъ получилъ уже назначеніе, а слѣдовательно приходилось создавать фальшивый прецедентъ, отмѣняя мѣру, которая признана была хорошею,— по требованію генерала, извѣстнаго уже по упрямому и рѣшительному характеру. Ошибочно было уступить ему изъ снисхожденія въ томъ, чего онъ не могъ получить, не взирая на убѣдительныя доказательства. Можетъ быть, гораздо было

лучше достигнуть менѣе блистательныхъ результатовъ, нежели ободрять стремленіе къ перевѣсу военной власти надъ гражданскою. Можно было наконецъ напомнить Бонапарте, что когда дѣло касалось не его, а другаго, то его понятія о необходимости единства командованія чрезвычайно разнились отъ тѣхъ, какія внушалъ ему личный интересъ. Когда возникъ вопросъ о соединеніи подъ начальствомъ одного лица — двухъ армій Самбръ-Мёзской (Sambre-et-Meuse) и Рейнской, онъ съ необыкновенною живостью противился этой мѣрѣ, ссылаясь на то, что этимъ отдавали слишкомъ много власти одному генералу.

Все это обсуждалось въ Директоріи, и можно сказать съ увѣренностью, что правительство, по крайней мѣрѣ нѣкоторое время, питало желаніе принять отставку Бонапарте, и что во всякомъ другомъ случаѣ, оно не колебалось бы имъ пожертвовать. Но генералъ успѣлъ уже расположить къ себѣ директоровъ всевозможными оказанными имъ услугами и популярностью своего имени. Съ каждымъ днемъ или, лучше сказать, съ каждымъ часомъ онъ становился для нихъ необходимѣе. Они не спѣшили ни подтвердить, ни разсѣять его безпокойство, ибо только 28 мая отвѣчали на его просьбу объ отставкѣ, но въ это промежуточное время они получали отъ него одно за другимъ самыя блистательныя извѣстія, такъ что это связывало имъ руки.

Но не только бюллетени о быстрыхъ успѣхахъ Бонапарте, о переходѣ черезъ По, о завоеваніи Ломбардіи, о вступленіи нашихъ войскъ въ Миланъ при единодушныхъ радостныхъ кликахъ народа, а выгоды болѣе положительныя имѣли большую цѣну для Директоріи, подъ вліяніемъ — что не оправдываетъ, а извиняетъ — страшнаго и почти безпримѣрнаго разстройства финансовъ.

Въ предписаніи къ генералу отъ 15 мая директоры весьма ясно выражали свои намѣренія:

„Средства, которыя вы пріобрѣтете, писали они къ Бонапарте:—будутъ обращены на Францію.“ И тутъ же слѣдуетъ прибавка, языкъ которой вполнѣ отвѣчаетъ мысли, внушившей ее: „Не оставляйте въ Италіи ничего, что политическое наше положеніе позволяетъ намъ увезти и что можетъ быть намъ полезно.“ Бонапарте разомъ предупредилъ и исполнилъ всѣ ихъ желанія. Къ концу мѣсяца онъ осыпалъ ихъ золотомъ, что, по его мнѣнію, было лучшимъ средствомъ поддерживать свое дѣло. Вслѣдствіе перемирія съ пармскимъ герцогомъ, онъ получилъ для Франціи два мильона франковъ, 1,200 лошадей съ полною сбруею, 20 картинъ и въ томъ числѣ св. Іеронима, котораго герцогъ тщетно пытался выкупить за мильонъ, и всевозможные запасы для арміи. Въ силу другаго перемирія — съ герцогомъ моденскимъ, онъ вытребовалъ десять мильоновъ и болѣе двадцати картинъ по выбору комиссаровъ. Декретомъ, изданнымъ на другой день вступленія въ Миланъ, онъ наложилъ на Ломбардію контрибуцію въ двадцать мильоновъ и другую контрибуцію въ картинахъ и рѣдкихъ предметахъ искусства. И это не были ложныя обѣщанія: 22 мая онъ увѣдомлялъ Директорію объ отсылкѣ отъ 6 до 8 мильоновъ въ звонкой монетѣ, драгоцѣнностяхъ и слиткахъ; онъ предлагалъ послать мильонъ въ Рейнскую армію, которая не получала жалованья, и посылалъ 1.200,000 франковъ Келлерману. И всѣ эти суммы, при тогдашнихъ нашихъ финансахъ казавшіяся баснословными, были доставлены, въ нѣсколько дней, тѣмъ самымъ человѣкомъ, который мѣсяцъ тому назадъ пріобрѣлъ уже для Франціи послѣднее достояніе Сардинскаго королевства, съ тѣхъ поръ уничтоженнаго и покореннаго; тѣмъ самымъ человѣкомъ, которому Директорія, со времени его отъѣзда въ Италію, не могла дать болѣе 300,000 франковъ для раздачи голодной арміи. И вдругъ лишиться такого безцѣннаго человѣка въ минуту, когда онъ наиболѣе необходимъ, когда одинъ онъ могъ докончить начатое дѣло, когда онъ въ одно и то же вре-

мя возвысилъ блескъ нашего оружія и улучшилъ внутреннее благосостояніе.

Директорія отвѣчала ему 28 мая:

„Вы, кажется, гражданинъ-генералъ, желаете продолжать вести весь рядъ военныхъ операціи настоящей кампаніи въ Италіи. Директорія всесторонне обсуждала ваше предложеніе, и въ силу довѣрія, питаемаго ею къ вашимъ способностямъ и республиканскому усердію, соглашается на ваше предложеніе.“ Съ тѣхъ поръ Директорія не настаивала уже на походѣ въ Римъ и Неаполь, и только предлагала нашествіе на Ливорно; а что касалось до предположеній генерала относительно Германіи, то „ему предоставлялась полная свобода и только рекомендовалась величайшая осторожность.“

Этою свободою дѣйствій, равною почти неограниченной власти, генералъ долженъ былъ воспользоваться для пріобрѣтенія еще гораздо бо́льшей. Дѣйствительно, Директорія предоставила ему веденіе политики и войны въ замѣну выгодъ, извлекаемыхъ имъ изъ завоеваній. Бонапарте съ тѣхъ поръ зналъ, какъ заставить замолчать щекотливость Директоріи. Между ними существовалъ безмолвный договоръ. Такимъ образомъ люди мало-по-малу становятся рабами нуждъ, ими же самими созданныхъ.

Между тѣмъ въ главную квартиру Бонапарте явилась депутація подъ предводительствомъ графа Мельзи, одного изъ важнѣйшихъ и почтеннѣйшихъ людей въ Италіи, — съ изъявленіемъ покорности Милана. Генералъ поручилъ Массенѣ принять въ свое владѣніе этотъ роскошный городъ. На другой день, 15 мая, онъ самъ вступилъ туда чрезъ тріумфальныя ворота среди восторженныхъ кликовъ разумнаго населенія, которое привѣтствовало въ немъ сына Италіи и естественнаго защитника своей независимости.

Всѣмъ въ Миланѣ было тягостно ярмо Австріи. Мысли о свободѣ распространились во всѣхъ классахъ, и миланцы не могли думать, чтобъ французская революція, освободив-

шая ихъ во имя принциповъ, долженствовавшихъ переродить міръ, современемъ снова отдастъ ихъ непріятелямъ. Всѣ съ жадностью стремились взглянуть на молодаго человѣка, который въ двухмѣсячную кампанію сравнялся съ величайшими полководцами. Небольшой его ростъ, блѣдность, болѣзненная худощавость тѣла повидимому столь слабаго, какъ бы поглощаемаго пламенемъ генія, но которое въ дѣйствительности состояло изъ стальныхъ мускуловъ — производили на всѣхъ необыкновенное впечатлѣніе, — представляя такую противоположность съ блистательными его подвигами. Его проницательный взоръ, повелительныя движенія, цезарскій профиль, лаконическая рѣчь и рѣзкій, рѣшительный тонъ:— все обличало въ немъ человѣка, привыкшаго властвовать, и съ перваго же дня онъ такъ вошелъ въ свою роль, что невозможно было различить въ немъ заученное отъ незаученнаго.

Будучи посланъ въ Италію командовать генералами, изъ которыхъ многіе пріобрѣли больше его извѣстности и были старше его лѣтами, онъ понялъ, что ему предстояло внушить къ себѣ уваженіе не только блестящими подвигами, но своимъ поведеніемъ, серьезностью, характеромъ. Вотъ источникъ его строгой бдительности надъ самимъ собою, разсчитанной простоты его привычекъ и необыкновенной суровости образа его жизни, среди распущенности, которую онъ терпѣлъ въ арміи. Кто знакомъ съ подробностями его домашней жизни, до и послѣ этой эпохи, тотъ знаетъ, что воздержность эта не происходила отъ естественной наклонности и не служила также данью принципамъ, которыхъ никогда не было у него въ сердцѣ. Это было не болѣе какъ средство начальствовать. Онъ чувствовалъ, что однимъ превосходствомъ генія онъ не могъ еще управлять своими товарищами по оружію безъ помощи нравственной власти, проистекающей изъ безупречной жизни. Поэтому онъ охотно ободрялъ въ другихъ то, въ чемъ отказывалъ такъ тщательно самому себѣ, будучи увѣренъ держать ихъ этимъ способомъ въ своей власти.

Онъ былъ врагъ мошенничества, истощавшаго средства арміи и чернившаго ея репутацію, однако систематически смотрѣлъ сквозь пальцы на продѣлки, ловко совершавшіяся, не оскорбляя приличій; но вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ понять ихъ авторамъ, что если онъ находитъ удобнымъ молчать, то изъ этого еще не слѣдовало, чтобъ онъ не зналъ въ чемъ дѣло, и конечно эти люди совершенно были у него въ рукахъ. Сомнительныя состоянія, нажитыя въ Италіи большинствомъ генераловъ и французскихъ агентовъ, служили залогомъ безграничной власти надъ этими людьми. Часто онъ предоставлялъ имъ случай наживаться, давая порученія, въ которыхъ черезъ ихъ руки переходили большія суммы безъ контроля; а если они не пользовались, то онъ упрекалъ ихъ и смѣялся надъ ихъ щекотливостью. Мармонъ разсказываетъ нѣсколько подобныхъ случаевъ, лично касавшихся его самого, подтверждающихъ вышесказанное. Что касается до самого Бонапарте, то онъ велъ себя безупречно среди стольких продажныхъ личностей; но это скорѣе происходило отъ избытка гордости и честолюбія, нежели изъ принциповъ добродѣтели. Лучше всего онъ самъ опредѣляетъ эти побудительныя причины. *Въ Запискахъ на Островѣ св. Елены* (Mémorial de Sainte-Hélène) есть мѣсто, что когда Бонапарте заключалъ договоръ съ герцогомъ Моденскимъ, къ нему однажды вошелъ въ кабинетъ Саличетти.—„Командоръ д'Эсте, братъ герцога, здѣсь,—сказалъ онъ ему:—съ четырьмя мильонами золотомъ въ четырехъ шкатулкахъ; онъ пришелъ отъ имени брата просить васъ принять эту сумму, и я совѣтую вамъ не отказываться. Я вашъ землякъ и знаю ваши семейныя дѣла: Директорія и Законодательный корпусъ не вознаградятъ вашихъ заслугъ; эти деньги принадлежатъ вамъ, и вы примите ихъ не краснѣя и безъ огласки.“ — „Благодарю васъ, отвѣчалъ холодно Бонапарте: — за эту сумму я не хочу отдавать себя въ распоряженіе Моденскаго герцога.“ Онъ могъ прибавить также: „Саличетти.“ Очевидно, здѣсь нѣтъ ни

негодованія, ни упрека, а простой разсчетъ. Благочестивый Ласказъ немедленно прибавляетъ со своего выразительною и жеманною довѣрчивостью: „Императоръ останавливался съ нѣкоторымъ удовольствіемъ на этихъ подробностяхъ безкорыстія, *заключая однакожъ, что сдѣлалъ промахъ* и поступилъ неблагоразумно потому ли, что мечталъ сдѣлаться вождемъ партіи и двигать людьми, или ему просто хотѣлось выдѣлиться изъ толпы; ибо по возвращеніи, говорилъ онъ, его оставили почти въ бѣдности, онъ рисковалъ продолжать жить въ нищетѣ, въ то время какъ послѣдній изъ его правителей и генераловъ нажили огромныя состоянія. „Но вѣдь, прибавлялъ онъ: — еслибъ мой правитель видѣлъ— какъ я беру взятки, то чего бы онъ не сдѣлалъ. Отказъ мой обуздалъ его.“

15 мая Бонапарте былъ встрѣченъ въ Миланѣ радостными криками ломбардцевъ, а 7 писалъ въ Директорію: „Мы извлечемъ изъ этой страны 20 мильоновъ контрибуціи. Это богатѣйшій край во вселенной, но онъ *истощенъ вполнѣ пятилѣтнею войною.*“ Наконецъ онъ извѣщалъ, что Миланъ очень склоненъ къ свободѣ и здѣсь болѣе патріотизма, нежели въ Піемонтѣ, — качества, которыя, какъ видимъ, такъ же мало предохраняли отъ нашихъ требованій, какъ и истощеніе, о которомъ упоминалъ Бонапарте. Съ этою страною, которая сама склонилась передъ нами, мы обошлись суровѣе нежели съ Пармою, владѣтель которой участвовалъ въ коалиціи, но пользовался снисхожденіемъ по причинѣ своего родства съ испанскимъ королемъ. Предвидя одну случайность и не зная, не измѣнились ли намѣренія Директоріи, онъ говорилъ: „Если этотъ народъ пожелаетъ образовать республику — дозволить ли ему это?“

Долго ему пришлось дожидаться окончательнаго отвѣта Директоріи по этому вопросу, ибо эти вожди Революціи, освободители народовъ, располагали, болѣе нежели когда нибудь, возвратить Лобмардію ея притѣснителямъ, надѣясь по-

лучить въ обмѣнъ часть Нидерландовъ, и эта-то запасная мысль мѣшала имъ заключить съ Піемонтомъ союзъ, который увеличилъ бы нашу армію въ Италіи двадцатью тысячами солдатъ. Въ ожиданіи, Бонапарте учредилъ въ Ломбардіи временное правительство, характера почти исключительно муниципальнаго, подъ вѣдѣніемъ совѣщательнаго корпуса, уже существовавшаго подъ именемъ государственнаго конгреса, въ которомъ онъ ограничился только назначеніемъ новаго персонала. Онъ сформировалъ національную гвардію, для содѣйствія мѣстной полиціи, а еще болѣе для показанія жителямъ, что съ этихъ поръ они получаютъ самоуправленіе: мечта, вскорѣ однакоже разрушенная. Наконецъ онъ старался пріобрѣсти популярность, льстя интеллигенціи, благосклонно принимая артистовъ и ученыхъ, — мысль, честь которой всегда приписывалась ему, но которая была не только внушена, а даже офиціально предписана Директоріею. То же самое и съ прекраснымъ его письмомъ къ астроному Оріани, приводимымъ столь часто.

Между тѣмъ, рискуя охладить восторгъ ломбардцевъ, надобно было объявить имъ о первыхъ пожертвованіяхъ, которыми они имѣли заплатить за освобожденіе. Генералъ извѣстилъ ихъ объ этомъ 19 мая въ прокламаціи къ ломбардскому народу. Онъ началъ съ того, что Республика, поклявшаяся въ ненависти къ тиранамъ, поклялась также въ братской дружбѣ къ народамъ.... Побѣдоносная армія высокомѣрнаго монарха должна, безъ сомнѣнія, распространять ужасъ въ странѣ, куда вошла побѣдительницею; республиканская же армія, принужденная вести смертельную войну съ королями, заявляетъ свою дружбу къ народамъ, которыхъ ея побѣды освобождаютъ отъ тираніи. „Но, прибавляетъ онъ: — если побѣдоносные французы желаютъ считать ломбардцевъ братьями, то послѣдніе обязаны платить имъ взаимностью.“ Они должны всѣми силами поддерживать армію, покровительствующую ихъ независимости; помощь эту, обезпечиваемую

правомъ войны, дружба обязана постараться предложить сама." Затѣмъ онъ объявляетъ контрибуцію въ 20 мильоновъ, „*весьма слабое вознагражденіе* относительно столь богатыхъ странъ, въ особенности если *принять во вниманіе выгоды, которыя должны возникнуть для нихъ изъ этого*".

Послѣднія эти слова, не слишкомъ-то согласовавшіяся съ тѣмъ, что онъ писалъ объ истощеніи страны, заключали въ себѣ формальное обѣщаніе, а извѣстно, какъ генералъ Бонапарте и Директорія намѣревались выполнить это обѣщаніе. Но неопредѣленная темнота, въ которую Бонапарте нарочно облекался, бесѣдуя съ вліятельными миланцами, не могла скрыть отъ нихъ цѣлей его политики. За весьма невѣрное благодѣяніе отъ нихъ требовали подчиненія слишкомъ, вѣрному злу, сопровождающему нашествіе иноземцевъ, и въ тоже время чтобъ они ожидали мести прежнихъ властителей. Бонапарте самъ назначилъ основаніе для взиманія контрибуціи. Оно должно было „пасть на богатыхъ, людей истинно достаточныхъ, на духовенство" и обойдти бѣдные классы.

Декретомъ того же дня назначался агентъ при французской арміи въ Италіи для отобранія и отправки на республиканскую территорію предметовъ изящныхъ искусствъ, наукъ и проч., *въ завоеванныхъ городахъ*, и это независимо отъ подобныхъ же вещей, взятыхъ при заключеніи итальянскими правительствами трактатовъ и перемирій съ республиканскою арміею. Въ силу 5 параграфа этого декрета, если французскія власти не могли доставить означенному агенту „средствъ перевозки," былъ онъ самъ уполномоченъ требовать экипажи и лошадей, въ городѣ, въ которомъ производилось отбираніе предметовъ."

Произведенія изящныхъ искусствъ и наукъ исчислялись отчасти въ декретѣ; они состояли не только изъ картинъ, статуй, манускриптовъ, но изъ машинъ, математическихъ инструментовъ, картъ, а стоявшее въ прибавленіи декрета „и проч." заключало въ себѣ разнообразіе другихъ предметовъ.

предоставляя ихъ на усмотрѣніе того, кому поручено было истолковывать это „и проч.“ Дѣйствительно, Бонапарте вскорѣ самъ доносилъ Директоріи, что Монжъ и Бертолле занимались въ Павіи „обогащеніемъ нашего Ботаническаго Сада и кабинета натуральной исторіи“ и должны были въ скоромъ времени заняться тѣмъ же и въ Болоньѣ. Дорогія лошади не замедлили войдти въ число произведеній изящныхъ искусствъ. Въ Ломбардіи забрали ихъ большое количество и изъ нихъ Бонапарте послалъ сотню лучшихъ въ подарокъ директорамъ „для замѣны, какъ писалъ онъ, плохихъ, запрягаемыхъ въ ваши экипажи.“ Но это наименованіе произведеній изящныхъ искусствъ, не смотря на самое широкое истолкованіе, которое придавали ему завоеватели Италіи, простиралось еще далѣе въ понятіяхъ Директоріи, ибо въ это же самое время она предлагала Бонапарте обратить строжайшее вниманіе на замѣчанія, посланныя ему морскимъ министромъ Трюге. Въ Романьѣ, въ Неаполитанскомъ государствѣ, по мнѣнію министра, долженъ былъ находиться *лѣсъ, готовый къ погрузкѣ на суда*, а въ другихъ частяхъ Италіи — *лучшаго качества пенька, парусина*“ и проч. Все это причислялось къ произведеніямъ искусства. „Не приличествуетъ ли, говорилъ Трюге: — каждому изъ этихъ государствъ собрать и доставить въ Тулонъ, въ самое короткое время, количество, какое они могутъ собрать, и какое имѣется уже въ запасѣ. *Доставимъ Италіи возможность гордиться тѣмъ, что она способствовала блеску нашего флота.* Мнѣ кажется, что этимъ мы идемъ навстрѣчу желаніямъ многочисленныхъ патріотовъ этихъ странъ, которые ощущаютъ *благородную гордость* по тому случаю, что содѣйствовали продовольствію и успѣхамъ республиканскихъ армій.“

Странная эпоха, въ которую до такой степени перепутаны были идеи, что хищничество говорило языкомъ патріотизма, и патріотизмъ языкомъ хищничества, перепутываясь такъ сильно, что иной разъ трудно было сказать, которое

изъ двухъ чувствъ преобладало. Такимъ образомъ, деньги, памятники наукъ и искусствъ, различные припасы, произведенія промышленности и земледѣлія, — ничто не избѣгало отъ системы грабежа, которая до тѣхъ поръ не имѣла примѣровъ въ новѣйшей исторіи. Чтобы судить о дѣйствіи, какое должны были произвести подобныя злоупотребленія на разумное цивилизованное населеніе, къ которому мы явились въ качествѣ братьевъ, и съ которымъ Австрія обращалась съ большею мягкостью, надобно еще прибавить бѣдствія, причиненныя страшною горячкою воровства и грабежей, овладѣвшею войсками, о чемъ свидѣтельствуютъ и многочисленные приказы [15]), и ежедневныя почти казни, и жалобы начальниковъ, безсильныхъ воспрепятствовать злу, примѣры котораго подавали чаще они же сами. Въ то время съ нашими солдатами бросились и различные поставщики, комиссары и всевозможные спекуляторы, подобно коршунамъ, на эти несчастныя страны за своею долею добычи, — такъ что эта армія поглощала все при своемъ шествіи. Безъ сомнѣнія, историку, ревнивому къ чести своей родины, больно помѣщать подобную мрачную картину рядомъ со столькими блестящими военными подвигами; но умолчать объ этомъ было бы не только нарушеніемъ истины, но незнаніемъ событій, незнаніемъ рѣшительнаго и печальнаго переворота для нашего національнаго духа и для нашей политической свободы.

Въ тоже самое время появилась новая прокламація Бонапарте къ солдатамъ (20-го мая). „Вы ринулись, говорилъ онъ имъ:—какъ потокъ съ вершинъ Аппениновъ“ — (весьма вѣрная картина опустошительнаго нашего похода по Италіи). „Никакая преграда, никакая армія не могли остановить

[15]) См. по этому именно предмету приказы 3, 9, 11 мая; письмо—къ Доммартену 5 мая, къ Кильмену 28 мая, къ Ламберту 14 мая; приказы 8, 11 іюня и пр.; переписку генераловъ, особенно Жуберта.

Пр. авт.

васъ, и успѣхи вами должны были внести радость въ лоно отечества, гордость въ лоно семействъ. Да, солдаты, вы много совершили, но развѣ вамъ не остается уже ничего для совершенія? Неужели скажутъ о насъ, что мы умѣли побѣдить, но не съумѣли воспользоваться побѣдами? Не упрекнетъ ли насъ потомство, что мы нашли Капуу въ Ломбардіи. Но я вижу, вы хватаетесь за оружіе, васъ утомляетъ постыдное бездѣйствіе, дни, потерянные для славы, потеряны и для вашего благополучія. Итакъ, идемъ! намъ предстоитъ еще совершать трудные походы, покорять враговъ, срывать лавры, мстить за оскорбленія. Да трепещутъ тѣ, кто оттачивалъ кинжалы на гражданскую войну во Франціи, кто подло умертвилъ нашихъ министровъ, кто сжегъ нашъ флотъ въ Тулонѣ! Часъ мщенія пробилъ. Но народы пусть остаются покойны. Мы друзья всѣхъ народовъ, а особенно потомковъ Брута, Сципіона и всѣхъ великихъ людей, принятыхъ нами за образецъ. Возстановить Капитолій, помѣстить въ него съ честью статуи славныхъ героевъ, разбудить римскій народъ, подавленный нѣсколькими вѣками рабства—таковы будутъ плоды вашихъ побѣдъ. Они составятъ эпоху въ потомствѣ. Вамъ будетъ принадлежать безсмертная слава—измѣнить видъ наилучшей части Европы.“

Эти прокламаціи, электризовавшія солдатъ, считались съ тѣхъ поръ надутыми. Нельзя, однако-жъ, отрицать поэтическій духъ, ихъ согрѣвающій. Уступая Цезарю въ добрыхъ чувствахъ, практичности ума, въ изящномъ пониманіи относительно мѣры и возможности, что единственно образуетъ великихъ политическихъ геніевъ, Бонапарте значительно превосходилъ его въ дарѣ овладѣвать умами и поражать ихъ. Отдавая ему эту справедливость, нельзя однако-жъ не сознаться, что чѣмъ болѣе удаляешься отъ времени, когда были написаны эти воинственныя воззванія, тѣмъ болѣе видишь въ нихъ декламаціи, чего нельзя сказать о томъ, что пишется подъ вліяніемъ искренняго и глубокаго чувства.

Если искать этому причины, то увидимъ, что холодное впечатлѣніе происходитъ отъ того, что большинство этихъ прокламацій—плодъ воображенія Бонапарте, а не душевнаго движенія. Онѣ писались подобно риторическимъ сочиненіямъ, не вытекая изъ сердца; Бонапарте выражалъ притворный восторгъ, котораго не ощущалъ. Эти вызовы великихъ фигуръ древняго Рима онъ употреблялъ только потому, что считалъ это удобнымъ для дѣйствія на умы современниковъ, и, если они, не взирая на свою искусственность, производили дѣйствительно такое магическое дѣйствіе, то это происходило изъ того, что современники его съ начала революціи жили и питались въ нѣкоторомъ родѣ воспоминаніями древности. Но если онъ и прибѣгалъ къ этимъ ораторскимъ средствамъ, то самъ имъ не вѣрилъ, и вотъ причина всего, что мы находимъ въ нихъ натянутаго и притворнаго. Эта искусственность и погоня за эффектами, которыхъ не видѣли современники, будучи увлечены собственнымъ движеніемъ, для насъ сквозятъ въ каждомъ словѣ. Вотъ почему мы остаемся равнодушны. У великихъ революціонныхъ ораторовъ, напримѣръ, въ устахъ Мирабо или Верньо, образы эти, хоть и заимствованы изъ одного и того же источника, волнуютъ насъ и до сихъ поръ, сохраняя дѣйствительное величіе, потому что служатъ искреннимъ и трагическимъ выраженіемъ ихъ чувствъ, а равно и положенія; въ прокламаціяхъ же Бонапарте, — это театральныя выходки. Наконецъ, онъ самъ потрудился намъ обнаружить свою тайну относительно этого, въ чрезвычайно любопытномъ и знаменательномъ своемъ письмѣ, посланномъ чрезъ нѣсколько времени къ одному изъ его агентовъ, генералу Жантили. „Если мѣстные жители, писалъ онъ: — склонны къ независимости (дѣло шло о Корфу), то одобряйте эту наклонность *и не упустите, въ различныхъ прокламаціяхъ, которыя будутъ изданы вами, говорить имъ о Греціи, Аѳи-*

нахъ и Римъ" (письмо къ генералу Жантили, 26-го мая 1797 г.). Авторъ прокламацій весь на лицо въ этихъ словахъ.

Онъ былъ искрененъ и выражалъ настоящія свои чувства только въ то время, когда говорилъ солдатамъ о славѣ, стараясь внушить имъ любовь къ ней. Дѣйствительно, Бонапарте страстно любилъ славу; честолюбіе его, хотя и эгоистическое, посредствомъ нея значительно возвышалось надъ обыкновеннымъ честолюбіемъ. По крайней мѣрѣ, съ этой стороны, оно было безкорыстно, и хотя онъ былъ ненасытенъ къ власти, однако, никогда не довольствовался властью безъ величія. Но слава, предлагаемая имъ солдатамъ, ни мало не имѣла того смысла, какой современные люди и въ особенности французская революція соединяли съ этимъ словомъ; это была слава, какъ ее понимали великіе завоеватели древности, имѣвшая цѣлью побѣдить, покорить, ослѣпить людей, а не поднять, не облагородить ихъ; слава, стремившаяся къ побѣдамъ силы, а не къ завоеваніямъ цивилизаціи; слава достигаемая хитростью, устрашеніями, а не та, которая дѣйствуетъ нравственными силами, добровольнымъ соревнованіемъ благороднѣйшихъ страстей души человѣческой. Между этими двумя значеніями славы такое же разстояніе, какое существуетъ между Бонапарте и Вашингтономъ.

Слѣдствіе фискальныхъ мѣръ, объявленныхъ ломбардцамъ прокламаціею отъ 14-го мая, и еще болѣе гибельныя послѣдствія всевозможныхъ злоупотребленій, совершенныхъ нашею арміею, не долго заставили ожидать себя. Черезъ пять дней, а именно 24-го мая, когда войска наши начали выступать противъ австрійцевъ, страшный набатъ раздался во всѣхъ деревняхъ между Павіею и Миланомъ. Вооруженныя шайки крестьянъ, пробѣгая по полямъ, нападали на наши отряды. Это было возстаніе, вызванное отчаяніемъ, а не заговоръ *со стороны монаховъ*, какъ выставляютъ его смѣха достойнымъ образомъ. Слабая защита, встрѣченная имъ въ

духовенствѣ, доказываетъ только единодушіе населенія, и самъ Бонапарте никогда не думалъ приписывать духовенству этого возстанія. Въ прокламаціяхъ онъ пишетъ: „священники и дворяне“, по принятой тогда формулѣ, но онъ никогда не заблуждался относительно истинной причины этого движенія, чтобъ приписать его клерикальному вліянію.

На другой день возстала Павія. Народъ обезоружилъ посты и стѣснилъ въ ратушѣ французскій гарнизонъ, который вскорѣ принужденъ былъ сдаться, благодаря въ особенности слабости своего коменданта. Въ Миланѣ возмущенія не было, но народъ принялъ враждебное и угрожающее положеніе: казалось, онъ ждалъ только сигнала, чтобъ дѣйствовать болѣе открыто.

Бонапарте находился тогда въ Лоди, гдѣ оканчивалъ приготовленія къ кампаніи на Минчіо и Адидже. Немедленно онъ отправился въ Миланъ, взявъ двѣ тысячи пѣхоты, три сотни кавалеріи и шесть орудій. Миланъ глухо роптал, но не обнаружилъ ни однимъ дѣйствіемъ возмущенія. Все ограничилось выходомъ австрійскаго гарнизона, который еще тамъ держался и которому представился удобный случай къ освобожденію. Бонапарте приказалъ, изъ предосторожности, арестовать нѣсколько сотъ человѣкъ въ городѣ и потомъ отправился въ Павію, пославъ впередъ миланскаго архіепископа, осьмидесятилѣтняго старика, импровизированнаго миротворца, взятаго насильно, порученіе котораго не могло имѣть ни малѣйшаго успѣха.

Инсургенты выслали авангардъ до самаго Бинаско, который послѣ короткаго сопротивленія былъ прогнанъ Ланномъ, а Бонапарте приказалъ сжечь этотъ городокъ для устрашенія мятежниковъ. Отъ осьми до десяти тысячъ крестьянъ заперлись въ Павіи и заняли укрѣпленія, какъ показалась французская колонна. Увѣщанія генерала не послужили ни къ чему, вслѣдствіе чего укрѣпленія были очень скоро очищены картечью. Послѣ этого гренадеры разбили ворота то-

порами. Крестьяне быстро разсыпались по деревнямъ, гдѣ большое количество ихъ было изрублено нашею кавалеріею. Овладѣвъ городомъ, солдаты начали громко требовать разрѣшенія грабежа, и Бонапарте согласился, уступая преданіямъ варварства, давно уже изгнаннымъ изъ кодекса цивилизованныхъ народовъ, что уже ни въ какомъ случаѣ не было удобнымъ для отученія арміи отъ наклонностей, въ которыхъ упрекали ее съ такою настойчивостью. Кромѣ этого, онъ отдалъ приказъ—разстрѣлять муниципалитетъ, но, къ счастью для его памяти, приказаніе это не было исполнено немедленно, а чрезъ нѣсколько дней генералъ былъ очень радъ простить муниципалитетъ, что было не болѣе какъ дѣломъ простой справедливости. Коменданта, уступившаго инсургентамъ, разстрѣляли. Четыреста аманатовъ, выбранные изъ лучшихъ фамилій Ломбардіи и отправленные во Францію, должны были отвѣчать за будущую покорность своихъ соотечественниковъ. Всѣ взятые съ оружіемъ въ рукахъ подверглись разстрѣлянію. Бонапарте 28-го мая издалъ новую прокламацію къ народамъ Ломбардіи. Но какъ тонъ ея разнился отъ манифеста, въ которомъ восемь дней назадъ онъ взывалъ къ братству народовъ! Теперь онъ описывалъ армію „страшную, какъ огонь небесный" для мятежниковъ. Онъ объявлялъ, что генералы его уже отправили противъ мятежныхъ деревень „необходимую силу для ихъ подавленія, и чтобы сжечь ихъ и разстрѣлять всѣхъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ. Всѣ священники и дворяне, оставшіеся въ возмутившихся общинахъ, будутъ взяты, какъ заложники, и отвезены во Францію. Всѣ деревни, гдѣ ударятъ въ набатъ, будутъ сожжены немедленно... Каждый домъ, въ которомъ найдется ружье, будетъ равномѣрно сожженъ и проч."

И такъ, благодаря криводушной и грабительской системѣ, съ которою мы дѣйствовали въ Ломбардіи, достаточно было осьми дней, чтобъ дружественный народъ, извѣстный кро-

тостью нравовъ, котораго признательность и сочувствіе къ намъ доходили до энтузіазма, пока онъ не оцѣнилъ настояще нашихъ услугъ,—повторяемъ, достаточно было осьми дней, чтобъ этотъ народъ сдѣлался недовѣрчивымъ, враждебнымъ, которому только страхъ мѣшалъ обнаруживать настоящія чувства. А мы претендовали и возвратить ему свободу, и вмѣстѣ обходиться съ нимъ съ бо́льшимъ презрѣніемъ и большею жестокостью, нежели прежніе его властители.

Въ то время, какъ это происходило въ Ломбардіи, Директорія была занята въ Парижѣ празднованіемъ торжества побѣды, которое она установила по случаю тріумфовъ Италіянской арміи. Въ моментъ, когда вся Ломбардія была въ огнѣ, по странной случайности, въ которой словно заключалась насмѣшливость судьбы,—Карно произнесъ всенародно на Марсовомъ полѣ торжественную и сантиментальную рѣчь, и въ ней, выхваляя наши арміи, восхвалялъ вмѣстѣ и сыновнюю любовь, и любовь родительскую, и чувствительность, и признательность, и въ особенности *гуманность*. „О, гуманность!—восклицалъ онъ:— какъ пріятно руководствоваться тобою, и какъ жалки *алчныя души*, которыя не знаютъ тебя.“ За этими филантропическими изліяніями слѣдовали танцы и банкетъ, и, наконецъ, гимнъ, сочиненный на этотъ случай Лебреномъ-Пиндаромъ, припѣвъ котораго былъ слѣдующій:

«Enivrons, mes amis, la coupe de la gloire;
Sous des lauriers que Bacchus a d'attraits!
Buvons, buvons, à la victoir,
Fidèle amante des Français.
(Moniteur des 29 mai et 2 juin 1798).

Эти подробности, можетъ быть, покажутся недостойными важности исторіи, но онѣ имѣютъ ту заслугу, что выказываютъ вполнѣ малую долю серьезности этой эпохи у націи, главнымъ недостаткомъ которой было всегда отсутствіе серьезности.

ГЛАВА IV.

Нарушеніе нейтралитета Венеціи. Разбитіе Вурмзера.

Французская армія 27-го мая выступила на Минчіо. Все, на что могъ Бонапарте рѣшиться въ то время, было — отбросить австрійцевъ за Адидже, выгнать ихъ изъ Италіи и возвратиться потомъ въ итальянскія государства, чтобъ покорить ихъ силою или страхомъ. Что же касается до предположенной имъ кампаніи въ Баваріи съ цѣлью помочь Рейнскимъ арміямъ, то онъ принужденъ былъ отложить ее, вслѣдствіе перемирія, прекратившаго военныя дѣйствія на время переговоровъ о мирѣ. Перемиріе было объявлено 20-го мая; но хотя оно предоставляло воюющимъ сторонамъ десятидневный отдыхъ, однако Рейнскія арміи оставались неподвижны на своихъ стоянкахъ, а недостатокъ военныхъ запасовъ и денегъ ставилъ ихъ въ невозможность воспользоваться этимъ промежуткомъ, чтобъ споспѣшествовать дѣйствіямъ арміи Итальянской.

Вмѣсто того чтобъ идти прямо на австрійцевъ, Бонапарте перенесъ свою главную квартиру въ Бресчію, угрожая Тиролю авангардомъ, расположеннымъ на Сало на самомъ краю лѣваго фланга, и наблюдая за теченіемъ Минчіо, своимъ правымъ флангомъ. Это значило сдѣлать нашествіе на Венеціанскую республику, государство, которое одно изъ

немногихъ отказалось вступить въ коалицію противъ Франціи. Насиліе это давно входило въ намѣренія Бонапарте, потому что, по его плану кампаніи, линія Адидже была единственнымъ базисомъ, возможнымъ для дѣйствія противъ австрійцевъ. Между тѣмъ инструкціи предписывали ему обходиться съ Венеціею, если не дружественно, по крайней мѣрѣ, какъ съ нейтральнымъ государствомъ. Но генералъ зналъ также, что Директорія была плохо расположена къ этой республикѣ, и не стала бы жаловаться на его дурное обращеніе съ послѣднею, когда намъ предстояло извлечь изъ этого какія-нибудь выгоды. Онъ и поступалъ вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ. Венеція, изнѣженная продолжительнымъ миромъ, полуразоренная открытіями, которыя отдали западнымъ народамъ владычество надъ мореходствомъ и торговлею, управляемая дряхлою аристократіею, политика которой, повидимому, не имѣла другой цѣли, какъ сдѣлать изъ этого города главную столицу всѣхъ сластолюбцевъ,— Венеція къ концу XVIII столѣтія представляла только тѣнь прежняго величія. Но, благодаря столькимъ славнымъ воспоминаніямъ и преданіямъ о свободѣ, республика эта обладала самымъ здоровымъ и разумнымъ населеніемъ во всей Италіи. Венеціанскія учрежденія сохраняли еще недобрую славу таинственности и ужаса, но въ силу того, что кротость нравовъ смягчала произволъ, тиранія не была никогда болѣе безвредною, и эти устарѣлыя формы существовали скорѣе изъ патріотизма и терпимости подданныхъ, нежели по волѣ могущественныхъ властителей. Но въ описываемое время Венеція имѣла капитальный недостатокъ, именно, не была уже въ состояніи сдѣлаться страшною. Въ виду войны, угрожавшей нашествіемъ на ея границы, она приняла мѣры, наиболѣе соотвѣтствовавшія ея слабости, но и наиболѣе опасныя для ея независимости: она объявила безоружный нейтралитетъ. Когда французы вступили въ Бресчію, она протестовала противъ вторженія въ ея предѣлы. Генералъ

отвѣчалъ манифестомъ, объясненія котораго, хотя и неопредѣленныя, имѣли видъ самый успокоительный „Французская армія *прошла* по венеціянской территоріи для преслѣдованія непріятеля, но она не позабудетъ, что *долговременная дружба* соединяла обѣ республики." Потомъ слѣдовали самыя краснорѣчивыя увѣренія въ нашемъ уваженіи „къ религіи, правительству, обычаямъ и собственности", но ни слова объ уваженіи къ нейтральнымъ государствамъ. Генералъ взывалъ къ правамъ и обязанностямъ *дружбы*, но единственно, чтобы избѣжать упоминанія о правахъ и обязанностяхъ *нейтралитета*, который онъ попиралъ ногами.

Австрійцы до того времени уважали нейтралитетъ Венеціи. Они имѣли право перехода чрезъ ея территорію и обладали тамъ военною дорогою, которая была имъ необходима для сообщенія съ Тиролемъ; но они не трогали крѣпостей республики, имѣя очевидный интересъ въ неприкосновенности нейтралитета, такъ какъ это давало имъ возможность защищать небольшую только линію. Нѣсколько убѣгавшихъ отрядовъ перешли границу со стороны Бергамо, но это не было нарушеніемъ нейтральныхъ правъ. Минчіо выходитъ изъ озера Гарде у Пескьеры и впадаетъ въ По, недалеко отъ Мантуи, слѣдуя почти въ прямомъ направленіи съ сѣвера къ югу. Первая изъ этихъ двухъ крѣпостей принадлежала венеціанцамъ и была совершенно покинута, не смотря на свою крѣпкую позицію; вторая была единственнымъ мѣстомъ, на ломбардской территоріи, оставшимся у Австріи, а остатки арміи Болье—сосредоточились въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Мантуи, частью по эту, частью по ту сторону Минчіо.

Когда Болье увидѣлъ, что Бонапарте занялъ Брессію въ нарушеніе нейтралитета, онъ не поколебался нарушить его въ свою очередь и перенесъ правый флангъ свой въ Пескьеру,

гдѣ онъ могъ съ успѣхомъ защищать переправу чрезъ рѣку [16]). Центръ его находился въ Боргетто и Валеджіо, двухъ городкахъ, раздѣленныхъ Минчіо и соединенныхъ мостомъ. Лѣвый флангъ его упирался въ Мантуу. Такимъ образомъ онъ охранялъ всю линію рѣки. Бонапарте сдѣлалъ видъ, что намѣренъ разомъ обойдти озеро Гарде, съ цѣлью отрѣзать австрійцамъ тирольскую дорогу, и овладѣлъ переправою чрезъ Минчіо въ Пескьерѣ. Двойнымъ этимъ обманомъ онъ привлекъ къ послѣднему пункту главныя силы австрійской арміи, а потомъ, сдѣлавъ ночной переходъ, быстрый какъ молнія, что было любимѣйшею его военною хитростью, онъ утромъ, 30-го мая, напалъ на центръ австрійцевъ въ Боргетто. Кавалерія его, такъ сказать, до тѣхъ поръ ничего не дѣлала. Она была плохо посажена, ненадежна и значительно уступала непріятельской. „Трудно выразить, какъ мало отваги въ нашей конницѣ", писалъ Мармонъ къ своему отцу послѣ Лоди. При Боргетто Бонапарте поставилъ ее на первый планъ, пустилъ впередъ, и она оказала чудеса подъ командою Мюрата. Австрійцы были отброшены къ Валеджіо. При отступленіи, они взорвали мостъ, соединявшій оба мѣстечка; но такъ какъ гренадеры Гардана бросились въ рѣку, удобную для брода въ этомъ мѣстѣ, то австрійская армія и не пыталась болѣе оспаривать у насъ переправу. Отступивъ на Пескьеру, она отправилась оттуда къ Тиролю.

Наконецъ, Бонапарте могъ овладѣть линіею Адидже, которой онъ давно уже добивался. Но какъ было на ней утвердиться, не разорвавъ открыто отношеній съ Венеціанскою республикою, которой принадлежали всѣ укрѣпленія, коман-

---

[16]) Первенство занятія Бресчіи, отрицаемое или обойденное молчаніемъ большинства историковъ, подтверждается самимъ Бонапарте въ корреспонденціи съ Директоріею: «Австрійцы вошли туда, когда я прибылъ въ Бресчію» (4-го іюня 1796 г.). *Storia documentala di Venezia* Романина, разсѣеваетъ всѣ сомнѣнія относительно этого обстоятельства.
Прим. автора.

довавшія этою рѣкою отъ Вероны до Леньяго? Какъ ни презрительнымъ было для него право, не поддержанное силою, онъ умѣлъ однако же щадить республику до тѣхъ поръ, пока могъ ожидать перехода австрійцевъ къ наступленію; ибо, не смотря на пораженіе, австрійская армія все-таки могла вывести подъ ружье около тридцати тысячъ человѣкъ. Ему необходимо было нарушить нейтралитетъ, ибо безъ этого онъ не могъ занять венеціанскихъ крѣпостей, но этому нарушенію слѣдовало придать видъ справедливости и единственно въ той мѣрѣ, какая была необходима для его предпріятій. Замѣтивъ изъ обращенія *проведиторовъ* [17]), явившихся къ нему въ лагерь, впечатлѣніе ужаса, произведенное на венеціанцевъ вѣстью о нашихъ быстрыхъ побѣдахъ, о кровавыхъ казняхъ Милана и грабительствахъ нашей арміи, Бонапарте рѣшился подѣйствовать на нихъ страхомъ, чтобъ отнять даже самую мысль о сопротивленіи.

Онъ уже нашелъ и оскорбленіе, служившее ему предлогомъ. Бонапарте вступилъ въ Пескьеру послѣ того, какъ ее очистили австрійцы. Онъ немедленно приказалъ нашимъ инженерамъ укрѣпить этотъ городъ, овладѣлъ арсеналомъ, магазинами, однимъ словомъ, хозяйничалъ какъ дома. Проведиторъ Фоскарини явился изъ Вероны, отъ имени венеціанскихъ властей, снова напомнить генералу о нейтральныхъ правахъ. „Онъ проходилъ, доноситъ онъ въ своемъ рапортѣ Сенату:—чрезъ длинныя колонны этихъ свирѣпыхъ солдатъ, заранѣе поручивъ Богу душу.“ При видѣ его смущенія, Бонапарте разыгралъ передъ этимъ дрожащимъ человѣкомъ одну изъ сценъ вспыльчивости, въ которыхъ онъ былъ неподражаемъ. Венеція, допустивъ австрійцевъ занять Пескьеру безъ выстрѣла, сдѣлалась ихъ союзницею и соучастницею, и когда проведиторъ замѣтилъ, что крѣпость находилась безъ гарнизона и занята была неожиданно, Бонапарте,

[17]) Правители провинцій въ Венеціанской республикѣ. *Пр. перев.*

въ выраженіяхъ полныхъ гнѣва, началъ жаловаться на то, что Верона дала убѣжище графу Прованскому (впослѣдствіи Лудовикъ XVIII), хотя зналъ очень хорошо, что Венеція оказала этотъ пріемъ принцу, посовѣтовавшись прежде съ комитетомъ общественной безопасности, и послѣ формальнаго завѣренія, что Франція не сочтетъ этого за нарушеніе нейтралитета. При томъ же два слишкомъ мѣсяца назадъ принцъ получилъ приказаніе выѣхать изъ венеціанскихъ владѣній. Всѣ эти обиды требовали примѣрнаго мщенія, и онъ обѣщалъ сжечь Верону въ ту же самую ночь. „Оттуда, продолжалъ онъ: — я пойду на Венецію и хочу потребовать отчета въ такой явной измѣнѣ.“ Проведиторъ началъ разсыпаться въ извиненіяхъ, умолялъ генерала и простеръ слабость дотого, что предложилъ принять французскія войска въ Веронѣ, на что Бонапарте соблаговолилъ согласиться, прибавивъ, однако же, „что не знаетъ, какъ его правительство приметъ это“, ибо онъ хотѣлъ оставить себѣ въ запасѣ новое средство эксплуатировать венеціанцевъ, если бы представилась въ томъ какая-нибудь выгода.

Прежде, однако же, этого разговора, Массена получилъ приказаніе овладѣть Вероною во что бы то ни стало, и былъ уже у воротъ города, все почти населеніе котораго предалось бѣгству при нашемъ приближеніи. Чрезъ нѣсколько дней мы заняли также и Леньяго—городъ, составлявшій вмѣстѣ съ Вероною ключъ Адидже. Кромѣ этого, особымъ договоромъ возлагалась на Венецію почетная обязанность снабжать насъ въ долгъ съѣстными и военными припасами. Такимъ образомъ Бонапарте, безъ особаго ущерба, достигъ желанныхъ результатовъ.

7-го іюня онъ отдалъ Директоріи подробный отчетъ о своемъ поведеніи въ этомъ дѣлѣ; потомъ, восхищаясь самъ своею хитростью и намекая на слова, которыми онъ позаботился оставить за своимъ правительствомъ свободу дѣйствій, онъ говоритъ: „Если вы намѣрены *извлечь изъ Вене-*

ціи пять или шесть милліоновъ, я нарочно приберегъ для васъ этотъ способъ разрыва. Если ваши намѣренія болѣе рѣшительны, я полагаю, что слѣдуетъ продолжать въ этомъ тонѣ, извѣстить меня о томъ, что вы полагаете дѣлать, и ожидать удобной минуты, которую я схвачу сообразуясь съ обстоятельствами, ибо не должно имѣть дѣло разомъ со всѣми." И онъ оканчиваетъ этимъ невѣроятнымъ извѣстіемъ: „*Правда относительно Пескьеры заключается въ томъ, что Больё низко обманулъ ихъ:* онъ попросилъ у нихъ позволенія пропустить пятьдесятъ человѣкъ и овладѣлъ городомъ."

Однако этотъ предлогъ, имѣвшій такъ мало основанія, послужилъ ему самому опорою для того, чтобы завладѣть всѣми венеціанскими крѣпостями на Адидже. Это была исходная точка всѣхъ нашихъ встрѣчныхъ жалобъ противъ Венеціи и нашей политики, долженствовавшей привести къ предварительнымъ переговорамъ въ Леобенѣ [18]) и къ миру въ Кампо-Форміо.

Утвердившись на линіи Адидже, держа Венецію во власти, благодаря занятію ея лучшихъ крѣпостей и страху, который онъ навелъ на нее, будучи покоенъ относительно Австріи, которая была еще не въ состояніи нѣсколько времени перейдти въ наступленіе, Бонапарте могъ свободно обратиться къ итальянскимъ государствамъ, чтобы докончить ихъ покореніе. Прежде всего онъ дополнилъ обложеніе Мантуи, потомъ принялся за Генуу. Вооруженныя шайки, состоявшія по большей части изъ піемонтцевъ, австрійскихъ бѣглецовъ, недовольныхъ и дезертировъ, сформировались на территоріи этой республики подъ именемъ *барбетовъ*. Пользуясь отдаленіемъ арміи, они захватывали наши конвои и умерщвляли одиночныхъ солдатъ. Число этихъ шаекъ зна-

---

[18]) Леобенъ въ Штиріи. Здѣсь, 29-го апрѣля 1797 года, подписаны были Наполеономъ и эрцгерцогомъ Карломъ предварительныя условія кампо-формійскаго мира. *Прим. перев.*

чительно увеличилось, вслѣдствіе народнаго раздраженія за наше лихоимство въ Ломбардіи, и грозило отрѣзать наши сообщенія. Сенатъ, который имѣлъ основательныя причины не радоваться нашимъ успѣхамъ, смотрѣлъ на это снисходительно. Джирола, австрійскій министръ въ Генуѣ, будучи поддерживаемъ нѣкоторыми генуэзскими аристократами, почти открыто ободрялъ барбетовъ.

Въ этомъ случаѣ не остановились на дипломатическихъ мѣрахъ. Ланнъ отправился съ отрядомъ въ 1,200 человѣкъ, разбилъ шайки, разстрѣлялъ плѣнныхъ, сжегъ дома предполагаемыхъ сообщниковъ разбойничества, которое было не что иное какъ настоящее возстаніе, и, наконецъ, разорилъ деревню Арквату и замокъ маркиза Спинолы, считавшагося однимъ изъ тайныхъ вождей барбетовъ. Въ то же время Мюратомъ было доставлено въ сенатъ письмо Бонапарте. Генералъ выражался самымъ повелительнымъ и грознымъ тономъ: „Если республика не съумѣетъ прекратить безпорядковъ, онъ самъ придетъ подавить ихъ со своими солдатами. Онъ велитъ сжечь города и деревни, гдѣ будетъ убитъ хоть одинъ французъ. Джирола долженъ быть арестованъ или по крайней мѣрѣ высланъ изъ Генуи.“ Требованія эти были немедленно удовлетворены. Это былъ случай разувѣрить генуэзцевъ относительно заднихъ мыслей, которыя они намъ приписывали, и пріобрѣсти ихъ дружбу посредствомъ откровенной и великодушной политики; но онъ хотѣлъ просто быть властителемъ. „Чтобы было осуждено на изгнаніе двадцать аристократическихъ семействъ и призвано десять другихъ, находившихся въ изгнаніи. Этимъ средствомъ, писалъ онъ въ Директорію,—генуэзское правительство будетъ состоять изъ лицъ намъ дружественныхъ.“ Это значило: изъ нашихъ рабовъ. Вездѣ и всегда системою его было — завоеваніе.

Страхъ и смущеніе, которыя предсказалъ онъ съ такою проницательностью, какъ необходимое слѣдствіе пораженія

австрійской арміи, распространились въ Италіи. Какъ нарочно, явилось событіе, словно для подкрѣпленія его прозорливости. Предоставленные собственнымъ силамъ, итальянскіе монархи трепетали предъ побѣдителемъ. Вмѣсто того чтобъ намъ пойдти на Неаполь, случилось такъ, что неаполитанскій король самъ явился къ намъ съ униженными увѣреніями и съ постыдною покорностью, послѣ столькихъ хвастливыхъ угрозъ. Во французскій лагерь прибылъ принцъ Бельмонте-Пиньятелли просить перемирія у Бонапарте. Онъ съумѣлъ понравиться генералу, которому на этотъ разъ было удобно не злоупотреблять побѣдою. Перемиріе подписано 5-го іюня 1796 г. Оно отнимало у коалиціи содѣйствіе неаполитанскаго флота и значительнаго корпуса кавалеріи, а что главнѣе—избавляло наши войска отъ похода на Неаполь,—обстоятельство при тогдашнемъ положеніи вещей весьма рискованное. Поэтому было и благоразумно и ловко воспользоваться подобными условіями. Сдѣлавшись въ столь короткое время изъ республиканскаго солдата властителемъ монарховъ, Бонапарте, притязанія котораго къ собственному правительству увеличивались, по мѣрѣ того какъ онъ считалъ себя болѣе необходимымъ, счелъ удобнымъ, въ переговорахъ съ Неаполемъ, принять тонъ человѣка, дѣйствующаго только по собственнымъ побужденіямъ; въ особѣ принца Бельмонте онъ ласкалъ вліянія, которыя съ тѣхъ поръ слѣдовало приберегать; онъ представился ему въ качествѣ опекуна-посредника между революціею и прежними интересами, какъ покровитель итальянцевъ, какъ человѣкъ, отъ котораго они должны всего надѣяться, въ уваженіе великолѣпнаго будущаго, которое обѣщала ему судьба. „И неужели вы думаете, говорилъ онъ принцу:—что я сражаюсь за этихъ негодяевъ адвокатовъ?“

Папа, который зналъ Бонапарте гораздо лучше расположеннымъ къ соглашенію, нежели Директорія, послалъ къ нему испанскаго министра Азару, съ цѣлью вывѣдать его

намѣренія. Но жалобы французскаго правительства на Римъ не могли быть удовлетворены такъ дешево, какъ неудовольствія противъ Неаполя, будучи усложнены и безнаказанностью убійцы, умертвившаго нашего посланника Бассевиля, и религіозною войною, зажженною и поддерживаемою у насъ папою, и, наконецъ, весьма законною непріязнью философскаго духа противъ католическаго абсолютизма—его, неутомимаго преслѣдователя въ теченіе столькихъ вѣковъ. Римская курія ни въ какомъ случаѣ не могла ожидать такихъ выгодныхъ условій, какія выпали на долю королю неаполитанскому, и при томъ же, не смотря на все равнодушіе, Бонапарте къ справедливому предубѣжденію Директоріи противъ Рима, онъ не могъ не притворяться, что раздѣляетъ это предубѣжденіе въ нѣкоторой степени.

Ожеро получилъ приказаніе идти на Болонью и Феррару. Не успѣлъ онъ показаться передъ этими легатствами, какъ уже и овладѣлъ ими. Папское управленіе тамъ было ненавидимо. Бонапарте 19-го іюня самъ прибылъ въ Болонью, и его приняли съ восторженными кликами. Дѣйствительно, какую администрацію ни внесла наша армія сюда, она не могла казаться ничѣмъ другимъ какъ благодѣяніемъ для населенія, согбеннаго подъ игомъ поповъ,—власть самая нестерпимая, если она даже безвредная, ибо она порабощаетъ въ одно время душу и тѣло, совѣсть и интересы, не оставляя никакого прибѣжища даже для свободы разума. Бонапарте нужно было устрашить папу, но онъ не хотѣлъ идти на Римъ. Не успѣлъ онъ приступить къ исполненію своего намѣренія, какъ уже Азара, принятый имъ въ качествѣ посредника, получилъ уполномочіе отъ римскаго двора. Дипломатъ скоро вошелъ въ соглашеніе съ побѣдителемъ, которому только и надо было, чтобы его упросили смягчиться. Двадцать одинъ милліонъ франковъ, изъ которыхъ пятнадцать наличными, а остальные въ разныхъ припасахъ, сто картинъ, пятьсотъ рукописей, временное занятіе Ан-

коны, Болоньи и Феррары, наконецъ, бюсты Юнія и Марка Брута, таковы были условія этого новаго перемирія, за которымъ не долженъ былъ вскорѣ послѣдовать мирный договоръ; ибо какъ Директорія, такъ и папа старались выиграть время для возвращенія того, что было отдано. Бонапарте зналъ, что директоры не останутся довольны его перемиріемъ, а потому старался предупредить ихъ упреки, сваливъ, по своему обыкновенію, всю вину на двухъ правительственныхъ коммисаровъ, которые, тормозя его дѣйствія, своею неловкостью помѣшали ему достигнуть болѣе выгодныхъ условій: эта манера „договариваться втроемъ была положительно вредна интересамъ республики.“ Онъ потомъ позаботился успокоить неудовольствіе Директоріи, доказывая подробными отчетами, что римскій походъ доставлялъ намъ не менѣе 34-хъ милліоновъ, какъ въ деньгахъ, выговоренныхъ при условіи, такъ и въ суммахъ ломбардовъ и въ контрибуціяхъ.

На Италію можно было смотрѣть какъ на временно-умиротворенную. Въ ней оставался только одинъ монархъ, котораго не покорила Франція, и котораго не обложила данью: это былъ великій герцогъ Тосканскій. Этотъ монархъ участвовалъ въ коалиціи только номинально, первый изъ государей Европы онъ жилъ въ мирѣ съ французскою республикою; при всемъ этомъ кротость его правленія вошла въ пословицу, и между своими подданными онъ не имѣлъ ни одного непріятеля. Но Директорія издавна острила зубы на портъ Ливорно — важное складочное мѣсто англійской торговли, гдѣ она надѣялась найти груды золота; да и Бонапарте хотѣлось овладѣть этимъ портомъ въ виду успѣшности его намѣреній снова взять Корсику. Такъ какъ никогда нѣтъ недостатка въ предлогахъ для самыхъ гнусныхъ дѣлъ, то и рѣшились обратить въ „покушеніе“ противъ нейтралитета — столкновенія между эмигрантами и французскими матросами, въ которыхъ англичане принимали участье. Къ этой жалобѣ

присоединили другую, еще менѣе правдивую, о захватѣ англійскимъ флотомъ нѣсколькихъ мелкихъ французскихъ купеческихъ судовъ, но не въ водахъ Ливорно, за что слѣдовательно великій герцогъ не могъ подвергаться отвѣтственности. Если въ поведеніи тосканскаго правительства и были ошибки, неизбѣжныя со стороны такого слабаго государства, поставленнаго между столь могущественными противниками, какъ Англія и Франція, то, прежде нежели приступать къ дѣйствію, отъ него можно было потребовать удовлетворенія. Нашъ министръ во Флоренціи, Міо, человѣкъ умѣренный и прозорливый, будучи извѣщенъ Наполеономъ о намѣреніи его захватить Ливорно, напрасно старался отвратить его отъ этого при свиданіи съ нимъ въ Болоньѣ; онъ не замедлилъ убѣдиться, что цѣлью Директоріи было не только получить удовлетвореніе, но и овладѣть богатствами Ливорно. „Если бы вы сказали мнѣ это прежде, отвѣчалъ Бонапарте: — я, можетъ быть, не приказалъ бы сдѣлать движенія, которое началось сегодня; но теперь уже поздно“ [19]).

Такимъ образомъ конфискація, бывшая до тѣхъ поръ только принадлежностью войны, — сдѣлалась теперь единственною ея причиною. Въ дѣлѣ, возбужденномъ противъ великаго герцога, такъ же какъ и въ „открытой распрѣ“ съ Венеціею, все было выдумано и фиктивно, за исключеніемъ нашей жадности. Для успѣха нашей ливорнской экспедіи было очень важно — совершить ее скрытно отъ англичанъ, у которыхъ хотѣли забрать не только товары, но и суда. Для этой цѣли прежде всего надо было обмануть великаго герцога.

Монархъ этотъ считалъ себя въ полнѣйшей безопасности, когда французская дивизія перешла Аппенины и прибыла въ Пистойю, показывая видъ, что намѣрена отправиться въ Римъ чрезъ Флоренцію. Къ ней вскорѣ присоединился и Бонапарте. Министръ великаго герцога, Манфредини, явился въ

[19]) Записки Міо Мелито. *Пр. автора.*

главную квартиру къ пистойскому епископу, узнать о намѣреніяхъ генерала. Послѣдній увѣрилъ его, что его намѣренія были самыя мирныя и дружественныя; необыкновенный походъ нашей арміи не имѣлъ, по его словамъ, другой цѣли какъ устрашеніе римскаго двора. Министръ настаивалъ, чтобъ наши войска не проходили чрезъ Флоренцію, и вслѣдствіе этого было условлено, чтобъ они направились на Римъ чрезъ Сіенну.

Согласно съ обѣщаніемъ, дивизія выступила въ походъ подъ командою Мюрата; но, пройдя нѣкоторое разстояніе, круто перемѣнила направленіе и ударилась на Ливорно. Англичане однакожъ были извѣщены, и когда мы вступили въ городъ, ихъ корабли въ числѣ сорока выходили въ открытое море въ глазахъ Мюрата и двухъ коммисаровъ Гаро и Саличетти, поспѣшившихъ для того, чтобъ завладѣть этою богатою добычею. Но дѣло отчасти не удалось къ ихъ величайшему огорченію: они должны были довольствоваться только захватомъ англійскихъ товаровъ на сумму около 12 мильоновъ. Великій герцогъ получилъ извѣстіе объ этой ловушкѣ только тогда, когда наша дивизія была у воротъ Ливорно. Бонапарте увѣдомилъ его письмомъ въ весьма почтительныхъ выраженіяхъ, что получилъ приказаніе отъ своего правительства занять Ливорно для „поддержанія нейтралитета" противъ англичанъ, и возобновилъ увѣренія въ самой нелицемѣрной дружбѣ со стороны французскаго правительства; наконецъ далъ обѣщаніе, что знамя, гарнизонъ *и собственность будутъ уважаемы самымъ тщательнымъ образомъ* — увѣренія, находившіяся въ странной противоположности съ инструкціями, которыя въ то же время онъ далъ генералу Вобуа, оставшемуся въ Ливорно въ качествѣ губернатора. „Если откроется въ Ливорно заговоръ или что бы то ни было вредное для существованія нашихъ войскъ, онъ приметъ всѣ необходимыя мѣры для поддержанія спокойствія и для удер-

жанія злонамѣренныхъ. *Онъ не пощадитъ ни лицъ, ни имѣній*" (27 іюня).

30 іюня Бонапарте имѣлъ безтактность явиться во Флоренцію просить гостепріимства у монарха, котораго только-что ограбилъ. Великій герцогъ сдѣлалъ ему дружественный и самый лестный пріемъ. Имѣя справедливо въ виду, что объясненія не поведутъ ни къ чему, онъ не жаловался и хранилъ исполненное достоинства молчаніе о своихъ личныхъ обидахъ, и принималъ Бонапарте какъ великаго человѣка, которому не могъ не удивляться. Что касается Бонапарте, то онъ выразилъ признательность радушному хозяину, рекомендуя его вниманію директоровъ.

„Вы должны чувствовать, писалъ онъ имъ: — что вамъ неудобно оставлять герцогство Тосканское брату императора." (20 іюля). Мысль дѣйствительно политическая, но въ которой было бы болѣе политики, еслибъ она соотвѣтствовала мнѣніямъ, съ которыми никакъ не искали мы совѣтоваться, но которая должна была во что бы то ни стало заставить его избѣгать Флоренціи.

Бонапарте не оставался впрочемъ болѣе одного дня въ этой столицѣ, и вскорѣ уѣхалъ въ верхнюю Италію. Изъ захвата Ливорно, столь невыгоднаго для его славы, онъ съумѣлъ извлечь хорошую прибыль для своихъ честолюбивыхъ интересовъ. Легко было предвидѣть, что несчастный этотъ городъ со своими огромными средствами долженъ былъ попасть въ руки алчныхъ откупщиковъ, слѣдовавшихъ за арміею, начиная съ обоихъ коммиссаровъ, репутація которыхъ была составлена съ тѣхъ поръ. Бонапарте, никогда не терпѣвшій даже тѣни начальства и контроля надъ его дѣйствіями, производимаго этими представителями гражданской власти, и который безпрестанно жаловался, что они захватывали его права, видѣлъ въ ливорнскомъ дѣлѣ превосходный случай избавиться отъ нихъ, причинивъ имъ пагубу съ помощью собственной ихъ слабости. Во-первыхъ, онъ допу-

стилъ ихъ дѣлать въ этотъ городѣ все, что они хотѣли, и они воспользовались этою свободою со свойственною имъ жадностью; потомъ, воспользовавшись безтактною прокламаціею, объявленною, по ихъ настоянію, генераломъ Вобуа противъ эмигрантовъ, онъ донесъ на нихъ, почти прямо обвиняя ихъ въ мотовствѣ, что окончательно погубило къ нимъ довѣріе директоровъ:

„Отвѣтственность одного *замѣнили* комисіями, гдѣ каждый мотаетъ, обвиняя своихъ сосѣдей.... Съ ливорнцами *обращаются* такъ, какъ вы не желали, чтобы обращались съ англійскими купцами. Это вооружаетъ всю Италію, гдѣ насъ считаютъ вандалами.“ Хотя въ этомъ донесеніи и не упоминалось о Гаро и Саличетти, но ясно, что подразумѣвались въ донесеніи оба комиссара. Въ то же время онъ писалъ къ Вобуа, упрекая его, зачѣмъ онъ согласился подписать ихъ прокламацію, и къ Гаро, съ просьбою оставаться въ границахъ своей обязанности, т. е. отказаться отъ всякаго контроля надъ дѣйствіями генерала. Комиссары впрочемъ недостойными поступками своими поставили себя въ невозможность заставить уважать свои права и свое званіе. „Я очень хорошо знаю, говорилъ Бонапарте Гаро: „что вы готовы принять меня за Дюмурье. Ясно, что генералъ, имѣющій дерзость командовать арміею, ввѣренною ему правительствомъ, и отдавать приказанія безъ утвержденія комиссаровъ, не можетъ не быть заговорщикомъ.“

Давно уже во всѣхъ почти письмахъ въ Директоріи, Бонапарте намекалъ на необходимость — предоставить ему полную свободу дѣйствовать. Онъ добивался однакоже не одного командованія арміею безъ контроля, а безграничной власти въ дѣлахъ всякаго рода. Въ письмѣ отъ 24 іюня, онъ именно выразилъ очень ясно свои притязанія въ этомъ отношеніи: „Необходимо, писалъ онъ: — *единство мысли военной, дипломатической и финансовой*. Здѣсь нужно жечь, разстрѣливать, чтобъ утвердить страхъ и показать примѣръ

строгости.... Вы понимаете, что если каждое государство или каждый муниципалитетъ отнесутся безразлично къ одному изъ комиссаровъ и ко мнѣ, и мы отвѣтимъ отдѣльно по своему усмотрѣнію, то невозможно требовать единства мысли и слѣдованія одному плану.“ То, чего онъ требовалъ этими знаменательными словами, которыя служили для Директоріи самымъ яснымъ предостереженіемъ, то, что онъ давно уже почти осуществилъ, было настоящая диктатура. Если бы директоры были проницательнѣе, они предугадали бы участь, ожидавшую ихъ въ будущемъ, сравнивая этотъ требовательный тонъ съ другимъ совсѣмъ тономъ, который Бонапарте считалъ еще своею обязанностью употреблять около двухъ мѣсяцевъ назадъ, когда оправдывался передъ Летурнеромъ въ томъ, что осмѣлился подписать перемиріе въ Хераско, на что не имѣлъ права: „Если я и принялъ кое-что на себя, то съ величайшимъ отвращеніемъ и съ полною увѣренностью въ вашемъ желаніи, чтобъ такъ поступили“ (6 мая 1796).

Съ этого момента власть комиссаровъ перестала ему препятствовать. Во время краткаго своего пребыванія во Флоренціи, за обѣдомъ у великаго герцога, генералъ получилъ депешу о взятіи Миланскаго замка — новость, которую онъ поспѣшилъ сообщить своему хозяину. Вслѣдствіе этой капитуляціи, въ Верхней Италіи осталась только одна крѣпость Мантуа, державшая еще сторону Австріи. Подавивъ необыкновенно суровыми мѣрами попытку возстанія въ Болонской провинціи, Бонапарте употребилъ остатокъ іюля на окончательное приведеніе въ полный порядокъ осады Мантуи. Дѣло это было подвинуто съ необыкновенною энергіею, чему еще много способствовали болѣзни, поражающія въ это время жителей и происходящія отъ вредныхъ испареніи болотъ, окружающихъ городъ. Усилія наши готовы были уже увѣнчаться успѣхомъ, благодаря этому ужасному

союзнику, какъ неожиданная диверсія спасла крѣпость и начала угрожать французской арміи.

Не приходя въ уныніе отъ неудачъ, Вѣнскій дворъ продолжалъ войну съ большею энергіею, нежели когда бы то ни было. Маршалъ Вурмзеръ былъ вызванъ изъ Рейнской арміи, которою онъ командовалъ со славою, и приближался съ подкрѣпленіемъ въ 30,000 человѣкъ чрезъ Тироль, гдѣ онъ собиралъ остатки арміи Больё. Вскорѣ число войскъ его возрасло тысячъ до шестидесяти, включая и гарнизонъ мантуанскій. Французская армія состояла изъ 45,000 человѣкъ равно считая семь или восемь тысячъ солдатъ, занятыхъ осадою [19]).

Французская линія тянулась отъ Бресчіи къ Порто-Леньяго, по неровной мѣстности, пересѣченной холмами и рѣчками, чрезвычайно удобной для нечаянныхъ нападеній и быстрыхъ эволюцій. Къ ней вели три различныя дороги: одна, по которой могли пройдти только легкія войска, спускалась изъ Тироля къ Сало, за озеромъ Гарде, и шла на Бресчію; другая, огибая лѣвый берегъ Адидже, направлялась къ Веронѣ; третья наконецъ, проходя между озеромъ и Адидже, вела въ Пескьеру. Вурмзеръ рѣшился напасть на нашу армію съ этихъ трехъ пунктовъ разомъ — погрѣшность, которой ему слѣдовало избѣгать, имѣя въ виду неудачи Больё;

---

[19]) Наполеонъ во всѣхъ запискахъ, диктованныхъ имъ на о. Св. Елены и обыкновенно цитуемыхъ нашими историками, опредѣляетъ это количество только въ 40,000. Въ *Корреспонденціи* же его, гдѣ впрочемъ онъ постоянно уменьшаетъ свои силы, какъ это ему замѣтилъ Карно, онъ считаетъ въ своей арміи 44,000 человѣкъ (письмо въ Директорію отъ 6 іюля). Привычка эта у него постоянная, и заслуживаетъ упоминанія не по своей собственной важности, но какъ странная черта характера. Онъ всегда увеличивалъ силы непріятельскія и уменьшалъ собственныя. Цифры, находящіяся въ корреспонденціи генераловъ (между прочими Журдана), всегда почти разнятся съ цифрами самого Бонапарте и въ особенности странно въ нихъ пониженіе силъ австрійской арміи.

Пр. автора.

но этотъ планъ, ошибочный въ особенности въ виду необыкновеннаго таланта противника сосредоточивать силы, показаннаго въ предыдущую кампанію, былъ навязанъ старому маршалу надворнымъ военнымъ совѣтомъ, который изъ Вѣны распоряжался военными дѣйствіями.

И такъ армія его раздѣлилась на три корпуса: первый имѣлъ слѣдовать по долинѣ Адидже до Вероны; второму должно было, выгнавъ французовъ изъ постовъ, занимаемыхъ ими между Адидже и озеромъ Гарде, стараться о соединеніи съ первымъ; что же касается третьяго, подъ командою Кваздановича, то онъ шелъ не для побѣды, а для того, чтобъ воспользоваться побѣдою: онъ долженъ былъ спуститься изъ Тироля, сзади озера Гарде, обойдти французскую армію чрезъ Сало и Бресчію, и отрѣзать ей сообщеніе съ Миланомъ.

Нападеніе произведено было съ такою стремительностью, что сначала имѣло успѣхъ. Въ центрѣ у насъ Массена и Журданъ были послѣдовательно вытѣснены изъ постовъ Короны и Риволи, занимаемыхъ ими между озеромъ и Адидже; на лѣвомъ флангѣ Соре принужденъ былъ очистить Сало, гдѣ осталось лишь нѣсколько сотъ человѣкъ, стѣсненныхъ въ старомъ замкѣ, а Квaздановичъ занялъ Бресчію; наконецъ, на правомъ нашемъ флангѣ, австрійскія войска, устремляясь на Верону, угрожали Адидже на всѣхъ пунктахъ. Линія наша была прорвана со всѣхъ сторонъ (29 — 30 іюля).

Положеніе французской арміи можно назвать самымъ критическимъ; но быстрое сосредоточеніе силъ могло возвратить ей ея преимущества, ибо если она была третью меньше войскъ ее окружавшихъ, то за то была сильнѣе каждаго изъ корпусовъ Вурмзера, взятыхъ отдѣльно, и могла разбить ихъ одинъ за другимъ, прежде чѣмъ они успѣли бы соединиться. Бонапарте сразу увидѣлъ необходимость этого плана и выполнилъ его съ такою необыкновенною рѣшимостью, которая въ эти трудныя минуты удивила самыхъ отчаянныхъ смѣльчаковъ. Имѣя необходимость во всѣхъ сво-

ихъ силахъ, онъ не поколебался снять осаду Мантуи — жертва, конечно не заслуживающая вызваннаго ею удивленія, ибо она была вынуждена во всякомъ случаѣ, но операція эта была исполнена такъ быстро, какъ никто не исполнилъ бы ее кромѣ Бонапарте. Орудія были заклепаны, лафеты сожжены, порохъ затопленъ, и послѣ этого осаждающіе исчезли съ такою поспѣшностью, что Вурмзеръ, прибывшій форсированнымъ маршемъ на помощь крѣпости, не нашелъ непріятеля и, вслѣдствіе этой ошибки, не поспѣлъ къ сраженію, рѣшившему участь главнаго корпуса его арміи.

Соединивъ свои войска между тремя австрійскими корпусами на позиціи, къ югу отъ озера Гарде, такимъ образомъ, чтобъ не допустить ихъ къ соединенію, Бонапарте прежде всего ударилъ на Кваздановича, отрѣзавшаго ему сообщеніе съ Миланомъ, и который былъ слишкомъ слабъ для серьезнаго сопротивленія (31-го іюля). Бонапарте разбилъ его при Лонато, отобралъ Сало и Бресчію, и прогнавъ его достаточно для того, чтобъ не бояться за свои сообщенія, возвратился къ Минчіо съ цѣлію разбить остальные австрійскіе корпуса, не вполнѣ еще соединившіеся. Корпуса эти перешли не только Адидже, но и Минчіо, и подвинулись къ Лонато, въ надеждѣ помочь Кваздановичу, котораго Бонапарте выгналъ за два дня назадъ изъ Лонато. Австрійцы снова были тамъ разбиты 3-го августа, и на этотъ разъ понесли большую потерю, благодаря искусному разобщенію ихъ корпусовъ и безполезному походу Вурмзера къ Мантуѣ. Вмѣсто того чтобъ воспользоваться численнымъ превосходствомъ, они могли выставить подъ Лонато лишь 25,000 человѣкъ и потеряли 6,000 плѣнными, убитыми и ранеными.

Разстройство этой арміи было таково, что, на другой день сраженія, одна изъ ея дивизій, сохранившая не болѣе 4,000 человѣкъ, проблуждавъ всю ночь, прибрела ощупью къ Лонато, въ средину французскихъ корпусовъ, расположенныхъ

уступами по окрестности. Главнокомандующій находился въ Лонато лишь съ 1,200 человѣкъ и приготовлялся къ новой битвѣ. Его легко могли взять въ плѣнъ или по крайней мѣрѣ остановить среди распоряженій. Вдругъ къ нему является парламентеръ отъ имени австрійскаго генерала и требуетъ сдачи. Бонапарте собралъ свой главный штабъ; ввели парламентера, развязали ему глаза, и когда онъ объявилъ свое требованіе, Бонапарте воскликнулъ: „Ступайте и скажите своему генералу, что я оставляю на его отвѣтственности личную обиду, которую онъ сдѣлалъ мнѣ требованіемъ сдачи французской арміи, и что я даю ему восемь минутъ срока положить предъ нами оружіе." Эта удачная смѣлость доставила намъ 4,000 лишнихъ плѣнныхъ [21]).

Онъ уже сдѣлалъ распоряженія о завтрашней битвѣ. Возвратившись изъ своего дурно разсчитаннаго похода къ Мантуу и снабдивъ съѣстными и боевыми припасами эту крѣпость, Вурмзеръ собралъ остатки своихъ дивизій, разбитыхъ при Лонато, и занялъ позицію напротивъ насъ въ Кастильоне, упираясь правымъ флангомъ въ озеро Гарде и растянувъ свой флангъ какъ можно далѣе въ этомъ направленіи, надѣялся стянуть остатки отряда Кваздановича, которые, будучи энергично удерживаемы французскою дивизіею въ небольшомъ оттуда разстояніи, не представляли никакой опасности для нашей арміи (5-го августа). Бонапарте, располагавшій съ того времени почти одинаковыми силами съ Вурмзеромъ, тотчасъ же понялъ, что можно извлечь большое преимущество изъ этого стремленія австрійцевъ продолжить сверхъ мѣры ихъ правый флангъ, рѣшился ободрять это движеніе, не опасаясь вреда для себя. Въ то время,

---

[21]) Фактъ этотъ былъ подвергнутъ сомнѣнію, хотя Бонапарте и упоминаетъ о немъ въ донесеніи Директоріи; но онъ подтверждается значительнымъ количествомъ свидѣтельствъ, между прочимъ, Мармономъ и Жуберомъ (Корреспонденція). *Прим. автора.*

какъ Серюрье, посланный имъ на дорогу Гвидиццоло, обходилъ австрійскія войска сзади, Бонапарте уступалъ имъ постепенно мѣстность со стороны озера, заставляя ихъ также развертывать чрезмѣрно ихъ боевую линію. Вскорѣ раздались пушечные выстрѣлы Серюрье. Тогда Бонапарте прекратилъ отступательное движеніе, остановился, и началось нападеніе разомъ на всѣхъ пунктахъ. Непріятельская линія была прорвана по срединѣ; лѣвое крыло, атакованное съ фронта и съ фланга, подалось, и, послѣ слабаго сопротивленія вся армія начала отступать. Только крайняя усталось нашихъ солдатъ спасла ее отъ конечнаго истребленія. Линія Адидже была намъ возвращена, а Вурмзеръ отброшенъ въ итальянскій Тироль со своею арміею, уменьшенною болѣе нежели на половину. Трофеями этой краткой кампаніи были 15,000 плѣнныхъ, 20,000 убитыхъ и раненыхъ непріятелей и 60 орудій. Изъ своего громаднаго усилія Австрія извлекла одну только пользу: она снабдила запасами Мантуу.

Потерявъ всю свою осадную артиллерію, французская армія должна была ограничиться одною только блокадою. Остатокъ августа Бонапарте посвятилъ на отдыхъ арміи, при чемъ онъ торопилъ прибытіе подкрѣпленій, старался успокоить друзей Франціи, которые поколебались было при вѣсти о нашихъ неудачахъ, и заставлялъ трепетать своихъ враговъ, которые вездѣ подняли головы. Онъ хотѣлъ пощадить кардинала Маттеи, который, отъ имени папы, явился снова вступить во владѣніе Феррарою, и ограничился тѣмъ, что заключилъ его въ монастырь. Онъ грозилъ неаполитанскому королю „идти на его мнимую армію въ 70,000 человѣкъ съ 6,000 гренадеровъ, 4,000 кавалеріи и 50 орудіями.“ Наконецъ, онъ писалъ, хотя и необыкновенно вѣжливо, къ герцогу тосканскому, жалуясь на его вялость относительно уваженія нейтралитета. Мы взяли у него Ливорно, а въ вознагражденіе за это англичане отняли у него Порто-Феррайо.

Ему не легче было защищаться отъ нихъ, чѣмъ отъ насъ; тѣмъ не менѣе Бонапарте имѣлъ смѣлость упрекнуть его, зачѣмъ онъ не помѣшалъ англичанамъ овладѣть этою столицею острова Эльбы. Но, жалуясь на этотъ фактъ, который, по его словамъ, онъ приписывалъ не иначе какъ *измѣнѣ* порто-феррайскаго губернатора, Бонапарте, вѣрный своей системѣ „усыплять людей до самой минуты пробужденія" (письмо къ Файпульту, отъ 14-го іюля), онъ разсыпался въ увѣреніяхъ отъ имени своего правительства, „ни коимъ образомъ не нарушать добраго согласія, царствовавшаго между нимъ и Е. К. В." Между тѣмъ, въ тотъ же самый день, 12 августа, онъ писалъ къ Міо, нашему министру во Флоренціи, чтобъ онъ не преминулъ увѣдомить его, въ какой день великій герцогъ уѣдетъ въ Вѣну, куда призывало его званіе наслѣдника императорской короны, чтобъ можно было захватить его на дорогѣ.

Онъ прибавилъ: „Въ интересахъ правительства, чтобъ въ Тосканѣ не дѣлалось ничего, что могло бы обезпокоить великаго герцога: поэтому поддерживайте нейтралитетъ."

Между тѣмъ на Рейнѣ произошли чрезвычайно важныя событія. Наши обѣ арміи, одна подъ начальствомъ Журдана, а другая подъ командою Моро, подались въ самое сердце Германіи, чтобъ войдти въ сношенія съ Итальянскою арміею, гоня австрійскія силы, находившіяся подъ начальствомъ эрцгерцога Карла. Успѣхи ихъ были парализованы неправильнымъ планомъ, который навязалъ имъ Карно. Угадавъ ошибочность стратегіи, возводившей въ систему хорошее или дурное, смотря по обстоятельствамъ, и воспользовавшись слабымъ единствомъ ихъ дѣйствій, эрцгерцогъ, оставивъ передъ Моро обсерваціонный отрядъ скрылъ отъ него свое движеніе, и со всѣми силами пошелъ на Журдана—пріемъ, который онъ словно заимствовалъ отъ Бонапарте. Будучи разбитъ при каждой попыткѣ обороняться отъ своего юнаго противника, Журданъ былъ принужденъ проникнуть къ Рейну, между

тѣмъ какъ Моро производилъ въ Баваріи безполезную демонстрацію, за которою должно было вскорѣ послѣдовать опасное отступленіе.

Бонапарте не зналъ еще этихъ событій и долженствовавшихъ произойти отъ нихъ послѣдствій, и потому писалъ къ Моро отъ 13 августа изъ Бресчіи, что время дѣйствовать имъ сообща наступило, и назначилъ Инспрукъ мѣстомъ соединенія. Но онъ не могъ проникнуть въ нѣмецкій Тироль, прежде чѣмъ окончательно истребить или прогнать Вурмзера. Австрійская армія, не успѣвшая еще окрѣпнуть послѣ неудачъ и глубоко деморализованная, но почти равная числомъ арміи французской, занимала съ одной стороны всѣ ущелья, запирающія приступъ къ Тиролю по обоимъ берегамъ озера Гарде, а съ другой—позиціи, предоставляемыя теченіемъ Бренты между Тренте и Виченцою. Вурмзеръ собирался уже перейдти въ наступленіе на Адидже, какъ Бонапарте предупредилъ его.

На этотъ разъ планъ его отличался такою дерзостью, которую могла допустить только увѣренность въ побѣдѣ; но блестящія военныя способности уже достаточно были засвидѣтельствованы, чтобъ онъ имѣлъ право привести этотъ планъ въ исполненіе. Оставивъ Сагюге съ дивизіею Серюрье подъ Мантуею, и Кильмена только съ 4,000 въ Веронѣ и Порто-Леньяго для наблюденія за Адидже, онъ не поколебался съ остальною арміею вступить въ ущелья Тироля, подымаясь вверхъ по Адидже и двумъ рѣчкамъ озера Гарде. Этимъ движеніемъ онъ предполагалъ заставить Вурмзера очистить Виченцскую область, чтобъ прикрыть Фріуль и Тріестъ.

Предположеніе это не осуществилось, но какъ никакая случайность не смущала его, то онъ и успѣлъ извлечь еще большую пользу изъ рѣшенія, принятаго его противникомъ. Армія выступила въ началѣ сентября. Послѣ цѣлаго ряда легкихъ стычекъ, дивизіи его успѣли соединиться на вершинѣ озера и опрокинули корпусъ Давидовича, который хотѣлъ

не допустить ихъ въ Тироль. Солдаты наши заняли послѣдовательно всѣ ущелья, защищающія доступъ въ эту гористую страну, и вступили въ Тренте, гдѣ нѣсколько дней предъ тѣмъ была главная квартира Вурмзера (4 сентября).

Послѣдній, будучи убѣжденъ, что нашествіе наше на Тироль было предвѣстьемъ нашего вступленія въ Германію,— вмѣсто того, чтобъ примкнуть къ Фріулу, какъ полагалъ Бонапарте, онъ рѣшился пойдти снова на Адидже, переправиться, и посредствомъ этого обходнаго движенія запереть насъ въ горахъ, въ которыя мы проникли,— рѣшеніе очень смѣлое, но превышавшее его силы для исполненія, и которое въ случаѣ неудачи грозило ему плѣномъ или истребленіемъ. Главная часть арміи его была уже въ Бассано, а одна изъ его дивизій шла на Верону. Такимъ образомъ онъ открывалъ Фріулъ и отрѣзывалъ самъ себѣ всякое отступленіе, на случай французы погнались бы за нимъ. Мысль эта не могла ускользнуть отъ проницательности его противника, который, раздумавъ забираться еще выше въ Тироль и оставивъ тамъ только Вобуа съ дивизіею, перешелъ въ Левико ущелье, отдѣляющее Тренте отъ источниковъ Бренты, и усиленными переходами спустился по теченію этой рѣки въ тылъ Вурмзеру. Сознавая свою ошибку, австрійскій генералъ остановилъ свое движеніе на Адидже и послалъ одну дивизію въ Примолано, на превосходную позицію, съ цѣлью удержать французскую армію; но вскорѣ эта дивизія была разбита и вся почти досталась намъ въ плѣнъ.

На другой день французская армія была уже передъ Бассано, гдѣ Вурмзеръ находился со всѣми своими силами, за исключеніемъ дивизіи, посланной имъ въ Верону. Наканунѣ онъ имѣлъ еще возможность отступить на Павію; но ему не хотѣлось оставить упомянутой дивизіи. Битва при Бассано окончательно отрѣзала ему отступленіе съ этой стороны. Словно околдованная необыкновенною быстротою движеній непріятеля, австрійская армія не оказала почти никакого со-

противленія и оставила намъ еще 6,000 плѣнныхъ. Въ отчаяніи и будучи запертъ между Адидже и арміею, которая слѣдовала за нимъ по пятамъ, Вурмзеръ побѣжалъ вдоль рѣки со своею почти еще нетронутою кавалеріею, ища вездѣ переправы, которая дозволила бы ему добраться до Мантуи, а иначе онъ принужденъ былъ съ остальными 15,000 сложить оружіе. Къ его счастью, въ это время Леньяго оставался безъ гарнизона, потому что Кильменъ нашелся въ необходимости выступить оттуда на защиту Вероны, и Вурмзеръ могъ переправиться чрезъ Адидже. Бонапарте сильно разгнѣвался при видѣ, какъ ускользала подобная добыча, и употреблялъ напрасныя усилія, чтобъ обогнать ее и очутиться прежде у Мантуи. Но вó-время прибылъ только одинъ авангардъ къ Цереѣ, по дорогѣ изъ Леньяго въ Мантуу, который однакожъ не былъ въ силахъ остановить австрійцевъ, и Вурмзеръ пробился чрезъ него, захвативъ 400 плѣнныхъ. Въ слѣдующіе дни онъ изрубилъ и захватилъ еще два другихъ нашихъ отряда, пытавшихся воспрепятствовать его переправѣ, и могъ наконецъ вступить въ Мантуу. Маленькіе эти успѣхи влили немного бальзама въ раны стараго маршала, который, благодаря подкрѣпленію мантуанскаго гарнизона, очутился во главѣ довольно значительной арміи; это под ало ему смѣлость начать снова кампанію, но сраженіе при Сен-Жоржѣ, данное имъ и проигранное подъ самыми стѣнами города, принудило его вскорѣ запереться въ крѣпости. Со вступленія въ Италію онъ потерялъ 27,000 человѣкъ; французы лишились только 7,500.

Такимъ образомъ покончила эта армія, которая должна была отнять у насъ Италію.

ГЛАВА V.

Созданіе Циспаданы [22]). Арколь.

Выведенный быстро изъ Тироля непредвидѣннымъ движеніемъ Вурмзера на Адидже, Бонапарте принужденъ былъ отложить свое предпріятіе противъ Тріеста. Экспедицію эту впрочемъ затрудняло отступленіе, которое Карно называлъ „несчасныымъ пяченіемъ Журдана" (misérable reculade de Jourdan; письмо 19 сентября 1796 г.), и угрожающее положеніе, которое приняла тогда Италія, неотступно требовало его присутствія. Онъ ограничился тѣмъ, что письменно предложилъ императору любое — или миръ, или окончательное истребленіе Тріеста. Но это необыкновенное предложеніе могло оказать какое-нибудь дѣйствіе лишь въ такомъ случаѣ, еслибъ было подкрѣплено грозною демонстраціею; генералъ не получилъ никакого отвѣта.

Отдыхъ, предоставленный ему истощеніемъ австрійскихъ армій, Бонапарте употребилъ на устройство завоеванныхъ

---

[22]) *Циспадана* — республика, образованная Бонапарте въ 1796 г. послѣ побѣды при Лоди, заключала въ себѣ Модену, Реджіо, Феррару, Болонью и отдѣлялась отъ Транспаданской республики рѣкою По (Padus), отъ которой и получила свое названіе. Республика эта слилась въ слѣдующемъ году съ Цизальпинскою республикою. *Пр. перев.*

странъ, на утвержденіе въ Италіи французскаго вліянія и въ особенности на упроченіе въ ней собственной власти. Перемиріе было подписано съ большею частью итальянскихъ владѣтелей, но окончательный миръ Директорія заключила только съ одною Сардиніею. Скорѣе изъ разсчета, нежели по безпечности, Директорія находила удобнымъ держать побѣжденныхъ въ этомъ неопредѣленномъ, ненадежномъ состояніи, непохожемъ ни на войну, ни на миръ, и которое, въ данную минуту, дозволяло ей отобрать назадъ то, что она уступила. Французское правительство извлекло сначала изъ этой политики выгоду держать этихъ монарховъ строже въ рукахъ, но вскорѣ оно испытало и неудобства въ этомъ отношеніи: оно заставило ихъ смотрѣть на наше пораженіе какъ на средство для ихъ спасенія: каждый считалъ себя связаннымъ лишь временными условіями, и при малѣйшей вѣроятности о нашихъ неудачахъ, всѣ готовы были присоединиться къ нашимъ врагамъ. Такимъ образомъ, поддерживая страхъ, мы узаконивали надежды. Несмотря на блескъ нашихъ успѣховъ, итальянскіе государи не вѣрили въ ихъ продолжительность, и потому для нихъ ничего не могло быть удобнѣе какъ тянуть переговоры. Директорія же съ своей стороны, надѣясь принудить Австрію къ миру, льстила себя надеждою наложить на нихъ современемъ болѣе тягостныя условія и становилась требовательнѣе по мѣрѣ того, чѣмъ меньше ихъ уполномоченные выказывали поспѣшности.

Подобная система скорѣе могла привести къ разрыву, нежели къ соглашенію, что и случилось съ Римомъ, и грозило относительно Неаполя. На неискреннее поведеніе папскаго легата, единственною цѣлью котораго былъ выигрышъ времени, Директорія отвѣчала требованіемъ, кромѣ уступокъ, включенныхъ въ перемиріе, чтобъ папа отмѣнилъ всѣ буллы, изданныя противъ Французской республики и гражданскаго устройства духовенства, и чтобъ онъ обязался уничтожить римскую инквизицію: неполитичное вмѣшательство въ духов-

ныя права, на которыя лучше было бы не обращать вниманія, словно они и не существовали. Условія эти,—незаключавшія впрочемъ практической важности, — послужили папскому правительству поводомъ—отказать во всемъ. Оно воспротивилось энергически и тотчасъ же пріостановило отсылку денегъ, отправленныхъ въ нашу главную квартиру, слѣдовавшихъ намъ въ силу перемирія.

Требованія другаго рода повредили переговорамъ съ Неаполемъ. Не довольствуясь миромъ, Директорія хотѣла извлечь у неаполитанскаго двора нѣсколько милліоновъ дани, въ чемъ онъ отказывалъ съ неопреодолимымъ упорствомъ этихъ небольшихъ монархій, великолѣпныхъ и вмѣстѣ нуждающихся. Ничего также не произошло окончательнаго съ Генуею и Моденою. Что касается Венеціи, то она имѣла поводъ быть болѣе и болѣе недовольною. Политика эта, выгодная послѣ побѣды, исполненная опасностей въ сомнительномъ положеніи, держала Италію въ нерѣшимости и дѣлала безполезными всѣ наши успѣхи. Все могло быть потеряно разомъ, еслибъ третья австрійская армія появилась прежде улаженія этихъ затрудненій, ибо опасность, которой мы подвергались въ минуту снятія осады Мантуи, дала предостереженіе и показала, отъ чего зависѣло спасеніе нашей арміи.

Бонапарте болѣе всѣхъ былъ въ состояніи понять опасности, созданныя для насъ въ Италіи подобною политикою; онѣ живо представились его пламенному воображенію. Поэтому онъ неотступно торопилъ директоровъ заключить миръ съ Римомъ и Неаполемъ; необходимо было во что бы то ни стало и какъ можно поспѣшнѣе обезопасить тылъ нашей арміи; онъ находилъ даже крайне нужнымъ заключить союзъ съ Генуею и Сардиніею, чтобъ не бояться за свои сообщенія. Въ то же время онъ требовалъ немедленной помощи и подкрѣпленій. „Насъ считаютъ,—говорилъ онъ: — обаяніе нашихъ силъ исчезаетъ.“ Онъ доносилъ въ выраженіяхъ, исполненныхъ горечи и гнѣва на генерала Волло, который

удерживалъ въ южныхъ департаментахъ, для подавленія гражданскихъ безпорядковъ, часть войскъ, назначенную для Бонапарте, выражаясь такимъ образомъ: „что лучше пусть подерутся на кулакахъ въ Ліонѣ, нежели потерять Италію.“ Онъ даже обращался къ начальнику Альпійской арміи Келлерману и писалъ напрямикъ: „Помогите намъ какъ можно скорѣе, если хотите, чтобъ *мы продолжали посылать вамъ семьсотъ тысячъ франковъ*,“ — доводъ, убѣдительную силу котораго онъ зналъ по опыту и который въ формѣ не столь грубой служилъ ultima ratio всѣхъ его споровъ съ Директоріею. Не этимъ ли убѣжденіемъ онъ заставилъ замолчать щекотливость директоровъ и побѣдилъ ихъ сопротивленіе?

Эти тревожныя заботы генерала Бонапарте были искренни не во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ нарочно преувеличивалъ ихъ значеніе, чтобъ приготовить директоровъ къ важной инициативѣ, которую хотѣлъ взять на себя, подъ предлогомъ заключенія имъ части союзовъ, необходимыхъ для нашей безопасности въ Италіи. Давно уже роль директоровъ состояла въ томъ, чтобъ утверждать планы генерала, показывая для сохраненія приличій видъ, что они отдаютъ ему повелѣнія. Но Бонапарте былъ слишкомъ проницателенъ, чтобъ не видѣть этого, и, ободренный ихъ слабостью, не принималъ даже на себя труда ожидать этихъ лишнихъ разрѣшеній въ дѣлахъ особой важности, и которыя замедляли на неопредѣленное время политику нашей страны. Такимъ образомъ, противъ ихъ формальной воли, совершился актъ, наиболѣе важный со времени нашего вступленія въ Италію. Если бы за неимѣніемъ гордости, директоры имѣли болѣе проницательности, то по прочтеніи краткаго декрета, которымъ генералъ собственною властью объявлялъ отрѣшеніе отъ престола герцога моденскаго, — и о мѣрахъ предшествовавшихъ образованію Циспаданской республики, они могли бы начать убѣждаться, что онъ, по его же выраженію, „бился не для этихъ негодяевъ-адвокатовъ.“

Герцогъ моденскій укрылся въ Венецію, предоставивъ регенту управленіе государствомъ. Монархъ этотъ не подавалъ никаго серьезнаго повода къ жалобамъ со времени перемирія. Единственно, на что Наполеонъ могъ пожаловаться, было то, что регентство „не могло скрыть своей радости, которую внушили ему успѣхи нашихъ враговъ“ (2 октября) и что не уплатило еще 5,600,000 франковъ изъ 9 мильоновъ, наложенныхъ нами на него. Чрезъ нѣсколько дней онъ сверхъ того обвинилъ регентство за то, что оно благопріятствовало снабженію припасами Мантуи. Какъ бы то ни было, но мы могли приносить подобныя жалобы на всѣ итальянскія правительства, изъ которыхъ озаботились сдѣлать себѣ естественныхъ враговъ; они впрочемъ не имѣли ни малѣйшаго вліянія на рѣшенія Бонапарте и служили ему только предлогомъ. Онъ уступилъ въ этомъ обстоятельствѣ единственно желанію замѣнить дружественнымъ народомъ правительство, бывшее въ глубинѣ души намъ враждебно, — и еще болѣе совершить актъ верховной власти, создавая новыя государства, чтобъ сдѣлаться болѣе нежели когда нибудь необходимымъ.

Не смотря на страсть склонять къ революціи итальянскія государства, страсть, которой Бонапарте умѣлъ такъ искусно сопротивляться, Директорія никогда не имѣла намѣренія устроить что нибудь прочное въ Италіи. Подымая народы противъ монарховъ, она имѣла въ виду просто лишь способъ, — предложить первымъ возможность освободиться, на случай еслибъ они захотѣли этимъ воспользоваться, но больше ничего, и въ тоже время напугать вторыхъ, чтобъ легче добиться мира. Съ тѣхъ поръ какъ Директорія увидѣла возможность заключить миръ и убѣдилась въ тупости и вялости народовъ, которыхъ она считала нетерпѣливыми къ достиженію свободы, она сдѣлалась гораздо осторожнѣе въ ободреніи возстаній. Въ инструкціяхъ генералу она нѣсколько разъ упоминала о необходимости подчинить въ Италіи

все миру съ императоромъ и тщательно избѣгать входить съ итальянскими патріотами въ такія условія, которыхъ нельзя было бы выполнить, или которыя мѣшали бы заключенію мира. Эти требованія внушены были здравою политикою, принимая во вниманье — положеніе умовъ въ Италіи и малое значеніе роли, которую мы тамъ исполняли; но они предвѣщали будущее очищеніе Италіи нашими войсками, и съ этой стороны не могли нравиться генералу Бонапарте. Это не потому чтобъ онъ принималъ слишкомъ живое участье въ свободѣ итальянцевъ; онъ первый находилъ ихъ недостойными свободы и такъ и обращался съ ними; переписка его не оставляетъ въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Но онъ, не могъ рѣшиться покинуть такъ скоро великолѣпную сцену на которую онъ обратилъ взоры всего міра, и гдѣ прославилъ свое имя, и оставить страну, въ которой онъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ распоряжался всѣмъ самовластно. Никакое мѣсто во Франціи, даже во главѣ правительства, не могло предоставить власти такой обширной и такой соблазнительной для подобнаго ему самолюбія.

Поэтому, написавъ въ Директорію, какъ бы испрашивая совѣта относительно своего намѣренія свергнуть съ престола герцога моденскаго и призвать моденцевъ къ свободѣ, онъ, по своему обычаю, поспѣшилъ исполненіемъ этого плана, не ожидая отвѣта, который былъ бы и долженствовалъ быть неблагопріятнымъ. Итакъ онъ собственною властью издалъ декретъ, заключавшій въ себѣ революцію. Онъ объявлялъ народы Модены и Реджіо подъ покровительствомъ Французской республики и предлагалъ имъ устроиться свободно: актъ, имѣвшій важное значеніе въ будущемъ, ибо столь слабая республика не могла существовать уединенно среди старыхъ итальянскихъ государствъ. Она должна была поглотить ихъ, или сама быть поглощена ими. Здѣсь впрочемъ мы не имѣли предлога, какъ въ Миланѣ, изгнать иностранцевъ, а слѣдовательно, всякое вмѣшательство съ другою цѣлью и не-

законно и гибельно. Въ отчетѣ, представленномъ по этому случаю, генералъ не останавливается на обсужденіи болѣе или менѣе близкихъ послѣдствій; онъ говоритъ о своемъ рѣшеніи, какъ о дѣлѣ обдуманномъ напередъ и самомъ простомъ. Это былъ больше ничего какъ „оборотъ, который онъ придавалъ дѣлу съ цѣлью *противопоставить фанатизмъ фанатизму* и превратить въ нашихъ друзей народы, которые иначе сдѣлались бы нашими яростными врагами.“ Онъ лучше нежели кто нибудь зналъ ничтожность новаго фанатизма, который хотѣлъ противопоставить древнему; но ему не было надобности вспомнить объ этомъ въ данную минуту, и кромѣ того онъ разсчитывалъ, что дѣло подвинется слишкомъ быстро и слишкомъ серьезно для того, чтобъ французское правительство могло отступить.

Декретъ появился 4 октября. Еще 11 Директорія не знала объ этомъ чрезвычайно важномъ обстоятельствѣ и была такъ далеко отъ желанія его осуществленія, что писала генералу слѣдующее:

„Не забудьте, что отъ насъ потребуется вознагражденіе въ Италіи за земли, которыя обязываетъ насъ сохранить на лѣвомъ берегу Рейна наша будущая безопасность... Уступка Ломбардіи можетъ сдѣлаться залогомъ продолжительнаго мира, и хотя мы еще ничего не постановили въ этомъ отношеніи, но полагаемъ, что съ нашей стороны было бы неблагоразумно препятствовать намъ совершить ее за эту цѣну.

„То, что мы сказали о независимости Милана, относится также къ Болоньѣ, Феррарѣ, *Реджіо, Моденѣ* и прочимъ мелкимъ итальянскимъ владѣніямъ. Мы должны удвоить осмотрительность и благоразуміе, чтобъ излишнею слабостью не повредить будущимъ интересамъ Республики. Надобно поторопить герцога моденскаго, чтобъ онъ поспѣшилъ намъ уплатить сумму, слѣдуемую по условію перемирія; *но необходимо остерегаться, чтобъ не вооружить противъ него народовъ, которые были ему подвластны до вступленія нашего*

въ Италію. И мы желаемъ, чтобъ вы поддерживали его дѣйствительную независимость до тѣхъ поръ, пока прояснится нашъ политическій горизонтъ и позволитъ намъ окончательно устроить судьбу Италіи при помощи общаго мира.“

Нельзя было осудить болѣе вразумительнымъ и болѣе формальнымъ образомъ — дѣлъ, совершенныхъ генераломъ въ Моденѣ. Но, не располагая ничего измѣнять въ своей политикѣ, онъ на эти предписанія отвѣчалъ только краткимъ изъявленіемъ грусти, что *слишкомъ поздно* получилъ письмо Директоріи—насмѣшливое оправданіе въ глазахъ того, кто просилъ совѣтовъ съ цѣлью ихъ не дожидаться. Въ то же время онъ увѣдомилъ, что къ Моденѣ и Реджіо присоединилъ Болонью и Феррару своимъ новымъ декретомъ, „собравъ ихъ вмѣстѣ подъ одну шапку“, чтобъ увеличить ихъ силы, что было логично, — разъ допустивъ принципъ. Вмѣсто того, чтобъ обратиться назадъ, онъ болѣе и болѣе увлекалъ французское правительство, чтобъ сдѣлаться необходимымъ распорядителемъ созданнаго имъ положенія, съ которымъ онъ одинъ могъ справиться. Невозможно отрицать, что въ этомъ случаѣ предусмотрительность и справедливость были на сторонѣ Директоріи, не смотря на ея прежнія ошибки. Дѣйствительно, взять подъ свое покровительство республики, созданныя искусственно и которыя не могли защищаться не только отъ иностранцевъ, но и противъ собственнаго населенія и не были подготовлены къ свободѣ — значило обязаться поддерживать ихъ постоянно въ особенности противъ ихъ самихъ, значило осудить себя на принятіе участія въ ихъ внутреннихъ переворотахъ, постоянно вмѣшиваться въ ихъ собственныя дѣла. Вслѣдствіе всего этого мы необходимо должны были управлять ими и на неопредѣленное время занимать ихъ территорію. Такимъ образомъ рано или поздно онѣ дѣлались принадлежностью Французской республики, и иностранное вмѣшательство продолжалось бы въ нихъ вѣчно со всѣмъ зломъ, его сопровождающимъ. Мы уви-

димъ, какъ скоро осуществились эти послѣдствія. Итакъ подобная система была чисто-на-чисто — завоеваніе, замаскированное республиканскими формами, и политика наша, болѣе и болѣе удаляясь отъ либеральнаго духа французской революціи, приготовляла пути къ учрежденію имперіи.

Въ ожиданіи разультатовъ этихъ неудобствъ и злоупотребленій, неразлучныхъ съ подобною политикою, изъ нея временно извлекли несомнѣнныя выгоды. Такимъ образомъ создали мы преграду, способную удержать на время возможныя нашествія на южную Италію; въ герцогствахъ и Ломбардіи сформировано кромѣ національной гвардіи два итальянскіе легіона, достаточные для поддержанія внутренняго порядка, что позволяло Бонапарте свободно располагать всѣми своими силами. И странная вещь: мѣры эти, по наружности столь революціонныя, отлично согласовались въ немъ съ пламеннымъ желаніемъ заключить миръ съ Римомъ и Неаполемъ, и несвязность столь противоположныхъ желаній ускользала отъ него: такъ онъ хотѣлъ не окончательнаго освобожденія Италіи, но временной поддержки исключительнаго положенія, которое онъ создалъ себѣ въ этой странѣ. Другой причины не было тогдашнему разномыслію его съ Директоріею. Послѣдняя подчиняла войну политикѣ, тогда какъ генералъ усиливался подчинить политику войнѣ. Директорія только и думала что о мирѣ съ императоромъ; она въ своихъ завоеваніяхъ въ Италіи видѣла лишь вознагражденіе за Бельгію; она охотно готова была очистить занятыя мѣста, по полученіи дани съ главныхъ государствъ; конечно, этой политики нельзя назвать великодушною, но если она не исправляла прежнихъ ошибокъ, то по крайней мѣрѣ не вредила будущему. Бонапарте, напротивъ,—какъ онъ и говоритъ въ своихъ *Запискахъ*,—„полагалъ, что Республика имѣла право требовать, кромѣ рейнской границы, владѣнія въ Италіи, которое питало бы французское вліяніе и поддерживало независимость Генуэзской республики, короля Сардинскаго и

паны", т. е. владѣніе, дѣйствительно несовмѣстимое съ существованіемъ прежнихъ государствъ, которое не могло образоваться иначе какъ цѣною прежнихъ битвъ, поддерживаться присутствіемъ и помощью того, кто создалъ бы его, навлекая намъ безконечныя затрудненія, и наконецъ которое должно обѣщать итальянцамъ освобожденіе не только мечтательное, но еще и купленное пожертвованіемъ самой интересной доли народа.

Впрочемъ Директорія уступила при этомъ случаѣ, какъ она постоянно дѣлала и до тѣхъ поръ, гнѣваясь болѣе и болѣе на того, кто объявлялъ ей свою волю, но не смѣя лишиться драгоцѣнныхъ услугъ Бонапарте, и за свою подлость заслуживая того обращенія, которому она имѣла подвергнуться впослѣдствіи. Но этой слабости какъ будто было мало; она дозволила еще генералу возобновить переговоры съ Римомъ, давая ему полную довѣренность, — непонятная ошибка, имѣвшая послѣдствіемъ то, что полновластнымъ посредникомъ между католицизмомъ и революціею становился человѣкъ съ такимъ очевиднымъ и страшнымъ честолюбіемъ. Если онъ хотѣлъ расширенія власти, ему стоило только попросить отставки и пожаловаться на разстройство здоровья, — обстоятельства, которыя принимались съ тою же искренностью, съ какою и объявлялись, но имѣвшія постоянный успѣхъ. ‚Пока вашъ генералъ не будетъ служить центромъ всему въ Италіи, до тѣхъ поръ вы рискуете страшнымъ образомъ. Этихъ словъ вы не сочтете за внушеніе честолюбія, я и безъ того осыпанъ почестями; мое здоровье до такой степени разстроено, что я считаю себя вынужденнымъ просить у васъ преемника." Эти жалобы, часто попадающіяся въ его письмахъ, производили неотразимое вліяніе на умы директоровъ, благодаря другимъ аргументамъ, которые онъ посылалъ по адресу министра финансовъ, и ему стоило только объявить свою волю, чтобъ немедленно видѣть исполненіе желанія.

Относительно переговоровъ съ Римомъ онъ имѣлъ огромное преимущество передъ Директоріею: его не стѣсняли ни

какое недоумѣніе, никакая философская симпатія. Видя въ политическомъ мірѣ только силу и никогда не видя принциповъ, онъ смотрѣлъ на папство какъ на фактъ, и этотъ фактъ не внушалъ ему ни любви, ни ненависти. Но могущество, которое открылъ онъ въ папствѣ, поражало его тѣмъ болѣе, что оно было моральное и что онъ чувствовалъ его силу, не имѣя возможности ни измѣрить ее, ни достигнуть. Поэтому онъ относился къ нему всегда съ большимъ уваженіемъ и не разъ упрекалъ Директорію, что она обращалась съ нимъ не совсѣмъ почтительно.

Два событія дѣлали положеніе римскаго двора болѣе и болѣе затруднительнымъ. Неаполь и Генуя заключили миръ съ Французскою республикою, а англичане, выгнанные изъ Корсики народнымъ возстаніемъ, прежде нежели вышла въ море эскадра, посланная Бонапарте, собирались очистить Средиземное море. Оставшись съ тѣхъ поръ въ одиночествѣ, папа могъ только надѣяться на успѣхъ австрійскаго оружія. Въ эту-то минуту Бонапарте возобновилъ переговоры. За нѣсколько времени предъ тѣмъ онъ выпустилъ кардинала Маттеи изъ монастыря и отослалъ въ прежнюю епархію, обойдясь съ нимъ весьма благосклонно. 21 октября онъ отправился въ Феррару, гдѣ Маттеи былъ архіепископомъ, остановился у у него и послѣ многихъ бесѣдъ послалъ его въ Римъ съ самыми миролюбивыми увѣреніями. Въ то же время онъ написалъ нашему римскому агенту, Како, человѣку необыкновенной дипломатической тонкости, скрытой подъ видомъ добродушія, увѣдомляя, что отъ тѣхъ поръ ему одному поручены переговоры, и предлагалъ выиграть время, чтобъ обмануть „старую лисицу.“ Онъ видѣлъ очень хорошо, что сопротивленіе римскаго двора можно побѣдить лишь какою нибудь сильною демонстраціею, но былъ обязанъ еще откладывать это на нѣкоторое время. „Вы понимаете, прибавилъ онъ: — что я выжидаю только удобной минуты, чтобъ броситься на Римъ и отомстить національную честь“ (24

октября). Очевидно, здѣсь онъ погорячился въ выраженіяхъ, ибо черезъ нѣсколько дней писалъ къ тому же лицу гораздо умѣреннѣе: „Вы можете увѣрить папу, что я всегда былъ противъ трактата, который ему предлагали, и въ особенности противъ способа переговоровъ, и что вслѣдствіе моихъ неоднократныхъ настояній Директорія поручила мнѣ открыть новые переговоры. Для меня лестнѣе титулъ спасителя, нежели разорителя св. Престола. Вамъ извѣстно, что мы съ вами всегда думали одинаково объ этомъ предметѣ, и такъ какъ Директорія предоставила мнѣ неограниченную свободу, то если въ Римѣ захотятъ быть благоразумными, то мы воспользуемся случаемъ, чтобъ дать миръ этой лучшей странѣ во вселенной и успокоить богобоязненную совѣсть многихъ народовъ...“ (28 октября 1786).

Политика эта болѣе согласовалась съ его обычнымъ настроеніемъ, нежели притворный тонъ его писемъ къ Директоріи, которой онъ льстилъ философскимъ страстямъ, еще тогда весьма живучимъ, или его угрозы, вызываемыя нетерпѣніемъ при видѣ неисполненія его желаній. Судя по ходу общественнаго мнѣнія во Франціи, онъ уже понималъ, что религіозная реакція была неизбѣжна, и что помощь поповъ будетъ могущественнымъ рычагомъ для его честолюбія. Вотъ причина той двойной игры, въ которую онъ игралъ съ такимъ искусствомъ. Выражаясь о римскомъ дворѣ съ крайнимъ презрѣніемъ для доказательства, что онъ не питалъ къ нему пріязни и не былъ имъ обманутъ, онъ употреблялъ все свое нравственное вліяніе, чтобъ оправдаться въ своихъ къ нему снисхожденіяхъ. Съ другой стороны, онъ вмѣстѣ съ попами порицалъ вторженіе Директоріи въ духовную область, и представлялся имъ какъ единственный ихъ защитникъ. Благодаря этимъ пріемамъ, его считали своимъ въ обоихъ лагеряхъ. Впрочемъ не наступило еще время для успѣшности переговоровъ. Австрія не была еще достаточно разбита, чтобъ Римъ считалъ себя въ необходимости

вступать въ условія. Въ это время Альвинци шелъ въ Италію съ новою арміею, и престолъ св. Петра не думалъ болѣе о переговорахъ.

Предвидя это третье нашествіе, Бонапарте обезпечилъ себѣ полнѣйшее распоряженіе всѣми силами своей арміи. Кромѣ того онъ усиливался пріобрѣсти союзника въ Сардиніи, единственномъ итальянскомъ государствѣ, у котораго были солдаты, способные идти въ огонь, и которое одно могло оказать дѣйствительную помощь. Съ этою цѣлью онъ послалъ агента въ Туринъ для переговоровъ отъ своего имени, но какъ онъ могъ предложить королю сардинскому лишь гарантію его владѣній, весьма ограниченныхъ, то и не успѣлъ увлечь послѣдняго. На этотъ союзъ могла склонить его только уступка Ломбардіи, но область эта предназначалась для другихъ цѣлей.

Не были успѣшнѣе и усилія Директоріи заключить союзъ съ Венеціанскою республикою. Тогдашнія сношенія наши съ Венеціею лучше всего могутъ послужить къ охарактеризованію духа этой войны, и для того, чтобъ судить безпристрастно о ея рязвязкѣ, необходимо слѣдить за всѣми ея перипетіями. Надобно также отдать себѣ отчетъ — при какихъ условіяхъ предложенъ быть ей этотъ союзъ, по поводу котораго такъ часто вооружались противъ нея наши историки. Во-первыхъ, мы нарушили нейтралитетъ занятіемъ Бресчіи, что подало австрійцамъ предлогъ нарушить его въ свою очередь, занявъ Пескьеру для защиты переправы чрезъ Минчіо. Потомъ подъ предлогомъ наказанія Венеціи за то, что она допустила это вторичное нарушеніе, и которому, во всякомъ случаѣ, она помѣшать не имѣла возможности, мы овладѣли большею частью ея крѣпостей на континентѣ. Мы удалили большинство ея гарнизоновъ, чтобъ свободнѣе распоряжаться, ограбили ея арсеналы и магазины и, кромѣ того, потребовали, чтобъ она продовольствовала и снабжала запасами наши войска. Но это не все: въ вознагражденіе

за вредъ, нами ей причиненный, мы дали ей понять, что она будетъ должна уплатить намъ нѣсколько мильоновъ. Все это было совершено подъ тѣми предлогами, которые самимъ ихъ авторомъ, Бонапарте, признавались, въ письмахъ его въ Директорію, лишенными всякаго основанія. Тогда то несчастная республика, задавленная нашими вымогательствами, скомпрометированная относительно Австріи, доведенная до отчаянія, прибѣгла, конечно, уже поздно, къ средству, которое, можетъ быть, спасло бы ее при началѣ, и начала вооружаться какъ для того, чтобъ заставить уважать свой нейтралитетъ, такъ и для защиты отъ попытокъ къ возмущенію, начинавшихъ глухо обнаруживаться въ ея континентальныхъ провинціяхъ. Съ 12 іюля Бонапарте доносилъ объ этихъ вооруженіяхъ; онъ живо схватился за этотъ новый поводъ къ обвиненію, и писалъ въ Директорію, чтобъ не упускали этого драгоцѣннаго случая. „Можетъ быть, писалъ онъ по этому поводу: — вы сочтете удобнымъ затѣять теперь же легкую ссору съ венеціанскимъ министромъ въ Парижѣ, чтобъ послѣ того, какъ я прогоню австрійцевъ за Бренту, мнѣ было легче потребовать отъ нихъ, какъ вы намѣревались, нѣсколько мильоновъ.“

Понятно, какія должна была возбудить чувства подобная политика у тѣхъ, кто былъ ея жертвою: она была не въ состояніи приготовить путь къ союзу. Однако армія тогда наводила такой страхъ, что венеціанскій Сенатъ переносилъ все, если и не жалуясь, то по крайней мѣрѣ и не пытаясь къ сопротивленію. Къ этому вскорѣ присоединили еще низость неуплаты Венеціи денегъ за продовольствіе нашей арміи. Съ 20 іюля намъ уже было доставлено припасовъ на 3 милліона, а республика получила отъ насъ, и то по настоятельному требованію, только вексель въ 300,000 франковъ. Но самый вредъ, нанесенный имъ нами, былъ поставляемъ имъ въ вину и послужилъ новымъ поводомъ къ неблаговиднымъ продѣлкамъ противъ республики. Такимъ образомъ, уплата

этихъ 300,000 франковъ, не взирая на всю ея незначительность и, такъ сказать, насмѣшливость, была, по мнѣнію Бонапарте, настоящею ошибкою, и сдѣлалась причиною такихъ притѣсненій, что венеціанцы предпочитали бы не получать никакой уплаты. Взносъ этихъ 300,000 онъ считалъ ошибкою, ибо это показывало венеціанцамъ, что, надоѣдая намъ и манкируя услугами, съ насъ можно тянуть деньги. Вслѣдствіе этого, продолжалъ онъ:—„*я вынужденъ разсердиться на проведитора,—преувеличить убійства нашихъ солдатъ мѣстными жителями*, горячо жаловаться на вооруженія, которыхъ не предпринимали, когда императорскія войска были въ силѣ, и этимъ я заставлю ихъ, для умилостивленія меня, доставить все что угодно. Они будутъ продовольствовать нашу армію отчасти добровольно, отчасти насильно, до взятія Мантуи, а тогда я открыто объявлю, что они обязаны выплатить сумму, назначенную въ вашей инструкціи, что будетъ легко выполнить.“

Таковы были наши отношенія къ Венеціи, когда директоры приступили къ новой попыткѣ склонить республику къ союзу съ нами. Они представили ей положеніе ея труднымъ и опаснымъ между двумя могущественными сосѣдями, точившими зубы на венеціанскія владѣнія, изъ которыхъ въ особенности одинъ, именно Австрія, должна была рано или поздно вознаградить себя на счетъ республики за понесенныя потери. И какая была гарантія Венеціи противъ подобной опасности? Общественное право? но оно не существовало. Европейское равновѣсіе? но его не видно было и слѣда. Венеція могла найдти поддержку въ могущественномъ союзѣ, какой могла представить ей одна только Франція.

Предложенія эти не были приняты Сенатомъ, который мотивировалъ свой отказъ существенно не причиною недовѣрія къ намъ, но желаніемъ избавить венеціанскій народъ отъ тягостей войны, истощившей столько націй. Въ самомъ дѣлѣ, какое могли имѣть венеціанцы къ намъ довѣріе, послѣ

всѣхъ нашихъ продѣлокъ съ ними? Какую безопасность могло имъ внушить наше поведеніе съ другими итальянскими государствами? Наконецъ, допустивъ искренность нашихъ предложеній, какое серьезное ручательство могли они видѣть въ нашемъ положеніи въ Италіи? Мы скорѣе тамъ стояли на квартирахъ, нежели утвердились. Благоразумо ли было присоединить судьбу Венеціи къ судьбѣ, основанной на успѣхахъ, дѣйствительно блистательныхъ, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, непродолжительныхъ. Не этими ли тріумфами начинали всѣ французскія арміи при вступленіи въ Италію, а между тѣмъ успѣли ль мы когда нибудь въ ней утвердиться? А между тѣмъ на случай неудачи—что осталось бы отъ этой помощи, столь важной и блестящей въ обѣщаніи? Наши арміи перешли бы за Альпы, за свои естественныя укрѣпленія, а Венеція осталась бы во власти своихъ непріятелей. Если ей предстоялъ выборъ во что бы то ни стало, то не лучше ли ей было поссориться съ Франціею, столь удаленною отъ ея границъ и съ которою она пришла въ случайное соприкосновеніе, нежели имѣть врагомъ Австрію — постоянную сосѣдку, окружавшую со всѣхъ сторонъ венеціанскія владѣнія.

Убѣжденія эти одержали верхъ, и венеціанцы настаивали на своемъ нейтралитетѣ. Рѣшимость эта, долженствовавшая ихъ погубить, была не только законна, но и безукоризненна. Союзъ съ Франціею, вѣроятно, предохранилъ бы ихъ отъ Кампо-Формію; но не спасъ бы ихъ независимости подъ нашимъ владычествомъ, и не защитилъ бы ихъ территоріи, когда случились бѣдственныя событія, подчинившія Италію австрійскому вліянію. Есть время, когда слабость становится непростительнымъ преступленіемъ.

Бонапарте сдѣлалъ однакожъ распоряженіе встрѣтить новую армію, ввѣренную надворнымъ военнымъ совѣтомъ генералу Альвинци. Не смотря на постоянныя жалобы его относительно недостаточности силъ и на неаккуратность въ присылкѣ ему подкрѣпленій, войска его въ сущности находились въ

лучшемъ положеніи. Къ 1 октября, послѣ дѣла съ Вурмзеромъ, онъ считалъ у себя около 48,000 человѣкъ — цифра конечно меньшая дѣйствительной численности его арміи (письмо въ Директорію 1 октября). Въ этомъ числѣ, по его счету, было 18,000 больныхъ, изъ которыхъ только 4,000 раненыхъ. Съ тѣхъ поръ къ нему прибыли подкрѣпленія, и цѣлый мѣсяцъ прошелъ безъ военныхъ дѣйствій; наконецъ образованіе Циспаданы и итальянскій легіонъ дозволяли ему располагать большею частью гарнизоновъ. Исключивъ 8,000, занятыхъ осадою Мантуи, и остальныхъ больныхъ, онъ все-таки могъ противопоставить Альвинци отъ 38 до 40,000.

Во время военныхъ дѣйствій въ теченіе всего октября поднялись нравственность и дисциплина въ нашей арміи, въ которой до такой степени развились воровство и грабежи, что начали грозить нашему занятію Италіи. Такъ какъ высшіе чиновники арміи первые подавали примѣръ этому злу, то оно приняло столь ужасающіе размѣры, что для обузданія его потребовались самыя крайнія строгости. Въ городахъ, гдѣ болѣе было рессурсовъ, грабежъ нѣкоторымъ образомъ ограничивался, и жители легко переносили эту язву; но деревенское населеніе подвергалось положительному разоренью, и изъ многихъ провинцій, какъ напримѣръ изъ мантуанской, поселяне убѣгали массами. Бонапарте сознавалъ необходимость принять суровыя и дѣйствительныя мѣры, и началъ поражать какъ сверху, такъ и снизу. При первомъ же взглядѣ онъ увидѣлъ, что бѣдствіе было гораздо больше, чѣмъ онъ подозрѣвалъ. „Я окруженъ ворами“, писалъ онъ 8 октября. Всѣ грабили, и генералы, и военные комиссары, и администраторы. Онъ рѣшился совершить многочисленныя казни, которыя впрочемъ были далеко отъ дѣйствительнаго числа виновныхъ. „Безъ сомнѣнія, вы разсчитывали, писалъ онъ еще въ Директорію:—что чиновники будутъ красть, но что они принесутъ пользу службѣ и будутъ имѣть хоть немного стыда; но они крадутъ такимъ смѣшнымъ и наглымъ обра-

зомъ, что будь у меня мѣсяцъ свободнаго времени, я разстрѣлялъ бы ихъ всѣхъ до одного.....“ и (12 октября).

Но развѣ не онъ первый сказалъ: *„Италія будетъ нашею добычею“?*

Въ первыхъ числахъ ноября Альвинци былъ на Пьявѣ съ сорокатысячною арміею, состоявшею большею частью изъ рекрутъ; въ то же время Давидовичъ шелъ къ Тиролю съ осьмнадцатитысячнымъ отрядомъ, въ которомъ находилось много тирольскихъ милиціонеровъ. Оба эти корпуса должны были соединиться подъ стѣнами Вероны, по плану, похожему на Вурмзеровъ, но болѣе прямому и менѣе опасному, потому что армія раздѣлялась на двѣ, а не на три колонны. Вобуа стерегъ Тироль съ 12,000 человѣкъ; онъ долженъ былъ прикрывать Тренте по линіи Лависо. Самъ Бонапарте съ Массеною и Ожеро выступилъ навстрѣчу Альвинци. Столкновеніе произошло 6 ноября въ Карлиньяно, между Виченцою и Бассано. Послѣ весьма жаркаго дѣла австрійцы были отброшены на Бассано, но французамъ не удалось овладѣть имъ. Ночью пришли изъ Тироля дурныя вѣсти. Разбитый Давидовичемъ Вобуа принужденъ былъ очистить Тироль и отступилъ по лѣвому берегу Адидже, вмѣсто того, чтобъ стеречь весьма важные проходы Короны и Риволи, которые, выходя за Вероною, между Адидже и Минчіо, дозволяли Давидовичу отрѣзать сообщеніе нашей арміи.

Необходимо было предотвратить эту опасность. Генералъ Бонапарте нашелъ необходимымъ отступить послѣ выиграннаго сраженія и къ величайшему удивленію австрійской арміи. Онъ повелъ свои войска на Виченцу и Верону, послалъ немедленно Жуберта занять позицію Короны, заставилъ Вобуа переправиться чрезъ Адидже, возвратилъ его на Риволи и явился самъ лично побранить побѣжденную дивизію. Онъ наговорилъ солдатамъ сильныхъ упрековъ и стыдилъ, что они допустили себя быть разбитыми, и когда увидѣлъ впечатлѣніе, произведенное его рѣчью, утѣшилъ ихъ нѣсколь-

кими словами и заставилъ ихъ ожидать съ нетерпѣніемъ случая возстановить свое доброе имя.

Вся остальная армія его была сосредоточена у Вероны, и Альвинци слѣдовалъ за нею шагъ за шагомъ въ этомъ возвратномъ движеніи. Возвратясь 11-го ноября въ главную квартиру, Бонапарте, сочтя удобнымъ занять высоты Кальдьеро, прикрывающія Верону со стороны Виченцы, нашелъ тамъ Альвинци, который сильно укрѣпился. Онъ однако же не поколебался атаковать его. Проливной дождь, шедшій цѣлый день, растворилъ почву до такой степени, что нашей артиллеріи невозможно было двигаться, между тѣмъ какъ непріятельская, находясь на позиціи, имѣла передъ нами огромное преимущество. Нѣсколько разъ мы бросались въ атаку, но безуспѣшно. Обѣ арміи провели ночь на бивуакахъ на полѣ битвы.

Хотя это сраженіе было и сомнительное, однако оно причинило намъ значительный вредъ. На другой день солдаты наши вступили въ Верону. Положеніе арміи становилось опаснѣе; съ одной стороны Вобуа, значительно ослабленный, едва держался у Риволи, въ то время какъ мантуанскій гарнизонъ тревожилъ насъ постоянными вылазками; съ другой намъ грозила участь быть осажденными въ Веронѣ. Эти неудачи, столь для насъ новыя, вбросили робость въ душу солдатъ, которые начали уже утомляться нескончаемою войною и громко роптали на Директорію. Одно время самъ Бонапарте усомнился въ своемъ счастьѣ. Онъ писалъ въ Директорію и обрисовалъ самыми мрачными красками печальное положеніе, въ которомъ находился (13-го ноября). Онъ увѣдомлялъ о возможности быть принужденному снять вторично осаду Мантуи, и что угрожала гибель Массенѣ, Ожеро и ему самому. У него, по его словамъ, было только 18,000 человѣкъ (считая въ то число 7,000 отрядъ Вобуа), которыхъ онъ могъ вывести противъ непріятеля—смѣшное уменьшеніе силъ, не могущее выдержать критики. Не смотря

однакожъ на страхъ, внушенный ему дѣйствительнымъ численнымъ превосходствомъ непріятеля и на отчаянныя жалобы, которыя онъ писалъ въ Директорію, онъ болѣе нежели когда нибудь выказывалъ увѣренности солдатамъ. На другой же день послѣ донесенія, наполненнаго самыми мрачными сѣтованіями, онъ совершилъ съ необыкновенно твердостью и рѣшимостью знаменитый маневръ, который долженъ былъ повести его къ побѣдѣ.

Съ наступленіемъ ночи, войска его въ глубочайшей тишинѣ прошли чрезъ городъ и переправились на правый берегъ Адидже, словно для того, чтобъ рѣка отдѣляла ихъ отъ отъ непріятеля. Армія шла съ нѣмымъ смиреніемъ, разсчитывая, что отступала къ Минчіо; но вмѣсто того, чтобъ, по выходѣ изъ Вероны, вступить на Пескьерскую дорогу, Бонапарте повелъ ее вдоль Адидже, теченіе которой, удаляясь отъ города, принимаетъ косвенное направленіе къ Адріатическому морю. Такъ какъ Альвинци оставался на прежней позиціи Кальдьеро передъ Вероною, то достаточно было опуститься по рѣкѣ, чтобъ зайдти ему въ тылъ въ скоромъ времени. Войска наши спустились до Ронко, гдѣ и переправились чрезъ Адидже, по паплавному мосту, приготовленному заботливостью генерала.

Столь поразительный маневръ, благодаря которому мы могли обойдти позицію, которой не имѣли возможности взять нѣсколько дней назадъ, сильно подѣйствовалъ на всѣхъ и вызвалъ единодушный восторгъ въ арміи. Мы очутились въ Ронко на позиціи, почти неприступной, будучи прикрыты съ одной стороны рѣкою Адидже, а съ другой болотами, чрезъ которыя пролегали два узкія шоссе, ведшія изъ Ронко первое въ Верону передъ фронтомъ непріятельской арміи, поддерживая наше сообщеніе съ этимъ городомъ, а второе въ Вилланову, въ тылу Альвинци, дозволяя намъ поставить его между двухъ огней и пресѣчь ему сообщеніе съ Виченцою. Такъ какъ сраженіе имѣло происходить на этихъ двухъ

шоссе, гдѣ непріятель не могъ развернуться, и гдѣ все должно было зависѣть отъ храбрости и рѣшительности колонныхъ головъ, то и численное превосходство его становилось безполезнымъ.

Съ утра Массена направился на правую плотину, а Ожеро на лѣвую. Массена дошелъ почти до конца болота и никого не встрѣтилъ; что же касается Ожеро, то онъ наткнулся на непредвидѣнное препятствіе. На половинѣ пути, между Ронко и Виллановою, лежитъ деревня Арколь. Небольшая рѣчка Альпонъ перерѣзываетъ здѣсь шоссе, впадая въ Адидже пониже Ронко. Кроаты, стоявшіе на бивуакахъ въ деревнѣ, укрѣпили мостъ и разомъ остановили колону. Ожеро, которая тщетно пыталась овладѣть имъ. Стычка эта подала сигналъ Альвинци. Двѣ австрійскія дивизіи спустились по шоссе: одна на правое, другая на лѣвое, и послѣдняя явилась на помощь защитникамъ Арколя. Массена опрокинулъ въ болото дивизію, которая шла на него; но Ожеро и самъ Бонапарте напрасно пытались атаковать Аркольскій мостъ. Оба поочередно бросались на мостъ со знаменемъ въ рукѣ для увлеченія солдатъ, однако не могли пробиться: Бонапарте былъ опрокинутъ въ болото и потерялъ въ этомъ дѣлѣ множество лучшихъ своихъ офицеровъ.

Защита эта спасла австрійскую армію, не дозволивъ намъ предупредить ее въ Виллановѣ, откуда она имѣла возможность начать отступленіе, оставивъ поспѣшно Кальдьеро. На другой день она выступила изъ Арколя, неимѣвшаго уже для нея никакого значенія, который впрочемъ Бонапарте велѣлъ обойдти одной бригадѣ. Тѣмъ не менѣе австрійцы понесли чувствительную потерю, и Верона была очищена.

Успѣхъ этотъ не привелъ однако же ни къ чему рѣшительному, и Альвинци остался передъ нами на позиціяхъ, немного позади тѣхъ, которыя онъ занималъ наканунѣ. Бонапарте долженъ былъ переправиться чрезъ Адидже въ Ронко, чтобъ имѣть сообщеніе съ Вобуа и убѣдиться—не разбитъ

ли послѣдній въ Риволи. Возвратное это движеніе удалось ему какъ нельзя лучше. Не видя никого впереди, австрійцы сошли на плотины. Французы, перейдя всю рѣку по мосту въ Ронко, остававшемся у насъ въ рукахъ, бросились на нихъ въ штыки на этомъ узкомъ пространствѣ и произвели страшное кровопролитіе. Это былъ второй день Арколя.

Съ наступленіемъ вечера Бонапарте возобновилъ свое вчерашнее движеніе и снова переправился на правый берегъ Адидже. Получивъ хорошія вѣсти отъ Вобуа, который не былъ атакованъ Давидовичемъ, онъ на другой день утромъ возвратился въ третій разъ на прежнее мѣсто битвы, которое попрежнему занималъ непріятель, не обращавшій, повидимому, вниманія ни на какіе уроки. На этотъ разъ съ обѣихъ сторонъ бились упорно, но сопротивленіе австрійцевъ послужило только къ увеличенію ихъ потери, которая въ эти три дня была такъ огромна, что исчезло численное ихъ превосходство.

Убѣдившись въ этомъ результатѣ по количеству плѣнныхъ, убитыхъ и раненыхъ, оставшихся у насъ въ рукахъ, Бонапарте не поколебался выступить изъ болотъ и атаковать непріятеля въ открытомъ полѣ. Онъ рѣшительно напалъ на австрійцевъ на правомъ берегу Альпона и разбилъ ихъ окончательно. Альвинци отступилъ на Виченцу, а оттуда на Бренту, преслѣдуемый довольно слабо, потому что намъ необходимо было возвратиться на выручку Вобуа. Французская армія торжественно вступила въ Верону. Давидовичъ послѣ долгаго бездѣйствія, мотивированнаго тѣмъ, что ему неизвѣстны были движенія Альвинци, рѣшился напасть на Вобуа и прогналъ его изъ Риволи на Кастель-Ново. Но успѣхъ этотъ, который три дня назадъ поставилъ бы французскую армію въ критическое положеніе, былъ теперь безполезенъ, и Давидовичъ, найдя въ Кастель-Ново дивизію Массены вмѣсто солдатъ Альвинци, съ которымъ надѣялся здѣсь соединиться, долженъ былъ поспѣшно выбраться снова на тирольскую дорогу.

Новыя эти побѣды и истощенье, въ которомъ находились обѣ воюющія стороны послѣ такихъ жестокихъ битвъ, должны были заставить желать заключенія мира и облегчить его. Во Франціи желали мира пламенно, и печать также какъ и Законодательный Корпусъ единодушно заявляли волю общественнаго мнѣнія. Директорія охотно отложила бы это, въ надеждѣ заключить позже и гораздо выгоднѣе условія; но нація устала уже выносить на себѣ одной тягость всѣхъ европейскихъ армій, да и Европа не менѣе желала положить конецъ кровопролитной и розорительной войнѣ. Въ концѣ октября Англія послала въ Парижъ искуснаго дипломата, Мельмсбюри, для переговоровъ объ общемъ мирѣ, на основаніи *statu quo ante bellum.* Каждое государство имѣло возвратить завоеванія и вступить въ свои прежнія границы—принципъ самъ по себѣ вѣрный, не смотря на то, что мы съ нимъ теряли, еслибъ онъ былъ приложимъ съ полною искренностью. Но три государства, которыя первыя нарушили равновѣсіе европейскаго государства, раздѣливъ Польшу, нисколько не желали приложенія принципа замѣны, и сама Англія, предложившая его прежде всѣхъ, формально отказалась возвратить Голландіи Капскую колонію, не смотря на огромныя владѣнія, пріобрѣтенныя англичанами въ Индіи. Съ другой стороны—какимъ образомъ оставить народы, которые такъ довѣрчиво отдались намъ?

Предложенія лорда Мельмсбюри были такого рода, что могли бъ быть предложены послѣ многочисленныхъ неудачъ; но ихъ не могъ принять народъ, вездѣ почти одержавшій побѣды, и что бы ни говорили, Директорія въ этомъ случаѣ не выказывала неосновательныхъ требованій. Ее можно съ съ большею справедливостью упрекнуть, что она вела это дѣло въ такихъ формахъ, которыя не обѣщали успѣха. Послѣ нѣсколькихъ переговоровъ, не надѣясь сломить британское упрямство, она разочла вѣрнѣе достигнуть цѣли, вступивъ въ отдѣльныя условія съ Австріею. Для этого она из-

брала генерала Кларке, который и прибылъ въ главную квартиру Бонапарте чрезъ нѣсколько дней послѣ Аркольской битвы.

Инструкціи, данныя Кларке Директоріею 14-го ноября, были такого свойства, что не могли понравиться главнокомандующему. Прежде всего ему приказано было заключить перемиріе, а потомъ обсудить условія для соглашенія съ Австріею.

Перемиріе много утратило своего значенія послѣ Аркольскаго сраженія. Оно могло имѣть предметомъ только спасеніе форта Келя съ мостовымъ укрѣпленіемъ Гюнингомъ,—единственный пунктъ, сохраненный нами за Рейномъ по отступленіи Моро и Журдана. Кель скорѣе былъ важный проходъ для вступленія въ Германію, нежели крѣпость, но онъ не могъ имѣть для насъ такой цѣны, какъ Мантуа для Австріи, и для того, чтобъ сохранить Кель, мы рисковали потерять Мантуу, готовую сдаться. Что касается до условій мира, всѣ они имѣли основаніемъ сохраненіе Бельгіи, и Кларке имѣлъ порученіе представить императору многія комбинаціи, которыми Директорія разсчитывала утѣшить его за эту потерю. Австріи предлагали вознагражденія, но предлагали ихъ въ ущербъ другимъ. По первому соображенію, императору возвращали итальянскія его владѣнія, а за утрату Бельгіи предлагали различныя нѣмецкія епископства и часть Палатината. По второму—онъ долженъ былъ оставить Франціи Миланъ, а ему уступали папскія владѣнія съ титломъ римскаго короля для великаго герцога тосканскаго. По третьему — онъ имѣлъ получить владѣнія короля баварскаго съ церковными курфиршествами. Всѣ эти соображенія были формулированы съ тою безцеремонностью, къ какой очень скоро привыкли эти патентованные освободители народовъ. Объ уступкѣ Венеціи не было еще рѣчи, но уже поговаривали объ отнятіи у этой республики ея континентальныхъ провинцій въ пользу республики Ломбардской, если послѣдняя признается живучею;

государство, существовавшее нѣсколько вѣковъ, готовы были пожертвовать химерическому созданію, которому судилось быть выкидышемъ. Отсюда только шагъ къ предварительнымъ условіямъ Леобена.

Порученіе Кларка сильно огорчило Бонапарте, и генералъ не скрывалъ этого. Какъ полновластный хозяинъ въ Италіи, который могъ разрушать старыя государства и создавать новыя, онъ не могъ отказаться такъ легко отъ подобнаго положенія: въ случаѣ успѣшности порученія Кларке, должны были погибнуть всѣ его завоеванія, плоды стольких усилій. Но счастливое стеченіе обстоятельствъ избавило его отъ этого огорченія. Онъ поспѣшилъ представить какъ Директоріи, такъ и ея уполномоченному (6-го декабря) свои заключенія противъ перемирія. Доказательства его, надо сказать правду, весьма убѣдительны послѣ пораженія Альвинци. Дѣйствительно, по взятіи Мантуи, — а фактъ этотъ готовъ былъ совершиться,—мы могли воспользоваться значительными выгодами при заключеніи окончательнаго мира. Но страсть увлекала его за предѣлы всякаго вѣроятія, когда онъ прибавлялъ, что три мѣсяца бездѣйствія погубятъ его армію и что перемиріе поставитъ насъ въ невозможность подкрѣпить наши требованія у Рима, „такъ какъ церковныя владѣнія недоступны лѣтомъ“.

Собственно говоря, ему въ перемиріи не нравилось то, что оно предвѣщало миръ. Онъ не могъ рѣшиться отказаться такъ скоро отъ стольких мечтаній о славѣ и почестяхъ. Поэтому въ тотъ же день въ порывѣ нетерпѣнія онъ взялся за перо чтобъ понудить Директорію отказаться отъ ея намѣреній. „Пришлите мнѣ, писалъ онъ:—30,000 человѣкъ подкрѣпленія, и я пойду на Фріулъ, овладѣю Тріестомъ, внесу войну во владѣнія императора, возмущу Венгрію и вступлю въ Вѣну. Тогда, граждане Директоры, вы будете въ правѣ *ожидать милліоновъ*, успѣха и хорошаго мира“. Безъ сомнѣнія, это были пророческія предсказанія, ибо онъ осущест-

вилъ ихъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ; но былъ ли это хорошій миръ, который оставилъ за собою кампоформійскія беззаконія? Нелучше того добраго мира, котораго впослѣдствіи онъ искалъ во всѣхъ европейскихъ столицахъ.

Ему достаточно было нѣсколькихъ дней, чтобъ овладѣть Кларке. За холоднымъ и недовѣрчивымъ пріемомъ послѣдовалъ тонъ фамильярный, сопровождаемый рѣшительными объясненіями, которыя вскорѣ дали понять уполномоченному, что ему оставалось выбирать любое — явный разрывъ или положительное подчиненіе. Онъ избралъ послѣднее, какъ болѣе подходившее къ нему какъ человѣку робкому и посредственному. Онъ добровольно усвоилъ идеи генерала, и вскорѣ смотрѣлъ на все только его глазами. Онъ написалъ въ Директорію, что Бонапарте „долженъ продолжать распоряжаться всѣми дипломатическими операціями въ Италіи“.

Эта перемѣна направленія много повредила успѣхамъ мира, но Кларке не могъ даже трактовать объ его условіяхъ, ибо доступъ ему въ Вѣну былъ закрытъ подъ тѣмъ предлогомъ, что императоръ не признавалъ французскаго республиканскаго правительства, и ему пришлось переговариваться въ Виченцѣ съ барономъ Винцентомъ, который объявилъ, что имѣетъ право подписать перемиріе лишь за Италію—предложеніе насмѣшливое, такъ какъ оно оставляло Австріи Мантуу, не обезпечивая за нами Келя. Вслѣдствіе устраненія вопроса о перемиріи, Кларке былъ посланъ для переговоровъ о мирѣ къ австрійскому посланнику при туринскомъ дворѣ,—что равнялось безконечной отсрочкѣ.

Но еще и незная развязки порученія Кларке, Бонапарте употреблялъ всѣ зависѣвшія отъ него средства, чтобъ помѣшать ему, по своей обычной системѣ, завлекая французское правительство совершившимися фактами. Видя изъ инструкцій Кларке, что Директорія заботливо освѣдомлялась о томъ, достойны ли итальянцы свободы и въ состояніи ли поддержи-

вать ее у себя, онъ всѣми силами заботился поддерживать въ ней относительно этого положительное мнѣніе, которому не вѣрилъ съ своей стороны, разсчитывая для подкрѣпленія своего мнѣнія употребить искусственный порядокъ вещей—свое собственное созданіе. Онъ тщательно уничтожилъ въ Циспаданѣ все, что только могло имѣть видъ анархіи. „Я отъявленный врагъ злодѣевъ, грабителей, анархистовъ, говорилъ онъ моденцамъ.—Я разстрѣляю всякаго, кто ниспровергаетъ общественный порядокъ, совершаетъ преступленія и нарушаетъ общественное благо". Онъ одобрялъ ихъ попытки къ организаціи, приглашалъ соединяться, вооружаться, помогъ сформировать польскій легіонъ для подкрѣпленія ихъ милиціи. Вопреки формальнымъ инструкціямъ Директоріи, онъ подавалъ надежду ломбардцамъ на присоединеніе ихъ къ Циспаданѣ; дозволилъ ихъ государственному конгресу—послать депутатовъ на федерацію въ Реджіо, которая освящала соединеніе Болоньи съ Моденою. „Если Италія, говорилъ онъ имъ при этомъ случаѣ:—хочетъ быть свободною, то кто жъ можетъ ей воспрепятствовать? Недовольно того, чтобъ соединились разныя государства, прежде всего необходимо, чтобъ населеніе этихъ государствъ было соединено тѣснѣйшими братскими узами. Вы можете, вы должны быть свободны безъ революціи, безъ риска и безъ несчастій, испытанныхъ французскимъ народомъ. Покровительствуйте собственности и личности, внушайте соотечественникамъ любовь къ порядку, законамъ и военнымъ добродѣтелямъ, защищающимъ и оберегающимъ республики и свободу" (10-го декабря). Совѣты превосходные, если бы дано было завоевателямъ внушать гражданскія добродѣтели, если бы патріотическая преданность просыпалась и засыпала поочередно, по произволу побѣдителя.

Но успѣхъ, къ которому стремился Бонапарте, не имѣлъ цѣлью серьезнаго возрожденія народнаго чувства въ Италіи. Подобный фактъ сдѣлался бы для него вскорѣ еще большею

помѣхою, нежели австрійскія арміи; онъ желалъ только наружнаго его подобія, и успѣлъ въ этомъ до нѣкоторой степени. Иначе и не могло быть у артистическаго народа, у котораго воспоминанія исполнены такого могущественнаго обаянія. „Онъ съумѣлъ воспользоваться кстати, писалъ онъ о себѣ самомъ,—талисманомъ словъ *свобода* и *національная независимость*.“ Трудно выразиться удачнѣе: онъ искусно пользовался словомъ, потому что оно было полезно для его соображеній, но нимало не заботился о дѣлѣ, да и созданіе его—республика, была только на словахъ—отчего оно и вышло такое непрочное. Онъ говоритъ еще въ томъ же самомъ мѣстѣ (см. Записки): „онъ показывалъ не только большое уваженіе къ религіи, но не забывалъ ничего, что могло склонить на его сторону духовенство“—другой талисманъ, которымъ онъ пользовался съ тою же ловкостью, но съ тѣмъ же отсутствіемъ убѣжденія. Ему нравилось противопоставлять добродѣтели итальянскаго духовенства порокамъ прежняго французскаго, такъ что онъ выразился (1-го января 1797 г.): „что еслибы французское духовенство было такое же умѣренное, благоразумное и такъ предано евангельскимъ принципамъ, то римская религія не подверглась бы никакому измѣненію во Франціи“,—доводъ исторически чрезвычайно ложный, неосновательность котораго онъ зналъ лучше, нежели кто другой. „Но, прибавлялъ онъ съ сокрушеніемъ:—испорченность монархіи заразила все, даже до служителей церкви: между ними нѣтъ болѣе людей примѣрной жизни и чистой нравственности, какъ кардиналъ Маттеи, кардиналъ архіепископъ болонскій, епископы — моденскій, павійскій и пизскій. Бесѣдуя иной разъ съ этими почтенными особами, мнѣ казалось, что я находился въ первыхъ вѣкахъ христіанства“. Уважаемые прелаты эти были однакожъ тѣ самые, которыхъ Бонапарте, въ кругу приближенныхъ, называлъ „глупыми болтунами“.

Но съ этой стороны нѣжныя слова его не имѣли такого успѣха, какъ у патріотовъ. Римъ оставался глухъ къ его ласкательствамъ, также какъ и къ угрозамъ. Папа и его совѣтники знали, что въ Австріи готовилось уже новое военное движеніе, чтобъ снять осаду съ Мантуи, и будучи готовы, въ случаѣ надобности, выѣхать изъ Рима въ Неаполитанское королевство, они не ожидали отъ нашихъ войскъ никакого серьезнаго предпріятія и открыто бравировали Францію. Кардиналы, управлявшіе римскою политикою, а въ особенности ихъ глава Альбани, вступили въ сношенія съ Вѣнскимъ дворомъ, получали оттуда внушенія и готовы были дѣйствовать съ нимъ заодно, ибо они обладали арміею, которая, будучи безвредна сама по себѣ, могла сдѣлаться опасною въ критическую минуту. Командовалъ ею генералъ Коли, бывшій нашимъ противникомъ въ Піемонтѣ. Для предотвращенія этой опасности, Бонапарте подкрѣпилъ военныя силы Циспаданы, а чтобъ испугать Римскій дворъ, онъ послалъ французскій отрядъ до самой Болоньи. Но благодаря увѣдомленіямъ, получаемымъ папскимъ правительствомъ изъ Вѣны, демонстрація эта осталась безъ вліянія: въ Римъ пришло извѣстіе, что Альвинци выступилъ уже въ походъ.

ГЛАВА VI.

Риволи и Толентино.

Отношенія наши къ Венеціи оставались прежнія. Бонапарте продолжалъ открыто ссориться съ нею, но такъ чтобъ только держать ее въ тревогѣ, не подавая однакоже поводовъ достаточныхъ для явнаго разрыва. Онъ безпрерывно осыпалъ венеціанцевъ упреками, чтобъ, такъ сказать, ошеломить ихъ и придать такой видъ, чтобъ первая вина была на ихъ сторонѣ, еслибы представился случай напасть на нихъ. Но когда венеціанцы въ свою очередь жаловались на безчисленныя злоупотребленія, производимыя нашими солдатами, онъ предавался притворной вспыльчивости, которую такъ отлично умѣлъ разыгрывать. „Это были волшебныя сказки, школьническія уловки". Притомъ кто же былъ виною, что Венеціанская республика страдала? Конечно, ея пристрастія къ Австріи; „ее воодушевляла самая нѣжная заботливость объ Альвинци" (8 декабря 1796). Совершенно справедливо, что мы сдѣлали все, что слѣдовало, чтобъ привести къ этому результату. Бонапарте съ притворнымъ безпокойствомъ продолжалъ слѣдить за вооруженіемъ республики, не упускалъ случая жаловаться на это, а между тѣмъ подавалъ ей новые поводы заниматься дѣятельнѣе нежели когда-нибудь этимъ вооруженіемъ.

Такъ, напримѣръ, онъ вдругъ велѣлъ занять замокъ Бергамъ, охраняемый слабымъ венеціанскимъ гарнизономъ. Замокъ этотъ былъ расположенъ на такой мѣстности, что не могъ быть полезенъ для его военныхъ операцій, но онъ принадлежалъ самой „неблагонамѣренной" провинціи изъ всей республики. Населеніе Бергамской провинціи дѣйствительно было энергическое и храброе, которое не столь терпѣливо переносило присутствіе нашей арміи, какъ ломбардцы, и нѣсколько французскихъ мародеровъ было убито въ окрестности— обстоятельство, которымъ Бонапарте не преминулъ воспользоваться, будучи обязанъ, какъ онъ говорилъ, „преувеличивать убійства". Сенатъ венеціанскій поручилъ Батталіи сдѣлать ему представленіе по этому случаю, и онъ отвѣчалъ уполномоченному: „Французскія войска заняли Бергамъ, чтобъ предупредить непріятеля, намѣревавшагося овладѣть этимъ важнымъ пунктомъ. Признаюсь вамъ откровенно, я былъ очень радъ схватиться за это обстоятельство, чтобъ выгнать изъ города значительное количество эмигрантовъ, нашедшихъ въ немъ убѣжище, и наказать немного пасквилянтовъ, которыхъ тамъ изобильно. Я знаю нѣсколько неблагонамѣренныхъ людей, которые въ теченіе шести мѣсяцевъ не перестаютъ проповѣдывать крестовый походъ противъ французовъ, и горе имъ, если они удалятся отъ чувствъ умѣренности и *дружбы, соединяющихъ оба правительства*" (1 января 1797 г).

Послѣднія эти слова, столь мало отвѣчавшія тогдашнему порядку вещей, были предназначены ослабить дурное впечатлѣніе, произведенное занятіемъ замка, и поддерживать заблужденіе одной венеціанской партіи, которая во что бы то ни стало желала обманываться, потому что ей было противно приступить къ чему нибудь рѣшительному. Но такое нарушеніе человѣческихъ правъ, столько насильственныхъ и оскорбительныхъ дѣйствій не могли рано или поздно не принести своихъ плодовъ, и чѣмъ болѣе сдерживалась злоба, тѣмъ съ большею должна она была вспыхнуть силою.

Въ то же самое время какъ Бонапарте овладѣлъ Бергамомъ, онъ велѣлъ очистить Ливорно, занятіе котораго утратило уже значеніе съ тѣхъ поръ, какъ мы продали товары, принадлежавшіе подданнымъ воюющихъ государствъ. Занятіе это обязывало насъ держать въ Ливорно гарнизонъ вдали отъ центра нашихъ дѣйствій, и который могъ принести больше пользы въ другомъ мѣстѣ. Мы однако же не могли очистить Ливорно, не заставивъ заплатить за это очищеніе, не смотря на всю его для насъ выгоду. Мы вступили въ Ливорно, чтобъ защитить его правительство отъ англичанъ, и оставались тамъ, пока имѣлось что къ захвату; но съ упомянутой поры покровительство наше оказывалось ненужнымъ, и городъ съ удовольствіемъ заплатилъ, чтобъ избавиться отъ него. Взысканіе это не мѣшало генералу преслѣдовать энергичнѣе чѣмъ когда либо воровъ.

Зло уменьшилось, но, принимая ограниченные размѣры, сдѣлалось трудно уловимо, какъ это бываетъ каждый разъ, когда хитрятъ съ закономъ, и генералъ былъ недоволенъ чтобъ считать его неизлѣчимымъ. „Все продажно, писалъ онъ въ Директорію (6 января 1797 г.):—армія потребляетъ впятеро болѣе того, что ей необходимо, ибо смотрители магазиновъ выдаютъ фальшивыя ассигновки, и заодно съ военными комиссарами. Первыя итальянскія актрисы на содержаніи у чиновниковъ французской арміи: нѣтъ мѣры роскоши, мотовству, злоупотребленіямъ“. И онъ предлагалъ, какъ крайнее, но необходимое средство—учрежденіе синдиката изъ одного или трехъ лицъ, которыя судили бы кратко этого рода преступленія и имѣли бы право разстрѣливать какого нибудь армейскаго чиновника.

Между тѣмъ пробилъ часъ новой борьбы. Альвинци сформировалъ армію какъ при помощи остатковъ всѣхъ войскъ, разбитыхъ нами послѣдовательно въ Италіи, такъ и присоединеніемъ свѣжихъ подкрѣпленій, явившихся изъ всѣхъ частей имперіи. Съ тѣхъ поръ австрійская монархія возымѣла

странную способность, составляющую всю ея силу, которая съ перваго взгляда кажется столь несовмѣстимою съ ея состояніемъ такъ мало однороднымъ: она было уже въ Европѣ монархіею, которая давала себя поражать безнаказанно весьма продолжительное время. Среди всѣхъ неудачъ она обнаруживала изумительную живучесть.

Едва она теряла армію, какъ уже комплектовала другую и снова выдвигала ее противъ насъ съ невозмутимою увѣренностью, словно французская армія долженствовала ослабѣть отъ побѣдъ, какъ она сама не ослабѣла отъ пораженій. На этотъ разъ однако же усилія были очевиднѣе прежняго: она должна была вызвать волонтеровъ, которыхъ одна Вѣна выставила нѣсколько батальоновъ, и послѣднимъ императрица собственноручно вышивала знамена.

Французская армія въ свою очередь получила весьма важныя подкрѣпленія, которыя трудно опредѣлить настояще, по причинѣ огромной разницы въ цифрахъ Директоріи и самого Наполеона. Довольно будетъ здѣсь сказать, что 28 декабря Директорія считала подкрѣпленія людьми въ 58,000, посланныхъ со времени открытія кампаніи, въ то время какъ Бонапарте всего насчитывалъ 12,600 человѣкъ. Но время года поддерживало здоровье въ арміи въ весьма удовлетворительномъ состояніи, и у Бонапарте почти не было больныхъ. Количество его войскъ простиралось до 45,000 человѣкъ, и даже исключивъ корпусъ Серюрье, блокировавшій Мантуу, у него все таки для встрѣчи Альвинци имѣлось 38,000.

Планъ, составленный надворнымъ военнымъ совѣтомъ, заключался на этотъ разъ въ томъ, чтобъ обмануть французовъ фальшивою атакою на нижнюю Адидже, привлечь главныя ихъ силы въ эту сторону и, воспользовавшись ихъ ошибкою, пробиться между озеромъ Гарде и Адидже къ позиціямъ Короны и Риволи, охраняемымъ Жуберомъ. Стоило только австрійцамъ достигнуть этой цѣли, то ни что уже не могло помѣшать имъ дойдти до Мантуи. Даже на случай

одной только удачи фальшивой тревоги на нижней Адидже, результатъ былъ бы почти тотъ же самый,- ибо Мантуа могла бы получить тогда помощь, и они имѣли бы возможность помочь папской арміи.

Вслѣдствіе этого плана Альвинци подвинулся чрезъ Тренте и Роверєдо съ 30,000 человѣкъ, заботливо скрывая число войскъ, между тѣмъ какъ Провера выступилъ изъ Падуи на нижнюю Адидже, стараясь показать, что у него значительныя силы, которыя не простирались болѣе 15,000 человѣкъ. Чтобъ увеличить наше недоразумѣніе, одна изъ дивизій его отдѣлилась на Верону, гдѣ находился Массена, который вышелъ къ ней навстрѣчу и взялъ у него 900 человѣкъ (12 января). Въ тотъ же самый день на насъ напали въ Коронѣ и Леньяго, но довольно слабо. Обманъ этотъ удался отчасти: первою мыслью генерала Бонапарте было. что главному нападенію онъ подвергается на нижней Адидже: но будучи слишкомъ остороженъ, чтобъ рѣшиться на что нибудь безъ положительныхъ свѣдѣній, онъ со своимъ корпусомъ держался въ резервѣ сзади Вероны, въ одинаковомъ разстояніи отъ Риволи и Леньяго, готовый устремиться на пунктъ, которому грозила бы большая опасность. Онъ потребовалъ къ себѣ дивизію Массены, оставивъ лишь слабый гарнизонъ въ Веронѣ, потомъ весь день 13 числа, провелъ въ ожиданіи донесеній своихъ отрядныхъ начальниковъ.

Время было къ спѣху; становилось необходимымъ идти въ ту или другую сторону, а иначе разрозненные корпуса наши могли поодиночкѣ быть встрѣчены цѣлою непріятельскою арміею. Къ счастью, около десяти часовъ вечера онъ получилъ весьма подробныя свѣдѣнія отъ Жубера, которыя вывели его изъ этого тягостнаго положенія, и убѣдили его, что главная атака готовилась не между озеромъ и Адидже. Будучи цѣлый день окруженъ превосходными силами, Жуберъ принужденъ былъ отступить изъ Короны къ Риволи и увѣдомлялъ, что если не пришлютъ въ возможной ско-

рости подкрѣпленія, то ему необходимо будетъ очистить этотъ послѣдній пунктъ. Напротивъ, на нижней Адидже, Ожеро имѣлъ лишь незначительныя стычки.

Непріятельскій планъ, наконецъ, разоблачился. Не обращая вниманія на корпусъ Проверы, Бонапарте немедленно направилъ на Риволи всѣ свои войска, какія только были у него подъ рукою съ дивизіею Массены. Онъ призвалъ изъ Дезенцано дивизію Рея и послалъ въ Кастель-Ново, чтобъ имѣть резервъ въ случаѣ надобности. Въ два часа утра онъ прибылъ на плато Риволи, и тотчасъ же обозрѣлъ непріятельскую позицію. Внизу на равнинѣ и на окрестныхъ вершинахъ онъ увидѣлъ пять лагерей, обозначенныхъ бивуачными огнями, пространство которыхъ изобличало значительную армію и расположеніе которыхъ полукругомъ около плато Риволи обнаруживало ясное намѣреніе непріятеля обойдти насъ и отрѣзать намъ всякое сообщеніе съ Жуберомъ. Судя по этому, было явно, что Альвинци разсчитывалъ имѣть дѣло только съ 12,000 Жубера, ибо, еслибъ онъ зналъ, что плато занято болѣе многочисленными силами, то безъ сомнѣнія не рѣшился бы напасть на насъ на такой крѣпкой позиціи. Дѣйствительно, хотя плато Риволи и доступно со многихъ сторонъ, но кавалерія и артиллерія могутъ взойдти на него лишь въ одномъ пунктѣ, именуемомъ часовнею св. Марка, и то съ крайними затрудненіями по дорогѣ, въ родѣ лѣстницы— обстоятельство, дававшее огромный перевѣсъ защитникамъ плато.

Бонапарте въ одно мгновеніе понялъ условіе предстоящей битвы и съ четырехъ часовъ утра велѣлъ занять снова часовню св. Марка, которую Жуберъ принужденъ былъ очистить, осуждая этимъ непріятеля заранѣе—сражаться безъ артиллеріи и кавалеріи. Что же касается его, то благодаря прибытію Массены, онъ имѣлъ на плато корпусъ около 20,000 человѣкъ съ многочисленною артиллеріею. Альвинци, все еще полагая, что имѣлъ дѣло только съ дивизіею Жу-

бера, послалъ въ обходъ ея колонну подъ начальствомъ генерала Лузиньяно, на высоты Монте-Бальдо, окружающія озеро: колонна эта заняла позицію у насъ въ тылу между Риволи и Кастель-Ново, гдѣ находилась дивизія Рея (14 января 1797 г.).

Но когда Альвинци хотѣлъ вступить на плато, онъ не замедлилъ убѣдиться, что не настало еще время отрѣзать намъ сообщеніе. Пѣхота его легко взошла на нашу позицію и даже опрокинула одну нашу бригаду, но атаки нашей кавалеріи и картечь нашихъ батарей немедленно исправили эту неудачу. Но каждый разъ, когда австрійская кавалерія и артиллерія пытались взойти на крутую дорогу, онѣ были отбиваемы съ огромнымъ для нихъ урономъ. Послѣ нѣсколькихъ безполезныхъ атакъ, Альвинци принужденъ былъ отступить, не имѣя возможности ввести въ дѣло болѣе половины своей арміи. Въ продолженіе этого времени отрядъ Лузиньяно, отрѣзанный дивизіею Рея и будучи поражаемъ орудіями нашего резерва, почти весь положилъ оружіе. Жуберъ преслѣдовалъ Альвинци съ такою энергіею, что опередилъ его авангардъ у прохода дефилей, взялъ у него множество плѣнныхъ, отнялъ на другой день Корону и прогналъ его до Тренте.

Такова была битва при Риволи — побѣда, можетъ быть, не столь блестящая по своему громоносному успѣху, какъ по мудрости и искусству распоряженій, ее приготовившихъ. Въ тотъ же самый день на нижней Адидже, Провера, обманувъ бдительность Ожеро и скрывъ отъ него свое движеніе, переправился чрезъ рѣку въ Альярс, близъ Леньяго, и направился на Мантуу, чтобъ снять съ нее осаду. Бонапарте получилъ это свѣдѣніе въ минуту, когда выигралъ сраженіе. Предоставивъ Жуберу докончить побѣду и преслѣдовать Альвинци, онъ немедленно выступилъ съ четырьмя полками, если не упредить Проверу передъ Мантуей, по крайней мѣрѣ вовремя настигнуть его тамъ, чтобъ выручить своихъ.

Эти четыре полка принадлежали къ дивизіи Массены; они бились наканунѣ въ Веронѣ, потомъ рѣшили судьбу сраженія при Риволи, и потомъ прошли всю ночь и сдѣлали шестнадцать миль для того, чтобъ прикрыть Мантуу. Провера пришелъ прежде, но какъ его замѣтили солдаты нашего осаждающаго корпуса, то онъ и не успѣлъ захватить ихъ врасплохъ и потерялъ драгоцѣнное время предъ Сен-Жоржемъ, который занималъ Міоллисъ съ полуторатысячнымъ отрядомъ. Онъ готовился возобновить нападеніе, разсчитанное на этотъ разъ съ одновременною сильною вылазкою Вурмзера, какъ вдругъ полки, приведенные Бонапарте и бывшіе подъ командою маршала Виктора, стали между Провероѣ и цитаделью, въ то время какъ Ожеро атаковалъ его съ тыла, а Серюрье стоялъ лицомъ къ лицу противъ Вурмзера. Послѣ весьма жаркой схватки послѣдній былъ прогнанъ въ крѣпость, а покинутый Провера, будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ, нашелся вынужденнымъ сдаться со всѣми своими войсками. Дѣло это названо было сраженіемъ Фаворитки, по имени одного дворца мантуанскихъ герцоговъ, находившагося недалеко оттуда. Такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней исчезла и эта новая австрійская армія, словно внезапно провалилась сквозь землю. Австрійцы потеряли, не причинивъ намъ почти вреда, около 30,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 20,000 плѣнныхъ — результатъ изумительный, происшедшій, безъ сомнѣнія, частью отъ возраставшей деморализаціи австрійской арміи, но еще болѣе отъ соображеній несравненнаго генія и быстроты, съ какою онъ наносилъ свои удары.

Давно уже Мантуа находилась въ крайне плачевномъ положеніи; гарнизонъ съѣлъ всѣхъ своихъ лошадей и получалъ только полураціоны. Бонапарте велѣлъ сообщить Вурмзеру объ окончательномъ истребленіи Альвинци: старый маршалъ съ гордостью отвѣчалъ, что у него было еще на годъ съѣстныхъ припасовъ. Чрезъ нѣсколько дней однакожъ пришлось

вступить въ переговоры: съ начала осады въ Мантуѣ умерло 27,000 отъ ранъ и отъ болѣзней, и сопротивленіе не могло долго продолжиться. Адъютантъ маршала, Кленау, явился во французскій лагерь для переговоровъ съ Серюрье, начальникомъ осады, и они приступили къ обсужденію условій сдачи. Кленау, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, преувеличивалъ средства защиты, остававшіяся еще у гарнизона. Въ то время какъ шли переговоры, какой-то господинъ, завернувшись въ плащъ, молча писалъ за столомъ, и на него не обращали вниманія; когда онъ окончилъ свою работу, то всталъ и, отдавая бумагу Кленау, сказалъ:—„Вотъ мои условія. Если бы у Вурмзера было только на двадцать пять дней припасовъ и онъ заговорилъ о сдачѣ, онъ не заслуживалъ бы честной капитуляціи; но я уважаю возрастъ, храбрость и несчастья маршала: если онъ отворитъ ворота завтра, черезъ двѣ недѣли, чрезъ мѣсяцъ, наконецъ чрезъ три мѣсяца, онъ найдетъ всѣ тѣ же условія, онъ можетъ ожидать, пока израсходуетъ послѣдній кусокъ хлѣба.“ Кленау узналъ главнокомандующаго, и получивъ свѣдѣніе объ условіяхъ, предложенныхъ его генералу, сознался, что Мантуѣ оставалось не болѣе какъ на три дня съѣстныхъ припасовъ.

Таковъ драматическій разсказъ о капитуляціи Мантуи, оставленный намъ Бонапарте въ Запискахъ, диктованныхъ имъ на островѣ св. Елены. Все заставляетъ вѣрить, что душа его, открытая всѣмъ благороднымъ впечатлѣніямъ, дѣйствительно ощутила великодушное движеніе, которое онъ приписываетъ себѣ въ этомъ обстоятельствѣ; но исторія, первою обязанностью которой должна быть справедливость, удостовѣряетъ насъ, что расположеніе его не оставалось до конца такимъ великодушнымъ, какъ онъ хотѣлъ показать. По поводу новыхъ настояній Вурмзера получить болѣе выгодныя условія, Бонапарте писалъ въ Директорію (1 февраля 1797 изъ Болоньи): „Я отвѣчалъ, что держусь первыхъ предложеній, и что *если генералъ Вурмзеръ не приметъ прежнихъ*

предложеній до 15, то я беру ихъ назадъ, и тогда будетъ лишь одна капитуляція — сдача его съ гарнизономъ военноплѣнными".

Наконецъ условія, предложенныя имъ Вурмзеру, по великодушію характера, таковы, какихъ можно было ожидать отъ молодаго и столь славнаго человѣка. Гарнизонъ долженъ былъ сдаться военноплѣннымъ, но маршалъ могъ выйдти свободно, со своимъ главнымъ штабомъ, офицерами, пятьюдесятью пѣхотинцами и двумя стами кавалеристовъ по выбору. Большое количество французскихъ эмигрантовъ находилось въ числѣ защитниковъ Мантуи; Серюрье получилъ приказаніе пропустить ихъ, не осматривая. Вурмзеру хотѣлось поклониться молодому своему побѣдителю, и онъ заявилъ это желаніе; но предъ крѣпостью находился одинъ только Серюрье, и Вурмзеръ вышелъ въ его присутствіи. Бонапарте уѣхалъ въ Болонью, предоставивъ своему помощнику всѣ почести тріумфа — воздержность, удивительно разсчитанная на большой эффектъ, но которая, можетъ быть, перешла мѣру, потому что обнаруживала слишкомъ много презрѣнія къ побѣжденному, чтобъ быть внушенною дѣйствительнымъ величіемъ души.

Въ знакъ признательности за великодушный поступокъ Бонапарте, Вурмзеръ далъ знать ему въ Болонью о готовившемся заговорѣ отравить его, и покушеніе не удалось вслѣдствіе этого увѣдомленія.

Взятіе Мантуи было событіе чрезвычайной важности для дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій; война могла принять наступательный характеръ, не представляя намъ опасности, ибо въ тылу у насъ вмѣсто грозной непріятельской арміи, оставался крѣпкій пунктъ сопротивленія. Насъ не страшило болѣе ожиданіе непріятеля на этой линіи Адидже, такъ обильно орошенной кровью, — гибельная и вмѣстѣ антипатичная необходимость для нашихъ военныхъ инстинктовъ — созданныхъ скорѣе для нападенія, нежели для защиты; мы

могли идти на него на его собственной территоріи. Таково издавна было намѣреніе Бонапарте, но прежде приведенія его въ исполненіе, необходимо было покончить съ римскимъ дворомъ.

Разбитіе Альвинци превратило въ прахъ надежды этого двора, который очутился теперь въ крайне смущенномъ положеніи, будучи лишенъ возможности ожидать какого бы то ни было успѣха, и не имѣя средствъ отрицать своего согласія съ австрійскимъ кабинетомъ. Еслибы даже не говорили такъ громко его чрезвычайныя вооруженія и пламенныя проповѣди къ поднятію населенія, то онъ не могъ опровергнуть свидѣтельствъ противъ него, исходившихъ отъ его собственныхъ министровъ. Было перехвачено письмо къ монсиньору Альбани отъ кардинала Буска, государственнаго секретаря его святѣйшества, гдѣ разъяснялись чрезвычайно подробно всѣ планы римскаго правительства, а также и главнѣйшія условія союза съ Австріею. Письмо это выражало такую ненависть къ французамъ, которая могла оправдывать всевозможныя притѣсненія; а потому первою заботою генерала Бонапарте, при вступленіи въ папскія владѣнія, было — перепечатать его буквально въ своемъ манифестѣ.

Въ то время, какъ онъ съ отрядомъ своей арміи шелъ изъ Болоньи, это растерянное правительство въ порывѣ ужаса и отчаянія, но какъ бы позабывая о собственныхъ опасностяхъ, провозглашало священную войну и велѣло бить въ набатъ по деревнямъ. „Мы изъ Романьи сдѣлаемъ Вандею!“ восклицалъ кардиналъ Буска. Дѣйствительно, показались шайки крестьянъ, предводимыя монахами съ крестомъ въ рукѣ. Все по наружности было похоже, за исключеніемъ вандейскаго героизма; весь энтузіазмъ заключался въ словахъ. Войска наши первый разъ встрѣтили папскую армію у Кастель-Болоньезе; проведя ночь въ ея присутствіи, они напали на нее на разсвѣтѣ и немедленно разбили.

Св. престолъ очутился во власти генерала Бонапарте. Чтó послѣдній намѣревался дѣлать съ этимъ государствомъ, которое, казалось, разрушилось прежде еще, нежели онъ наложилъ на него руку, можно было предвидѣть изъ прежнихъ его поступковъ, не смотря на нетерпѣливость и раздраженье, возбужденныя въ немъ двуличностью римскаго двора. Не разъ онъ говорилъ объ уничтоженіи навсегда свѣтской власти папы; онъ даже внушалъ Директоріи мысль объ уступкѣ Рима Испаніи (письмо отъ 1 февраля), чтобъ заинтересовать эту державу къ поддержанію порядка вещей, который онъ мечталъ устроить въ Италіи; но расположеніе это продолжалось недолго: въ сущности мысль его всегда согласовалась съ его честолюбіемъ. Будучи чуждъ ненависти французской революціи къ идеямъ, представляемымъ папствомъ, онъ не могъ не замѣчать симптомовъ реакціи, приготовлявшейся во Франціи въ пользу католической церкви, и надѣялся воспользоваться этимъ для своей популярности. „Во Франціи снова возвращаются къ римско-католичеству, писалъ ему Кларкъ нѣсколько недѣль назадъ: — и мы, можетъ быть, вскорѣ будемъ нуждаться въ самомъ папѣ, чтобъ оказывать у насъ помощь революціи посредствомъ поповъ, а слѣдовательно и посредствомъ деревень, которыми имъ удалось овладѣть снова“. Замѣчаніе, безъ сомнѣнія, внушенное желаніемъ мира, но заключавшее въ себѣ значительную долю правды, и которое, надобно думать, не ускользнуло отъ вниманія Бонапарте; онъ нашелъ въ немъ подтвержденіе своимъ убѣжденіямъ.

Но это не все; цѣлью его теперь было перенести войну во владѣнія императора: вотъ куда онъ хотѣлъ нанести свой блистательный ударъ, который затмилъ бы самые знаменитые военные подвиги въ нашихъ лѣтописяхъ.

И такъ, уничтожить свѣтскую власть папы — значило объявить войну неаполитанскому королевству, т. е. накликать себѣ не серьезныя опасности, но различныя затруд-

ненія, которыя отсрочили бы на неопредѣленное время всякое наше наступательное движеніе противъ Австріи. Все это было уже заранѣе рѣшено Бонапарте, и онъ тѣмъ легче приступалъ къ дѣлу, что инструкціи Директоріи предоставляли ему полную свободу дѣйствій. Считая долгое время уничтоженіе папской власти самою лучшею частью своей задачи, Директорія однакоже, въ своемъ нетерпѣніи даровать миръ Франціи, рѣшилась оставить въ покоѣ свѣтскую власть папы, если уже невозможно поступить иначе. Въ инструкціяхъ ея напоминалось генералу, „что римская религія будетъ всегда непримиримымъ врагомъ республики"; въ нихъ выражалось желаніе, чтобъ онъ „уничтожилъ центръ римскаго единства"; но тамъ же находилось прибавленіе: „это не приказаніе, отдаваемое вамъ исполнительною Директоріею, а только ея желаніе: она слишкомъ удалена отъ театра дѣйствій, чтобъ судить о настоящемъ порядкѣ вещей, и полагается въ этомъ случаѣ на рвеніе и благоразуміе, которыя всегда руководили вами на вашемъ славномъ поприщѣ. Что бы вы ни предприняли въ этомъ обстоятельствѣ, Директорія будетъ только видѣть ваше желаніе, служить съ возможно большею пользою вашему отечеству и не вредить легкомысленно его выгодамъ" (3 февраля 1797 г.).

Рѣшеніе генерала состоялось гораздо прежде, чѣмъ онъ познакомился съ этими, впрочемъ не весьма стѣснительными совѣтами. Онъ хотѣлъ сперва напугать Римъ быстротою своихъ успѣховъ, чтобъ легче было предъявить свои требованія, и потомъ представиться въ качествѣ избавителя. Онъ прежде всего постарался успокоить фанатизированное населеніе. Съ этою цѣлью, въ Имолѣ обнародована была прокламація, въ которой онъ объявилъ себя покровителемъ религіи и народа. „У французскаго солдата, говорилъ онъ: — въ одной рукѣ штыкъ — ручательство побѣды, а въ другой оливковая вѣтвь — символъ мира и залогъ покровительства". Онъ строго предписалъ войскамъ воздерживаться отъ малѣй-

шихъ злоупотребленій и отказалъ имъ въ грабежѣ Фаенцы, котораго они громко требовали, вслѣдствіе усвоеннаго ими варварскаго обычая. Призвавъ плѣнныхъ, взятыхъ въ Кастель-Болоньезе, ожидавшихъ смерти, онъ повелъ съ ними ласковую рѣчь на итальянскомъ языкѣ, сказалъ имъ, что французы ихъ друзья и пришли не для уничтоженія религіи, но для блага народа, для искорененія злоупотребленій папскаго правительства; потомъ онъ отпустилъ всѣхъ по домамъ, снабдивъ прокламаціями, не требуя за освобожденіе ничего, кромѣ распространенія этихъ прокламацій.

Вторая папская армія заняла позицію передъ Анконою, и судьба ея была рѣшена быстрѣе первой: ее взяли въ плѣнъ безъ выстрѣла. Никогда вооруженная масса не обнаруживала подобнаго униженія. Папское правительство довело своихъ подданныхъ до того, что они потеряли человѣческій характеръ. Анкона была важнымъ городомъ и заключала въ себѣ многіе арсеналы. Бонапарте оставилъ въ ней гарнизонъ. Онъ отправился потомъ въ Лоретъ, изъ знаменитой церкви котораго всѣ сокровища перевезены были въ Римъ, но въ которой нашлось еще на милліонъ золотыхъ и серебряныхъ украшеній (10 февраля). Деревянная статуя Мадонны, вырѣзанная весьма грубо, отправлена была въ Парижъ, гдѣ, до самыхъ временъ конкордата, можно было видѣть ее въ національной библіотекѣ.

Папскія владѣнія служили убѣжищемъ большому количеству французскихъ поповъ-эмигрантовъ. Будучи обязаны бѣжать передъ соотечественниками, изгнанные изъ монастырей, монахи которыхъ боялись скомпрометировать себя, оттолкнутые по той же причинѣ отъ границъ неаполитанскаго королевства, они очутились въ ужасномъ положеніи, и было бы варварствомъ увеличивать несчастье этихъ бѣдныхъ людей, „которые плакали, завидѣвъ француза“ (письмо въ Директорію). Генералъ оказалъ имъ свое покровительство и дѣйствительно облегчилъ ихъ бѣдствіе. Что́ бы тутъ ни ру-

ководило имъ — разсчетъ или великодушіе, но онъ былъ вознагражденъ впослѣдствіи, ибо большинство этихъ поповъ возвратилось во Францію, и гуманный поступокъ не пропалъ даромъ.

Римскій дворъ пришелъ однако же къ тому убѣжденію, что необходимо было покориться. Онъ поручилъ переговоры кардиналу Маттеи, которому генералъ оказывалъ также предпочтеніе. Пій VI — наслѣдникъ и жертва столькихъ вѣковъ славы, сгибаясь подъ бременемъ очищенія грѣховъ, завѣщанныхъ ему предшественниками, долженъ былъ писать „своему любезному сыну генералу Бонапарте“ письмо, служившее капитуляціею папства. Представляя уполномоченныхъ, которые должны были вести переговоры отъ его имени, онъ сказалъ: „Что будучи увѣренъ въ чувствахъ благоволенія, обнаруженныхъ генераломъ, онъ не перевозилъ ничего изъ Рима, доказывая этимъ полное къ нему довѣріе“.

Бонапарте былъ въ Толентино, въ трехъ переходахъ отъ Рима. Вслѣдствіе ловкаго разсчета онъ рѣшился не показываться на сценѣ, на которой уже искали его взоры всей Европы. Какъ ни была блистательна его слава, но она могла только потерять отъ подобнаго торжества; да и какая слава не затмилась бы при воспоминаніяхъ, вызываемыхъ однимъ именемъ Рима. Въ Толентино онъ принялъ четырехъ уполномоченныхъ папы и съ ними вмѣстѣ принца Бельмонте-Пиньятелли, явившагося отъ имени неаполитанскаго короля, поддержать ихъ своимъ присутствіемъ и представительствомъ. Король объявлялъ готовность вмѣшательства въ пользу угрожаемаго папства и сосредоточилъ войско на границѣ — хвастливая угроза, внушенная новыми приготовленіями вѣнскаго двора, и которая въ другое время получила бы скорое наказаніе. Бонапарте, не желая въ то время затѣвать безполезныхъ ссоръ, отвѣчалъ на эту угрозу

съ умѣренностью, какой до тѣхъ поръ не выказывалъ, — и отъ Неаполя была устранена всякая опасность.

Переговоры не могли долго продолжаться, ибо не было воюющихъ сторонъ, — но лишь одно безоружное государство, очутившееся въ рукахъ полновластнаго господина, который могъ предписывать какія ему угодно условія. Тѣ, которыя диктовалъ Бонапарте, были давно имъ рѣшены въ глубинѣ души, ибо они составляли *minimum* наказанія, которое готовилъ онъ Риму, въ уваженіе общественнаго мнѣнія во Франціи. Онъ чувствовалъ съ видимымъ, но притворнымъ участьемъ жалобы кардиналовъ Маттеи, Галеппи — главныхъ уполномоченныхъ, но въ сущности оставался непоколебимъ. Они добились только отъ него пріостановленія *ad referendum* статьи относительно римской инквизиціи, — статьи, которой Директорія придавала особую важность, ибо не знала, что учрежденіе это въ Римѣ носило лишь одно имя съ извѣстнымъ кровавымъ трибуналомъ, и что прелаты съ своей стороны ни въ какомъ случаѣ не могли подписать этой статьи, ибо это было бы посягательствомъ на духовную власть папы.

Толентинскій трактатъ заключалъ въ себѣ сначала всѣ параграфы перемирія, подписанные нѣсколько мѣсяцевъ назадъ. Кромѣ того въ немъ заключалась уступка французской республикѣ Авиньона, легатствъ Болоньскаго, Феррарскаго, Романьи и города Анконы съ округомъ. Наконецъ этимъ трактатомъ постановлялось обнародованіе всеобщей амнистіи, непризнаніе убійства Бассвиля, возстановленіе нашей школы изящныхъ искусствъ въ Римѣ и уплата новыхъ 15 мильоновъ.

Толентинскій трактатъ былъ подписанъ 19 февраля 1797 года. Онъ оставлялъ только тѣнь свѣтской власти, но принципъ ея былъ признанъ французскою революціею. Папству оставляли убѣжище для перенесенія бурныхъ дней и ожиданія лучшаго времени. По минованіи стольких ужасовъ

и опасностей, ему позволялось надѣяться всего отъ будущаго, и уже въ томъ, кто пришелъ поразить его, оно, по нѣкоторымъ признакамъ, могло узнать своего будущаго возстановителя.

Немедленно по подписаніи мира адъютантъ Мармонъ отправился въ Римъ съ письмомъ къ папѣ отъ главнокомандующаго. Письмо это было исполнено почтительной уступчивости, усвоенной Бонапарте, какъ неизмѣнное правило во всѣхъ сношеніяхъ съ церковью; увѣдомляя о заключеніи мира, онъ выражалъ надежду, что на будущее время французская республика будетъ „самымъ искреннимъ другомъ Рима". Письмо оканчивалось слѣдующими строками: „Вся Европа знаетъ миролюбивыя намѣренія вашего святѣйшества. Посылаю своего адъютанта, чтобъ выразить вашему святѣйшеству глубочайшее уваженіе, которое питаю къ вашей особѣ, и прошу вѣрить искреннему желанію доказать при всякомъ случаѣ чувство почтенія, съ которыми имѣю честь быть" и проч. (19 февраля).

Наканунѣ онъ писалъ Жуберу: „Черезъ нѣсколько дней я возвращусь въ армію, гдѣ, чувствую, что мое присутствіе становится необходимымъ. Армія въ трехъ дняхъ пути отъ Рима: *я договариваюсь съ этимъ поповствомъ* (prexraille), и на этотъ разъ св. Петръ спасетъ еще Капитолій, уступая намъ свои лучшія провинціи и деньги, и такимъ способомъ мы находимся въ состояніи исполнить великую задачу будущей кампаніи" [23]).

---

[23]) Въ самый день заключенія трактата, онъ писалъ въ Директорію: „По моему мнѣнію, Римъ, будучи лишенъ Болоньи, Феррары и Романьи и 15 мильоновъ, которые мы у него беремъ, не можетъ болѣе существовать: эта старая машина испортится сама собою".

А въ другомъ письмѣ отъ того же числа онъ прибавляетъ: „Ученая коммиссія собрала обильные плоды въ Равеннѣ, Романьи, Пезаро, Анконѣ, Лореттѣ и Перуджіо; все это будетъ безотлагательно отправлено въ Парижъ, и если присоединится къ тому, что мы пошлемъ изъ Рима,

Эта двойственность языка выражаетъ самымъ точнымъ образомъ разстояніе, которое существовало между его истинными чувствами и тѣми, которыя диктовало ему честолюбіе.

то у насъ будетъ все, что только есть лучшаго въ Италіи, за исключеніемъ небольшаго количества предметовъ, находящихся въ Туринѣ и Неаполѣ" (19 февраля 1797 г.).

И это называется освобожденіемъ Италіи! *Прим. автора.*

ГЛАВА VII.

Леобенскія предварительныя статьи.

По окончаніи всѣхъ условій мира съ папою, Бонапарте немедленно отправился на Адидже. Онъ спѣшилъ перейдти въ наступленіе противъ Австріи и начать кампанію, которая должна была принудить эту гордую державу признать себя побѣжденною. Пока Мантуа оставалась неприкосновенною, онъ былъ вынужденъ выжидать на Адидже нападенія своихъ противниковъ—выжиданіе тягостное, исполненное опасностей и противное нашему военному характеру, столь же какъ и его собственному генію, который никогда не выдерживалъ оборонительнаго положенія иначе, какъ превращая его въ наступательное. Теперь же, не страшась оставить у себя въ тылу сильную крѣпость съ цѣлою арміею и Италію, готовую къ возмущенію, онъ могъ двинуться впередъ и безпрепятственно слѣдовать внушеніямъ своего вдохновенія. Къ нему пришло значительное подкрѣпленіе, состоявшее изъ цвѣта рейнской арміи, подъ командою Бернадотта, одного изъ лучшихъ генераловъ. Моро, формировавшій его изъ отборныхъ войскъ для своего соперника, показалъ здѣсь безкорыстную заботливость и деликатную любезность, которыя вызвали справедливый восторгъ Карно: „О, милый мой Фабій, какъ ты былъ великъ въ этомъ обстоятельствѣ!“ вос-

кликнулъ онъ чрезъ нѣсколько времени при этомъ воспоминаніи [24]). Присоединивъ это подкрѣпленіе къ отряду, освободившемуся отъ осады Мантуи, армію Бонапарте можно было считать въ 75,000 человѣкъ, а благодаря сформированію ломбардскихъ и циспаданскихъ легіоновъ, все почти это войско могло быть употреблено въ новую кампанію.

Австрійская армія на этотъ разъ была гораздо малочисленнѣе нашей. Надворный военный совѣтъ отозвалъ съ береговъ Рейна эрцгерцога Карла, который спасъ монархію блестящими подвигами своими противъ соединенныхъ силъ Журдана и Моро. Молодой, подобно Бонапарте, и обладавшій тоже блестящими военными способностями,—онъ былъ единственный генералъ, котораго могла выставить противъ насъ Австрія, и ему ввѣрили послѣднія средства империи. Къ арміи, которую удалось для него сформировать, должны были присоединиться шесть дивизій, всего 40,000 человѣкъ, изъ войскъ, бывшихъ подъ командою его на Рейнѣ; но такъ какъ приказъ объ этомъ отданъ былъ весьма поздно, то для совершенія похода имъ было нужно по крайней мѣрѣ дней двадцать.

Случайность эта могла породить нѣкоторыя сомнѣнія. Прибытіе подкрѣпленія эрцгерцога, конечно, затруднило бы задачу генерала Бонапарте, но въ замѣнъ оно облегчило дѣйствія нашихъ рейнскихъ армій, ибо онѣ дѣйствительно должны были начать кампанію одновременно съ нимъ, а слѣдовательно и подбавили бы тѣмъ болѣе значительную тяжесть на вѣсы успѣха, что имѣли противъ себя только ослабѣвшаго непріятеля. Бонапарте зналъ, что одною изъ этихъ армій командовалъ Гошъ, молодой человѣкъ, честолюбивый и съ большими способностями, который въ темныхъ затрудненіяхъ усмиренія Вандеи выказалъ непоколебимый характеръ и примѣрную распорядительность, и который, бу-

---

[24]) Карно. Записка 18 Фруктидора. *Прим. автора.*

дучи удерживаемъ медлительностью Моро и Директоріи, сгаралъ отъ нетерпѣнія ринуться на Германію. Наконецъ отъ него не могло ускользнуть и то, что миръ, внушенный нашимъ двойнымъ торжествомъ какъ нашею Рейнскою, такъ и Итальянскою арміями, казался бы непріятелю болѣе необходимымъ, а слѣдовательно имѣлъ бы больше выгодъ для республики, чѣмъ тотъ, который онъ предложилъ бы одинъ только съ своими силами.

Но поводы эти, вмѣсто того, чтобъ заставить его дожидаться содѣйствія Рейнской арміи, именно и заставили его обойдтись безъ него и ускорить срокъ, даже имъ самимъ назначенный для открытія кампаніи. Онъ былъ увѣренъ, что, напавъ на эрцгерцога до прибытія австрійскаго секурса, онъ легко могъ разбить его и прогнать къ самымъ стѣнамъ Вѣны; еслибы пришлось преслѣдовать дальше, то положеніе побѣдителя могло бы сдѣлаться болѣе критическимъ, нежели положеніе побѣжденнаго, хотя Бонапарте и былъ убѣжденъ, конечно, не безъ основанія, что Вѣнскій дворъ скорѣе принялъ бы миръ, нежели рѣшился бы пожертвовать столицею. Условія этого мира, конечно, были бы менѣе выгодны, нежели договоръ, который онъ предписалъ бы при помощи Гоша и Моро, но за то принадлежали бы всецѣло ему одному, и ему не пришлось бы раздѣлять ни съ кѣмъ другимъ славы.

Таковы были поводы, которые побудили его поспѣшить возобновленіемъ непріятельскихъ дѣйствій. Если онъ вскорѣ разразился сильными жалобами по причинѣ замедленія рейнскихъ армій, которыя оказали ему мало помощи, то это было какъ для предупрежденія справедливыхъ упрековъ, которыхъ ожидалъ онъ за свои мало патріотическіе разсчеты, такъ и вслѣдствіе дѣйствительно затруднительнаго положенія, въ которомъ онъ находился нѣкоторое время вслѣдствіе того, что хотѣлъ дѣйствовать одинъ. Онъ самъ писалъ (17 марта 1797 въ Директорію), что для оказанія ему существенной помощи „Рейнскія арміи должны были бы начинать съ нимъ

въ одно время". Для достиженія этого результата было очень простое средство—условиться съ ними, вмѣсто того, чтобъ начинать кампанію, не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ. Торжество генерала было бы менѣе блистательно, но выгоды оказались бы прочнѣе, да и не встрѣтилось бы надобности измѣнить Венеціи и пожертвовать ею для вознагражденія императора.

Подобная печальная развязка войны, такъ долго поддерживаемой во имя свободы и права народовъ, не смотря на ея близость, ни кѣмъ еще не была предвидима, или по крайней мѣрѣ никто изъ тѣхъ, кто начиналъ ее предчувствовать или подготовлять, не смѣлъ еще объявить объ этомъ открыто. Кларкъ предлагалъ маркизу Герардини, австрійскому министру при Туринскомъ дворѣ, частное раздѣленіе венеціанскихъ владѣній; но предложеніе это осталось въ полутѣни дипломатическихъ тайнъ. Упорный нейтралитетъ Венеціи могъ показаться Бонапарте и Директоріи достаточнымъ предлогомъ, чтобъ „извлечь изъ нея нѣсколько" мильоновъ, но онъ не былъ такого рода преступленіемъ, которое могло бы въ глазахъ свѣта послужить поводомъ къ окончательному уничтоженію этой республики. Достаточнымъ наказаніемъ для нея было уже занятіе ея крѣпостей и обремененіе со всѣми тягостями войны. Не взирая на эти справедливыя жалобы, отравленныя еще сильнѣйшею антипатіею, которую наши демократическія идеи должны были внушить старѣйшей аристократіи Европы, Венеція постоянно отвѣчала отказомъ на многочисленныя настоянія Австріи привлечь ее къ союзу. Изъ боязни причинить неудовольствіе обѣимъ воюющимъ сторонамъ, она такимъ образомъ лишилась самаго драгоцѣннаго случая. Но Венеція отказалась также присоединиться и къ намъ, чѣмъ уничтожила всѣ права на наше великодушіе. Несмотря на рѣшеніе, принятое уже нами относительно Венеціи, Директорія вскорѣ воспользовалась этою ошибкою, чтобъ постараться увеличить ее, превративъ въ заговоръ;

она убѣдилась, что императоръ хотѣлъ вознагражденія не въ Германіи, но въ Италіи. Близкіе ей люди начали поговаривать вполголоса, что венеціанскія владѣнія могли съ успѣхомъ представить это столь желамое вознагражденіе. Слухи эти дошли до Квирини, венеціанскаго посланника въ Парижѣ, и онъ не замедлилъ сообщить объ этомъ своему правительству.

Въ это то время вооруженія Венеціи представили намъ новый поводъ. Мѣра эта, внушенная сперва злоупотребленіями нашего занятія и боязнью австрійской алчности, имѣла сначала цѣлью только защиту лагунъ: позже ее распространили и на всѣ континентальныя провинціи, безпрерывно подвергавшіяся грабежамъ со стороны непріятельскихъ армій; наконецъ она несомнѣнно оправдывалась возмущеніями, грозившими уже во многихъ городахъ. Мы имѣли право принимать свои предосторожности противъ этого вооруженія, но не могли вмѣнить республикѣ въ преступленіе дѣла законной защиты. Обнаруживавшееся волненіе было нашимъ произведеніемъ; оно тѣсно связывалось съ демократическою пропагандою, очагъ которой мы зажгли въ Ломбардіи и Циспаданѣ, и держалось единственно нашимъ присутствіемъ, которое одно дозволяло ему обнаруживаться. Въ венеціанскихъ владѣніяхъ мы нашли элементы неудовольствія, существующіе во всѣхъ странахъ, и которые могутъ возникать только въ присутствіи иностранной арміи, дающей имъ силу, какой они никогда не могли бы найдти сами въ себѣ. Поддерживать ихъ было грустно, но развивать ихъ чистое беззаконіе. Для достиженія своихъ цѣлей, Директорія составила планъ ободрять подъ рукою возмущеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ отнять у республики всѣ средства къ защитѣ. Когда она показала намѣреніе уничтожить попытки враговъ,—журналъ, служившій органомъ французскаго правительства, напечаталъ статью, которую можно назвать настоящимъ воззваніемъ къ континентальнымъ провинціямъ.

„Отнынѣ, говорилось въ этой статьѣ:—вся часть Венеціанскихъ владѣній, по сю сторону Адидже, можетъ высказаться, не страшась, что венеціанцы снова попытаются подчинить ее аристократическому деспотизму. Отнынѣ Бергамъ, Бресчіа, Коме, Пескьера и проч. могутъ присоединиться къ Ломбардской республикѣ; населеніе, готовое приступить къ этому, многочисленно. Послѣ всего, что они вытерпѣли отъ присутствія армій, имъ не остается другой надежды на вознагражденіе—какъ возстановленіе своей свободы. Остальная часть венеціанскихъ владѣній будетъ еще нѣкоторое время театромъ войны и останется въ нерѣшимости; но легко предвидѣть, что и она объявитъ себя независимою. Слабость венеціанскаго правительства извѣстна теперь его собственнымъ подданнымъ; единственная сила его въ общественномъ мнѣніи, а мнѣніе измѣнилось. Какъ бы то ни было, но это террористическое правительство приближается къ своему концу."

Этотъ упрекъ въ терроризмѣ, по крайней мѣрѣ, былъ страннымъ въ устахъ директоровъ, будучи обращенъ къ правительству, которое въ теченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ своей исторіи подписало меньше смертныхъ приговоровъ, нежели Директорія въ продолженіе одного года. Что же касается статьи, то она предназначалась для возбужденія возстанія, необходимаго для той цѣли, чтобъ легче было распоряжаться этими провинціями. Слова эти служили точною программою событій, имѣвшихъ совершиться въ венеціанскихъ владѣніяхъ; но генералъ Бонапарте, собиравшійся тогда начать кампанію, находилъ, что еще не настало время для разрыва съ Венеціею. Онъ писалъ въ Директорію (7 марта 1797) и ограничивался только жалобами на проведитора Батталію за то, что, по его мнѣнію, агенты республики преслѣдовали друзей Франціи. Наканунѣ, такъ сказать, предоставленія Италіи самой себѣ, онъ чувствовалъ необходимость оставить за собою мирное положеніе, разсчитывая вознаградить себя впослѣдствіи. Онъ самъ отъ себя заключилъ съ Сардин-

скимъ королемъ договоръ, обезпечивавшій ему дѣятельную помощь этой державы; но Директорія отказалась утвердить его. Генералъ сдѣлалъ послѣднюю попытку передъ Венеціанскою республикою.

Онъ пригласилъ прокуратора Франческо Пезаро—одно изъ тогдашнихъ самыхъ вліятельныхъ лицъ Венеціанской республики, и старался привлечь его на свою сторону, тою смѣсью угрозъ и любезностей, которую онъ съ такимъ успѣхомъ употреблялъ для овладѣнія своими противниками. „Венеція хотѣла арестовать тѣхъ, кого она называетъ своими врагами, т. е. друзей Франціи; она стремится къ своему паденію. Она не можетъ думать, чтобъ онъ, Бонапарте, дозволилъ ей это, ибо Венеція находится въ его власти. Всѣ континентальныя провинціи готовы къ взрыву, и стоило ему произнести одно только слово, чтобъ республика осталась при однѣхъ лишь лагунахъ. Зачѣмъ она не вступаетъ съ нимъ въ союзъ? Весь вредъ предупрежденъ; онъ *гарантируетъ ей владѣнія ея противъ революціи*, и за это республика только впишетъ въ Золотую Книгу [25]) главнѣйшія фамиліи континента—условіе, котораго онъ впрочемъ не предлагаетъ какъ абсолютное". Пезаро обѣщалъ доложить объ этомъ Сенату и уѣхалъ въ провинцію.

Предложеніе это должно было получить отказъ, какъ и предшествовавшія, и кто близко изучилъ событія, тотъ увѣренъ, что союзъ не спасъ бы Венеціи также какъ и нейтралитетъ; ей могла помочь одна только сила, въ какомъ бы ни была употреблена смыслѣ. Во всякомъ случаѣ, изъ словъ и

---

[25]) *Золотая книга*, офиціальный списокъ, въ который золотыми буквами вносились имена патриціанскихъ фамилій. У Генуи, Болоньи, Лукки, Милана, Флоренціи, Венеціи были свои книги. Самая знаменитая изъ нихъ венеціанская, учрежденная въ 1297 году, во время революціи, предоставившей однимъ только дворянамъ право входа въ Совѣтъ. Она была, также какъ и генуэзская, уничтожена въ 1797 году, и во время войнъ въ Италіи.

Пр. перевод.

изъ дѣйствій Бонапарте видно очень ясно, что, объявляя при всякомъ удобномъ обстоятельствѣ о своемъ намѣреніи не вмѣшиваться во внутреннія смуты республики, онъ располагалъ прикрывать полнѣйшею безнаказанностью все то, что предприняли бы люди, которыхъ онъ называлъ друзьями Франціи, что онъ заранѣе принялъ ихъ сторону, и что въ этомъ онъ такъ мало основывался на принципахъ и симпатіяхъ, которыми, по его словамъ, руководствовался, что самъ предлагалъ ихъ за цѣну союза съ этою „коварною аристократіею", употребляя его выраженье, усвоенное послѣ него нашими историками (7 марта).

На другой день послѣ этого свиданія генералъ Бонапарте началъ кампанію противъ эрцгерцога Карла. Кампанія эта могла имѣть успѣхъ только при условіи быстроты; но на этотъ разъ препятствія происходили скорѣе отъ природы, климата, времени года и почвы, нежели отъ непріятеля; ибо если австрійцы не были еще готовы, то Альпы лежали подъ снѣгомъ, и ихъ слѣдовало переходить для того, чтобъ идти на Вѣну. Черезъ горы можно было слѣдовать тремя различными путями: чрезъ Тироль, чрезъ Каринтію и чрезъ Карніолію. Изъ этихъ трехъ дорогъ самая кратчайшая въ Вѣну—выходившая въ Каринтію чрезъ ущелье Тарвисъ. По разсчетамъ Бонапарте, эрцгерцогу Карлу было выгоднѣе всего стоять въ Тиролѣ, въ странѣ съ очень воинственнымъ и преданнымъ монархіи населеніемъ, ущелья которой легко было защищать, и гдѣ онъ находился въ самомъ ближайшемъ разстояніи отъ ожидаемыхъ имъ подкрѣпленій. Невозможно было предпринять ничего съ другой стороны, не выгнавъ его оттуда. Но принцъ, не пользовавшійся такъ какъ его противникъ преимуществомъ — служить республикѣ, долженъ былъ, какъ простой офицеръ, сообразоваться съ планомъ надворнаго военнаго совѣта, который предписывалъ ему прикрывать Тріестъ. Онъ оставилъ въ Тиролѣ только пятнадцатитысячный корпусъ подъ начальствомъ Лаудона и Керпена; другой отрядъ еще

меньше прикрывалъ каринтійскую дорогу, подъ командою Лузиньяна; наконецъ самъ лично находился онъ у Порденоне между Павіею и Тальяменто, прикрывая дорогу, ведущую въ Тріестъ и Карніолію.

Распоряженія Бонапарте были просты и вмѣстѣ смѣлы. Оставивъ въ Италіи Кильмена и Виктора для наблюденія за Венеціею и папою, онъ направилъ на Тироль генерала Жубера, молодаго человѣка, прославившагося уже въ этой области и сдѣлавшагося въ непродолжительномъ времени однимъ изъ блестящихъ генераловъ арміи. Корпусъ Жубера состоялъ безъ малаго изъ 20,000, и долженъ быть начать дѣйствія позже; обязанностью его было оттѣснить Лаудона и Керпена за Альпы, чрезъ ущелье Бреннеръ, оттуда присоединиться къ намъ въ Карніоліи, по дорогѣ, ведущей изъ Бриксена въ Виллахъ, чтобъ идти на Вѣну съ остальною арміею.

Что касается до главнокомандующаго, который желалъ прежде всего овладѣть самою кратчайшею дорогою для достиженія этой столицы, что было его главнѣйшею цѣлью, онъ поспѣшилъ воспользоваться ошибкою, въ которую ввели его противника предписанія военнаго совѣта, и направилъ Массену на Понтебскую дорогу, примыкающую къ ущелью Тарвисъ. Это распоряженіе отдавало въ нашу власть всѣ выходы въ Каринтію. Встрѣтивъ только корпусъ Лузиньяна, Массена безъ труда разбилъ его и взялъ въ плѣнъ самого генерала.

Движеніе это позволило всей арміи переправиться чрезъ Пьяву почти безъ выстрѣла, и, вѣрный своимъ предписаніямъ, эрцгерцогъ отступилъ за Тальяменто, прикрывая Тріестъ преимущественно предъ Понтебою. За этою то рѣкою французская армія нашла австрійцевъ, утромъ 16 марта, построенныхъ въ боевой порядокъ въ небольшомъ разстояніи отъ Вальвасоны. Тальяменто переходимъ въ большей части своего теченія, армія собиралась переправиться черезъ него; но Бонапарте послѣ кратковременной канонады и нѣсколькихъ

кавалерійскихъ атакъ, находя, что непріятель лучше приготовленъ, чѣмъ онъ ожидалъ, отдалъ приказъ становиться бивуакомъ и готовить ужинъ. Не успѣвъ еще привести этого приказа въ исполненіе, французы снова взялись за оружіе: дивизія Бернадотта кинулась въ рѣку, и непріятель въ свою очередь нашелъ ее на другомъ берегу, построенную въ боевой порядокъ. Вторая линія переправилась съ тѣмъ же успѣхомъ. Силы эрцгерцога уступали нашимъ, однако онъ храбро защищался въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ; наконецъ, будучи окруженъ одною нашею дивизіею, принужденъ былъ отступить, оставивъ намъ плѣнныхъ и восемь орудій.

Въ это время Массена, гоня остатки Лузиньяна, овладѣлъ ущельями Понтебы и приближался къ проходу Тарвисъ. Эрцгерцогъ понималъ важность этого поста, и потому, отрядивъ три дивизіи подъ командою Баялича, направилъ ихъ на Тарвисъ, обходною дорогою, лежащею вверхъ по Изонцо чрезъ Конеретто. Но Массена, опередивъ этотъ корпусъ нѣсколькими переходами, долженъ былъ прежде его достигнуть ущелья и этимъ способомъ пресѣчь отступленіе Баяличу, ибо уже Бонапарте послалъ въ погоню за нимъ въ долину Изонцо дивизію Гюйе. Остановить Массену необходимо было во что бы то ни стало. Эрцгерцогъ поспѣшилъ въ Клагенфуртъ, взялъ находившуюся тамъ дивизію, собралъ остатки корпуса Лузиньяна и занялъ позицію впереди прохода Тарвисъ, откуда могъ безъ затрудненія отбросить авангардъ Массены. Послѣдній прибылъ форсированнымъ маршемъ. Отъ занятія Тарвиса зависѣла теперь судьба кампаніи, ибо если-бы эрцгерцогъ потерялъ дивизіи Баялича, то онъ лишался возможности серьезнаго сопротивленія. Это понимали съ обѣихъ сторонъ; ожесточенный бой завязался на этихъ дикихъ вершинахъ, покрытыхъ льдами. Эрцгерцогъ бился съ отчаянною храбростью и нѣсколько разъ чуть не попалъ въ плѣнъ; но послѣ долгихъ усилій войска его уступили и были отброшены на Виллахъ. Дорога къ Вѣнѣ была открыта.

Прогнавъ эрцгерцога, Массена ожидалъ Баялича. Послѣдній, считая свое отступленіе обезпеченнымъ, подымался вверхъ по долинѣ Изонцо, преслѣдуемый по пятамъ генераломъ Гюйе, и только съ приближеніемъ къ Тарвису замѣтилъ наконецъ, что находился между двухъ огней. Упавъ духомъ и будучи побѣжденъ заранѣе, онъ послѣ слабаго сопротивленія сдался съ пятью тысячами. Остальные солдаты его бѣжали черезъ горы.

Главныя квартиры обѣихъ армій оставались одна противъ другой, на дорогѣ, ведущей въ Карніолію чрезъ Пальма-Нова и Градиску. Пальма-Нова, какъ венеціанская крѣпость, не была защищаема австрійцами, и наши войска заняли ее; но непріятель пытался держаться въ Градискѣ. Передъ этою крѣпостью первымъ показался Бернадоттъ съ своею дивизіею. Солдаты Бернадотта, формированные въ Рейнской арміи, не имѣли ни той энергіи, ни той быстроты, ни того революціоннаго пыла, какими отличалась войска арміи Итальянской. Послѣднія охотно насмѣхались надъ осторожностью и манерами хорошаго тона первыхъ. Зато эти солдаты сѣверныхъ нашихъ провинцій, будучи лучше содержаны и дисциплинированы, обладали замѣчательною стойкостью подъ непріятельскимъ огнемъ. Безъ ихъ непоколебимой твердости никогда Массенѣ неудалось бы совершить этого чудеснаго отступленія, въ которомъ армія показала себя столь же великою, какъ и ея начальникъ. Ихъ воздержность и умѣренность были до такой степени извѣстны, что итальянскіе города вступали въ споръ, кому имѣть ихъ гарнизономъ [26]). Храбрыя войска эти бились уже въ первыхъ рядахъ въ сраженіи при Тальяменто; но этотъ успѣхъ разжегъ только ихъ соревнованіе, и не успѣли они очутиться передъ Градискою, какъ уже рѣшились взять ее приступомъ собственными силами. Нападеніе ихъ встрѣтило одна-

[26]) Carlo Botto, *Storia d'Italia*. *Пр. автора.*

коже физически непреодолимыя препятствія, и отъ четырехъ до пятисотъ человѣкъ пали безполезною жертвою передъ укрѣпленіями, которыя не могли бы устоять противъ искуснѣе разсчитаннаго штурма. Дѣйствительно, когда Серюрье поставилъ войска и орудія на сосѣднихъ высотахъ, крѣпость попросила капитуляціи, и гарнизонъ сдался.

Послѣ этого одной дивизіи было достаточно для овладѣнія Тріестомъ и Карніоліею. Поручивъ временное начальство этими провинціями Бернадотту съ приказаніемъ „выгнать изъ Пальма-Нова губернатора и всѣ венеціанскія войска", Бонапарте на этотъ разъ не считалъ нужнымъ придумывать какого-нибудь предлога, а дѣйствовалъ просто потому, что овладѣніе этою крѣпостью было для насъ удобно. Главнокомандующій могъ тогда, въ свою очередь, подняться вверхъ по долинѣ Изонцо, извѣстной разбитіемъ Баялича, и пуститься въ Каринтію чрезъ проходъ Тарвисъ съ главными силами своей арміи. Въ Вилларѣ онъ очутился въ Германіи. Мѣстные жители выказали много гостепріимства. Бонапарте обратился къ нимъ съ прокламаціею изъ Клагенфурта, въ томъ смыслѣ, что французская армія пришла не въ качествѣ завоевателя, но друга; что она не вносила съ собою бѣдствій войны, а явилась единственно съ цѣлью принудить императора къ миру. Что же касается этой войны, ненавидимой народами, то она была дѣломъ министерства, проданнаго Англіи." Итакъ, продолжалъ онъ: — „не взирая на Англію и министровъ Вѣнскаго двора, будемъ друзьями. Французская республика имѣетъ на васъ права завоевателя, — пусть же они исчезнутъ предъ договоромъ, который связываетъ насъ взаимно. Вы не станете болѣе вмѣшиваться въ войну, начатую безъ вашего согласія, а я приму подъ свое покровительство вашу собственность и не возьму съ васъ контрибуціи".

Жуберъ однако же оставался еще въ Тиролѣ. Главнокомандующій приказалъ ему дожидаться тамъ повелѣнія къ

начатію дѣйствій, давъ инструкцію, 3-й параграфъ которой заключается въ слѣдующемъ: „*Какъ можно ласкать поповъ* и пріобрѣсти сторонниковъ между монахами" (15 марта). Бонапарте, распоряжавшійся съ матерьяльными препятствіями такъ же какъ и съ моральными, оставилъ ему лишь нѣсколько дней для выполненія этой программы, въ которой такъ рѣзко отражалась его собственная политика. Жуберъ стоялъ неподвижно на Лави, держа въ страхѣ оба корпуса Керпена и Лаудона, когда получилъ приказаніе отбросить ихъ за Бреннеръ и соединиться съ главною арміею по каринтійскому шоссе. Жуберъ исполнилъ это съ обычнымъ своимъ искусствомъ. Скрывъ свое движеніе отъ Лаудона, онъ сосредоточилъ всѣ свои силы противъ Керпена, котораго и разбилъ окончательно у Сен-Мишеля. Австрійцы потеряли пять тысячъ человѣкъ убитыми и ранеными. Потомъ онъ напалъ въ Невмарктѣ на Лаудона, который подвергся такой же участи. Остатки обоихъ корпусовъ соединились въ Клаузенѣ — очень крѣпкой позиціи, недалеко отъ Бользано, куда и пришла къ нимъ на подкрѣпленіе дивизія съ Рейна. Но Жуберъ прогналъ ихъ 24 марта и преслѣдовалъ до самаго Бреннера, чрезъ который перешли они поспѣшно и въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ. Не имѣя болѣе въ Тиролѣ никакой непосредственной опасности, и понимая согласно съ Бонапарте, что все могущее тамъ произойдти было уже второстепеннымъ, Жуберъ отвелъ свои войска въ Бриксенъ и взялъ вправо по шоссе, идущему изъ Тироля въ Каринтію.

Съ тѣхъ поръ, какъ наша армія выступила изъ Италіи, событія, которыя мы сдѣлали неизбѣжными и которыя легко было намъ предотвратить, совершились въ венеціанскихъ владѣніяхъ. Броженіе, волновавшее эти провинціи въ минуту, когда мы ихъ покинули, еще болѣе возрасло со времени нашего ухода. Ко всѣмъ бѣдствіямъ, внесеннымъ нами въ эту несчастную страну — къ занятію ея крѣпостей, къ обезоруженію ея гарнизоновъ, къ грабежу арсеналовъ, къ нищетѣ,

произведенной нашими контрибуціями, къ уничтоженію замковъ, которые по сосѣдству съ крѣпостями обрекались на истребленіе, къ тиранической инквизиціи, нарушавшей тайну писемъ и неуважавшей даже правительственныхъ депешъ, присоединилась еще политическая пропаганда, которая, найдя мало сочувствія въ народныхъ массахъ, встрѣтила пламенныхъ сторонниковъ среди аристократическихъ фамилій континента, завидовавшихъ дворянству Золотой Книги и устраненныхъ отъ всякаго участья въ дѣлахъ. Конечно, это исключеніе узаконивало ихъ неудовольствіе, но оно не могло прекратиться отъ чужестраннаго вмѣшательства, не нанеся смертельнаго удара венеціанской независимости.

Итакъ, въ венеціанскихъ владѣніяхъ двѣ партіи стояли другъ противъ друга: одна — ненавидѣвшая насъ за все зло, ей причиненное и котораго она ожидала отъ насъ еще въ будущемъ, состояла изъ огромнаго большинства населенія; другая, малочисленная, но которая чувствовала поддержку и возлагала на насъ всѣ свои надежды. Не взирая на открытыя инструкціи, оставленныя Бонапарте генералу Кильмену, не взирая на торжественныя завѣренія его о безпристрастіи, котораго намѣревался онъ держаться, главнокомандующій явно ободрялъ послѣднюю партію, ибо на той степени, до какой онъ довелъ дѣло, онъ не могъ уже оставаться нейтральнымъ, еслибъ даже и искренно желалъ этого. Бонапарте смотрѣлъ на эту партію какъ на свою естественную точку опоры на случай разрыва съ Венеціею; онъ разсчитывалъ на предлоги и на удобства, которыя она могла доставить ему своими агитаціями, и потому при всякомъ случаѣ онъ упрекалъ агентовъ венеціанскаго правительства за мѣры предосторожности, которыя они считали необходимымъ принимать противъ нея, показывая видъ, что считалъ эти мѣры какъ бы направленными противъ насъ: онъ объявилъ имъ наконецъ, что не попуститъ ни арестовъ, ни преслѣдованій — что служило самою дѣйствительною потачкою, ибо это зна-

чило покровительствовать нападенію и тормозить защиту. Къ этому косвенному ободренію присоединялись дѣйствительныя возбужденія ломбардскихъ патріотовъ, которымъ ловко намекнули, что они могутъ имѣть надежду на освобожденіе лишь въ такомъ случаѣ, когда при помощи какого-нибудь территоріальнаго присоединенія, Ломбардія образуетъ приличное и довольно крѣпкое цѣлое, которое могло бы существовать собственными силами. Итакъ, ихъ свобода поставлена была нами въ зависимость отъ уничтоженія свободы ихъ соотечественниковъ, и они становились тѣмъ предпріимчивѣе, чѣмъ болѣе были увѣрены въ большей безнаказанности. Тѣмъ не менѣе Франція дѣйствовала при помощи подобныхъ орудій.

8-го марта революціонное движеніе, предсказанное публицистомъ Директоріи, объявлено было, какъ важное, подестою Оттолини въ рапортѣ, посланномъ изъ Бергама. Онъ постепенно разоблачалъ его планъ и ходъ, называя заранѣе авторовъ и актеровъ. Во главѣ его долженъ былъ стоять и дѣйствительно стоялъ начальникъ ломбардскаго легіона, Лагацъ, который дѣйствительно служилъ въ нашей арміи, ибо получалъ приказанія отъ Кильмена. Свѣдѣнія эти доставлены были Оттолини однимъ изъ нашихъ генералъ-адъютантовъ, по имени Ландрье, который съ одной стороны подстрекалъ жителей Бресчіи и Бергама къ возмущенію, а съ другой — получалъ деньги отъ инквизиторовъ, увѣдомляя ихъ о заговорѣ. Бонапарте, который постоянно съ такимъ упорствомъ отрицалъ участье нашихъ офицеровъ въ этихъ интригахъ, первый однако же донесъ впослѣдствіи Директоріи объ этой двойной игрѣ Ландрье (14 ноября 1797 г.). Взрывъ послѣдовалъ 12 марта. Нѣсколько сотъ жителей Бергама, вспомоществуемые ломбардскими патріотами, возмутились и провозгласили новый муниципалитетъ. Оттолини, располагавшій войскомъ, хотѣлъ сопротивляться; но французскій комендантъ, занимавшій цитадель, воспротивился этому, подъ предлогомъ приказанія поддерживать порядокъ. Венеціанскимъ патру-

лямъ велѣно было возвратиться, подъ страхомъ попасть подъ ружейные выстрѣлы, и какъ они были малочисленнѣе, то и нашлись вынужденными повиноваться. На другой день Оттолини выступилъ изъ города, а Бергамъ объявилъ себя присоединеннымъ къ Милану.

Чрезъ два дня Бресчія послѣдовала примѣру Бергама. Сотня бресчіанъ и бергамцевъ, явясь у воротъ города, объявили, что за ними слѣдовало нѣсколько тысячъ цизальпинцевъ и французовъ, что́ было несправедливо. Проведиторъ Бресчіи, Баттавія, изъ легковѣрія ли, или изъ потворства, допустилъ ихъ дѣлать что угодно. Они обезоружили гарнизонъ, овладѣли постами, арестовали чиновниковъ. Изъ Бресчіи инсургенты направились на Сало́, гдѣ революція увѣнчалась такимъ же успѣхомъ (17 марта). Въ этихъ трехъ городахъ французскія войска не принимали прямаго и явнаго участья въ движеніи, но насмѣшливо было бы утверждать, что они не помогали ему, ибо нигдѣ не дозволяли дѣйствовать защитникамъ венеціанскаго правительства. Французскіе начальники громче, нежели когда-нибудь, увѣряли въ своемъ уваженіи къ нейтралитету, но въ то же время подстрекали и поддерживали Лагаца и его ломбардцевъ, находившихся подъ ихъ начальствомъ. Вскорѣ для нихъ казалось уже недостаточнымъ отнять у венеціанскаго правительства всѣ средства для защиты въ городахъ, имъ занимаемыхъ, — они открыто напали на партію, бывшую на его сторонѣ. Но вслѣдствіе движенія въ Бергамѣ произошла контръ-революція въ деревняхъ, жители которыхъ единодушно остались вѣрны правительству, а потому Кильменъ приказалъ Лагацу выступить противъ нихъ и обезоружить, — мѣра, которая не преминула вызвать кровавое возмездіе. Итакъ, изъ двухъ возстаній съ противоположнымъ направленіемъ, вызванныхъ въ Венеціанской республикѣ нашимъ занятіемъ, одно, затѣянное ничтожнымъ меньшинствомъ, пользовалось открыто нашимъ покровительствомъ, а другое, охватившее все почти

населеніе, было подавлено оружіемъ, и мы осудили на унизительное безсиліе единственную власть, которая съ пользою могла посредничать между обѣими партіями. Оба эти факта имѣютъ такую очевидность, которой, какъ ни старались, не могли затемнить люди изъ узкаго, неразумнаго патріотизма, несовмѣстнаго съ строгими законами исторіи. У народовъ, какъ и у индивидуумовъ, одно только средство избѣжать новыхъ ошибокъ, — это честно сознаваться въ прежнихъ погрѣшностяхъ.

Когда эта новость достигла Венеціи, Сенатъ съ перваго же раза увидѣлъ, что могли причинить ему, и пришелъ въ ужасъ. Будучи убѣжденъ, что все зависѣло отъ Франціи, онъ обратился къ Лаллеману, нашему министру въ Венеціи, за совѣтами, какъ бы показывая тѣмъ, что отдавался на нашу волю, и спросилъ, могла ли республика разсчитывать въ этой опасности на нашу дружбу. Лаллеманъ отвѣчалъ съ двусмысленностью, къ которой обязывала его наша политика; онъ обѣщалъ увѣдомить объ этомъ свое правительство, а въ ожиданіи — совѣтовалъ согласиться на реформы, которыя удовлетворили бы жителей континентальныхъ провинцій. Предложеніе это было подвергнуто обсужденію большаго совѣта. Въ совѣтѣ признали въ принципѣ удобнымъ и даже необходимымъ сдѣлать кое-какія измѣненія въ старинныхъ венеціанскихъ учрежденіяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявили, что такая уступка въ подобную минуту показалась бы слабостью, и вслѣдствіе этого рѣшили отложить ее. Однако венеціанское правительство пожелало посовѣтоваться съ генераломъ Бонапарте, чтобъ показать ему чрезвычайную уступчивость, и послало къ нему двухъ депутатовъ, изъ которыхъ одинъ, Франческо Пезаро, имѣлъ уже съ нимъ дѣло.

Оба депутата застали его въ Горицѣ, гдѣ въ то время находилась наша главная квартира. Изложивъ событія въ Бергамѣ и Бресчіи, они представили ему, что возстаніе не могло быть подавлено до тѣхъ поръ, пока эти крѣпости бу-

дутъ находиться въ рукахъ французовъ, и просили дозволенія ввести туда венеціанскіе гарнизоны. Генералъ отказалъ рѣшительно, но предложилъ самъ привести мятежниковъ въ повиновеніе, если Венеція согласится сдѣлать ему уступки. Конечно, ему стоило только сказать одно слово, подать знакъ, чтобы достигнуть этого результата; но для того, чтобъ подвинуть его на это, республика должна была положиться на него безусловно. Единственное средство для спасенія Венеціи, по его мнѣнію, заключалось въ тѣсномъ союзѣ ея съ Директоріею и въ братскихъ отношеніяхъ съ Франціею. И онъ представилъ депутатамъ въ примѣръ Сардинію, который только доказывалъ, какъ мало искренни были его совѣты, ибо въ корреспонденціи съ Директоріею онъ говорилъ о Сардиніи не иначе, какъ о державѣ, погубившей себя именно тѣмъ, что она отдалась на нашу волю. Венеціанскіе уполномоченные были слишкомъ проницательны, чтобы ошибиться касательно истиннаго смысла этого открытія. Они напомнили генералу, что венеціанская политика заключалась въ нейтралитетѣ. При второмъ свиданіи, Бонапарте сказалъ имъ, что Сенатъ можетъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію, а что самъ онъ донесетъ объ этомъ Директоріи. Депутаты умоляли его (рапортъ Франческо Пезаро), такъ какъ его армія вступила уже на австрійскую территорію, облегчить тяжести, лежавшія на венеціанскомъ правительствѣ, и возвратить взятыя суммы. Бонапарте отвѣчалъ на это рѣшительно, что онъ, напротивъ, располагалъ извлечь наиболѣе, чѣмъ когда бы то ни было, выгодъ изъ Венеціанской республики, чтобъ не безпокоить германскаго населенія, и что онъ желалъ получать отъ Венеціи по милліону въ мѣсяцъ въ замѣнъ реквизиціонной системы. Такъ какъ депутаты начали жаловаться на бѣдность своей казны, Бонапарте сказалъ имъ, что Сенату стоило только овладѣть капиталами, помѣщенными въ Венеціи герцогомъ Моденскимъ, Англіею и Россіею. Послѣ этого онъ отпустилъ ихъ, и депутаты отправились въ край-

немъ смущеніи, не зная что́ дѣлать ихъ правительству, ибо Бонапарте, какъ онъ и писалъ въ Директорію (24 марта), отдавая отчетъ объ этомъ свиданіи, не имѣлъ другой цѣли, какъ „выиграть время“, въ чемъ онъ и успѣлъ, ухудшивъ положеніе Венеціи.

Венеція, нейтральная держава, которую называли дружественною, подверглась болѣе суровому обращенію, нежели страна непріятельская, населеніе которой хотѣли щадить, не обременяя его никакими тягостями. Не смотря на свои дружескія увѣренія, генералъ не обѣщалъ ничего и предоставилъ Венецію на волю судьбы, сложивъ на нее всю отвѣтственность, которая съ каждымъ днемъ становилась страшнѣе и тяжелѣе. Бонапарте увѣряетъ въ своихъ *Запискахъ*, что, разставаясь съ уполномоченными, онъ сказалъ имъ: „Берегитесь! Что простилъ бы я Венеціи, находясь въ Италіи, сочтется непростительнымъ преступленіемъ, когда я буду въ Германіи. Если будутъ убивать моихъ солдатъ, тревожить мои конвои, пресѣкать мои сообщенія, — тогда конецъ существованію республики: она сама подпишетъ свой смертный приговоръ“. Такая важная фраза не находится ни въ подробнѣйшемъ донесеніи венеціанскихъ посланныхъ, ни въ отчетѣ, посланномъ Бонапарте въ Директорію; онъ даже противорѣчитъ этому послѣднему, въ которомъ вещи представляются въ другомъ свѣтѣ, и гдѣ генералъ говоритъ въ заключеніе: „Полагаю, что я отпустилъ г. Пезаро очень довольнымъ, и мы разстались добрыми друзьями“, что́ не сообразно съ этимъ угрожающимъ повелительнымъ тономъ. Но искусство, которое разсказываетъ, ощущаетъ иногда болѣе щекотливости, нежели совѣсть, которая дѣйствовала: событія, имѣвшія послѣдовать, долженствовали быть подготовлены.

Въ это время венеціанскій посланникъ въ Парижѣ ходатайствовалъ о томъ-же самомъ у Директоріи, которая, не имѣя въ виду другой политики, относительно Венеціи, какъ

желанія воспользоваться событіями, ею же вызванными, предложила венеціанцамъ обратиться къ Бонапарте, точно также какъ Бонапарте направилъ ихъ въ Директорію. Послѣдняя нашла предлогъ, что не могла рѣшиться ни на что, не получивъ донесенія отъ генерала. Но когда Квирини началъ настаивать, чтобъ его правительству дозволено было усмирить Бергамъ, такъ какъ Франція не претендовала на вмѣшательство въ дѣла республики, то одинъ изъ директоровъ отвѣчалъ ему, что французы, будучи сильнѣе, имѣли полное право начальствовать городомъ, пока его занимали. Посланникъ отлично понималъ цѣль этого временнаго занятія и подробно объяснилъ его своему правительству. Директорія, говорилъ онъ, желая заключить миръ съ Австріею, имѣла надобность предложить ей вознагражденіе въ Италіи; поэтому она ободряла подъ рукою революцію, ибо революціи легче всего представляютъ удобство къ преобразованію территоріи. И посланникъ напомнилъ о проэктѣ, о которомъ доносилъ уже въ прежнихъ депешахъ. „Онъ имѣлъ, по его словамъ, самыя основательныя причины бояться, чтобъ венеціанскія провинціи не послужили вознагражденіемъ, котораго требовала Австрія, и не сдѣлались залогомъ мира между двумя державами“.

Въ такомъ порядкѣ были дѣла, когда новый фактъ, характера болѣе знаменательнаго, нежели всѣ предшествовавшіе, ускорилъ событія, которыхъ ожидали, и окончательно поставилъ положеніе въ настоящемъ свѣтѣ. Отрядъ французской кавалеріи 27 марта явился передъ воротами Креме,— крѣпость, которую оставляли до тѣхъ поръ венеціанцамъ, какъ не имѣвшую для насъ значенія. Городскія власти отказали впустить нашъ отрядъ и подняли мосты, но онъ настаивалъ на своемъ требованіи подъ предлогомъ, что только перейдетъ черезъ городъ. Будучи впущенъ на этомъ основаніи, отрядъ вмѣсто того, чтобъ уйдти на другой день по обѣщанію, отворилъ ворота и впустилъ въ городъ два но-

выхъ отряда, которые обезоружили гарнизонъ, выгнали чиновниковъ, завладѣли, какъ и вездѣ, магазинами и общественными суммами, и потомъ объявили городъ Кремъ свободнымъ, какъ Бергамъ и Бресчія.

На это новое непріязненное дѣйствіе горцы отвѣчали нападеніемъ на Сало, гдѣ захватили 300 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 200 поляковъ, принадлежавшихъ къ нашей арміи, и нѣсколькихъ французовъ. Съ этихъ поръ война, существовавшая уже фактически, между нашимъ оккупаціоннымъ корпусомъ и возставшими горцами, сдѣлалась серьезнѣе, и выразилась съ одной стороны нападеніемъ на наши небольшіе отряды и одиночныя группы солдатъ, а съ другой пожарами и страшными опустошеніями. Словно судьба вступила съ нами въ заговоръ для погубленія Венеціанской республики, ибо какъ нарочно въ Тиролѣ появились вновь австрійскія войска, которыхъ Жуберъ оставилъ въ самомъ жалкомъ видѣ, отправившись на соединеніе съ Бонапарте въ Каринтіи, и явились для того, чтобъ ободрить возстаніе, объявляя о несчастьяхъ, какихъ не было на самомъ дѣлѣ. Ложные слухи, искусно разсѣеваемые австрійскими эмиссарами, усилили довѣріе горцевъ, въ то время какъ наши репрессивныя мѣры доводили ихъ до крайняго отчаянія. Бонапарте однакожъ спускался съ Норическихъ Альпъ въ погоню за эрцгерцогомъ, который не могъ нигдѣ остановить его серьезно и удовольствовался тѣмъ, что, уступая ему шагъ за шагомъ, ретировался на Вѣну. Изъ Виллаха онъ прибылъ въ Клагенфуртъ—столицу Каринтіи. По мѣрѣ какъ онъ подвигался впередъ въ непріятельскую землю, такъ далеко отъ своего базиса дѣйствій, онъ понялъ свою неосторожность, что хотѣлъ обойдтись безъ содѣйствія Рейнскихъ армій, и просьбы его въ Директорію объ ускореніи открытія кампаніи на Рейнѣ, становились искреннѣе. Но таково было истощеніе казны, что Моро не могъ начать движенія за недостаткомъ нѣсколь-

кихъ сотъ тысячъ франковъ, а Директорія по этому предмету подавала генералу лишь отдаленныя надежды,

Итакъ Бонапарте, вслѣдствіе собственной ошибки, былъ осужденъ углубляться постепенно въ непріятельскую землю, не имѣя возможности разсчитывать ни на дѣйствительную диверсію, и ни на какую близкую помощь на случай неудачи. Еслибы императоръ, рѣшась воевать до послѣдней крайности, покинулъ Вѣну, укрылся въ Венгрію и поднялъ ее, то наша армія очутилась бы въ самомъ критическомъ положеніи, даже среди самыхъ побѣдъ, а Бонапарте былъ бы принужденъ отступить передъ собственными своими успѣхами. Мысли эти возникли въ умѣ его со всею силою, какую придавала имъ отвѣтственность, принятая имъ добровольно на себя, и вліяли на него до такой степени, что онъ даже подозрѣвалъ Директорію въ умышленномъ пожертвованіи Итальянскою арміею, чтобъ вѣрнѣе погубить ея главнокомандующаго, и это оскорбительное подозрѣніе помѣщено въ Запискахъ, диктованныхъ на о. св. Елены.

Подъ вліяніемъ этихъ–то печальныхъ мыслей, 31 марта 1797 г., чрезъ нѣсколько часовъ по полученіи депеши, извѣщавшей его объ упорной неподвижности Рейнскихъ армій, онъ писалъ изъ Клагенфурта къ эрцгерцогу Карлу извѣстное знаменитое письмо, въ которомъ побѣдитель предлагалъ миръ побѣжденному. Онъ добровольно приглашалъ принца „заслужить титло благодѣтеля человѣчества", объясняя, что „если предложеніе, которое онъ имѣлъ честь заявить, могло спасти жизнь хоть одному человѣку, онъ болѣе гордился бы гражданскимъ вѣнкомъ, заслуженнымъ этимъ дѣломъ, нежели печальною славою, могущею увѣнчать военные подвиги".

Письмо это, гдѣ выражены краснорѣчиво общія мѣста о вредѣ войны, проявлено уваженіе къ человѣческой жизни, немного гиперболическое въ устахъ человѣка, который самъ разсказывалъ, что во время еще своего дебюта въ Итальян-

ской арміи, онъ пустилъ въ дѣло отрядъ, причемъ погибло нѣсколько человѣкъ, себственно для того, чтобъ доставить зрѣлище своей любовницѣ [27]),—письмо это въ особенности замѣчательно тѣмъ, что выражаетъ чувства, которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда въ многочисленныхъ сочиненіяхъ, оставленныхъ намъ о Бонапарте, потому ли, что онъ одинъ только разъ въ жизни былъ доступенъ этимъ филантропическимъ ощущеніямъ, или скорѣе потому, что ему надобно было притвориться въ этихъ чувствахъ, и что въ этомъ видна лишь его необычайная способность играть всѣ роли и говорить въ какомъ угодно тонѣ. Необыкновенный человѣкъ этотъ, повидимому, дѣйствительно не ощущалъ и, во всякомъ случаѣ, никогда не выказывалъ ни малѣйшаго угрызенія совѣсти по поводу мильоновъ людей, погибшихъ для осуществленія его честолюбивыхъ плановъ.

Эрцгерцогъ Карлъ, не имѣвшій точно также, какъ и самъ Бонапарте, права ни предлагать, ни отказывать мира, но который хотя и родился у трона, однако не столь безцеремонно обращался съ инструкціями, отвѣчалъ, 2 апрѣля, что, не смотря на все желаніе мира, онъ не смѣлъ самъ собою вступить въ переговоры, а будетъ ожидать приказаній своего правительства.

За всѣмъ тѣмъ во французской главной квартирѣ было извѣстно, что въ Вѣнѣ образовалась весьма сильная партія

[27]) Вотъ собственныя слова Наполеона въ *Запискахъ Ласказа*: „Прогуливаясь однажды съ нею среди нашихъ позицій, въ окрестностяхъ ущелья Тенде, подъ видомъ рекогносцировки въ качествѣ начальника артиллеріи, мнѣ пришло вдругъ на мысль доставить ей зрѣлище малой войны, и я приказалъ атаковать аванпосты. Правда мы побѣдили, *но очевидно не могло тутъ быть никакого результата. Нападеніе было—глупѣйшая фантазія,* а между тѣмъ нѣсколько человѣкъ осталось на мѣстѣ и каждый разъ впослѣдствіи, когда я вспоминалъ объ этомъ, я сильно упрекалъ себя.“ *Прим. автора.*

въ пользу мира и что самъ Тугутъ [28]) началъ склоняться въ эту сторону. Поэтому необходимо было воспользоваться такимъ расположеніемъ, нанося удары, способные увеличить опасность, усилить смятеніе и навести на умы панику. Преслѣдованіе возобновилось съ необыкновенною энергіею. Массена овладѣлъ въ Фризахѣ непріятельскими магазинами. Эрцгерцогъ, подкрѣпленный четырьмя дивизіями, прибывшими съ Рейна, пытался устоять въ ущельяхъ Неймаркта, но былъ опрокинутъ и потерялъ 3,000 человѣкъ. Замѣтивъ, что у него готовились отрѣзать одинъ изъ его корпусовъ, прибывшій изъ Тироля, онъ хотѣлъ выиграть время и попросилъ перемирія, но получилъ въ отвѣтъ, что перемиріе дано будетъ лишь съ тѣмъ, чтобъ вступить въ переговоры объ окончательномъ мирѣ. Черезъ день, 5 апрѣля, онъ потерпѣлъ новое пораженіе въ Унзмарке. Съ тѣхъ поръ шествіе его походило болѣе на пораженіе, нежели на отступленіе. 7 апрѣля авангардъ нашъ прибылъ въ Леобенъ, мѣстность, имя которой, бывшее дотолѣ неизвѣстнымъ, останется печально-знаменитымъ по сдѣлкѣ, получившей тамъ начало.

Французская армія находилась лишь въ двадцатипяти миляхъ отъ Вѣны. Два австрійскихъ генерала Беллегердъ и Мерфельдъ пріѣхали въ главную квартиру просить перемирія, но на этотъ разъ съ тѣмъ, чтобъ начать переговоры о мирѣ. Перемиріе имъ было дано на пять дней, а потомъ

---

[28]) Тугутъ Францъ, род. въ Линцѣ въ 1739 г., ум. въ 1818 г., былъ сынъ лодочника. Онъ занималъ различныя должности, а именно въ Константинополѣ, во Франціи и въ Неаполѣ, былъ австрійскимъ посланникомъ въ Польшѣ (1780), главнымъ правителемъ Молдавіи и Валахіи въ 1788 г., возвратился въ Вѣну по смерти Леопольда II, подбилъ новаго императора Франца I вступить въ коалицію противъ Франціи, направлялъ съ этого времени всею австрійскою политикою и въ 1794 г. сдѣлался первымъ министромъ. Онъ постоянно выказывалъ нерасположеніе къ Франціи, и одною изъ секретныхъ статей кампо-формійскаго мира было его удаленіе. *Прим. перевод.*

продолжено съ 13 по 20 апрѣля, чтобъ имѣть время для составленія и подписанія предварительныхъ условій.

На какихъ же условіяхъ собирались заключить миръ? Бонапарте часто задавалъ себѣ этотъ вопросъ, но и въ то-время, какъ были уже подписаны предварительныя условія, онъ еще ни на что не рѣшился въ этомъ отношеніи. Онъ твердо вознамѣрился получить отъ Австріи болѣе выгодныя условія, чѣмъ тѣ, какія Директорія назначила Кларке; ему даже въ этомъ случаѣ честь повелѣвала поступить подобнымъ образомъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ уронилъ порученіе этого дипломата. Но въ то же время онъ чувствовалъ, что встрѣтитъ непреодолимое сопротивленіе со стороны Австріи до тѣхъ поръ, пока не будетъ въ состояніи предложить ей приличнаго вознагражденія за потерю Ломбардіи. Не разъ онъ думалъ, также какъ и Директорія, дать ей это вознагражденіе на счетъ венеціанскихъ владѣній; но въ этотъ моментъ, еще не зная о событіяхъ въ Сало, онъ не имѣлъ даже и тѣни жалобы противъ Венеціи. Конечно, онъ разсчитывалъ, что потрясеніе, начинавшее сообщаться этому древнему зданію, вскорѣ могло представить ему желанный предлогъ, но вѣдь это могло продлиться Богъ знаетъ сколько, а время не терпѣло.

И онъ нетерпѣливымъ взоромъ началъ слѣдить за симптомами распаденія, хотя для его цѣлей медленное, но элементы котораго были имъ такъ отлично приготовлены, что нельзя было сомнѣваться въ его неизбѣжности. Прежде еще полученія депешъ отъ Кильмена касательно столкновенія возставшихъ горцевъ съ нашими войсками, онъ писалъ въ Директорію отъ 5 апрѣля: „Вы найдете здѣсь письма, присланныя мнѣ населеніемъ Бресчіи и Бергама и множество ихъ прокламацій. Венеціанское правительство вообще весьма ненавидимо на всемъ континентѣ, *и очень можетъ быть, что настоящій кризисъ причинитъ конечное его разореніе.*“

Но для осуществленія этой *возможности* необходимы были по крайней мѣрѣ какіе нибудь предлоги, которые скрасили бы въ глазахъ Европы это страшное нарушеніе народнаго права. Даже война не оправдала бы такого злоупотребленія силы, ибо итальянское населеніе не могло за ошибки своего правительства быть отторгнуто отъ Италіи для того, чтобъ быть отдану въ руки его естественнаго врага. Но если Бонапарте умѣлъ такъ искусно вести переговоры съ Венеціею о томъ, что онъ называлъ „открытою враждою" въ то время, какъ онъ имѣлъ цѣлью лишь вытащить у нее нѣсколько мильоновъ, то понятно, какой отъ него требовалось ловкости, когда шло объ отнятіи у нея провинцій, которыя должны были сдѣлаться залогомъ мира и упроченіемъ его торжества. Онъ ограничился впрочемъ, пустивши въ ходъ систему, которая до тѣхъ поръ такъ ему удавалась, не переставалъ разсыпаться въ жалобахъ и угрозахъ противъ республики то подъ тѣмъ, то подъ другимъ предлогомъ, чрезмѣрно преувеличивая факты, какіе были ему удобны, доводя до крайности ея агентовъ безпрерывными преслѣдованіями, притворяясь, что считалъ просто вымысломъ поводы жалобъ болѣе серьезные, приводимые ими съ своей стороны. Не смотря однакожъ на все, чего можно было ожидать отъ подобнаго обращенія, видно изъ его корреспонденціи съ Директоріею, что 8 апрѣля онъ еще не зналъ, какъ наложить руку на венеціанскія провинціи. Онъ разсчитывалъ отдать Австріи всю Ломбардію, оставляя для Франціи „въ сердцѣ Италіи республику въ два мильона жителей". Вотъ что, по его же словамъ, онъ могъ извлечь изъ своихъ успѣховъ въ ту минуту.

На другой день, 8-го апрѣля, онъ получилъ отъ Кильмена донесеніе по поводу событій въ Сало. Понявъ немедленно все преимущество, какое онъ могъ извлечь изъ этого противъ Венеціанской республики, и даже еще не опредѣливъ вполнѣ, на что будетъ ему удобнѣе рѣшиться, онъ отпра-

вилъ громовое посланіе къ венеціанскому дожу: „Всѣ континентальныя провинціи Венеціи подняли оружіе съ криками „смерть французамъ!“ Многія сотни солдатъ Итальянской арміи уже пали жертвою. Отрицая эти скопища, Венеція сама ихъ образовала. Неужели полагаютъ, что онъ не съумѣетъ заставить оказывать уваженіе первому народу въ мірѣ? И такъ Сенату предстоитъ выбирать между войною и миромъ. Если только скопища не будутъ разсѣяны, виновники убійствъ не наказаны и не выданы, война будетъ объявлена и континентъ освобожденъ отъ венеціанской тираніи“.

Для тѣхъ, кто слѣдилъ за этимъ разсказомъ, едва ли есть надобность объяснять, на сколько было притворства въ этомъ гнѣвѣ. Событія въ Сало послужили для Бонапарте почти неожиданнымъ подспорьемъ, такъ они случились кстати, чтобъ послужить его намѣреніямъ и разсѣять его смущеніе. Но такъ какъ исторія никогда не должна отдаляться отъ своей строгой системы, то необходимо свести факты, чтобъ судить о степени его искренности. Во-первыхъ Венецію обвиняли за событія, совершенно случайныя, бывшія слѣдствіемъ народнаго движенія, и ни въ какомъ случаѣ не внушенія правительства, хотя тутъ и было замѣшано нѣсколько низшихъ чиновниковъ по поводу дурнаго съ ними обращенія. Правда, что она споспѣшествовала вооруженію, но ей дали на это право, выгнавъ ея гарнизоны, а между тѣмъ, не взирая на чувства ненависти, которыя мы постарались вселить въ нее, не смотря на понятный интересъ ея — видѣть насъ изгнанными изъ Италіи, она была слишкомъ благоразумна, чтобъ пытаться мстить за свои настоящія обиды, въ минуту, когда она, напротивъ, старалась заискивать у Франціи и когда, по свидѣтельству Аллемана и самого Бонапарте, она ревностно исполняла принятыя на себя тяжелыя условія относительно снабженія арміи. Что касается до столкновеній бергамскихъ горцевъ съ нашими войсками, то со стороны этихъ инсургентовъ они были только приложеніемъ законнаго

права защиты, возмездіемъ за взятіе Креме, за подвиги ломбардскаго легіона, посланнаго Кильменомъ сжечь ихъ деревни, за всякаго рода обиды, нанесенныя нашими войсками въ теченіе шести мѣсяцевъ, въ нарушеніе законовъ нейтралитета. Неискрененъ былъ также Бонапарте, объявляя о „гибели нѣсколькихъ сотъ нашихъ солдатъ“, и въ этомъ случаѣ онъ свидѣтельствуетъ самъ противъ себя, ибо въ тотъ же день, 9 апрѣля, вычисляя въ письмѣ къ Лаллеману свои жалобы противъ Венеціанской республики, онъ говоритъ: „*зарѣзали болѣе пятидесяти французовъ*“,—количество, конечно, преувеличенное [29]),—примѣняя впрочемъ весьма произвольно слова зарѣзали къ партизанской войнѣ, по обычаю военныхъ, въ глазахъ которыхъ убійство законно только въ мундирѣ.

Еще менѣе прямодушія было въ обвиненіи генераломъ Бонапарте Сената, который „нарочно выдумываетъ предлоги чтобъ имѣть отговорку оправдывать сборища, направленныя противъ нашей арміи“. По этому упреку выходитъ, что Венеціанское правительство само себѣ приготовило бы возстаніе въ Бергамѣ и Бресчіи, причинившее ему такое смятеніе и готовившее ему гибель. Такое обвиненіе походило на насмѣшку, ибо несправедливость его была очевидна; оно впрочемъ достаточно опровергается секретными донесеніями венеціанскихъ агентовъ—искреннимъ выраженіемъ ихъ смятенія и тревоги, и значитъ просто, что разореніе Венеціи было рѣшено. Что же касается до удовлетворенія, котораго генералъ требовалъ отъ него „немедленно“, то оно было до такой степени неудобоисполнимо, при ненадежномъ состояніи, до котораго доведены были венеціанскія регулярныя силы на континентѣ, что грозное это требованіе не имѣло другой

---

[29]) Лишнимъ будетъ говорить, что всѣ эти цитаты изъ писемъ и рапортовъ извлечены изъ его Корреспонденціи, недавно напечатанной.
Прим. автора.

цѣли какъ довесть до крайности венеціанское правительство, поразивъ умы ужасомъ и отчаяніемъ. Намѣреніе это еще явственнѣе выказывается въ жестокой инструкціи, посланной въ тотъ же день Кильмену, на случай, конечно неизбѣжный, если бы требуемое удовлетвореніе не было исполнено въ двадцать четыре часа. Бонапарте присоединилъ еще воззваніе къ инсурекціи, которое должно быть публиковано во всѣхъ континентальныхъ провинціяхъ, и которое въ теченіе нѣсколькихъ часовъ могло разлиться въ нихъ пожаромъ.

Но весь этотъ взрывъ угрозъ, гнѣва и высокомѣрныхъ требованій былъ до такой степени притворенъ, а требованія Бонапарте такъ мало служили ему цѣлью, что онъ не потрудился даже подождать отвѣта отъ венеціанскаго Сената, котораго безусловная покорность была бы для него новымъ затрудненіемъ, препятствуя репрессивнымъ мѣрамъ, на которыя онъ разсчитывалъ. 15-го апрѣля, въ тотъ самый часъ когда адъютантъ его Жюно, введенный въ венеціанскій Сенатъ Лаллеманомъ, вручилъ дожу Манину письмо генерала Бонапарте,—послѣдній въ Леобенѣ, на конференціи съ Мерфельдомъ и маркизомъ Галло, отдалъ Венецію Австріи. Не зная еще, какъ будутъ приняты его жалобы, онъ уже, вмѣстѣ съ упомянутыми уполномоченными, составлялъ три различные проэкта предварительныхъ условій и два изъ нихъ располагали венеціанскою территоріею какъ вознагражденіемъ.

Хронологія имѣетъ здѣсь капитальное значеніе. Большая часть историковъ не обращаетъ на нее вниманія, подражая въ этомъ *Запискамъ* Наполеона, въ которыхъ постоянно нарушается порядокъ событій до такой степени, что репрессивныя мѣры, вызванныя его политикою относительно Венеціи, кажутся принципомъ и причиною его рѣшенія, тогда какъ онѣ были только его послѣдствіемъ. Такъ, напримѣръ, предварительныя условія Леобена кажутся подготовленными и мотивированными веронскими событіями, тогда какъ въ сущ-

ности уступка венеціанскихъ провинцій была рѣшена Бонапарте еще гораздо прежде того, какъ онъ возымѣлъ даже тѣнь серьезнаго неудовольствія противъ властей венеціанскихъ. Изъ его дѣйствій и изъ донесеній въ Директорію видно, что рѣшеніе его относительно этой уступки состоялось вслѣдъ за полученіемъ извѣстія о незначительномъ столкновеніи въ Сало, и до полученія отвѣта отъ венеціанскаго Сената, т. е. между 9-мъ и 15-мъ апрѣля 1797 г.

Теперь слѣдуетъ разсказать ходъ и значеніе переговоровъ, возникшихъ въ Леобенѣ, послѣ продолженія перемирія. Бонапарте, како уже сказано, не имѣлъ ни малѣйшаго права договариваться. Кларкъ одинъ имѣлъ на это уполномочіе отъ Директоріи, но Кларкъ находился тогда въ Туринѣ, и, пославъ къ нему для формы курьера, который повидимому и не спѣшилъ явиться къ этому дипломату, Бонапарте обошелся и безъ него по своему обыкновенію. Мерфельдъ и неаполитанскій посланникъ маркизъ Галло облечены были отъ Вѣнскаго двора уполномочіемъ. Они прибыли въ главную квартиру 13-го апрѣля, а 15-го состоялась первая конференція въ бесѣдкѣ среди сада, объявленной нейтральною, — „фарсъ, писалъ Наполеонъ, — на который я охотно согласился, чтобъ не оскорбить дѣтскаго тщеславія этихъ людей.“ Австрійскіе уполномоченные начали договоръ первою статьею, по которой императоръ признавалъ Французскую Республику. „—Вычеркните это, воскликнулъ Бонапарте: — Французская Республика подобно солнцу на горизонтѣ,—и тѣмъ хуже для того, кто не хочетъ ее видѣть!“

На другой день, 16-го апрѣля, составили три проэкта предварительныхъ условій, которыя и были отправлены въ Вѣну для доклада императору. Всѣ три имѣли точкою отправленія уступку Бельгіи и признаніе Рейнской границы, но измѣнялись комбинаціи относительно вознагражденія Австріи. Въ двухъ проэктахъ предлагались императору всѣ Венеціанскія владѣнія или часть ихъ, а въ третьемъ полнѣй-

шее возстановленіе Милана и Ломбардіи и ни слова не упоминалось о Венеціи.

Въ очень краткомъ и весьма неполномъ отчетѣ объ этихъ переговорахъ, посланномъ въ Директорію, Бонапарте говорилъ:

„Они требуютъ возстановленія Милана такимъ образомъ, какъ бы хотѣли вслѣдствіе этой статьи получить Миланъ и какую нибудь часть Венеціанскихъ владѣній или Легатства. Еслибъ я захотѣлъ согласиться на это предложеніе, они имѣли уполномочіе подписать немедленно. Эта сдѣлка не показалась мнѣ возможною.

„Е. В. императоръ объявилъ, что не желаетъ *никакого вознагражденія въ Германіи*. Я предложилъ ему первою статьею *очищеніе Милана и. Ломбардіи:—не захотѣли*. Итакъ мы кончили тремя проэктами, которые они отправили въ Вѣну" (въ Директорію 16-го апрѣля).

Для лучшаго убѣжденія въ двойной игрѣ, въ которую Бонапарте игралъ иногда со всѣми, необходимо привести послѣднія строки изъ прокламаціи, адресованной имъ четыре дня назадъ, 12-го апрѣля, тѣмъ самымъ ломбардцамъ, которыхъ онъ предлагалъ выдать снова Австріи, не будучи еще увѣренъ, возьметъ ли она ихъ, или бросится на лучшую добычу и вмѣстѣ для нея удобнѣйшую.

„Вы требуете ручательствъ въ вашей будущей независимости; но развѣ это ручательство не заключается въ побѣдахъ, одерживаемыхъ ежедневно Итальянскою арміею. Каждая изъ нашихъ побѣдъ составляетъ строку вашей конституціи. Фактъ замѣняетъ объявленіе, само по себѣ ребяческое. Вы не сомнѣваетесь въ участьи и желаніи правительства сдѣлать васъ свободными и независимыми (30)."

Это не все. Изъ формальныхъ объявленій самого Бонапарте слѣдуетъ, что, донося своему правительству о „неже-

30) *Монитеръ*, перепечатанный въ *Корреспонденціи*. *Прим. автора.*

лаціи императоромъ никакого вознагражденія въ Германіи", онъ обманывалъ довѣріе Директоріи. Вотъ любопытное дѣйствительно признаніе, оставленное имъ въ его *Запискахъ:*

„Съ первыхъ же переговоровъ австрійскіе уполномоченные согласились на уступку Бельгіи и Рейнской линіи, но они потребовали вознагражденія, и когда имъ предложили его въ Германіи, напримѣръ въ Баваріи, то они немедленно прибавили, *что въ такомъ случаѣ необходимо гарантировать Венеціанскую республику въ настоящемъ ея положеніи,* и обезпечить аристократію Золотой книги, не желая ни въ какомъ случаѣ допустить, чтобъ Итальянская республика простиралась отъ Альпъ и Апеннинъ до Изонцо и Альпъ Юліанскихъ. но это значило бы обезпечить самаго дѣятельнаго и постояннаго врага республики Французской".

Изъ этого видно, какъ генералу было легко избѣжать величайшей несправедливости, запятнавшей его побѣды; занятіе Австріею Баваріи было бы, конечно, дѣломъ далеко небезупречнымъ съ точки зрѣнія права, но по крайней мѣрѣ Баварія подала законный поводъ къ жалобамъ, воюя съ нами, и мы не дѣлали бы покушенія нарушить ея національность, уступая ее германской державѣ, на которую одну обрушилось бы безславіе этой сдѣлки.

Описавъ кратко состояніе переговоровъ, Бонапарте горько жаловался по поводу Рейнскихъ армій, содѣйствіе которыхъ, еслибъ онъ желалъ его, облегчило бы такъ значительно заключеніе мира.

„Если Моро хочетъ перейдти чрезъ Рейнъ, онъ перейдетъ, а еслибъ уже перешелъ безъ затрудненій, мы были бы уже въ состояніи диктовать условія мира повелительнымъ тономъ и безъ риска. Но кто боится уронить славу, тотъ увѣренъ, что уронитъ ее. Я перешелъ Юліанскіе и Норическіе Альпы по трехъ-футовому ледяному слою; я переправилъ артиллерію по дорогамъ, гдѣ никогда не проѣзжали телѣги, и гдѣ это считалось положительно невозможнымъ. Еслибъ

я думалъ только о спокойствіи арміи и о своихъ личныхъ выгодахъ, я остановился бы по ту сторону Изонцо. Я бросился въ Германію съ цѣлью освободить Рейнскія арміи и помѣшать непріятелю перейдти въ наступленіе. Я нахожусь у воротъ Вѣны, и этотъ заносчивый, спѣсивый дворъ прислалъ своихъ уполномоченныхъ въ мою главную квартиру. У Рейнскихъ армій, значитъ, нѣтъ ни капли крови въ жилахъ. Если онѣ оставятъ меня одного, я возвращусь въ Италію. Вся Европа будетъ судить о разницѣ поведенія обѣихъ армій. Всѣ силы императора очутятся потомъ у нихъ на плечахъ и сильно стѣснятъ ихъ, и въ этомъ обѣ арміи сами будутъ виноваты."

Невозможно свалить собственныя ошибки на другаго съ большею несправедливостью. Будучи далеки отъ того, чтобъ откладывать открытіе кампаніи, Гошъ и Моро негодовали на медленность, имъ предписанную, и если присутствіе ихъ не увеличивало нашихъ преимуществъ при заключеніи мира, то это потому, что Бонапарте не желалъ раздѣлить съ ними успѣховъ войны. Истиннаго въ этихъ жалобахъ была — боязнь за неудачу переговоровъ, обязанность начинать вновь при дурныхъ условіяхъ войну, тяжесть отвѣтственности за которую должна была пасть на него одного и исходъ которой былъ бы очень сомнителенъ, а съ этою боязнью—желаніе предупредить упреки, какими были бы въ правѣ его осыпать.

Такъ какъ чрезъ два дня, т. е. 18-го апрѣля, Кларкъ не пріѣхалъ , чего Бонапарте и имѣлъ нѣкоторыя основанія ожидать, предварительныя условія мира были подписаны въ ожиданіи заключенія мира на конгресѣ, имѣвшемъ собраться въ Бернѣ. Императоръ отказывался отъ всѣхъ своихъ правъ на бельгійскія провинціи, а также и на Ломбардію. Онъ былъ вознагражденъ уступкою венеціанскихъ провинцій, расположенныхъ между Оліо, По и Адріатическимъ моремъ, а болѣе Истріею и Далмаціею.

Что касается до остальныхъ венеціанскихъ континентальныхъ владѣній, они присуждены были Франціи, которая, для самой безполезнѣйшей формальности, уступила ее республикѣ мнимо-независимой, долженствовавшей образоваться изъ соединенія Ломбардіи, Мантуи, Реджіо и Модены. Такимъ образомъ Венеціанской республикѣ оставлены были только лагуны, служившія ей колыбелью; но чтобъ предупредить дурное впечатлѣніе, какое могъ произвести на Европу подобный грабежъ, Венеціи предложили въ видѣ вознагражденія три легатства—Феррарское, Болонское и Романьское—предложеніе насмѣшливое, сдѣланное чисто изъ хвастовства, ибо уполномоченные лучше всѣхъ знали, что Венеція или не приметъ этихъ провинцій, или не въ состояніи будетъ удержать ихъ.

Впрочемъ вотъ въ какихъ выраженіяхъ самъ генералъ Бонапарте говоритъ объ этомъ вознагражденіи, предназначенномъ утѣшить Венецію за все то, что она утратила:

„Что касается до отреченія отъ нашихъ правъ на провинціи Болонскую, Феррарскую и Романьскую, въ замѣнъ венеціанскихъ владѣній, *то эти провинціи всегда останутся въ нашей власти*. Когда мы вмѣстѣ съ императоромъ успѣемъ согласить Сенатъ на этотъ обмѣнъ, очевидно, что Венеціанская республика подчинится вліянію республики Ломбардской и будетъ въ *нашемъ распоряженіи*. Если этотъ обмѣнъ не состоится и императоръ вступитъ во владѣніе части венеціанской территоріи, а Сенатъ не захочетъ получить *вознагражденія неудобнаго и недостаточнаго*, три легатства останутся у насъ во власти, и мы присоединимъ Болонью и Ферару къ Ломбардской республикѣ“ (Въ Директорію, 19-го апрѣля 1797).

Въ другомъ мѣстѣ этого же самаго письма онъ чрезвычайно ясно выражаетъ мысль, внушившую всю его политику: „У насъ есть, говоритъ онъ:—въ сердцѣ Италіи республика, съ которою мы будемъ сообщаться чрезъ Генуэзскую тер-

риторію и моремъ. Во всѣхъ будущихъ войнахъ въ Италіи сообщенія наши обезпечены. Съ этихъ поръ Сардинскій король у насъ во власти."

Итакъ, создавая Итальянскую республику, онъ намѣревался дать Франціи завоеваніе, точно также, какъ предлагая вознагражденіе Венеціи, онъ искалъ только случая наложить руку на послѣднее убѣжище этой республики. Таковы были принципы, которые осмѣливался открыто заявлять молодой генералъ, слава котораго только что начиналась,—людямъ гордившимся названіемъ республиканцевъ; такова была откровенность, которую онъ позволялъ себѣ, не боясь противорѣчія, съ правительствомъ, только что вышедшимъ изъ революціи, пролившей столько крови въ честь правъ человѣка.

Пока Бонапарте подписывалъ леобенскія условія, Рейнскія арміи начали кампанію для оказанія ему содѣйствія, которое онъ заранѣе сдѣлалъ безполезнымъ. Гошъ, котораго заставляла трепетать отъ нетерпѣнія каждая новость о побѣдахъ Итальянской арміи, и которому судьба до тѣхъ поръ отказывала въ подвигѣ, достойномъ его способностей, проклиналъ связывавшую его медленность, какъ бы предчувствуя, что минуты его были сочтены, и что каждый проходившій день былъ потеряннымъ днемъ для его славы. Болѣе хладнокровный Моро ходатайствовалъ въ Парижѣ о небольшой суммѣ, которой не могъ получить, но которая была ему необходима для начатія кампаніи. Наконецъ Гошъ рѣшился выступить самъ, не ожидая возвращенія товарища. Перейдя Рейнъ въ Нейвицѣ, онъ опрокинулъ австрійцевъ въ Геддерсдорфѣ, взявъ шесть тысячъ плѣнныхъ, и, быстро окруживъ ихъ, готовился пресѣчь имъ отступленіе, какъ вдругъ курьеръ привезъ ему извѣстіе о подписаніи предварительныхъ условій и тѣмъ остановилъ его среди успѣховъ. Это былъ послѣдній подвигъ молодаго героя, которому не судилось дождаться своего дня славы. Армія Моро, предво

дительствуемая Дезэ, съ равнымъ успѣхомъ переправилась чрезъ рѣку пониже Страсбурга, пошла на австрійцевъ и отбросила ихъ въ Черныя горы; но, получивъ вышеупомянутое извѣстіе, должна была остановиться въ свою очередь. Такимъ образомъ содѣйствіе Рейнскихъ армій, которое могло бы повліять столь рѣшительно на заключеніе выгоднаго мира, если бы Бонапарте захотѣлъ этого дождаться, было для нихъ потеряно и не имѣло въ этомъ случаѣ никакого значенія.

ГЛАВА VIII.

Занятіе Венеціи. — 18-е фруктидора.

Между тѣмъ кризисъ, готовившійся такъ долго въ венеціанскихъ владѣніяхъ, благодаря всевозможнымъ горючимъ матерьяламъ, которые наша политика бросала на пожаръ, подъ предлогомъ его потушенія, шелъ быстрыми шагами къ развязкѣ. Народныя страсти, сдерживаемыя почти около года, не взирая на отчаянное положеніе вслѣдствіе стольких унизительныхъ и стѣснительныхъ мѣръ, должны были вспыхнуть съ необыкновенною силою, какъ только страхъ станетъ слабѣе мщенія. Взрывъ обнаружился весьма печальными событіями. Жюно представилъ 15-го апрѣля 1797 г. въ Сенатъ громовое посланіе Бонапарте. Адъютантъ лично прочелъ его съ притворною военною грубостью, среди собранія, пораженнаго оцѣпенѣніемъ. Отвѣтъ дожа былъ болѣе покоренъ и смиренъ, чѣмъ подобало представителю столь гордой нѣкогда республики. Какъ бы низко ни пала въ то время республика, необходимо было при этомъ случаѣ вспомнить ея прежнее достоинство. Посредствомъ балотировки Сенатъ согласился съ словами дожа и, кромѣ того, постановилъ отправить къ генералу двухъ депутатовъ. Венеціанское правительство, безъ сомнѣнія, знало, что приближались къ концу переговоры, затѣянные между Австріею и Франціею; небезъ-

извѣстно ему было также, что тамъ рѣшался раздѣлъ его провинцій; а такъ какъ въ его интересахъ было не раздражать никого, то оно и ожидало съ тоскою, близкою къ страху, результата попытокъ своего посланника въ Парижѣ и депутаціи, посланной къ генералу Бонапарте, какъ извѣстіе о возмущеніи въ Веронѣ опрокинуло его послѣднія надежды.

По полученіи депеши отъ Бонапарте, генералъ Кильменъ отдалъ приказъ о немедленномъ обезоруженіи не только инсургентовъ, но всего, что оставалось еще изъ венеціанскихъ гарнизоновъ въ континентальныхъ провинціяхъ. Мѣра эта приведена была въ исполненіе безпрепятственно въ Пескьерѣ, Кастельново и многихъ другихъ городахъ. Но въ Веронѣ, гдѣ венеціанцы превосходили числомъ французовъ и надѣялись на поддержку населенія, необходимо было отложить обезоруженіе. Оба гарнизона, раздраженные, полные взаимнаго недовѣрія, такъ сказать, съ оружіемъ въ рукахъ, находились другъ противъ друга, среди населенія, чрезвычайно возбужденнаго воспоминаніями о всѣхъ бѣдствіяхъ, нами причиненныхъ.

При подобномъ порядкѣ вещей, для произведенія взрыва достаточно одной искры. Когда 17 апрѣля французскій отрядъ вступилъ въ городъ, натурально сочли, что онъ предназначался для поддержки крутыхъ мѣръ, подобныхъ тѣмъ, какія были приняты въ окрестныхъ городахъ; народъ немедленно окружилъ его, и онъ едва успѣлъ присоединиться къ нашему гарнизону. Завязалась драка между двумя патрулями, и весь народъ возсталъ съ криками мщенія противъ французовъ. Всѣ, кому не удалось укрыться въ фортъ, были умерщвлены въ тотъ и слѣдующіе дни разсвирѣпѣвшею толпою. Верона запятнала себя всѣми ужасами, сопровождающими народныя волненія. Въ продолженіе всего этого времени солдаты наши, запершись въ цитадели, бомбардировали городъ. Вскорѣ они были освобождены значитель-

ными силами, окружившими Верону и подавившими возстаніе. Съ нашей стороны пало около трехсотъ жертвъ. Такова была веронская святая недѣля — неожиданный и бѣшеный взрывъ давно таившейся въ тишинѣ мести. Неудовлетворенное въ первый день мщеніе достигло самаго полнаго разгара 18 апрѣля, словно народная ненависть, болѣе дальновидная, чѣмъ политика государственныхъ людей, догадалась, что въ этотъ самый моментъ Бонапарте подписывалъ леобенскія предварительныя условія и предоставлялъ Австріи останки Венеціи.

Черезъ два дня Франція имѣла новый поводъ къ серьезной жалобѣ. Одинъ французскій корабль, подъ командою капитана Лажье, остановился на якорѣ возлѣ пороховаго погреба, находившагося возлѣ Лидо. Старинный законъ [31]), которому даже англійскій флотъ безпрекословно подчинялся, запрещалъ входъ въ портъ каждому военному судну, а потому Лажье получилъ отъ венеціанскаго офицера предложеніе — вступить подъ паруса. Но такъ какъ капитанъ отказался исполнить требованіе тономъ болѣе близкимъ къ нахальству, нежели къ ошибкѣ, то форты начали стрѣлять по немъ. Нѣсколько человѣкъ на кораблѣ было убито, другіе взяты, чему отчасти служило причиною чванство французскаго капитана, а отчасти слѣпая и грубая поспѣшность венеціанскаго офицера.

Депутаты нашли главнокомандующаго въ Грацѣ. Онъ уже зналъ о веронскихъ событіяхъ. Посланные не замедлили замѣтить, что относительно Венеціи онъ уже принялъ непоколебимое рѣшеніе и слушать ничего не былъ намѣренъ; но такъ какъ предварительныя леобенскія условія были содержаны въ тайнѣ, то они и не могли понять настоящей причины его упорства. Никакое удовлетвореніе, предлагаемое

---

[31]) Botta, Storia d'Italia. *Прим. авт.*

ими, не было для него достаточно; онъ желалъ одного—быть для нихъ закономъ. Онъ говорилъ тономъ повелителя: „У меня 24.000 человѣкъ и есть канонирки. Я не хочу болѣе ни инквизиціи, ни сената, я буду для Венеціи Атиллою... Не желаю съ вами союза, не хочу вашихъ проектовъ, а хочу предписать вамъ законы... Нечего болѣе обманывать меня, чтобъ выиграть время. Дворянство вашихъ провинцій, служившее до сихъ поръ вамъ рабами, должно принять участье въ правленіи; но это правительство уже устарѣло, необходимо ему сокрушиться".

Въ этихъ *я хочу*, произнесенныхъ столь деспотическимъ тономъ, слышалось тогда другое, нежели разореніе Венеціанской республики! А между тѣмъ, не взирая на эту столь грозную волю, сколько въ этихъ словахъ притворства! Что сказало бы провинціальное дворянство, въ которомъ онъ, повидимому, принималъ такое горячее участье, еслибъ оно знало, что тотъ, кто съ подобнымъ негодованіемъ смотрѣлъ на ихъ рабство относительно Венеціи, сдѣлалъ уже ихъ подданными Австріи.

Оканчивая донесеніе, въ которомъ отдавался отчетъ объ этомъ разговорѣ, депутаты прибавили: „Мы очень сожалѣемъ, что не можемъ еще сообщить вамъ положительныхъ подробностей о мирномъ трактакѣ: тайна условій непроницаема. Дай Богъ, чтобъ въ ней не скрывался раздѣлъ владѣній республики." (32)

Не смотря на раздраженіе, обнаруживаемое этими словами, генералъ все-таки принялъ и выслушалъ уполномоченныхъ Сената; онъ не поссорился съ ними, не объявлялъ войны, слѣдовательно надежда смягчить его не казалась потерянною. Но черезъ день послѣ этого свиданія пришло извѣстіе о смерти капитана Лажье—событіе, появившееся столь

---

32) Большая часть этихъ донесеній приведена въ ***Исторіи Венеціи*** Дарю, впрочемъ пристрастной и не весьма точной. ***Прим. автора.***

кстати, чтобъ подать поводъ къ увеличенію угнетенія съ нашей стороны. Бонапарте ничего не хотѣлъ слушать; онъ написалъ депутатамъ, „что не можетъ ихъ видѣть обагренныхъ французскою кровью“, потомъ въ Пальма-Нова онъ издалъ манифестъ, заключавшій объявленіе нами войны Венеціи.

Манифестъ этотъ предназначался для Европы, а въ особенности для парижскихъ Законодательныхъ Совѣтовъ. Въ немъ излагались всѣ вины, приписываемыя генераломъ республикѣ; онѣ были развиты и сгруппированы очень ловко и представлены въ такомъ свѣтѣ, какой былъ сообразенъ съ его политикою. Легкія стычки венеціанскихъ инсургентовъ съ нашими войсками были чрезмѣрно преувеличены; факты, совершенно случайные или очевидно противные волѣ венеціанскаго правительства, въ интересахъ котораго было помѣшать имъ,—представлялись давно задуманнымъ заговоромъ; къ нимъ не приведено было ни одного обстоятельства, ихъ вызвавшаго или приготовившаго.

Вслѣдъ за обнародованіемъ этого объявленія войны, вспыхнула полная революція во всѣхъ венеціанскихъ континентальныхъ владѣніяхъ. Левъ св. Марка былъ низвергнутъ во всѣхъ городахъ и замѣненъ деревомъ свободы. Перемѣна эта совершилась тѣмъ съ большею легкостью, что провинціи эти находились подъ опасеніемъ возврата торжествующей и раздраженной арміи. Впрочемъ въ нихъ имѣлась партія, которую ободряло наше присутствіе, и которая увеличивалась постоянно, благодаря нашей дѣятельной и безустанной пропагандѣ.

Бонапарте направился прямо въ лагуны. Заключенная въ это послѣднее убѣжище, служившее колыбелью ея могущества, республика могла еще оказывать ему продолжительное и серьезное сопротивленіе. Что бы дѣйствительно ни было сказано для устрашенія венеціанскихъ депутатовъ, у нашей арміи не было не только канонирокъ, но почти никакихъ средствъ передвиженія. Венеція, напротивъ, обладала

множествомъ судовъ всякаго ранга, и всѣ входы ея были оберегаемы многочисленными батареями. Гарнизонъ ея, около 13,000 человѣкъ, состоялъ частью изъ венеціанъ, частью изъ славонцевъ; но послѣдніе были привязаны къ республикѣ, какъ бываютъ привязаны наемники къ тѣмъ, кто имъ платитъ.

Не смотря однакоже на эти плохіе элементы гарнизона, онъ могъ бы быть страшнымъ подъ энергическимъ начальствомъ. Но трусость обуяла всѣхъ и почти никто не смѣлъ объявить мысли о защитѣ противъ арміи, побѣдившей имперію. Тѣ, которые не совершенно еще поддались робости, предавались чувствамъ неменѣе опаснымъ. При великихъ народныхъ опасностяхъ, надежда иногда бываетъ гибельнѣе страха. Надежда обезоружить генерала уступкою всѣмъ его требованіямъ, овладѣла множествомъ легковѣрныхъ умовъ, ибо большинство, жадное всегда на обольстительныя надежды, было далеко чтобъ подозрѣвать намѣренія, которыя прикрывалъ гнѣвъ, тѣмъ труднѣе для смягченія, что онъ былъ разсчитанъ. Слѣпое довѣріе ихъ много способствовало къ парализованію меньшинства, которое казалось расположеннымъ къ энергическому рѣшенію. Члены правительства собрались у дожа и созвали большой совѣтъ. Собраніе это, состоявшее большею частью изъ стариковъ, поддавшихся общему смятенію, и не находя въ себѣ ничего кромѣ слабости и дряхлости, рѣшило послать къ генералу двухъ комиссаровъ, которые вошли бы съ нимъ въ соглашеніе относительно перемѣнъ, какія ему заблагоразсудится сдѣлать въ венеціанской конституціи: отреченіе, едва прикрытое правомъ совѣта ратификовать предложенія Бонапарте.

Комиссары нашли Бонапарте въ Маргерѣ. Узнавъ о рѣшеніи большаго совѣта, онъ тотчасъ закричалъ, „что такой договоръ невозможенъ до тѣхъ поръ, пока не выдадутъ ему троихъ государственныхъ инквизиторовъ и лидскаго коменданта; что лагуны не могутъ остановить его: раньше чѣмъ

черезъ двѣ недѣли онъ будетъ въ Венеціи и выгонитъ венеціанское дворянство, какъ выгналъ французскихъ эмигрантовъ". На усиленныя ихъ просьбы онъ согласился дать шестидневную отсрочку.

4-го мая комиссары были введены въ большой совѣтъ, который, уступая во всѣхъ пунктахъ, согласился на всѣ требуемые аресты, далъ своимъ уполномоченнымъ право на конституціонныя перемѣны, и выходя даже за предѣлы того, что отъ него требовали, не смотря на отчаянные протесты многихъ сенаторовъ, уполномочилъ коменданта лагунъ вступить въ переговоры о капитуляціи. Бонапарте возвратился уже въ Миланъ, и туда-то должны были отправиться комиссары, что̀ замедлило переговоры. Въ продолженіе этого времени волненіе возрастало въ Венеціи. Въ городѣ узнали о рѣшеніи большаго совѣта; правительство утратило значеніе арестомъ инквизиторовъ, и эти событія усилили до крайней степени всеобщее смятеніе. Демократическая партія, едва до тѣхъ поръ замѣтная, но быстро увеличившаяся всѣми, кого страхъ или выгоды влекли къ Франціи, прибѣгла къ нашему повѣренному въ дѣлахъ Виллетару, смѣнившему Лалемана вслѣдствіе объявленія войны. Она надѣялась, что, предупреждая всѣ желанія генерала и исполняя всѣ его требованія, непремѣнно расположитъ его въ пользу новой организаціи, имѣвшей заступить мѣсто старой венеціанской аристократіи. Виллетаръ, получившій инструкціи въ предвидѣніи этого факта, подстрекалъ ихъ нетерпѣніе обѣщаніями, тѣмъ болѣе убѣдительными, что съ его стороны они были искренни. Въ нѣсколько дней онъ сдѣлался центромъ, дѣйствительнымъ вождемъ движенія, давалъ ему подробную программу, которая немедленно по объявленіи дѣлалась популярною, ибо извѣстно было, что она надиктована Бонапарте. Виллетаръ совѣтовалъ венеціанскимъ демократамъ: уничтоженіе аристократическаго правленія, высылку славонцевъ, учрежденіе національной гвардіи и впускъ въ Венецію 4,000 францу-

зовъ. Народъ принялъ эти совѣты съ жадностью, какъ единственное средство спасенія. Въ то время одна только эта партія имѣла направленіе, волю и окончательно выработанную программу; однихъ она успокоивала, какъ надежда на помощь, другихъ заставляла трепетать, какъ несомнѣнная сообщница непріятеля. Такъ какъ тревога послѣднихъ возрастала одновременно съ восторгомъ первыхъ, а частное возмущеніе славонцевъ, выгнанныхъ въ Далмацію, заставляло опасаться, чтобъ грабежи и убійства не увеличили всеобщаго безпорядка, большой совѣтъ былъ созванъ послѣдній разъ. Онъ принялъ, даже безъ обсужденія, предложенія Виллетара и произнесъ свое собственное паденіе среди неописанной суматохи. Онъ сложилъ свою власть въ пользу временнаго правительства, на сколько оно будетъ согласоватся съ видами главнокомандующаго, и засвидѣтельствовалъ, что дѣйствовалъ лишь съ цѣлью обезпечить спасеніе отечества, религію и собственность. Таково было послѣднее дѣйствіе этого правительства, названнаго у Бонапарте „жестокимъ, коварнымъ и кровожаднымъ“, и которое конечно продолжало бы существовать, еслибъ заслуживало этого упрека. Исторія скорѣе будетъ порицать его бездѣйствіе, малодушіе и ребяческое довѣріе старинной дипломатической рутинѣ.

При вѣсти объ этомъ необычайномъ рѣшеніи, въ городѣ тотчасъ же возникла реакція въ пользу національнаго правительства. Всѣ инстинктивно чувствовали, что какъ ни были отсталы и обветшалы древнія учрежденія, однако тѣмъ не менѣе представляли независимость родины противъ иностранца. Гражданская война вспыхнула въ одно мгновеніе въ Венеціи — послѣднія судороги старинной гордости и умирающаго патріотизма. Венеціанская флотилія сама отправилась къ французскому гарнизону, чтобъ привезти его въ лагуны, и наши солдаты вступили во владѣніе Венеціею при гробовомъ молчаньи, которому противорѣчила неприличная радость нѣсколькихъ группъ (16-го мая 1797 г.).

Пока совершались эти событія въ Венеціи съ быстротою, какая обыкновенно сопровождаетъ великія народныя паники, оба комиссара, посланные большимъ совѣтомъ къ Бонапарте, подписывали въ Миланѣ съ генераломъ мирный договоръ, условія котораго были совершенно сходны съ программою, формулированною и осуществленною Виллетаромъ. Параграфъ 1-й опредѣлялъ на будущее время „миръ и дружбу между республиками Французскою и Венеціанскою". Въ слѣдующихъ параграфахъ назначались условія этого мира, отреченіе аристократіи, верховная власть народа, занятіе французами города, которое должно прекратиться, „какъ только установится новое правительство и объявитъ, что ему не нужно это содѣйствіе"; наконецъ, процессъ инквизиторовъ и лидскаго коменданта. Секретными статьями п-становлялось, „что Венеціанская и Французская республики вступятъ между собою въ соглашеніе относительно обмѣна различныхъ территорій" — статья, имѣвшая отношеніе къ вознагражденію въ папскихъ владѣніяхъ, предложенному венеціанцамъ на леобенскихъ переговорахъ. Венеціанская республика обязывалась, наконецъ, заплатить намъ многіе милліоны, уступить три корабля, два фрегата, снабдить всевозможными припасами и, въ заключеніе, по обычаю, освященному уже въ Италіи, „дать двадцать картинъ и пятьсотъ рукописей по нашему выбору".

Договоръ этотъ былъ подписанъ въ Миланѣ съ одной стороны генераломъ Бонапарте и нашимъ министромъ Лаллеманомъ, а съ другой представителями Венеціанской республики. Я разскажу сейчасъ, какъ онъ былъ ратификованъ временнымъ правительствомъ. Не взирая на все, что было въ немъ жестокаго и безжалостнаго, не взирая на вопіющее злоупотребленіе силы, которой онъ служитъ выраженіемъ, договоръ этотъ оставлялъ существованіе имени и воспоминанію этой великой республики; душа народа все-таки остается жить, она можетъ залѣчить свои раны, окрѣп-

путь въ своихъ новыхъ учрежденіяхъ, оставаться присоединенною къ Италіи, вспомоществуемая собственными усиліями къ возрожденію, къ которому нація, повидимому, призвана, — вотъ цѣна страшныхъ пожертвованій, ему предложенныхъ. Таковы были чувства, овладѣвшія на мгновеніе сердцами всѣхъ венеціанъ, что и побудило ихъ принять этотъ договоръ съ радостью. Какъ онъ ни былъ печаленъ, а все-таки полагалъ конецъ ихъ продолжительнымъ страданіямъ и обезпечивалъ по крайней мѣрѣ политическое существованіе.

Но мечтамъ этимъ не суждено было долго продолжаться. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ генералъ писалъ Директоріи объ этомъ договорѣ, на которомъ венеціанцы основывали столько надеждъ:

„При заключеніи этого договора я имѣлъ нѣсколько цѣлей: 1) войдти безпрепятственно въ городъ, имѣть арсеналъ и все въ своемъ распоряженіи и воспользоваться тѣмъ, что намъ выгодно, подъ предлогомъ секретныхъ статей; 2) обратить въ нашу пользу всѣ силы венеціанской территоріи даже и въ томъ случаѣ, еслибъ не состоялся миръ съ императоромъ, и 3) не навлечь на насъ упрека въ гнусности исполненія предварительныхъ условій и вмѣстѣ подать поводъ и облегчить ихъ исполненіе“ (19 марта 1797).

Потомъ онъ представлялъ намѣреніе присоединить Венецію въ качествѣ „провинціальнаго города“ къ Циспаданской республикѣ, къ которой онъ присоединилъ уже тѣ самыя легатства, какія обѣщалъ венеціанцамъ въ видѣ вознагражденія.

Виды генерала Бонапарте еще яснѣе обозначаются въ инструкціяхъ, данныхъ имъ генералу Борагэ-д'Илье, командиру оккупаціоннаго корпуса въ Венеціи, а въ особенности генералу Жантили, которому поручилъ принять венеціанскій флотъ и Іоническіе острова, до окончательнаго овладѣнія ими адмираломъ Брюйе. Исторія также тщательно долж-

на отмѣтить объясненія его временному правительству по поводу этого занятія. Съ тѣхъ поръ, какъ республика подчинилась всѣмъ его требованіямъ, всѣ его предлоги оказывались неудобными, а потому онъ уже думалъ заявить желаніе о защитѣ ея отъ мнимыхъ непріятелей.

......Вы отправитесь, писалъ онъ Жантили:—какъ можно поспѣшнѣе и какъ можно секретнѣе въ Корфу и овладѣете всѣми венеціанскими заведеніями Леванта. Вы постараетесь дѣйствовать какъ помощникъ Венеціанской республики и заодно съ комиссарами, которыхъ отправитъ новое правительство, наконецъ употребите всѣ зависящія средства расположить къ себѣ народы. Въ Корфу или въ морѣ вы овладѣете всѣми венеціанскими военными судами, которыя еще не рѣшили, къ какой пристать сторонѣ... *Если населеніе обнаружитъ склонность къ независимости, вы льстите его вкусамъ, и не преминитe въ своихъ будущихъ прокламаціяхъ говорить о Греціи, Спартѣ и Аѳинахъ*" (26 мая).

Послѣднія слова, наиболѣе знаменательныя изъ всѣхъ, когда-либо написанныхъ Бонапарте, и освѣщающія эту душу до самыхъ сокровенныхъ тайниковъ, изложили вкратцѣ всю тактику, которой онъ до тѣхъ поръ слѣдовалъ относительно Италіи. Остальными инструкціями доказывалось, какъ онъ истолковывалъ статью договора, въ которой говорилось, чтобъ были миръ и дружба между „республиками Венеціанскою и Французскою". Договоръ этотъ, которому онъ съ тѣхъ поръ не придавалъ никакого значенія, исполненъ былъ немедленно относительно всего, что относилось до ограбленія Венеціи; онъ отложилъ въ сторону только статьи, обезпечивавшія республикѣ остатки существованія. Въ то самое время, когда наложили руку на венеціанскія сокровища, Жантили исполнялъ свое порученіе съ лукавствомъ, достойнымъ того, кого онъ представлялъ. Онъ появился 18 іюня передъ Корфу въ качествѣ агента новаго правительства, а когда былъ впущенъ

въ крѣпость, то заговорилъ какъ повелитель, овладѣлъ всѣмъ флотомъ, пятью стами орудій и огромными магазинами.

Въ тотъ самый день. когда Жантили получилъ эти удивительныя инструкціи, Бонапарте писалъ венеціанскому муниципалитету, чтобъ успокоить его на счетъ собственныхъ намѣреній и утвердить въ мысли разсчитывать на него. Экспедиція на Левантскіе острова не имѣла другой цѣли, какъ „содѣйствовать венеціанскимъ комиссарамъ и воспрепятствовать, чтобъ враги отечества и свободы не воспользовались обстоятельствами и не завладѣли островами, которые въ такомъ случаѣ попали бы въ рабство къ какой-нибудь иностранной державѣ". Онъ предлагалъ даже муниципалитету послать туда нѣсколько войска. Наконецъ, чтобъ усыпить его окончательно, онъ самъ возвратился къ договору, который только-что разорвалъ такъ оскорбительно, и просилъ муниципалитетъ подтвердить его снова, облекая своею ратификаціею, изъ чего видно, какъ должно смотрѣть на историковъ, осмѣливающихся утверждать, что договоръ этотъ не обязателенъ для Бонапарте, потому что былъ подписанъ муниципалитетомъ, а не большимъ совѣтомъ, какъ будто бы договоры, заключаемые съ народомъ, могутъ терять силу вслѣдствіе перемѣны правительства у этого народа, и будто событія, происшедшія въ Венеціи во время подписанія трактата, не были преждевременнымъ исполненіемъ всѣхъ его условій. „Договоръ, заключенный въ Миланѣ съ депутатами большаго совѣта, говоритъ онъ:—можетъ быть въ ожиданіи ратификованъ муниципалитетомъ, а секретныя статьи — комитетомъ изъ трехъ членовъ". И онъ прибавляетъ: „Во всѣхъ обстоятельствахъ я употреблю всѣ мѣры, какія только будутъ у меня во власти, чтобъ доказать вамъ мое желаніе — видѣть вашу свободу упроченною, а бѣдную Италію—свободною и независимою отъ иностранцевъ, выступившею наконецъ на сцену міра и занявшею

между великими націями мѣсто, на которое призываютъ ее природа, положеніе и судьба".

Послѣднія слова эти взывали къ благороднымъ чувствамъ, остававшимся въ Венеціи живучѣе, чѣмъ въ какой-либо другой части Италіи, не смотря на катастрофу, среди которой погибала республика. Ихъ приняли съ восторгомъ, потому что въ нихъ былъ со стороны генерала родъ личнаго обязательства, внушавшаго болѣе довѣрія, нежели существо коллективное, отвлеченное и далекое, какимъ было французское правительство. Вслѣдствіе этой же самой причины венеціане приняли съ великолѣпными празднествами госпожу Бонапарте, которую генералъ послалъ имъ какъ втораго себя и въ доказательство своей неизмѣнной дружбы. Но „доказательства его желанія видѣть свободу ихъ упроченною" мало согласовались съ этими успокоительными обѣщаніями. Краснорѣчивыя эти слова обращены были къ муниципалитету 26-го мая, а на другой день, 27-го, въ часъ утра, генералъ Бонапарте писалъ въ Директорію:

„Сегодня была первая конференція съ г. Галло объ окончательномъ мирномъ договорѣ. Мы рѣшились и условились представить взаимно слѣдующій проэктъ:

1) Рейнская линія — Франціи; 2) Зальцбургъ, Пассау — императору; 3) прусскому королю—замѣнъ герцогства Клевскаго или возвращеніе самаго герцогства; 4) сохраненіе германскаго корпуса; 5) взаимное ручательство относительно упомянутыхъ статей.

„Для Италіи: 1) *Венеція — императору*".

И какъ эту новую продѣлку необходимо было оправдать въ глазахъ Директоріи, которая до тѣхъ поръ соглашалась только на уступку континентальныхъ провинцій, Бонапарте говорилъ:

„Венеція, стремящаяся къ упадку со времени открытія Мыса Доброй Надежды и возрожденія Тріеста и Анконы, врядъ ли можетъ пережить нанесенные нами удары. Насе-

леніе у нея ни къ чему неспособное, трусливое, не рожденное для свободы; у нея нѣтъ ни земель, ни водъ, а потому весьма естественно, чтобъ она была уступлена тѣмъ, кому мы отдаемъ континентальныя провинціи.

„*Мы возьмемъ всѣ корабли, очистимъ арсеналъ, заберемъ всѣ орудія, уничтожимъ банкъ и оставимъ для себя Корфу и Анкону*" (27 мая 1797).

Обвиненія, взводимыя имъ на венеціанскій народъ, дѣлались собственно для оправданія удара, который онъ собирался нанести ему, ибо въ корреспонденціи Бонапарте можно найдти доказательства, что не разъ и въ ту же самую эпоху онъ объ этомъ народѣ говорилъ совершенно въ противоположномъ смыслѣ, утверждая, что венеціане единственный народъ въ Италіи, „достойный свободы".

И такъ въ нѣсколько дней, т. е. съ 16-го по 27-е мая, не встрѣтивъ со стороны Венеціи ни малѣйшаго повода къ жалобамъ, не будучи понуждаемъ даже со стороны австрійскихъ уполномоченныхъ, безъ малѣйшей причины думать, что подобною цѣною могъ быть заключенъ миръ, не сдѣлавъ даже другой попытки, менѣе жестокой для Венеціи и менѣе безславной для насъ,—этотъ необузданный умъ съ первой же конференціи перешагнулъ пространство, отдѣляющее леобенскія условія отъ Кампоформійскаго договора. Онъ внезапно уступилъ Австріи, не сказавъ ни одного слова въ защиту, новую республику, основанную по его совѣтамъ на развалинахъ венеціанской аристократіи, обезпеченную договоромъ, имъ же подписаннымъ, и которой онъ ежедневно посылалъ новыя увѣренія въ своемъ покровительствѣ. Но, не довольствуясь этою уступкою, онъ обобралъ ее и не хотѣлъ уступить иначе, какъ разоренною и уничтоженною [33]).

---

[33]) Изъ корреспонденціи Наполеона видно, что 13-го іюня ему еще не удалось овладѣть всѣмъ венеціанскимъ флотомъ, и потому ложь

Всѣ эти перемѣны, произведенныя въ столь короткое время этою, уже всемогущею волею, всѣ эти дѣйствія, обнаруживавшія ненасытное честолюбіе, не встрѣтили никакого серьезнаго противодѣйствія со стороны вождей правительства. Между директорами было нѣкоторое разномысліе относительно леобенскихъ условій. По мнѣнію Ларевельера и Ревбеля, Бонапарте могъ заключить болѣе выгодный договоръ. Кварини, венеціанскій посланникъ въ Парижѣ, успѣлъ даже подкупить продажнаго Барра́ въ пользу своей республики: онъ подписалъ обязательство въ 600,000 франковъ съ условіемъ получить письменное удостовѣреніе, что Бонапарте будетъ посланъ приказъ подавить возстаніе въ континентальныхъ провинціяхъ; но такъ какъ Бонапарте перехватилъ въ Миланѣ эту переписку вмѣстѣ съ реестромъ суммъ, предназначенныхъ къ раздачѣ, то всякое противодѣйствіе прекратилось, и предварительныя условія были утверждены безпрепятственно. Итакъ онъ продолжалъ дѣйствовать самъ собою, совѣтуясь съ Директоріею только о фактахъ уже совершившихся, или доведенныхъ до такой

была ему еще необходима. Вотъ инструкціи, данныя имъ отъ этого числа начальнику дивизіи Перрѐ.

„...Вы, совмѣстно съ генераломъ Барагэ-д'Илльє и нашимъ министромъ, имѣете представиться временному правительству Венеціанской республики и скажете, что сходство принциповъ, существующее теперь между республиками Французскою и Венеціанскою, требуетъ отъ послѣдней, чтобъ она поспѣшно привела свой флотъ въ отличное состояніе, дабы совмѣстно съ нами поддерживать наше господство въ Адріатикѣ и на Левантскихъ островахъ, покровительствовать торговлѣ обѣихъ республикъ, и что я, *въ этихъ видахъ, послалъ войска, чтобъ обезпечить Корфу за Венеціанскою республикою.* Вы скажете, что отнынѣ необходимо привести въ хорошее состояніе флотъ этой республуки.

„Подъ этимъ предлогомъ вы овладѣете всѣмъ, имѣя безпрерывно на языкѣ единство обѣихъ республикъ и употребляя постоянно названіе венеціанскаго флота.

„Я намѣренъ овладѣть для республики всѣми венеціанскими кораблями, и всевозможными запасами для Тулона". *Прим. автора.*

степени, что возвратъ дѣлался невозможнымъ; онъ слѣдовалъ лишь собственнымъ внушеніямъ, представляя, можетъ быть, единственный въ исторіи примѣръ, что генералъ, всегда послѣ дѣла, повѣрялъ свои маккіавелистическія мысли тому самому правительству, котораго захватывалъ всѣ права и которому навязывалъ всѣ свои планы. И пассивно подчинялись этому вліянію, становившемуся болѣе и болѣе неограниченнымъ, не заботясь даже подумать, какое же мѣсто необходимо будетъ впослѣдствіи человѣку, привыкшему къ такой власти, или скорѣе — устраняли эти предвидѣнія, чтобъ не быть въ необходимости прибѣгнуть къ энергическимъ лѣкарствамъ для предупрежденія зла.

Генералъ Бонапарте поселился въ великолѣпномъ замкѣ Монтебелло или Момбелло, близъ Милана, и былъ окруженъ настоящимъ дворомъ. При немъ находились депутаты отъ всѣхъ городовъ, представители всѣхъ итальянскихъ державъ, ожидавшіе отъ него слова, которое рѣшало ихъ новыя судьбы. Въ его свитѣ замѣчались не только его генералы, но и многіе изъ генераловъ другихъ армій республики, привлеченные необычайными его подвигами, а также ученые, литераторы, артисты, которыхъ онъ умѣлъ обласкать, что впослѣдствіи было ему полезно. Съ уполномоченными австрійскаго императора прибыли также министры второстепенныхъ нѣмецкихъ владѣтелей, предвидѣвшихъ, что воля его будетъ имѣть огромный вѣсъ при заключеніи мира съ Германскимъ союзомъ. Госпожа Бонапарте, прибывшая изъ Парижа съ другими членами своего семейства, кротостью и добротою смягчала все, что было грубаго въ пріемахъ генерала; она хозяйничала въ его гостиныхъ, гдѣ на блестящихъ праздникахъ собирался цвѣтъ итальянскихъ дамъ. Онъ обѣдалъ публично, какъ владыка древнихъ временъ, и во время этихъ обѣдовъ въ залу впускали мѣстныхъ жителей, жаждавшихъ видѣть черты завоевателя,—наивная дань уваженія, которую онъ принималъ серьезно, какъ человѣкъ,

привыкшій къ этому съ дѣтства [34]). Власть его была дѣйствительнѣе и обширнѣе, нежели у какого бы то ни было европейскаго государя. Въ ту минуту онъ одинъ въ мірѣ пользовался преимуществомъ—передѣлывать по своему произволу государства, раздавать народы, измѣнять территоріи, создавать новыя державы, — создавать! эта принадлежность боговъ — самая обольстительная и соблазнительная форма власти. И онъ пользовался этою властью, какъ военный вождь, т. е. безгранично. Все соприкасалось къ нему, какъ къ единственному истинному центру дѣлъ.

Во время самыхъ переговоровъ о мирѣ съ уполномоченными императора, онъ оканчивалъ организацію двухъ республикъ, на которыя смотрѣлъ онъ какъ на собственное созданіе, и которыя намѣревался уже соединить въ одну, не смотря на препятствіе, встрѣчаемое въ мѣстныхъ преданіяхъ. Цизальпинская, составленная изъ территорій Ломбардской Бергамской и Моденской, по его мнѣнію, не могла поддерживаться собственными силами; но съ присоединеніемъ Циспаданской, т. е. областей Феррарской, Романьской и Тревизской, онѣ составили бы ядро, почти въ четыре милліона населенія, что составило бы центръ сопротивленія и притяженія для остальной Италіи. Въ этихъ видахъ онъ нечувствительно подготовлялъ обѣ республики къ соединенію, давая имъ одинаковыя учрежденія, скопированныя съ конституціи III года, и подстрекая по своему патріотизмъ этихъ народовъ. Онъ надѣялся такимъ образомъ создать среди Италіи могущественную живучую республику, которая развивалась бы, по мѣрѣ того какъ прежнія государства приходили бы въ упадокъ. Люди, призываемые имъ къ тяжелой задачѣ — основанія свободы, были тѣ самые, которые столько лѣтъ безропотно выносили тягость вторженія иностранцевъ, тѣ самые

---

[34]) Записки Міо, Мелито, Лаваллета, Бурьена и проч.

Прим. автора.

которыхъ мы попирали ногами, грабили, оподлили нашими тиранскими вымогательствами, и въ то время когда онъ провозглашалъ ихъ независимость, онъ требовалъ, чтобъ малѣйшее его желаніе было для нихъ закономъ, требовалъ отъ нихъ самаго рабскаго повиновенія. Онъ охотно подражалъ бы Карлу XII, угрожавшему послать шведскому сенату одинъ изъ своихъ сапоговъ вмѣсто президента. Таковы были будущіе граждане республики, созданію которой, въ теченіе года, онъ подчинялъ всѣ свои планы.

Этой мечтѣ, болѣе впрочемъ притворной, нежели дѣйствительной, надобно сказать правду, помогала возраставшая слабость остававшихся въ Италіи старинныхъ государствъ. Обезоруженный и уничтоженный мирнымъ договоромъ съ Франціею, Сардинскій король колебался на тронѣ, находившемся съ тѣхъ поръ во власти мятежа, и силы партіи, сначала незамѣтной, созданной нашею пропагандою въ его государствѣ, стремились къ постоянному увеличенію по мѣрѣ ослабленія монархіи. Папа Пій VI почти умиралъ въ Римѣ, и Бонапарте совѣтовался уже съ Директоріею, предоставить ли избраніе ему наслѣдника. Во Флоренціи великій герцогъ Тосканскій былъ не болѣе какъ беззащитная тѣнь. Наконецъ въ Генуѣ почва была совершенно приготовлена къ революціи, благодаря въ особенности нашимъ частымъ сношеніямъ съ этою республикою и большому количеству обитавшихъ въ ней французовъ. Бонапарте было тѣмъ легче предвидѣть возникновеніе этой революціи, что онъ самъ уже давно подготовлялъ все, не смотря на недавній трактатъ, заключенный имъ съ Генуэзскою республикою. Онъ хотѣлъ, чтобъ Генуа получила такую же конституцію какъ и Цизальпина, для того, чтобъ она была заинтересована защищать его дѣло. „Генуа громко требуетъ демократіи, писалъ онъ 19-го мая въ Директорію: — очень можетъ быть, что чрезъ десять, двѣнадцать дней генуэзская аристократія испытаетъ одинаковую участь съ венеціанскою.“ Фраза „Генуа громко тре-

буетъ демократіи“ значитъ въ переводѣ, что генералъ рѣшился ей навязать демократію и считалъ необходимымъ приготовить Директорію къ тому, что имѣло послѣдовать.

Предвѣщаніе было сказано навѣрно, ибо въ умѣ онъ уже рѣшилъ событіе, и ничто не могло спасти Генуу отъ этого рѣшенія. Надобно же ей было въ свою очередь получить вознагражденіе за нейтралитетъ относительно Франціи. Наконецъ не безъ причины паденье этой республики (ибо она дѣйствительно пала въ день утраты независимости) было сравнено Бонапарте съ паденіемъ Венеціи: пріемы, употребленные имъ противъ той и другой, были совершенно тождественны, а бо́льшія строгости, принятыя имъ относительно Венеціи, зависѣли отъ особеннаго обстоятельства, заставившаго его располагать территоріею этой республики.

Файпультъ, министръ нашъ въ Генуѣ, былъ руководителемъ этой революціи, подобно тому какъ Лалеманъ и Виллетаръ въ Венеціи. Подобно двумъ послѣднимъ, и Файпультъ имѣлъ подъ рукою небольшое число недовольныхъ, которые сами по себѣ были неспособны на что нибудь серьезное, но достаточно сильные, чтобъ вызывать смятеніе и доставить Бонапарте предлогъ для вмѣшательства. Около средины мая, онъ счелъ удобнымъ дѣйствовать и писалъ въ этомъ смыслѣ къ главнокомандующему. „Я согласенъ съ вами, что паденіе Венеціи поведетъ къ тому же и генуэзскую аристократію, отвѣчалъ ему Бонапарте:—*но для этого необходимо еще пятнадцать дней*, чтобъ венеціанскія дѣла пришли къ полному окончанію.“ (Письмо 15-го мая). Волненіе вспыхнуло немного раньше. Демократическій клубъ, состоявшій частью изъ французовъ и тайно руководимый Файпультомъ, послалъ къ Дожу требованіе, чтобъ онъ лишилъ правъ аристократію, и, получивъ отказъ, овладѣлъ посредствомъ смѣлаго нападенія арсеналомъ и портомъ.

Придя въ себя отъ изумленія, причиненнаго этою дерзостью, народъ массою поднялся противъ клубистовъ, вы-

гналъ ихъ изъ всѣхъ позицій, которыя они заняли: нѣкоторыхъ убили, остальныхъ заключили въ тюрьмы и ограбили ихъ домы. Напрасно Файпультъ употреблялъ все свое вліяніе, чтобъ утишить бурю, имъ же затѣянную; испугавшись противодѣйствія своимъ намѣреніямъ, онъ даже не могъ поддержать до конца своей роли, а пришелъ въ смущеніе, растерялся и отказался отъ помощи, предложенной ему адмираломъ Брюйе. Какъ и слѣдовало ожидать, французы, участвовавшіе въ попыткѣ мятежниковъ, раздѣлили участь послѣднихъ, съ которыми и были вмѣстѣ арестованы. Будучи заранѣе увѣрены въ помощи генерала Бонапарте и въ полной надеждѣ на успѣхъ, коноводы этого возстанія вели себя съ крайнею неловкостью, располагая дерзостью и нахальствомъ противъ себя даже тѣхъ, которые во всякомъ другомъ случаѣ оставались бы нейтральными. Бонапарте не скрывалъ отъ Директоріи ошибокъ и неспособности этихъ своихъ спосиѣшниковъ. „Такъ называемая патріотическая партія чрезвычайно дурно вела себя; своими глупостями и неосторожностью они способствовали аристократамъ выиграть дѣло" (25-го мая). Но, порицая ихъ, онъ все-таки не преминулъ воспользоваться тѣмъ, что партія эта сдѣлала по его внушенію. Онъ послалъ въ Генуу адъютанта своего Лавалетта съ письмомъ, которое было вторымъ изданіемъ того письма, какое Жюно вручилъ венеціанскому дожу.

Лавалеттъ получилъ приказаніе вручить дожу письмо въ полномъ собраніи Сената,—обстоятельство до тѣхъ поръ невиданное, — ошибка разсчитанная на то, чтобъ поставить власть генерала какъ выше обычаевъ, такъ и выше законовъ. На замѣчаніе по этому поводу, Лавалеттъ отвѣчалъ тѣмъ рѣшительнымъ тономъ, какой нѣкогда принимали посланные Римской республики. Онъ явился въ Сенатъ, и, не обращая вниманія на смятеніе и негодованіе, вызванныя его присутствіемъ, чрезвычайно хладнокровно прочелъ письмо своего генерала. Бонапарте объяснялъ свое вмѣшательство

только намѣреніемъ защищать жизнь, и собственность своихъ соотечественниковъ и обезпечить собственныя сообщенія. Онъ требовалъ немедленнаго освобожденія арестованныхъ французовъ, обезоруженія народа и ареста враговъ Франціи. „Если требованія эти не будутъ исполнены въ двадцать четыре часа, тогда конецъ генуэзской аристократіи, головы сенаторовъ отвѣчаютъ за безопасность французовъ, а вся республика за ихъ собственность".

Въ этомъ столь суровомъ письмѣ Бонапарте повидимому ничего не требовалъ относительно перемѣны учрежденій, о чемъ шла рѣчь въ Генуѣ. Казалось, онъ въ этомъ отношеніи нарочно устранялъ себя отъ коноводовъ неудавшейся революціи, безъ сомнѣнія для того, чтобъ показать, что онъ нимало не участвовалъ въ ихъ попыткѣ; онъ заявилъ о своемъ нежеланіи вмѣшиваться въ дѣла республики; но онъ очень хорошо зналъ, что не будетъ пойманъ на словѣ въ этомъ случаѣ, ибо онъ отказывался дѣйствовать только потому, что разсчитывалъ, что дѣло сдѣлается само собою. Но вышло не такъ. Оскорбленный сначала этимъ повелительнымъ тономъ, сенатъ вскорѣ однакоже пришелъ въ себя и поспѣшилъ согласиться на всѣ требованія генерала. Но когда Файпультъ, успокоившись отъ смятенія, хотѣлъ снова навязать ему демократическую конституцію, ему уже было невозможно побѣдить сопротивленія сенаторовъ. Только при угрозѣ нашего министра выѣхать изъ города—эти сановники, догадываясь по поводу непреклоннаго упрямства, что подъ этимъ скрывалось нѣчто другое, рѣшились послать къ генералу Бонапарте троихъ уполномоченныхъ, поручивъ имъ удостовѣриться, какія именно намѣренія скрывались подъ этимъ увѣреніемъ уважать учрежденія Республики. Уполномоченные прибыли въ Монтебелло и тотчасъ же увидѣли, что Бонапарте не только былъ намѣренъ коснуться этихъ учрежденій, но что планъ новой конституціи, для нихъ предназначенной, былъ уже выработанъ во всей подробности.

Всѣ попытки ихъ смягчить генерала были безполезны, они поняли, что необходимо покориться, и Генуа получила новые законы, также какъ и ея древняя соперница, хотя на долю послѣдней выпали несравненно болѣе тяжкія условія.

Переговоры о мирѣ съ Австріею шли правильнымъ путемъ въ Монтебелло; но такъ какъ императорскіе дипломаты руководствовались запасною мыслью оттягивать дѣло, чтобъ воспользоваться случаемъ усложненія внутреннихъ дѣлъ Франціи, то переговоры эти тянулись чрезвычайно медленно, къ величайшему нетерпѣнію Бонапарте, природная безпокойная дѣятельность котораго не находила достаточной пищи въ этихъ досугахъ перемирія. Его скоро перестала интересовать роль законодателя, впрочемъ столь странно упрощенная этою чисто военною системою, которая вмѣсто того чтобъ разрѣшать вопросы—разсѣкала ихъ немедленно. Дѣйствительно, дѣломъ достойнымъ величайшаго генія было — отыскивать и открывать учрежденія, наиболѣе сообразныя съ историческими преданіями и народнымъ духомъ итальянцевъ, наиболѣе удобныя для ихъ возрожденія; но онъ понималъ политику не какъ средство для возвышенія народа, а какъ орудіе власти; онъ велъ ее также какъ и войну, и даже еслибъ и попытался помѣряться съ такими затрудненіями, то, не взирая на то, что умъ его былъ такъ дивенъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, онъ не обладалъ ни достаточною зрѣлостью, ни достаточною опытностью для выполненія ея съ успѣхомъ. Съ устраненіемъ этихъ важныхъ предметовъ,—небольшія ссоры Сардинскаго короля съ подданными, или споры вальтелинцевъ съ граубинденцами не нашли чѣмъ утолить жажды, снѣдавшей эту ненасытную душу. Умъ его занимали уже новые проэкты: онъ устремлялъ взоры на Парижъ, гдѣ готовились серьезныя событія. Подобно всѣмъ, онъ предвидѣлъ, что власть тамъ должна была перейдти въ новыя руки, и старался угадать, въ какомъ смыслѣ совершится эта перемѣна, чтобъ заранѣе назначить тамъ себѣ мѣсто. Онъ повторялъ Міо

фразу, сказанную имъ принцу Пиньятелли: „Неужели вы полагаете, что я торжествую въ Италіи для возвеличенія адвокатовъ Директоріи, Карно и Барра?“ Но сознавая, что, по его выраженію, *„плодъ для него еще не созрѣлъ* въ Парижѣ и привыкнувъ смотрѣть на миръ и на войну только съ точки зрѣнія собственной выгоды, онъ былъ не далекъ отъ мысли снова начать кампанію противъ Австріи, чтобъ увеличить свою славу и популярность; „ибо, говорилъ онъ:—ему нельзя было покинуть Италію иначе, какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобъ играть во Франціи почти такую же роль, какую игралъ онъ здѣсь“—фраза служившая краснорѣчивымъ толкованіемъ этого пламеннаго желанія жить въ отставкѣ, которое онъ часто заявлялъ въ своихъ письмахъ въ Директорію. Такъ какъ на событія онъ смотрѣлъ лишь съ точки зрѣнія выгодъ и удобствъ, какія могъ найдти въ нихъ для собственнаго возвышенія, то онъ никогда не стѣснялся ни тревогами совѣсти, ни какими бы то ни было рѣшеніями; онъ не терялъ времени на обсужденіе моральнаго состоянія вещей — препятствіе, столь стѣснительное для тѣхъ, кто подчиняется этому, наконецъ онъ никогда не считалъ себя обязаннымъ, и самыя противоположныя рѣшенія представлялись его уму съ одинаковою силою. Прежде нежели рѣшиться на что нибудь, онъ всесторонпимъ образомъ испытывалъ всѣ шансы, представляемые ему его положеніемъ, и потомъ уже выбиралъ наиболѣе для него выгодный.

Напримѣръ, въ то самое время, когда онъ подымалъ руку для уничтоженія папства и поддерживалъ противъ него демократическій заговоръ, охватывавшій римскія владѣнія, — онъ подъ рукою послалъ папскому министру ноту (отъ 3-го августа 1797 г.), въ которой просилъ св. отца помочь примиренію духовенства съ правительствомъ — что представило бы двойную выгоду—упрочить установленное правительство и возвратить къ истинной религіи большинство французскаго народа. Франція такимъ образомъ сдѣлалась бы союзницею

св. Престола, и это сближеніе послужило бы къ безконечному благополучію обѣихъ державъ. Бонапарте не говорилъ, что оно послужило бы къ благополучію сдѣлавшаго предложеніе.

Пока этотъ первый очеркъ конкордата вырабатывался въ его головѣ, другія желанія и намѣренія, овладѣвшія еще болѣе его воображеніемъ, обнаружили съ тѣхъ поръ немощность этого безмѣрнаго ума, который мечталъ позже воздвигнуть несокрушимое зданіе, когда онъ собиралъ только матерьялы для исполинскихъ развалинъ. Овладѣніе Іоническими островами открыло ему новые виды на этотъ обаятельный Востокъ, который грезился ему въ юности и къ которому онъ не переставалъ возвращаться. Занятіе это ставило его въ сношенія съ нѣкоторыми вліятельными начальниками областей Турецкой имперіи и, по своей врожденной привычкѣ не смотрѣть на завоеваніе иначе какъ на средство къ достиженію большаго пріобрѣтенія, онъ изъ Корфу устремился уже воображеніемъ въ Константинополь. Онъ указывалъ Директоріи на Турецкую имперію, готовую рухнуть, и передъ этою добычею Италія казалась ему узкимъ и мелочнымъ театромъ. „Острова Корфу, Занте, Кефалонія гораздо для насъ интереснѣе всей Италіи. Еслибъ мы были обязаны выбирать любое, гораздо лучше бы уступить императору Италію, а себѣ оставить четыре острова" (16-го августа въ Директорію). Изъ этой укрѣпленной позиціи дѣйствительно можно было по произволу поддерживать Турецкую имперію или получить въ ней свою долю, и навѣрно можно бы достигнуть и до Англіи. *Deinde Aegyptum*, какъ говорилъ царь Пирръ своему наперснику. „Недалеко время, когда мы сознаемъ, что для настоящаго уничтоженія Англіи намъ необходимо овладѣть Египтомъ."

Однако же слѣпая покорность Директоріи, съ которою она подчинялась рѣшеніямъ генерала, словно не имѣя другаго назначенія какъ записывать декреты этой верховной воли,

не всѣмъ приходилась по вкусу въ Парижѣ. Несмотря на пристрастныя усилія Директоріи набросить тайну на событія, совершившіяся въ Венеціи и Генуѣ, событія эти начали мало по малу появляться въ настоящемъ свѣтѣ, и вызвали порицаніе у всѣхъ, въ комъ сохранилась еще какая-нибудь привязанность къ свободѣ. Къ несчастью, ожесточенная борьба между партіями въ Парижѣ была причиною, что всѣмъ этимъ фактамъ не могли придать заслуживаемой ими важности. Беззаконіе ихъ поразило прозорливыхъ людей, но они посмотрѣли на это съ эгоистическимъ равнодушіемъ. Весьма немногіе поняли опасность, которою эти событія грозили Французской республикѣ, а большинство видѣло въ этихъ обличеніяхъ только дѣйствія духа партій.

23-го іюня представитель Дюмоляръ, человѣкъ, если не обширнаго ума и не особеннаго характера, то по крайней мѣрѣ до конца своего поприща выказывавшій благородство чувствъ и искреннюю любовь къ свободѣ, взошелъ на трибуну совѣта Пяти Сотъ, чтобъ запросить Директорію объ итальянскихъ дѣлахъ. Что бы тамъ ни говорили, но онъ выражался чрезвычайно умѣренно. Дюмоляръ не только не питалъ никакой непріязни къ генералу Бонапарте, но часто говорилъ о немъ съ восторгомъ, и еще недавно по поводу возстанія въ Веронѣ, онъ публично хвалилъ его энергическія мѣры. Не желая ни обвинять, ни порицать генерала, онъ прежде всего требовалъ разъясненій у Директоріи:— Какимъ образомъ Франція очутилась въ войнѣ съ Венеціею, когда Директорія не совѣщалась объ этомъ съ Законодательнымъ Корпусомъ, что вмѣнялось ей конституціею въ обязанность? По какому праву обошли испросить разрѣшеніе на эту войну? Потомъ переходя къ событіямъ, совершившимся послѣ нашего вступленія въ Венецію: „Развѣ мы, сказалъ онъ:— болѣе не тотъ народъ, который провозгласилъ принципъ и поддерживалъ его оружіемъ, что иностранная держава, ни подъ какимъ предлогомъ, не имѣетъ права вмѣшиваться въ

форму правленія другаго государства? Если насъ оскорбили венеціане, развѣ мы должны были объявить войну ихъ учрежденіямъ? Кто бы мы ни были—побѣдители или завоеватели, развѣ мы имѣли основаніе принимать дѣятельное участіе въ ихъ, повидимому, нечаянной революціи? *Я не стану разыскивать, какую участь предоставляютъ Венеціи, а въ особенности ея континентальнымъ провинціямъ. Я не стану разсматривать—не будетъ ли вторженіе въ нихъ, рѣшенное можетъ быть прежде покушеній, послужившихъ для него поводомъ, не будетъ ли это вторженіе достойнымъ двойникомъ раздѣла Польши.*"

Слова эти показываютъ, какъ Дюмоляръ былъ далекъ отъ истины, ибо едва осмѣливался и то въ сомнительной формѣ выдвигать факты, которые давно уже сдѣлались достояніемъ исторіи; потомъ онъ перешелъ къ революціи, произведенной нами въ Генуѣ, и клеймилъ несчастную страсть, которая, подъ предлогомъ дорованія свободы народамъ, начинала съ того, что уничтожала ихъ независимость. Изъ этого могли происходить только беззаконныя войны, а Франція хотѣла мира. Дойдя наконецъ до предмета своей рѣчи и до недовѣрія Директоріи къ совѣтамъ: „Каждый,—сказалъ онъ:—кто вникнетъ въ характеръ нашего правительства, возмущается при мысли о слѣпомъ и молчаливомъ довѣріи, котораго требуютъ отъ насъ во всемъ, что относится до мира или войны. Въ Англіи, гдѣ конституція допускаетъ обѣ палаты лишь къ непрямому участью во внѣшнихъ сношеніяхъ, все таки онѣ могутъ требовать сообщенія наиболѣе важныхъ документовъ, а мы, республиканцы, которыхъ народъ облекъ правомъ вершить дѣла относительно войны и мира, мы допускаемъ, чтобъ передъ нами затемняли болѣе и болѣе покрывало мрачной политики!"

Поразительная критика конституціи III года, которая, желая отдѣлить власть законодательную отъ исполнительной, чтобы избавить ихъ отъ малѣйшаго столкновенія, отняла у

первой всякую действительную возможность вліять на дѣла правительства и даже контролировать его дѣйствія, что впрочемъ составляетъ самое существенное условіе каждаго свободнаго государства. Дюмолярь заключилъ тѣмъ, что потребовалъ самыхъ точныхъ объясненій обо всѣхъ фактахъ, сопровождавшихъ и слѣдовавшихъ за нашимъ вмѣшательствомъ въ Генуѣ, Венеціи и Вальтелинѣ.

Друзья Директоріи отвѣчали неопредѣленно. Дульсè Понтекуланъ, покровительствовавшій генералу Бонапарте, подкрѣпилъ предложеніе Дюмоляра. Онъ указалъ, какъ оскорбительно для Законодательнаго Корпуса получать свѣдѣнія о дѣлахъ республики только путемъ журналовъ, болѣе или менѣе достойныхъ довѣрія, и никогда не знать навѣрное въ войнѣ ли мы или въ мирѣ. Онъ выставилъ въ особенности рельефно противорѣчіе въ обвиненіи Генуи и Венеціи за объявленіе намъ войны, или, по крайней мѣрѣ, за починъ непріятельскихъ дѣйствій, какъ это осмѣливались утверждать. „Какъ? въ то время, когда намъ угрожала коалиція, когда она сопротивлялась усиліямъ нашихъ войскъ, Венеція и Генуа были нейтральными или союзными, и въ моментъ, когда побѣжденная Австрія попросила мира, неужели Венеція пожелала бы войны, а Генуа пренебрегла бы своими наиочевиднѣйшими выгодами? Неужели наши вѣрные союзники захотѣли бы разорвать узы старинной дружбы? Вотъ о какихъ мало-понятныхъ событіяхъ мы обязаны потребовать объясненія у Директоріи“.

Предложеніе Дюмоляра отдали на разсмотрѣніе коммиссіи, которой поручено было представить донесеніе и приговоръ Законодательнаго Корпуса относительно внѣшнихъ сношеній. Директорія не обратила на это ни малѣйшаго вниманія. Это внушеніе мудрости и прозорливости осталось безъ всякаго дѣйствія, среди печальныхъ раздоровъ, отягчавшихъ нашу страну, но оно заслуживало лучшей участи и будетъ оцѣниваемо съ каждымъ днемъ справедливѣе. Двѣ

заключавшіяся въ немъ цѣли: прекращеніе злоупотребленій, безчестившихъ наше занятіе Италіи, и возвращеніе Законодательному корпусу контроля надъ внѣшнею политикою — были не только законны, но и крайне необходимы. И если свѣдѣнія, полученныя по этому поводу, не казались достаточно убѣдительными, то эффектъ, произведенный предложеніемъ Дюмолара на генерала Бонапарте, разсѣялъ всѣ сомнѣнія.

Вѣсть эту генералъ получилъ при своемъ дворѣ въ Монтебелло, въ самое блестящее время безграничнаго и безконтрольнаго владычества, пользованіе которымъ имѣло для него такую прелесть. Нечувствительный къ чрезвычайной внимательности, предметомъ которой была его слава, онъ принялъ за кровную обиду критику, направленную противъ его дѣйствій. Какъ! темный какой-то депутатъ, одинъ изъ тѣхъ адвокатовъ, о которыхъ онъ отзывался столь презрительно, осмѣливался разбирать его, главнокомандующаго восьмидесятитысячною арміею, обладателя столькихъ народовъ, раздавателя государствъ, повелителя монарховъ! Онъ дерзнулъ критиковать его при аплодисментахъ законодательнаго большинства! Онъ осмѣлился подвергать сомнѣнію искренность объявленій, служившихъ текстомъ манифеста противъ Венеціи и мотивировавшихъ наше вмѣшательство; онъ осмѣливался подозрѣвать неразборчивый планъ, угадывать дальнѣйшія намѣренія, которыя Бонапарте представилъ уже въ Директорію, считая ихъ однакоже непроницаемыми! Онъ тотчасъ же написалъ въ Директорію (30 іюня) подъ вліяніемъ раздраженія, на этотъ разъ непритворнаго, взрывъ котораго достаточно доказывалъ, чего можно было ожидать отъ подобнаго человѣка, еслибы перемѣны въ республикѣ отдали власть въ его руки: „Послѣ заключенія пяти міровъ и окончательнаго уничтоженія коалиціи, имѣя право ожидать, если не гражданскихъ тріумфовъ, то спокойной жизни, онъ видитъ вдругъ, что на него доносятъ, его преслѣ-

дуютъ, обезславливаютъ всѣми средствами, хотя репутація его принадлежитъ отечеству. Онъ могъ быть равнодушенъ ко всему, но не въ состояніи перенести безчестья, которымъ старались покрыть его первые сановники республики... Онъ не могъ ожидать, чтобъ заявленіе, *внушенное эмигрантомъ, состоящимъ на жалованьи у Англіи*, имѣло въ совѣтѣ Пяти-Сотъ болѣе вѣры, нежели свидѣтельство восьмидесятитысячъ человѣкъ и его, Бонапарте". Къ письму этому онъ приложилъ кинжалъ, подобный тѣмъ, какіе употреблялись веронскими убійцами,—мелодраматическій пріемъ, не имѣвшій никакого отношенія къ данному вопросу, но который онъ считалъ удобнымъ произвести впечатлѣніе на парижанъ. Онъ оканчивалъ письмо новою просьбою объ отставкѣ, не имѣвшею ничего серьезнаго, и заявляя, что рѣшился жить въ спокойствіи, „если, во всякомъ случаѣ, говорилъ онъ, *кинжалы Клиши* оставятъ ему жизнь".

Это упоминаніе о кинжалахъ Клиши намекаетъ на собраніе, состоявшее большею частью изъ оппозиціонныхъ депутатовъ, имѣвшее свои засѣданія въ Клиши, и въ которомъ Дюмоларъ, столь странно превращенный въ Катилину, заявилъ о своемъ намѣреніи запросить Директорію. Отъ этого было еще очень далеко до убійства Бонапарте. Генералъ писалъ потомъ различныя ноты, представлявшія итальянскія дѣла въ томъ свѣтѣ, какой былъ ему нуженъ. Довольно будетъ сказать для ихъ характеристики и исторической оцѣнки, что въ этихъ нотахъ онъ утверждалъ, что занялъ Венецію единственно по просьбамъ депутатовъ, „тронутый участьемъ" и съ цѣлью „помѣшать рѣзнѣ и спасти городъ Венецію отъ опустошенія, убійствъ и грабежа". Разражаясь угрозами противъ членовъ клуба Клиши, онъ обращался къ нимъ слѣдующимъ образомъ: „Но я вамъ предсказываю и говорю отъ имени восьмидесятитысячъ солдатъ, что прошло время, въ которое подлые адвокаты и жалкіе болтуны рубили головы солдатамъ, а если вы ихъ къ тому принудите,

то солдаты Итальянской арміи придутъ къ рогаткѣ Клиши со своимъ генераломъ, но тогда горе вамъ!“

Не смотря на всю наглость этой встрѣчной жалобы, онъ не былъ человѣкомъ, ограничивающимся словами, а тотчасъ же началъ приступать къ дѣлу противъ партіи, въ которой открылъ препятствіе для своего честолюбія. Впрочемъ было бы ошибочно полагать, что онъ рѣшился на это по одному лишь этому поводу. За этою прямодушною и умѣренною партіею, желавшею искренно возврата къ законнымъ формамъ и къ гарантіи свободы, Бонапарте своимъ проницательнымъ взоромъ узналъ ройялистскихъ коноводовъ, которые видѣли въ этихъ честныхъ намѣреніяхъ только средство къ возврату революціи до прежняго правленія и до возвращенія Бурбоновъ. Равнодушный къ политическимъ идеямъ, но слишкомъ преданный собственнымъ интересамъ, онъ успѣлъ уже зайдти такъ далеко въ своемъ честолюбіи, что не могъ считать возвращенія Бурбоновъ сообразнымъ съ тѣмъ будущимъ, о какомъ мечталъ для себя. Конституціонная партія внушала ему почти такое же глубокое презрѣніе, ибо торжество ея упрочило бы либеральныя учрежденія и сдѣлало невозможною военную диктатуру. Что касается до членовъ Директоріи, то Бонапарте ненавидѣлъ и презиралъ ихъ отъ чистаго сердца; но онъ управлялъ ими по своему произволу, онъ наложилъ на нихъ ярмо, какого не потерпѣло бы другое правительство; зналъ, что общественное мнѣніе ставило его самого далеко выше ихъ, и что рано или поздно оно призоветъ его для занятія ихъ мѣста. Для того же, чтобъ занять это мѣсто, необходимо было поддерживать власть Директоріи. Каковы бы ни были ошибки Директоріи въ безпрестанно возраставшемъ разрывѣ между большинствомъ директоровъ и большинствомъ Законодательнаго корпуса, Бонапарте давно уже рѣшился принять сторону административной власти противъ законодательной, еслибы побѣдители не назначили ему исключитель-

наго мѣста при новомъ порядкѣ вещей. Нападенія, направленныя противъ роли завоевателя и диктатора, которую онъ создалъ себѣ въ Италіи, не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія въ этомъ отношеніи. Оппозиція, порицавшая въ Парижѣ злоупотребленія власти Директоріи, не могла же, не противорѣча себѣ, признать болѣе вопіющія злоупотребленія, совершенныя генераломъ въ Италіи. Итакъ выгоды его согласовались съ его чувствами и заставляли принять сторону Директоріи.

Директорія въ свою очередь не могла не видѣть въ виду успѣховъ Законодательнаго корпуса надъ противниками, что большинство націи высказывалось въ пользу его идей, и со стороны директоровъ было настоящимъ преступленіемъ мечтать о насиліи надъ этою верховною властью народа, которой они были избранниками и отдавали въ теоріи такое глубокое уваженіе. Не было другаго спасенія, какъ въ законности: она имъ представляла весьма законное покровительство, ибо конституція III года образовала изъ исполнительной власти родъ укрѣпленной позиціи и даже весьма укрѣпленной, ибо это было въ ущербъ законодательнаго вліянія. Позиція эта представляла удобство къ защитѣ и была весьма достаточна для ихъ охраны, но они видѣли въ этомъ лишь оборонительное положеніе, и по мѣрѣ того какъ они теряли въ выборахъ, они мало-по-малу привыкали къ мысли о государственномъ переворотѣ противъ націи, будучи увѣрены въ поддержкѣ арміи. Но, не смотря на всю рискованность этого рѣшенія, въ немъ было больше страха, нежели смѣлости, ибо они питали убѣжденіе, что торжество конституціоналистовъ повело бы неизбѣжно къ возстановленію королевской власти, и что, какъ Трельяръ сказалъ Матьё Дюма, „они рисковали своими головами“ [35]).

---

[35]) Воспоминанія Матьё Дюма. *Прим. автора.*

Что же это въ самомъ дѣлѣ была за партія, которая такъ непоколебимо готовилась управлять Франціею, словно родовымъ своимъ имѣніемъ? Она не имѣла единодушія даже въ Директоріи, ибо если на ея сторонѣ были мало-успокоительное согласіе продажнаго Барра́ и болѣе обезпеченная помощь Ревбеля и жеманнаго ритора-папы теофилантропіи, то противъ нея были и честность Карно, съ тѣхъ поръ обратившагося къ законному правительству, и просвѣщенная умѣренность Бартелеми. Вездѣ и въ совѣтахъ, и въ общественномъ мнѣніи, и въ народѣ, наконецъ въ цѣлой націи эта партія имѣла на своей сторонѣ явное меньшинство. Большая часть мѣръ, которыми Законодательный корпусъ пріобрѣлъ себѣ надъ нею преимущество, имѣла очевидный характеръ законности и благоразумія, а именно: свобода вѣроисповѣданій, смягченіе закона противъ эмигрантовъ, отмѣна закона противъ отставленныхъ священниковъ, наконецъ востребованіе, осуществленнаго отчасти, справедливаго вліянія, принадлежащаго во всѣхъ свободныхъ странахъ законодательнымъ собраніямъ на распоряженіе финансами, на веденіе войны, заключеніе мира и вообще на всѣ дѣйствія исполнительной власти. Противная Директоріи партія имѣла за собою огромное большинство націи и была искренно конституціонна, и директоры не имѣли даже основанія упрекать ее за двоихъ, троихъ ройялистскихъ заговорщиковъ, которыхъ она, сама того не зная, пріютила среди себя, ибо если вожди клуба Клиши имѣли за собою Пишегрю и Имберта Коломѐ, то за тремя директорами оставалось все наслѣдіе терроризма, который, будучи разбитъ во всѣхъ заговорахъ и недавно еще въ безумной попыткѣ Бабефа, соединился вокругъ Барра́, готовый все простить ему, лишь бы онъ повелъ его въ битву.

Становясь такимъ образомъ болѣе и болѣе одинокою среди націи и будучи принуждена отказаться отъ шаткой политики, съ помощью которой она поочередно поразила сво-

ихъ непріятелей всѣхъ цвѣтовъ, Директорія естественно дошла до положенія искать опоры арміи и въ то же время союзниковъ въ страстяхъ революціонныхъ. Армія вообще была расположена оказать ей помощь. Равнодушная къ свободѣ, или, лучше сказать, не понимая значенія этого слова, Директорія болѣе всего страшилась возстановленія прежняго правительства. Въ конституціоналистахъ она видѣла только орудіе Бурбоновъ, а сами Бурбоны были ей особенно ненавистны потому, что возвращеніе ихъ сильно повредило бы всѣмъ побѣдамъ военной демократіи. Молодые офицеры, увѣренные достигнуть возвышенія собственными заслугами, двадцатипятилѣтніе генералы, которымъ Республика ввѣрила лучшія въ Европѣ арміи, не были ни мало намѣрены сдавать командованіе въ руки эмигрантовъ, которыхъ Бурбоны навели бы съ собою: чувство весьма законное, но заблуждавшееся по причинѣ солидарности, которую установляло оно между заговоромъ нѣсколькихъ измѣнниковъ и движеніемъ благороднаго мнѣнія, которое, еслибъ достигло цѣли, то окончательно упрочило бы во Франціи либеральныя учрежденія.

Ни одно изъ этихъ обстоятельствъ не ускользнуло отъ проницательнаго взора Бонапарте, и онъ быстро увидѣлъ, какую могъ извлечь выгоду изъ расположенія Директоріи. Итакъ онъ рѣшился воспользоваться этимъ, чтобъ конституціонную оппозицію, среди которой находились тѣ, кого онъ считалъ личными врагами, запутать въ родъ заговора, до тѣхъ поръ лишь подозрѣваемаго, но еще не обнаруженнаго. Тутъ къ нему на помощь явилось одно событіе. Посылая отрядъ для занятія Венеціи, первымъ его дѣломъ было отдать приказъ объ арестованіи англійскаго консула и одного изъ дѣятельнѣйшихъ агентовъ эмиграціи, графа д'Антрега. У послѣдняго захватили бумаги, явно доказывавшія существованіе сношеній Пишегрю съ принцемъ Конде. Вмѣсто того чтобъ обойдтись съ д'Антрегомъ строго, какъ по-

велѣвалъ законъ объ эмигрантахъ, Бонапарте выказалъ относительно его необычайную мягкость; онъ имѣлъ съ нимъ частыя свиданія, и этимъ способомъ ознакомился со всѣми проектами ройялистскаго заговора. Благодаря этому случаю, онъ могъ передать въ руки Директоріи оружіе, которымъ послѣдняя имѣла воспользоваться для пораженія непріятеля.

Но этого было ему недовольно; онъ хотѣлъ самымъ блистательнымъ образомъ доказать директорамъ свое твердое намѣреніе идти съ ними заодно, и въ случаѣ надобности и выдвинуть ихъ впередъ. Вызывая въ арміи манифестаціи въ пользу политики директоровъ, онъ былъ увѣренъ удвоить ихъ смѣлость и въ то же время посѣять страхъ между ихъ противниками. Законъ, правда, запрещалъ солдатамъ подобныя дѣйствія, но генералъ Бонапарте, какъ онъ и доказалъ уже при многихъ случаяхъ, былъ выше закона. И вотъ, воспользовавшись годовщиною 14 іюля, онъ обратился къ солдатамъ съ грозною прокламаціею:

„Солдаты! я знаю, что вы глубоко скорбите о несчастьяхъ, угрожающихъ отечеству; но отечеству не предстоитъ существенной опасности. Люди, которые помогли ему восторжествовать надъ соединенною Европою,—тамъ; насъ отдѣляютъ отъ Франціи горы: вы перейдете ихъ съ быстротою орла, если надобно поддержать конституцію, защитить свободу, поддержать правительство и республиканцевъ. Солдаты! правительство бережетъ ввѣренные ему законы. Будьте покойны, и поклянемся прахомъ героевъ, умершихъ рядомъ съ нами за свободу, поклянемся на новыхъ нашихъ знаменахъ: „Смертельная война врагамъ Республики и Конституціи III года.“

Праздникъ заключился большимъ банкетомъ, на которомъ выпито много тостовъ среди возраставшаго энтузіазма. Пили за здоровье исполнительной Директоріи и за уничтоженіе ея враговъ, за новое выселеніе эмигрантовъ, за упроченіе свободы солдатами, за истребленіе клуба Клиши. Офицеры и

солдаты каждой дивизіи подписали потомъ адресы, въ которыхъ тѣ же самыя чувства выражены были съ неслыханною яростью. Итальянская армія, набранная изъ жителей юга, приправила фразеологію терроризма надутостью слога, свойственною южному населенію: будучи, такъ сказать, чуждо Франціи со времени осады Тулона, она сохранила отчасти революціонную восторженность той эпохи отчаяннаго кризиса и не могла понимать политическаго движенія, съ тѣхъ поръ совершившагося. Грознымъ тономъ своего адреса особенно отличалась дивизія Ожеро. Генералъ этотъ, увлекающая храбрость котораго была безспорна, и языкомъ, и мнѣніями и складомъ ума походилъ на клубнаго коновода. Дивизія Бернадотта, пришедшая съ Рейна, отличалась, напротивъ, умѣренностью и приличіемъ выраженій—признакъ превосходства образованія и воспитанія, за что ее ненавидѣли въ арміи, и вслѣдствіе чего ее часто вызывали на поединки.

Отправляя всѣ эти адресы въ Директорію, Бонапарте энергически поддерживалъ то, что могло для него быть выгодно. Двѣ недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ могъ прочесть предложеніе Дюмолара, но раздраженіе его было еще жгучѣе, или по крайней мѣрѣ онъ считалъ обязанностью выказать глубочайшее огорченіе, что можно подозрѣвать изъ невѣроятнаго преувеличенія его жалобъ. Прежде всего онъ накинулся на журналы, объяснявшіе рѣчи, которыя произносились въ совѣтѣ Пяти-Сотъ:

„Армія получаетъ большую часть журналовъ, печатаемыхъ въ Парижѣ, въ особенности самыхъ гадкихъ; но это производитъ дѣйствіе, совершенно противоположное тому, какое они себѣ обѣщаютъ...“ Но если это дѣйствіе въ самомъ дѣлѣ противорѣчило тому, какого ожидали эти журналы, то зачѣмъ же наканунѣ онъ писалъ Бертье захватить газеты, которыя ему не нравились.

„Негодованіе достигло крайняго предѣла въ арміи, писалъ онъ. — Солдаты громко спрашиваютъ—неужели за шесть лѣтъ

военныхъ тревогъ и лишеній, они по возвращеніи домой должны быть умерщвляемы, какъ угрожаютъ всѣмъ патріотамъ. Обстоятельства съ каждымъ днемъ становятся серьезнѣе, и я думаю, граждане-директоры, что вамъ настоитъ крайняя необходимость принять мѣры"....

Потомъ онъ перешелъ къ предложенію Дюмолара: „Что касается меня, то я привыкъ положительно отказываться отъ собственныхъ выгодъ; однако я не могу оставаться нечувствителенъ къ *вѣроломству и массѣ гнусностей,* заключающихся въ этомъ предложеніи, напечатанномъ по приказанію Совѣта Пяти-Сотъ. Я вижу, что клубъ Клиши хочетъ перешагнуть чрезъ мой трупъ, чтобъ достигнуть разрушенія Республики. Неужели во Франціи нѣтъ больше республиканцевъ? Неужели, побѣдивъ Европу, мы принуждены будемъ искать гдѣ нибудь уголка на землѣ, чтобъ окончить печальные дни свои?"

Потомъ, переходя отъ жалобъ къ совѣтамъ, онъ предлагалъ Директоріи мѣры, какія она была должна принять по его мнѣнію:

„Вы можете однимъ разомъ спасти Республику, двѣсти тысячъ головъ, можетъ быть связанныхъ съ ея судьбою, и заключить миръ въ двадцать четыре часа. Велите арестовать эмигрантовъ, уничтожьте вліяніе иностранцевъ. *Если вамъ нужна сила, призовите армію, велите разбить станки журналовъ, проданныхъ Англіи* и болѣе кровожадныхъ нежели Мара́."

Наконецъ онъ повторилъ насмѣшливую просьбу о своей отставкѣ и послалъ въ Директорію второй кинжалъ изъ взятыхъ у веронскихъ инсургентовъ (15 іюля 1797).

Чрезъ два дня онъ писалъ уже въ Директорію объ угрожавшемъ намъ раздорѣ съ Австріею:

„Очевидно, Вѣнскій дворъ ненадеженъ, и что онъ нарочно медлитъ, ожидая окончанія нашихъ внутреннихъ дѣлъ, которое, какъ полагаетъ вся Европа, должно наступить скоро.

„Хотите вы спасти пятьдесятъ тысячъ человѣкъ—цвѣтъ націи, которымъ суждено погибнуть въ этой кампаніи? *Велите разбить какимъ нибудь снарядомъ станки* „The „Memorial“ и „Quotidienne“, закрыть клубъ Клиши и основать пять или шесть хорошихъ конституціонныхъ журналовъ.

„Этотъ переворотъ, хотя въ сущности чрезвычайно легкій, будетъ однако же весьма достаточенъ, чтобъ показать иностранцамъ, что имъ еще нечего надѣяться. Онъ возстановитъ мнѣніе и разсѣетъ у солдатъ живое безпокойство, охватывающее всѣхъ и могущее окончиться взрывомъ, послѣдствій котораго предвидѣть невозможно“.

Онъ возвращался къ этому еще и въ послѣдующихъ сообщеніяхъ. Директорія уже приняла рѣшеніе: для совершенія государственнаго переворота она избрала генерала Гоша, гражданская честность котораго не была до тѣхъ поръ ничѣмъ запятнана, и котораго имя служило ручательствомъ для тѣхъ,—кто могъ бояться, чтобъ эта попытка не привела къ военной диктатурѣ. Дѣйствительно, Гошъ былъ пламенный и прямой республиканецъ, и, подобно большей части своихъ товарищей по оружію, ослѣплялся въ этомъ случаѣ негодованіемъ, внушеннымъ ройялистскими интригами. Въ движеніи мнѣнія, начинавшаго овладѣвать всею Франціею, онъ видѣлъ только Пишегрю, котораго справедливо считалъ измѣнникомъ и который сверхъ того былъ его личнымъ врагомъ. Гошъ прибылъ въ Парижъ, и они съ Барра́ рѣшили всѣ подробности совершенія государственнаго переворота. Но такъ какъ 69 параграфъ Конституціи запрещалъ каждому военному отряду вступать въ районъ на пятнадцать миль вокругъ мѣста, гдѣ Законодательный корпусъ имѣлъ засѣданія, то и невозможно было имѣть солдатъ подъ рукою. Вслѣдствіе этого рѣшили, что Гошъ подъ предлогомъ отправленія части своей арміи къ океану для ирландской экспедиціи долженъ сосредоточить войска вокругъ Парижа и такимъ образомъ

дастъ Директоріи возможность располагать ими, а чтобъ выполнить это легче, его сдѣлали военнымъ министромъ.

Но Гошъ вскорѣ убѣдился, во вредъ себѣ, за какихъ людей онъ жертвовалъ жизнью и славою. Когда войска исполняли условленное движеніе, то случилось по ошибкѣ или по неосторожности, что одинъ отрядъ вошелъ въ районъ, запрещенный Конституціею. Совѣты, зная уже о намѣреньяхъ Директоріи изъ очень ясныхъ угрозъ и изъ мѣръ, которыхъ даже не старались скрывать, донесли о движеніи войскъ на Парижъ и объявили о нарушеніи Конституціи. Запрошенный друзьями въ Законодательномъ корпусѣ, Карно отвѣчалъ во всеуслышаніе, что Гошъ дѣйствовалъ безъ приказанія, что было совершенно вѣрно относительно Карно, хотя Барра́ и увѣрялъ Гоша, что дѣйствовалъ заодно съ товарищами. Молодаго генерала потребовали въ Директорію, гдѣ онъ выслушалъ горькіе упреки со стороны Карно, а Барра́, не смѣя еще идти открыто противъ товарища, объявивъ о приказаніи, отданномъ Гошу, хранилъ молчаніе. Гошъ, который могъ все свалить на Барра́, сохранилъ однако же тайну; но онъ былъ глубоко оскорбленъ и чрезъ нѣсколько дней (26 іюля) уѣхалъ въ армію съ огорченнымъ сердцемъ и подалъ въ отставку изъ военнаго министерства,—потому что не могъ сохранить этого поста за собою, ибо не имѣлъ еще законнаго возраста, опредѣленнаго Конституціею, чтобъ быть министромъ (тридцать лѣтъ).

Такъ какъ сигналъ былъ поданъ преждевременно, и Гошъ остался скомпрометированъ и недоволенъ, то государственный переворотъ отложили, а три директора рѣшились обратиться къ человѣку, который такъ горячо ободрялъ ихъ и вызвалъ такое могущественное единодушіе ихъ дѣлу въ Итальянской арміи. Нѣсколько времени уже назадъ Бонапарте послалъ въ Парижъ своего адъютанта Лавалетта, человѣка умѣреннаго, разсудительнаго и дальновиднаго, чтобы тотъ наблюдалъ за ходомъ событій и служилъ ему посред-

никомъ между Баррá и Карно. „Видайтесь со всѣми. сказалъ онъ ему:—защищайтесь отъ духа партій и сообщайте мнѣ истину, только совершенно безпристрастную.“ Немного позже онъ поручилъ ему предложить Баррá три мильона франковъ для облегченія государственнаго переворота, что Баррá принялъ съ восторгомъ. Послѣдній даже писалъ нѣсколько разъ Бонапарте, напоминая объ этомъ обѣщаніи, нечуждомъ можетъ быть и выбору, который собиралась сдѣлать Директорія, хотя оно и было исполнено уже послѣ 18 фруктидора.

Согласно съ полученными приказаньями, Лавалеттъ видѣлся съ людьми всѣхъ партій, а въ особенности имѣлъ частыя свиданія съ Баррá. Немного надо было этому свѣтлому и либеральному уму, чтобы понять все, что было гибельнаго въ намѣреніяхъ тріумвировъ. Онъ писалъ ему въ этомъ отношеніи, онъ представлялъ [36]): „если выкажетъ готовность помогать несправедливымъ насиліямъ, которыхъ не оправдывало положеніе правительства, то омрачитъ его славу“ что ему не простятъ соумышленія съ Директоріею на ниспровержение Конституціи и свободы; что готовились гоненія на народное представительство и на достойнѣйшихъ гражданъ, что собирались карать безъ суда, и что ненависть, вызванная подобною тираніею, обрушится не только на Директорію, но и на систему республиканскáго правленія, и что наконецъ не было доказано, чтобъ партія, которой готовилось гоненіе, желала возвращенія Бурбоновъ.“

Изъ этихъ извѣстій и изъ болѣе внимательнаго наблюденія надъ положеніемъ Франціи, Бонапарте начиналъ понимать, что за побѣдою директоровъ, предположивъ ее даже полною, должна была вскорѣ послѣдовать непопулярность реакціи, и не дѣлая ничего, чтобъ помѣшать роковой борьбѣ Республики, но которою онъ всегда считалъ обязанностью воспользоваться для своихъ личныхъ выгодъ, онъ съ тѣхъ поръ началъ

---

[36]) Записки Лавалетта. *Прим. автора.*

мало-по-малу удаляться, изъ боязни быть скомпрометированнымъ. Онъ послалъ въ Директорію генерала Ожеро, какъ человѣка, наиболѣе способнаго и совершить смѣлый поступокъ и вмѣстѣ увлечь Директорію въ эту демагогическую колею, гдѣ, по его мнѣнію, она удобнѣе могла замарать себя и потерять всякое значеніе; но въ то же время онъ писалъ Лавалетту: „Не довѣряйтесь Ожеро—это мятежникъ!“ Онъ предлагалъ своему адъютанту пользоваться всѣми мнѣніями, пробовать всѣ партіи, ухаживать въ особенности за Карно, бывшимъ до тѣхъ поръ постояннымъ его покровителемъ, а теперь начавшимъ выказывать недовѣріе; онъ прекратилъ переписку съ Барра́, не говорилъ болѣе Директоріи о проектѣ государственнаго переворота и имѣлъ съ нею лишь рѣдкія сношенія совершенно общаго характера, которыя вскорѣ даже совсѣмъ прекратились.

Итакъ у генерала Бонапарте было въ одно и то же время два представителя въ Парижѣ; одинъ Ожеро, говорившій громко и публично: «*я посланъ перебить всѣхъ ройялистовъ*» (письмо Лавалетта къ Бонапарте отъ 8 августа 1797 года), а другой Лавалеттъ, человѣкъ умѣреннаго образа мыслей, съ прекрасными манерами, который, будучи самъ ройялистомъ, былъ явно въ связи со всѣми коноводами оппозиціи Совѣтовъ. Оба посылали ему частыя донесенія о ходѣ событій. Онъ назначенъ былъ начальникомъ 17 военнаго округа, въ районѣ котораго находился Парижъ, и никому такъ не шла роль, ему предназначенная. „Онъ очень похожъ на мятежника, говорилъ о немъ Ревбель въ день его представленія въ Директорію:—какой гордый разбойникъ!“ Онъ появлялся во всѣхъ народныхъ собраніяхъ и на всѣхъ общественныхъ праздникахъ въ великолѣпномъ нарядѣ, обшитый золотомъ и драгоцѣнными каменьями, съ кольцами на всѣхъ пальцахъ[37]), усвоивая

---

[37]) Карно, Записки о 18 фруктитора.

языкъ демагога изъ солдатъ, приписывая себѣ всю заслугу нашихъ побѣдъ въ Италіи, отзываясь о своемъ генералѣ покровительственнымъ тономъ и принимая оваціи съ тѣмъ самохвальствомъ, дѣйствіе котораго на толпу несомнѣнно.

Онъ приготовлялъ свои мѣры, не стараясь даже скрыть ихъ цѣль, но былъ остановленъ недостаткомъ денегъ, и посылалъ къ Бонапарте письмо за письмомъ съ просьбою о высылкѣ обѣщанной суммы. Генералъ не отвѣчалъ на эти письма. Онъ не хотѣлъ скомпрометировать себя по поводу партіи, въ будущее которой онъ не вѣрилъ, и въ особенности зналъ, что неизвѣстность, въ какой онъ держался относительно всѣхъ, была самымъ лучшимъ средствомъ для его собственнаго возвеличенія: онъ заставлялъ всего бояться и всего надѣяться. Вскорѣ у него очутился въ Парижѣ и третій наблюдатель въ особѣ подозрительнаго Бернадотта, который подтверждалъ свѣдѣнія Лавалетта. Вслѣдствіе этого Бонапарте рѣшился болѣе и болѣе отдаляться и ожидать событія. Тайна, которою онъ окружалъ себя, подавала поводъ къ самымъ страннымъ слухамъ. Въ Парижѣ говорили, что онъ хотѣлъ сдѣлаться итальянскимъ королемъ. Г–жа Сталь разсказываетъ, что когда спросили объ этомъ у Ожеро, то послѣдній отвѣчалъ:—„Конечно нѣтъ, потому что онъ слишкомъ хорошо образованъ для этого.[38])

Совѣты, въ то самое время, какъ у нихъ на глазахъ приготовлялась ихъ гибель, волновались подъ вліяніемъ нерѣшительности, примѣровъ которой столько подали собранія при сходныхъ обстоятельствахъ. Они безпрерывно доносили о планахъ враговъ, не принимая никакихъ мѣръ для ихъ предотвращенія. Они горько жаловались на присутствіе войскъ и на грозные адресы, присланные изъ армій—вѣрное предвѣстье господства силы. Вмѣсто оправданія, Директорія перешла въ роль обвинителя, и всю вину этихъ демонстрацій,

---

[38]) Разсужденіе о Французской революціи. *Прим. автора.*

признаваемыхъ ею незаконными, свалила на тѣхъ, кто, по ея мнѣнію, вызвалъ ихъ своими заговорами. Совѣты не смѣли идти далѣе. Слова сдѣлались грознѣе и раздраженнѣе нежели когда либо; но съ той минуты какъ начали разсуждать о средствахъ исполненія,—безсиліе ихъ обнаруживалось самымъ печальнымъ образомъ. Ни Пишегрю, ни Карно, оба дѣятельные члены этой партіи, не смотрѣли на сопротивленіе какъ на возможное; имъ даже не удалось сформировать національной гвардіи. Они могли разсчитывать только на слабую стражу Законодательнаго корпуса, на нѣкоторыхъ приверженцевъ, прибывшихъ въ Парижъ изъ провинціи, и въ особенности на случай—этотъ источникъ, на который надѣются всѣ тѣ, кто не можетъ надѣяться на самого себя. Небольшое количество генераловъ, которые подобно Бернадотту имъ сочувствовали, не замедлили собраться въ Директоріи. Одинъ Клеберъ, республиканскія убѣжденія котораго были внѣ всякаго подозрѣнія, упорствовалъ пристать къ конституціоналистамъ. Еслибы, говорилъ онъ,—ему могли поручиться за вѣрность законодательной стражи и нѣсколькихъ батальоновъ національной гвардіи, то онъ принялъ бы на себя Ожеро и его дивизію. Матьё Дюма, чрезъ кого дѣлалось это предложеніе, первый посовѣтовалъ ему не пускать въ ходъ проекта. Робость эта происходила не столько отъ разсужденія, сколько отъ внутренняго чувства о безполезности этихъ усилій. Ничего уже болѣе не ожидали отъ народа, пресыщеннаго столькими революціями и сдѣлавшагося въ высшей степени скептическимъ. Вся слава и популярность, связывавшіяся нѣкогда съ дѣломъ свободы, были теперь на сторонѣ военной силы.

Громадность опасности ничего не измѣнила въ этой неподвижности. Молчаливый Пишегрю ожидалъ событій съ безстрастьемъ фаталиста, представляя всѣмъ, подозрѣвавшимъ его въ измѣнѣ, непроницаемую физіономію, и вѣря, что никогда не осмѣлятся тронуть завоевателя Голландіи. Что ка-

сается Карно, разошедшагося со своими старыми и новыми друзьями, который, боясь всего со стороны однихъ и ничего ненадѣясь отъ другихъ, то онъ находился въ нѣкотораго рода безвыходномъ нейтралитетѣ, говорилъ о своей отставкѣ, оставаясь однако же въ Директоріи и продолжая по обычаю скрѣплять тѣ изъ актовъ своихъ товарищей, которые болѣе всего ему ненравились, какъ напримѣръ назначеніе Ожеро. Но онъ разошелся съ Барра́, питавшимъ къ нему неумолимую ненависть, которой Леобенскія условія были скорѣе предлогомъ нежели причиною. Между ними произошло необыкновенно яростное столкновеніе, въ которомъ Барра́ осыпалъ Карно самыми грубыми ругательствами: — „Ты продалъ Республику! воскликнулъ Барра́:—и хочешь зарѣзать всѣхъ, кто ее защищаетъ. Подлый разбойникъ! *Нѣтъ даже ни одной вши на твоемъ тѣлѣ, которая не имѣла бы права наплевать тебѣ въ лицо!*“—„Я презираю ваши вызовы, хладнокровно отвѣчалъ ему Карно:—но я буду отвѣчать на нихъ современемъ...“ (Лавалеттъ къ Бонапарте отъ 16 августа). Но когда друзья предложили ему объявить чрезъ Совѣты внѣ закона тѣхъ, кого называли тріумвирами, т. е. троихъ товарищей—Барра́, Ревбеля и Ларевельера, онъ энергически воспротивился, говоря, что это было бы уничтоженіе Конституціи. По временамъ онъ еще надѣялся привести къ согласію Директорію и Совѣты. Въ этой попыткѣ ему помогали иные изъ друзей Директоріи, которые, не смотря на пристрастье къ нему, боялись послѣдствій подобной борьбы. Въ этомъ числѣ былъ Талейранъ, недавно вступившій въ министерство, г-жа Сталь, гостиная которой составляла силу, и которую Талейранъ ввелъ въ лагерь директоровъ, наконецъ Бенжаменъ Констанъ, только что выступившій на сцену и молодость котораго извиняла заблужденія. Вскорѣ они сознали безполезность своихъ усилій какъ опоздавшихъ для того, чтобъ быть дѣйствительными. Въ то время когда

Карно протягивалъ руку друзьямъ Баррà, послѣдніе говорили уже о немъ громко:—„Мы убьемъ его."

Впрочемъ это крайнее и отчаянное средство, служащее явнымъ признакомъ безсилія партій, обсуждалось не одними только сторонниками Директоріи. Одинъ офицеръ предлагалъ Карно свои услуги — убить Баррà, чтобъ покончить все за однимъ разомъ, другой сдѣлалъ такое же предложеніе генералу Матьё Дюма, который былъ извѣстенъ какъ вліятельнѣйшій изъ коноводовъ въ Совѣтахъ. Безполезно почти прибавлять, что оба отвергли съ негодованіемъ это предложеніе. Черезъ нѣсколько лѣтъ Матьё Дюма разсказалъ о своемъ отказѣ Наполеону.—„Вы были глупы, отвѣчалъ ему императоръ:—вы ничего не смыслите въ революціяхъ. [39])

Наконецъ послѣ долгихъ увертокъ Директорія рѣшилась дѣйствовать. Около часу утра 18 фруктидора (4 сентября 1797) Ожеро съ двадцатью тысячами человѣкъ окружилъ Тюильрійскій дворецъ, гдѣ находился Законодательный Корпусъ, и занялъ всѣ выходы. Дворецъ охранялся отрядомъ въ тысячу человѣкъ, изъ которыхъ иные были заранѣе подкуплены, другіе же нерѣшительные и неспособные на серьезное сопротивленіе. Въ три часа выстрѣлъ изъ орудія, выбившій всѣ стекла въ сосѣдствѣ и напугавшій населеніе, предававшееся сну, послужилъ сигналомъ, и Ожеро безпрепятственно овладѣлъ дворцомъ, не смотря на всѣ протесты Рамеля, начальника законодательной стражи, и нѣсколькихъ депутатовъ, которые были отведены въ Тампль. Въ то же время другой отрядъ ворвался въ Люксамбургскомъ дворцѣ въ квартиру Бартелеми, котораго арестовали, и въ квартиру Карно, который, будучи предувѣдомленъ заранѣе, успѣлъ скрыться. Въ восемь часовъ утра все было окончено.

Однако же граждане вышли изъ своихъ домовъ; народъ наполнилъ улицы и узналъ, что совершилась революція, что въ

---

[39]) Воспоминаніе Матьё Дюма. *Прим. автора.*

отсутствіе его располагали судьбою націи, и остался неподвиженъ. Собрались самые непоколебимые депутаты обоихъ Совѣтовъ; имъ захотѣлось убѣдиться, не сохранило ли народное представительство хоть немного прежняго обаянія, и они пошли предшествуемые своимъ президентомъ, но среди равнодушной толпы нашли только одно любопытство. У воротъ дворца, гдѣ происходило ихъ засѣданіе, ихъ встрѣтили штыками, разсѣяли и арестовали тѣхъ, которые были помѣщены въ спискѣ подозрительныхъ.

Искалѣченные и униженные такимъ образомъ, останки народнаго представительства были потомъ собраны въ Одеонѣ и главной медицинской школѣ, чтобъ подтвердить волю тріумвировъ и записать декреты, освящавшіе ихъ собственное политическое уничтоженіе и порабощеніе Франціи. Выслушавъ чтеніе бумаги, въ которой всѣ противники Директоріи обвинялись въ заговорѣ Пишегрю, они разъ за разомъ голосовали ссылку большаго числа своихъ товарищей, между которыми были самые безукоризненные граждане, и только троихъ ройялистовъ, ссылку авторовъ, „собственниковъ, предпринимателей, директоровъ и редактоторъ [40]) сорока осьми журналовъ", уничтоженіе выборовъ въ сорока осьми департаментахъ, которые осмѣлились назначить депутатовъ, противныхъ директорамъ; возстановленіе закона противъ поповъ и эмигрантовъ, отмѣненнаго Совѣтами. Они уничтожили свободу печати, предоставивъ Директоріи право запрещать журналы; они истребили даже тѣнь судебной власти въ сорока осьми департаментахъ, объявленныхъ мятежными, уполномочивъ директоровъ назначить всѣхъ судей и муниципальныхъ чиновниковъ, отрѣшенныхъ массами; директорамъ также было предоставлено право разрѣшать и закрывать по произволу политическія общества, объявлять осадное положеніе, отложить на безконечное время формированіе національной

[40]) Бюллетень Законовъ. *Прим. автора.*

гвардіи; наконецъ они прибавили къ тріумвирамъ двухъ новыхъ товарищей, заранѣе назначенныхъ къ выбору, Франсуа де Нефшато и Мерленъ-де-Дуэ. Двойное это назначеніе сильно огорчило Ожеро, лишивъ его надежды засѣдать въ Директоріи. Начальники фруктидорской диктатуры рады были воспользоваться солдатами, но не хотѣли ничего раздѣлить съ ними. Грубое и наивное заблужденіе! Въ политикѣ власть стремится постоянно туда, гдѣ въ сущности находятся дѣйствіе и вліяніе. Фруктидоръ создали солдаты: все было готово для военной диктатуры.

„Кровь не была пролита", объявляла Директорія въ своей прокламаціи; „кровопролитіе было предупреждено", говорилъ Законодательный Корпусъ; „это не стоило ни одной капли крови",—повторялъ Ожеро въ донесеніи Бонапарте; ту же фразу употребилъ и филантропъ Ларевельеръ, прибавляя, что это было чрезвычайно пріятное зрѣлище. Ни для кого впрочемъ не было тайной, что ссылка въ Кайену равнялась смертному проговору; но изъ лицемѣрія, которое гнуснѣе даже предшествовавшихъ жестокостей, хотѣли пользоваться и выгодами преступленія и почестями добродѣтели; никогда пасторальный слогъ не былъ въ такой модѣ. Даже самая прокламація, которою Директорія поражала своихъ противниковъ, изобиловала нѣжностями, обращенными къ французскому народу: она взывала „къ супружескому согласію, къ родительской любви, къ сыновнему почтенію", ко всѣмъ семейнымъ добродѣтелямъ. „Да господствуютъ вкусъ и опрятность въ твоемъ уборѣ, отличающемся благородною простотою", говорила она.—„Милая и скромная красота, украшенная стыдливостью, предпочитаетъ для своихъ нарядовъ тѣ ткани, какія сотканы французскими руками, и проч." [41])

Въ продолженіе этого времени осужденные къ ссылкѣ, число которыхъ къ счастью была ограничено, благодаря дѣя-

[41]) Бюллетень Законовъ. *Прим. автора.*

тельному заступничеству, были посажены въ рядъ желѣзныхъ клѣтокъ и перевезены въ Рошфоръ, откуда ихъ отправили на зараженные берега Гвіаны. Въ числѣ ихъ находились—честный Бартелеми, одинъ изъ двухъ смѣщенныхъ директоровъ, Лафонъ-Ладеба,—президентъ Пяти-Сотъ, и многіе другіе представители, извѣстные чистотою политической жизни, но совершившіе непростительное преступленіе, сопротивляясь Барра̀. Уличенными преступниками были только Пишегрю, Роверъ и Лавильгернуа. Половина вскорѣ умерла въ Синемарѣ, остальнымъ удалось убѣжать. Вотъ въ какомъ смыслѣ день 18 фруктидора не стоилъ ни капли крови.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ государственнаго переворота Директорія захватила письмо Моро [42]), представившее новыя доказательства измѣны Пишегрю. Моро давно уже имѣлъ въ рукахъ эти доказательства, но хотя искренно былъ преданъ республиканскимъ учрежденіямъ, но не хотѣлъ пускать ихъ въ ходъ, по поводу ли старинной дружбы, потому ли что чувствовалъ отвращеніе доставлять оружіе политикѣ, которой не одобрялъ, или наконецъ оттого, что Пишегрю не казался ему болѣе опаснымъ. Впрочемъ самъ Бонапарте, обвинявшій его за сохраненіе въ тайнѣ этой знаменитой переписки, захваченной въ фургонахъ генерала Клинглина, не поступилъ бы иначе относительно сообщеній Антрега. Онъ ихъ сообщилъ въ Директорію лишь весьма незадолго до государственнаго переворота, когда поѣхалъ въ Парижъ Бернадотъ, и чрезъ посредство этого генерала. Но Моро былъ виновнѣе тѣмъ, что рѣшился сдѣлать сообщеніе, узнавъ почти достовѣрно о близости государственнаго переворота; причины, по которымъ онъ дѣйствовалъ, должны были уступить предъ невозможностью сохранить тайну, извѣстную всему его штабу. За свое запоздалое угожденіе онъ былъ наказанъ смѣщеніемъ съ должности, а постъ его

---

[42]) Это письмо адресовано къ директору Бартелеми. *Прим. автора.*

былъ ввѣренъ Гошу, имѣвшему подъ начальствомъ арміи Самбръ-Мёзскую и Рейнскую. Но Гошъ не долго пользовался положеніемъ, которое давало ему господствующее вліяніе на дѣла республики и, можетъ быть, измѣнило бы ея судьбу. Онъ вскорѣ умеръ неизвѣстно отъ какой болѣзни, вслѣдствіе чего преждевременная эта смерть вызвала слухи объ отравленіи, которые съ тѣхъ поръ и не подтвердились и не опроверглись. По своему блестящему уму, по благородному самолюбію, по военнымъ способностямъ, по рѣдкому политическому такту, который не разъ обнаружилъ онъ при трудномъ умиротвореніи Вандеи, по уваженію и популярности, которыми пользовались его имя, Гошъ былъ единственный человѣкъ, могшій въ данную минуту держать въ равновѣсіи фортуну Бонапарте. Хотя онъ и помогалъ 18 фруктидора, однако былъ искренно преданъ великимъ принципамъ революціи, и онъ вскорѣ созналъ бы свое заблужденіе, ибо, не взирая на раздражительность, умѣлъ господствовать надъ собственными увлеченіями. Въ силу неизбѣжнаго соперничества онъ непремѣнно противодѣйствовалъ бы проектамъ Бонапарте, и такъ какъ они взаимно сдерживали бы и нейтрализировали одинъ другаго, то, можетъ быть, и Франціи удалось бы избѣжать тяжелыхъ испытаній, которымъ она подверглась.

Таковъ былъ этотъ знаменитый государственный переворотъ, докончившій деморализацію народа, уже истомленнаго столькими перемѣнами и получившаго уже отвращеніе къ партіямъ, такъ часто его обманывавшимъ.

Кто любитъ искать въ исторіи человѣчества рѣдкихъ примѣровъ торжества справедливости, тому предстоитъ случай увидѣть его. 18 фруктидора дѣйствительно служитъ непосредственнымъ почти противоударомъ нарушенія права, совершеннаго нами въ Венеціи. Протесты законодательнаго вѣдомства вызвали грозныя манифестаціи Бонапарте и его солдатъ; раздраженіе армій доставило Директоріи оружіе, безъ котораго она никогда, можетъ быть, не успѣла бы вос-

торжествовать надъ Совѣтами, и, въ силу справедливаго возмездія, свобода Франціи была поражена тѣмъ же самымъ ударомъ, что и независимость Венеціи.

До тѣхъ поръ сила республиканскаго правленія заключалась въ искренности даже фанатизма. Съ того дня какъ оно показало неувѣренность въ себѣ самомъ и обратило въ насмѣшку собственныя правила, открыто поправъ народную волю, оно потеряло всю свою цѣну какъ принципъ и существовало только интересами, которые оно представляло и покровительствовало. Всякая власть, которая достаточно охраняла бы эти интересы, могла быть увѣрена въ благопріятномъ пріемѣ. Еслибы вмѣсто ссылки столькихъ невинныхъ и нарушенія законовъ, Директорія ограничилась наказаніемъ однихъ только ройялистскихъ заговорщиковъ, обвиняя ихъ въ гнусномъ соумышленіи съ иноземцами, если бы въ тоже время она показала расположеніе, что и согласовалось съ Конституціею, принять политику, которая очевидно была желаніемъ большинства гражданъ,—моральная власть ея и общественная свобода укрѣпились бы въ этомъ переворотѣ, вмѣсто того чтобъ погибнуть.

ГЛАВА IX.

Кампо-Форміо.

Бонапарте медлилъ съ поздравленіемъ Директоріи по поводу государственнаго переворота, котораго самъ былъ первымъ подстрекателемъ. Загадочное это поведеніе безпокоило директоровъ. Барра́ писалъ ему: „молчаніе твое очень странно, любезный генералъ". Ожеро выражалъ ему то же удивленіе и то же безпокойство. Генералъ выказывалъ имъ сначала одобреніе, такъ сказать, косвенное, потому ли, что еще не вѣрилъ въ продолжительность ихъ успѣха, или просто изъ осторожности. „Что нужды, писалъ онъ имъ:—что мы одерживаемъ побѣды, если мы обезславлены въ отечествѣ. О Парижѣ можно сказать то же, что Кассій говорилъ о Римѣ: что нужды, что его называютъ царемъ, если онъ лежитъ на берегахъ Сены-невольницы питтовскаго золота". Въ тотъ же день онъ писалъ Талейрану: „Повторяю вамъ, что Республика не колеблется, пусть только задушатъ массу журналовъ, развращающихъ общество и поселяющихъ дурное о насъ мнѣніе въ иностранцахъ, пусть только Законодательный Корпусъ будетъ чистъ и не честолюбивъ, пусть выгонятъ изъ Франціи эмигрантовъ и удалятъ отъ службы сторонниковъ Людовика XVIII, содержимыхъ на англійское золото. Иначе не ждите ничего". Въ прокламаціи къ 8 военному округу, составлен-

ному изъ южныхъ департаментовъ и ему подчиненному, онъ также укоряетъ агентовъ Людовика XVIII и людей покрытыхъ преступленіями, которые предали Тулонъ англичанамъ, но ни однимъ словомъ не намекнулъ о 18 фруктидора.

Онъ во всякомъ случаѣ не могъ ограничиваться общими увѣреніями и понялъ необходимость высказаться яснѣе. И вотъ 22-го сентября (1797) онъ обратился къ своимъ солдатамъ, чтобъ выразить публично согласіе, которому противорѣчили его убѣжденія, относя къ нимъ побѣду, одержанную Директоріею. Послѣдней онъ оставлялъ только хлопоты, стыдъ и злоупотребленія.

„Вамъ, удаленнымъ отъ отечества и торжествующимъ надъ Европою, приготовляли цѣпи; вы это узнали, громко заговорили, народъ проснулся, указалъ на измѣнниковъ, и они уже въ оковахъ. Изъ прокламаціи Директоріи исполнительной вы узнаете, что замышляли враги отечества, личные враги солдатъ, въ особенности Итальянской арміи. Предпочтеніе это дѣлаетъ намъ честь. Ненависть измѣнниковъ, тирановъ будетъ въ исторіи нашимъ лучшимъ правомъ на славу и безсмертіе. Воздадимъ же должную благодарность отвагѣ первыхъ сановниковъ Республики, Самбръ-Мёзской и внутренней арміямъ, патріотамъ и представителямъ, оставшимся вѣрными судьбамъ Франціи“.

Въ то же время онъ писалъ двумъ новымъ директорамъ, Мерлену и Пёфшато, поздравляя ихъ съ назначеніемъ, потомъ писалъ къ Ожеро, относясь съ похвалою объ его благоразуміи и энергіи, которыя употребилъ онъ при государственномъ переворотѣ. Во всѣхъ этихъ письмахъ онъ настаивалъ на умѣренности, которая съ тѣхъ поръ становилась неизбѣжною для Директоріи, для того, чтобъ послѣднюю уважали, и чтобъ дать Франціи окрѣпнуть: это обозначило политическую черту, которую онъ считалъ обязанностью принять въ будущемъ. „Теперь желательно, писалъ онъ къ Ожеро:—чтобъ не было колебаній, и чтобъ не бросились въ противополож-

ную сторону“. Въ томъ, что касалось его, онъ согласился принять на нѣсколько дней тонъ и языкъ якобинцевъ, но давалъ замѣтить, что подобное поведеніе съ тѣхъ поръ было уже ему неудобно.

Холодность его и медленность, съ которою онъ высказывался, не ушли отъ вниманія директоровъ, у которыхъ интересъ замѣнялъ прозорливость. Они также положительно знали, что въ частныхъ разговорахъ генералъ вознаграждалъ себя за воздержность, употребляемую при публичныхъ объясненіяхъ, и, не стѣсняясь, поражалъ насиліе, суровыя мѣры, которыя употребляли они по его же совѣтамъ, и наказаніе безъ суда столькихъ людей, извѣстныхъ гражданскими добродѣтелями. Они рѣшились дать ему почувствовать свое неудовольствіе. Въ перепискѣ Карно съ Кларке найдены были бумаги, доказывавшія со стороны послѣдняго враждебныя чувства къ партіи, виновницѣ 18 фруктидора. Директоріи было извѣстно, что Бонапарте благопріятствовалъ Кларке, какъ послушному и преданному орудію. Адъютантъ Ожеро привезъ ему смѣщеніе Кларке, и въ то же время сообщилъ многія мѣры, мало согласовавшіяся съ неограниченною властью, которую онъ присвоилъ себѣ въ Италіи. Ударъ былъ косвенный, однако такого характера, что генералъ почувствовалъ недовѣріе Директоріи.

Онъ тотчасъ же отвѣчалъ, горько жалуясь „на страшную неблагодарность правительства“, и снова попросился въ отставку. Онъ снова ссылался на плохое здоровье и на расположеніе души, которая чувствовала потребность—подкрѣпиться въ массѣ гражданъ; онъ говорилъ наконецъ тономъ оскорбленной добродѣтели: „Во всѣхъ обстоятельствахъ онъ употреблялъ свою власть для блага отечества; тѣмъ хуже для тѣхъ, кто не вѣрилъ въ добродѣтель и могъ подозрѣвать его поведеніе. Награда для него заключалась въ собственной совѣсти и въ мнѣніи потомства. Теперь, когда отечество спокойно и внѣ всѣхъ опасностей, онъ могъ, безъ затрудне-

нія, оставить ввѣренный ему постъ; но пусть они будутъ увѣрены, что при малѣйшей опасности онъ станетъ въ первыхъ рядахъ для защиты свободы и Конституціи III г.“ (25 сентября).

Выказывая притворное волненіе, онъ очень хорошо зналъ, что въ моментъ такого сильнаго потрясенія всей страны, и когда всѣ важныя дѣла лежали на немъ одномъ,—отставка его была бы тяжелою помѣхою для Директоріи. Директоры чувствовали тоже самое, и не сознаваясь въ гнѣвѣ, котораго не умѣли ни поддержать съ достоинствомъ, ни скрыть до удобнаго времени, и между тѣмъ болѣе нежели когда нибудь проклиная деспотическое вліяніе, которому подчинялись съ каждымъ днемъ, они рѣшились просить прощенія. Они унизились передъ Бонапарте; они умоляли его остаться на мѣстѣ, котораго онъ никогда не намѣревался покинуть, и ссылались на недоразумѣніе, на дурно понятое приказаніе: „Страшно, что въ моментъ, когда рояйлистскіе заговорщики, можетъ быть, отравили Гоша, не попытались ли они поселить у васъ въ душѣ отвращенія и недовѣрія, способныхъ лишить отечество услугъ вашего генія“. Они благодарили его за то, что онъ предостерегъ ихъ отъ стремленія къ *военному правительству* и напомнилъ имъ священное правило: *Cedant arma togae*—заявленіе дѣйствительно замѣчательное въ его устахъ и достойное всякой похвалы, если только оно было безкорыстно (22 сентября). Наконецъ они удовлетворили всѣмъ его требованіямъ, и заставили Ботто, секретаря Барра́, написать къ нему письмо, исполненное лести и любезностей: „Съ какимъ заботливымъ участьемъ они освѣдомлялись о вашемъ здоровьѣ и обо всемъ, что васъ занимаетъ и окружаетъ! Какъ разнится съ этими выраженіями дружбы письмо, порученное мнѣ вами! Я прямодушенъ и откровененъ, гражданинъ генералъ! Вы обманываетесь относительно Директоріи. Можетъ быть, правительство дѣлаетъ много ошибокъ, можетъ быть,

не имѣетъ вашего вѣрнаго взгляда на дѣла, но съ какимъ *республиканскимъ послушаніемъ* оно получило ваши замѣчанія".

Послѣднее слово было весьма ново въ словарѣ эпохи, но оно было въ особенности неслыханно для опредѣленія поведенія правительства относительно генерала. Какимъ образомъ не попытаться сдѣлать царедворцевъ изъ людей, которые такъ мало еще отвыкли отъ языка первыхъ? Что касается Бонапарте, то чего онъ могъ больше требовать? Эта нравственная и добровольно принятая диктатура не заключала ли въ себѣ болѣе тайнаго наслажденія, нежели та, которая выпала ему на долю впослѣдствіи.

Переговоры о мирѣ, точку отправленія которыхъ мы видѣли въ условіяхъ, составленныхъ въ маѣ, съ одной стороны Бонапарте, а съ другой Галло и Мерфельдтомъ, шли съ разсчитанною медленностью до самаго 18 фруктидора. Въ Вѣнѣ знали о революціи, приготовлявшейся въ Парижѣ, и вѣрили въ возможность пораженія Директоріи; во всякомъ случаѣ, тамъ надѣялись, что правительство, находясь въ ненадежномъ и угрожаемомъ положеніи, по выходѣ изъ этой борьбы, согласится на условія болѣе выгодныя тѣхъ, какія одобрилъ генералъ Бонапарте, и, можетъ быть, представится возможность начать вновь войну, оконченную безславно въ моментъ, когда она могла сдѣлаться гибельною для побѣдителя.

Поэтому въ Вѣнѣ отвергли условія, по которымъ мы уступали Венецію императору. Начали требовать еще Мантуу и Бресчію, и въ особенности настаивали на необходимости конгресса, который дозволилъ бы нашимъ непріятелямъ выиграть время и вмѣстѣ возвелъ бы все на степень вопроса. Въ Парижѣ Директорія также не изъявила согласія, не смотря на совѣты своего генерала. Исключая Карно и Бартелеми, которые, считая миръ первою необходимостью Франціи, не смотрѣли на жертвы, которыми нужно было купить его, директоры не хотѣли уступить Венеціи. „Если

ваши условія слишкомъ стѣснительны для императора, говорилъ Карно:—гораздо лучше открыто объявить, что вы желаете истребительной войны". Дилемма не весьма точная, которую онъ могъ бы формулировать вѣрнѣе въ пользу правъ дружественнаго народа, и которую товарищи его отвергли съ негодованіемъ, особенно Барра́, въ душѣ котораго, исполненной мерзостями, все таки таилась искра патріотизма. Директоры энергически отвергли мысль о конгрессѣ, ссылаясь, не безъ основанія, на то, что Англія изъявила согласіе на отдѣльный договоръ на лильскихъ конференціяхъ (1 іюля). Эти конференціи, исходу которыхъ такъ гибельно повредили неразумныя требованія, дѣйствительно были наканунѣ открытія. Вся эта первая фаза переговоровъ между Франціею и Австріею, спутанная препятствіями, выдуманными въ шутку, управляемая вопросами о существованіи, которымъ необходимо подчинялась дипломатія, имѣли лишь результатомъ—освобожденіе Лафайета и его товарищей, нѣсколько лѣтъ томившихся въ тюрьмахъ Оломмуца вопреки народному праву.

Къ концу августа, Бонапарте изъ Монтебелло переѣхалъ въ Пассорьяно или Пассарьяно во Фріулѣ, на виллу, принадлежавшую дожу Манину. Переговоры, которые съ той и другой стороны оставлялись для приготовленій къ войнѣ, были возобновлены въ Удинѣ по сосѣдству съ мѣстопребываніемъ генерала. Желая освободиться покрайней мѣрѣ хоть отъ части затрудненій, пришли наконецъ къ соглашенію послѣ споровъ, переполненныхъ ругательствами. Но такъ какъ фруктидорскій переворотъ былъ тогда неизбѣженъ, то императоръ, подстерегавшій его передовыя примѣты, былъ болѣе нежели когда нибудь нерасположенъ къ подписанію мира. Блистательный успѣхъ фруктидорцевъ мгновенно измѣнилъ порядокъ вещей. Директорія, освободившись такъ дешево отъ своихъ внутреннихъ враговъ, возгордившись побѣдою, легкость которой превзошла ея ожиданія, ощутилъ прежнее отвращеніе къ миру, условія котораго далеко не

отвѣчали ея надеждамъ и которымъ располагалъ человѣкъ, коего честолюбіе и популярность пугали ее. Императоромъ овладѣлъ прежній страхъ. Бонапарте, одно время уже рѣшившійся было начать военныя дѣйствія, видя теперь Рейнскую армію подъ начальствомъ Ожеро, котораго онъ презиралъ, зная, что военное министерство обѣщали Бернадотту, котораго не любилъ, сознавая значеніе такого огромнаго вліянія въ рукахъ двухъ человѣкъ, столь мало къ нему расположенныхъ и рѣшившихся дѣйствовать по своимъ соображеніямъ, будучи при томъ увѣренъ, что мысль о мирѣ становилась популярнѣе во Франціи, и желая болѣе нежели когда нибудь, чтобъ миръ былъ дѣломъ его рукъ, чтобъ ему одному воспользоваться его выгодами,—Бонапарте рѣшился во что бы то ни стало ускорить его заключеніе.

Бонапарте не обращалъ вниманія на то, что Барра́ называлъ „желаніемъ очищенной Директоріи" и формулировалъ слѣдующимъ образомъ: „чтобъ Рейнъ былъ нашею границею, Мантуа принадлежала Цизальпинѣ, а чтобъ Венеція недоставалась Австріи"—условія честныя, хотя и выходившія изъ нечестныхъ устъ, условія, которыя теперь Бонапарте было легко предложить императору при содѣйствіи Рейнскихъ армій, еслибъ его самолюбіе не отвратило отъ этого здѣсь, какъ и въ Леобенѣ; но, повторяемъ, онъ не обратилъ на все это вниманія и вмѣстѣ съ Галло составилъ проектъ, который Мерфельдтъ отвезъ въ Вѣну, а генералъ съ своей стороны сообщилъ Директоріи въ такихъ словахъ:

„Очень можетъ быть, что до 1 октября г. Мерфельдтъ возвратится съ инструкціею подписать миръ на слѣдующихъ условіяхъ":

„1. Линія Адидже императору, включая городъ Венецію.

„2. Линія Адидже и Мантуа Цизальпинѣ.

„Что касается Франціи, она должна была получить Бельгію, Майнцъ, линію Рейна, наконецъ Корфу и Іоническіе острова."

Въ случаѣ Директорія не согласилась бы на этотъ ультиматумъ, генералъ объявлялъ возобновленіе войны неизбѣжнымъ, и въ виду этой случайности вычисляетъ съ явнымъ преувеличеніемъ невыгоды, затрудненія и всевозможныя опасности, которыя должны произойдти неминуемо при войнѣ съ Австріею; онъ представилъ цифры людей и денегъ, необходимыхъ для него, чтобъ начать эту войну съ успѣхомъ. Подобное исчисленіе въ устахъ генерала, слова котораго имѣли столько вѣса,—равнялись почти отказу, въ случаѣ еслибы не могли немедленно исполнить всѣхъ его требованій, а онъ зналъ, какъ трудно было Директоріи поступить такимъ образомъ.

Но не въ этомъ еще самое важное и самое знаменательное въ памятномъ письмѣ отъ 19 сентября 1796 г. Есть тамъ одно желаніе, заключающее громадный историческій интересъ и служащее самымъ неопровержимымъ свидѣтельствомъ. Этотъ лучъ, котораго нельзя приписать ничему другому какъ силѣ истины, освѣщаетъ неожиданнымъ свѣтомъ политику Бонапарте касательно Венеціи, и доказываетъ, какъ надобно цѣнить обвиненія, которыя заявлялъ онъ, въ легко понятныхъ видахъ, противъ несчастной республики, которую онъ готовился принести въ жертву окончательно.

„Мнѣ необходимо знать, писалъ онъ въ Директорію:—желаете или не желаете вы принять эти предложенія. Если вы не намѣрены уступить Венецію императору, я сомнѣваюсь, чтобъ состоялся миръ *(хотя Венеція,—городъ самый достойный свободы во всей Италіи)*, и непріятельскія дѣйствія должны начаться въ теченіе октября.“

Краткое объясненіе, заключающееся въ скобкахъ, будетъ имѣть въ глазахъ историка болѣе цѣны, нежели безчисленныя встрѣчныя жалобы, которыя казались Бонапарте необходимыми, чтобь оправдать политику, которая, безъ этой ложной обстановки, возбудила бы всеобщее негодованіе. Но рядомъ со всевозможными свидѣтельствами, являющимися съ

цѣлью осудить его поведеніе въ этомъ обстоятельствѣ, отнынѣ необходимо помѣщать и его собственное, которое говоритъ громче всѣхъ прочихъ.

Въ это самое время вспыхнуло противъ Бонапарте неудовольствіе, внушенное Директоріи его двусмысленнымъ поведеніемъ съ 18 фруктидора. Онъ зналъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, и по возвращеніи Лавалетта и изъ посѣщенія Ботто, секретаря Барра́, что ему сильно не довѣряли, и что расположеніе Директоріи къ Австріи съ каждымъ днемъ становилось менѣе миролюбиво. Въ тоже самое время, когда онъ подавалъ въ отставку, какъ мы уже упоминали, съ такимъ преувеличеннымъ негодованіемъ, какого нельзя не признать притворнымъ, онъ обратился къ Талейрану, котораго зналъ высокій умъ и дѣятельное, существенное вліяніе, съ цѣлью привлечь на свою сторону. Онъ снова настаивалъ на затрудненіи новой войны съ Австріею, о необходимости начать кампанію движеніями Рейнскихъ армій раньше покрайней мѣрѣ двумя недѣлями, чтобъ отвлечь въ Германію громадныя силы, ему противопоставленныя: онъ въ особенности налегалъ на выгоду мира съ Сардиніею, и заявлялъ, что для него была совершенно непонятна щекотливость Директоріи. „Останавливало ли Директорію желаніе произвести революцію въ Піемонтѣ и включить его въ Цизальпину? Но чтобъ достигнуть этого безъ спора, *не нарушая трактата*, не нарушая даже приличія, развѣ не слѣдовало присоединить къ нашимъ войскамъ и сдѣлать участниками нашихъ успѣховъ—десятитысячный корпусъ піемонтцевъ — цвѣтъ націи? Черезъ полгода піемонтскій король былъ бы свергнутъ съ престола. Это гигантъ, обнимающій пигмея: онъ удушаетъ его, не подавъ даже повода къ обвиненію. Это результатъ чрезмѣрной разницы ихъ организаціи“ (26 сентября).

Никто лучше Талейрана не понималъ подобной политической морали. Бонапарте нападалъ потомъ на заблужденіе Директоріи относительно прочности нашего дѣла въ Италіи,

заблужденіе, которому онъ больше всѣхъ способствовалъ и поддерживалъ, но въ которомъ онъ не имѣлъ уже надобности съ тѣхъ поръ, какъ честолюбіе его провидѣло роль въ Парижѣ важнѣе той, о какой онъ мечталъ въ Миланѣ. „Не надобно преувеличивать, писалъ онъ:—вліянія мнимыхъ піемонтскихъ, цизальпинскихъ и генуэзскихъ патріотовъ, и слѣдуетъ убѣдиться, что если мы по свистку удалимъ свое моральное и военное вліяніе, то всѣ эти мнимые патріоты будутъ перерѣзаны народомъ“. Такъ вотъ дѣло, которымъ онъ столько гордился! Такъ вотъ результатъ, который онъ приготовлялъ съ помощью дипломатіи и искусства! Можно ли строже окритиковать систему, которой онъ слѣдовалъ? Потомъ онъ хлопоталъ въ пользу Кларке, уступчивость котораго была для него столь удобна, и который впалъ въ немилость директоровъ, съ тѣхъ поръ какъ они прочли переписку его съ Карно.

Наконецъ событія должны были вскорѣ доказать, что Бонапарте былъ гораздо болѣе правъ, когда описывалъ положеніе Италіи этими мрачными красками, нежели при первой своей оцѣнкѣ, надиктованной корыстнымъ оптимизмомъ. Но могъ ли онъ осуждать строже себя самого за то, что онъ свалилъ на насъ отвѣтственность, налагаемую поддержкою этого дѣла—было ли оно завоеваніемъ или освобожденіемъ? Въ самомъ же дѣлѣ, не успѣлъ онъ окончить устройства Цизальпины, какъ въ виду явной неспособности итальянцевъ сносить наши учрежденія, онъ принужденъ былъ писать къ Талейрану и просить комиссіи изъ публицистовъ для преобразованія по новому плану его итальянской республики, и это письмо, въ которомъ онъ излагалъ собственныя мысли относительно правленія, интересно потому, что доказываетъ, что онъ лично дошелъ до системы, которую долженъ былъ прилагать впослѣдствіи. Оно служитъ дивнымъ доказательствомъ постоянства этого абсолютнаго ума. Въ немъ даже находится сущность императорской конституціи. Вся

дѣйствительная власть сосредоточивается тамъ во власти исполнительной, которую онъ считаетъ „истинною представительницею націи". Рядомъ съ нею и въ зависимости отъ нея Государственный совѣтъ, наслѣдующій самыя существенныя выгоды власти законодательной. Что же касается Законодательнаго Корпуса, то отъ него остается только слабая тѣнь: „Не имѣя значенія въ Республикѣ, безстрастный, безъ глазъ и безъ ушей на все окружающее, онъ не будетъ имѣть честолюбія и не станетъ болѣе наводнять насъ массою законовъ, издаваемыхъ по случаю". Не было ли уже это—собраніе нѣмыхъ, которое долженствовалъ осуществить первый консулъ?

Таковы съ тѣхъ поръ сдѣлались виды Бонапарте относительно правленія, и такими должны были остаться, ибо время измѣнило ихъ очень немного. Политическая эта концепція представляла родъ амальгамы изъ дурно направленныхъ воспоминаній классической древности и изъ пріемовъ, заимствованныхъ изъ революціонныхъ обычаевъ или изъ привычекъ военнаго командованія. Удивляются, что столь могущественный во многихъ отношеніяхъ умъ никогда не могъ подняться выше такого недостаточнаго типа, зачатаго между двумя сраженіями, въ эпоху, когда онъ не обладалъ ни опытностью, ни познаніями, которыхъ требовало разрѣшеніе столь трудной задачи; удивляются, что онъ не понялъ безплодности всего этого. Онъ всегда упорствовалъ вводить геометрическую простоту въ порядокъ идей, который не можетъ ее терпѣть. Въ этомъ случаѣ можно сказать, что онъ былъ деспотъ какъ по свойству своего ума, такъ и по свойству характера. При томъ онъ не зналъ новѣйшей политики, и въ системѣ гарантій видѣлъ только безполезную запутанность. Ничего или почти ничего не понималъ онъ въ ученыхъ формахъ и покровительственныхъ учрежденіяхъ индивидуальной свободы и мѣстныхъ вольностей, которыя Англія освятила въ мірѣ, Соединенные Штаты осуществили,

Конституціонное собраніе очеркнуло въ монархической формѣ, и которыя представляла себѣ Жиронда въ формѣ республиканской. Этотъ неисчерпаемый источникъ мыслей останется для него навсегда неизслѣдованнымъ.

Бонапарте закончилъ письмо, предложеніемъ Талейрану сообщить этотъ планъ Сье (Sieyès) [43]), вступленія котораго въ эту комиссію онъ желалъ пламенно. Заставивъ нашихъ лучшихъ публицистовъ принять эту теорію, у него, безъ сомнѣнія, была запасная мысль перенесть ее нѣкогда изъ Италіи во Францію.

Условія, привезенныя Мерфельдтомъ въ Вѣну, встрѣтили благопріятное расположеніе при дворѣ, который потерялъ всякую надежду видѣть въ Парижѣ успѣхъ ройялистской революціи. Во всякомъ случаѣ однакожъ тамъ рѣшились поторговаться съ цѣлью получить больше выгоды, и въ этихъ видахъ послали къ Бонапарте Кобенцеля, дипломата старой школы и воспитанника Кауница. Его рекомендовалъ императоръ въ письмѣ, исполненномъ самыхъ лестныхъ отзывовъ. Итакъ переговоры возобновились, но при самыхъ дурныхъ условіяхъ, такъ какъ Кобенцель ожидалъ найдти Бонапарте сговорчивымъ, основываясь на уступкахъ 19 сентября, а Бонапарте чувствовалъ себя, напротивъ, болѣе стѣсненнымъ по поводу офиціальной оппозиціи въ этомъ отношеніи, которую онъ встрѣтилъ со стороны Директоріи. Между генераломъ и дипломатомъ возникли продолжительные споры. Одинъ выказывалъ тонкость, неисчерпаемое краснорѣчіе и нѣсколько неуклюжія устарѣлыя любезности, другой свой проницательный умъ и неотразимую логику. Съ той и другой стороны запрашивали какъ можно больше. Болѣе требовательный, чѣмъ его предшественники, Кобенцель желалъ получить и легатства, а Бонапарте не хотѣлъ уже уступать и Венеціи,

---

[43]) Аббатъ, впослѣдствіи извѣстный политическій дѣятель въ республиканскую эпоху. *Прим. переводчика.*

ссылаясь на формальное запрещеніе своего правительства, которое располагало, говорилъ онъ, признать эту республику. Даже Талейрану, съ которымъ онъ иногда бывалъ откровененъ, онъ писалъ, что рѣшился „не уступить имъ ее“ безъ разрѣшенія Директоріи.

Между тѣмъ это было не такъ; уступку Венеціи онъ уже рѣшилъ, но необходимо было постепенно приготовить къ этой мысли французское правительство. Онъ не думалъ побѣждать его нежеланіе или опровергать его замѣчанія, а старался привести его къ необходимости уступки, или по крайней мѣрѣ такъ приготовить къ этому, чтобъ дѣло казалось весьма простымъ по совершеніи. Въ сношеніяхъ своихъ съ Директоріею онъ говорилъ только о сумятицѣ, готовой возникнуть въ Италіи, о близкой смерти папы, о дурномъ расположеніи Неаполитанскаго короля, о неудовольствіи Сардинскаго, наконецъ о собственной неспособности управлять долѣе дѣлами. „Онъ едва могъ сѣсть на лошадь, ему были необходимы года два спокойствія.“ Онъ требовалъ своего замѣщенія какъ посредникъ и законодатель Цизальпины. Онъ обѣщалъ снабдить своихъ преемниковъ всѣми необходимыми свѣдѣніями. И вотъ въ самый моментъ, когда онъ, такъ сказать, притворялся мертвымъ и повидимому подчинялся волѣ Директоріи, онъ какъ бы связывалъ въ одинъ пучекъ всѣ поводы, которые помогли бы ему подчинить его собственной волѣ Директорію. Какимъ образомъ поступить грубо съ посредникомъ, пришедшимъ въ столь глубокое отчаяніе? Какъ послать ему положительныя и категорическія приказанія? Какъ въ особенности думать, что этотъ человѣкъ, требовавшій отставки, готовъ былъ дѣйствовать смѣлѣе нежели когда бы то ни было, и все уже приготовилъ для этой цѣли?

Болѣе всего на свѣтѣ Бонапарте старался избѣгать слишкомъ формальной и слишкомъ рѣшительной защиты уступки Венеціи—ибо это связало бы ему руки, и онъ дѣйствительно избѣжалъ этого своимъ притворствомъ. Директорія отпра-

вила къ нему отъ 19 сентября ультиматумъ, благородство котораго выкупаетъ многія ошибки, но въ которомъ не было достаточно силы, чтобъ воспротивиться волѣ, которой такъ часто уступали. Ультиматумъ требовалъ Италіи свободной до Изонцо. Въ немъ рѣзко выставлялось неудобство допускать Австрію до Адидже, что значило бы ввести въ сердце Италіи „эту хищную державу.“ Въ немъ говорилось о „стыдѣ покинуть Венецію“; въ немъ отвергалось всякое соумышленіе съ „коварствомъ, которому не будетъ извиненія“, ибо оно навлекло бы болѣе гибельныя послѣдствія, чѣмъ самая неблагопріятная война. Депеша эта, которой Директорія не смѣла поддерживать при взрывѣ радости о заключеніи мира, была самая честная, которую она когда либо подписала, и ея уже достаточно, чтобъ всю отвѣтственность за кампоформійскій договоръ свалить на одного Бонапарте. Но она ничего не измѣнила въ рѣшеніи генерала. Онъ такъ былъ твердъ въ своихъ намѣреніяхъ, что 7 октября, считая безполезнымъ скрываться долѣе, писалъ къ Талейрану: „Черезъ три или четыре дня все будетъ кончено, война или миръ. Я вамъ сознаюсь, *что употреблю все для достиженія мира*, имѣя въ виду очень позднее время года и мало надежды совершить что нибудь значительное.“

Талейранъ старался склонить генерала на сторону Директоріи и снова началъ защищать съ жаромъ,—какого трудно было ожидать отъ него,—дѣло освобожденія Италіи. Бонапарте опровергъ его на всѣхъ пунктахъ. Талейранъ ничего не понималъ относительно этого „вялаго, суевѣрнаго, склоннаго къ паяцничеству и трусливаго народа.“ Арміи не удалось пріобрѣсти *ни одного итальянца, исключая* полуторы тысячи негодяевъ, — забранныхъ по улицамъ различныхъ итальянскихъ городовъ,—которые только воруютъ и ни къ чему другому не способны. Франція и правительство были недостойно обмануты нѣкоторыми итальянскими аристократами. Итальянская нація была разслаблена, лишена храб-

рости; она не имѣла склонности къ свободѣ. Вотъ настоящая суть дѣла. Что же касается до того, *что говорилось хорошаго въ прокламаціяхъ и печатныхъ рѣчахъ, то это былъ не болѣе какъ романъ.* „И кто же зналъ это лучше Бонапарте? Настала наконецъ пора отказаться отъ химеръ революціонной политики, чтобъ возвратиться „къ истинной политикѣ, которая заключается собственно въ вычисленіи шансовъ и соображеніяхъ.“

10 октября онъ сообщилъ въ Директорію о своемъ намѣреніи подписать миръ. Какъ на побудительныя причины, онъ ссылался на позднее время года, на слабость своей арміи, на смерть Гоша, на отдаленность Рейнскихъ армій, на ничтожность итальянцевъ, на прекращеніе лилльскихъ конференцій, на желаніе Франціи заключить миръ, и наконецъ на „неприличіе подвергать опасности вѣрныя выгоды и французскую кровь для народовъ мало достойныхъ свободы, мало ее любящихъ, которые въ силу характера, привычки и религіи глубоко насъ ненавидятъ.“ Всѣ эти предлоги были болѣе или менѣе правдоподобны, но ни одинъ не былъ искрененъ. Время года не представляло больше неудобства, какъ и при началѣ кампаніи, когда онъ, по его словамъ, перешелъ черезъ Альпы по трехъ-футовому слою льда. До половины ноября онъ могъ быть у воротъ Вѣны. Армія его была сильнѣе нежели когда нибудь; смерть Гоша избавляла его отъ стѣснительнаго соперничества, а что касается до желанія мира, которое было дѣйствительнымъ, то онъ стоялъ за него лишь съ тѣхъ поръ, какъ нашелъ въ немъ собственныя выгоды. Миръ былъ бы только прочнѣе, опираясь на болѣе полное торжество. Никогда успѣхъ не былъ неизбѣжнѣе, обильнѣе важными результатами, яснѣе обозначенъ теченіемъ дѣлъ, какъ тотъ, который, казалось, заранѣе предоставлялъ ему это пораженное страхомъ государство; никогда онъ не могъ мечтать о болѣе удобнѣйшемъ случаѣ исправить въ нѣсколько дней все зло, совершенное имъ въ Италіи. Рейн-

ская наша армія, по случаю расположенія австрійскихъ войскъ, не имѣла, такъ сказать, никого впереди, и ничто не могло остановить Ожеро до самаго Дуная. Но какимъ образомъ подобную славу раздѣлить съ Ожеро?

Онъ хотѣлъ быть единственнымъ миротворцемъ, какъ и былъ уже единственнымъ тріумфаторомъ. Всѣ его довѣренныя лица той эпохи, не взирая на чувства, которыя они питали къ нему, Лавалеттъ, Мармонъ, Міо, Бурьеннъ, свидѣтельствуютъ о господствующемъ вліяніи этой мысли на его рѣшеніе. Онъ заключилъ свое письмо къ директорамъ увѣреніями въ безкорыстіи и уступчивости, которыя были тѣмъ болѣе насмѣшкою въ то время, когда онъ попиралъ ногами ихъ инструкціи и дѣйствовалъ по своему произволу. Война съ Англіею, говорилъ онъ, откроетъ намъ болѣе прекрасное и болѣе обширное поприще. „Англійскій народъ превосходилъ венеціанцевъ, *и освобожденіе его* укрѣпило бы навсегда счастье и свободу Франціи!“ Чтобъ судить, какъ серьезно онъ смотрѣлъ на это странное освобожденіе Англіи, достаточно сказать, что онъ всею душою предался проекту Египетской экспедиціи, изучая способы къ ея исполненію, и былъ уже готовъ послать въ Мальту Пуссьельга, чтобъ узнать расположеніе рыцарей къ французскому языку [44]). Что же касается его лично, прибавлялъ онъ: „то совѣсть его была покойна, намѣренія чисты; онъ заглушалъ интересы своей славы, своего честолюбія, думалъ только объ отечествѣ и правительствѣ... Ему оставалось только смѣшаться съ толпою, взяться за плугъ Цинцинната и подавать примѣръ уваженія къ чиновкамъ *и отвращенія къ военному правительству, которое истребило столько республикъ и погубило столько государствъ*“ (10 октября 1797).

„13-го октября, говоритъ Бурьеннъ, бывшій тогда его секретаремъ:—открывъ на разсвѣтѣ окна, я увидѣлъ вер-

---

[44]) Записки Лавалетта. *Пр. авт.*

шины горъ покрытыя снѣгомъ. Накануне была превосходная погода, и *до тѣхъ поръ осень обѣщала быть прекрасною и продолжительною.* По обыкновенію, въ семь часовъ я вошелъ въ комнату генерала, разбудилъ его и объявилъ эту новость. Сначала онъ какъ будто бы мнѣ не повѣрилъ, вскочилъ съ постели, подбѣжалъ къ окну и, увидѣвъ быструю перемѣну въ температурѣ, произнесъ съ величайшимъ хладнокровіемъ слѣдующія слова: „И это до половины октября! Вотъ край! Нѣтъ, надобно заключить миръ!“

Онъ осмотрѣлъ тогда состояніе своей арміи, простиравшейся до 80,000 человѣкъ, и началъ подробно вычислять неблагопріятные шансы вступленія въ кампанію при подобныхъ условіяхъ, словно онъ не рѣшился уже на это нѣсколько дней назадъ, и словно хотѣлъ обмануть даже своего секретаря относительно настоящаго своего повода, но въ сущности потому, что понималъ всю силу, какую придастъ эта перемѣна въ температурѣ его представленіямъ въ Директоріи. Потомъ онъ воскликнулъ: „Рѣшено! я заключаю миръ! Венеція заплатитъ издержки войны и границу Рейна. Пусть Директорія и адвокаты говорятъ, что угодно“.

Но теперь, когда онъ во что бы то ни стало и въ самый короткій срокъ хотѣлъ вырвать миръ у Кобенцеля, необходимо было притвориться вспыльчивымъ и выказать притворное желаніе возобновить войну, по системѣ, которой никто не умѣлъ подобно ему пустить въ дѣло. По приказанію его, всѣ корпуса выступили занимать военныя позиціи, приготовленія къ новой войнѣ вездѣ шли съ грозною дѣятельностью, и тонъ генерала съ императорскими уполномоченными становился высокомѣрнѣе и рѣшительнѣе. Сначала Кобенцель подозрѣвалъ притворство въ этихъ демонстраціяхъ. Онъ неуклонно поддерживалъ свою программу: Италія до Адды. Онъ самъ объявилъ о своемъ близкомъ отъѣздѣ и велѣлъ приготовлять свои экипажи. Онъ грозилъ Бонапарте общественнымъ мнѣніемъ Франціи и австро-русскимъ союзомъ

въ Европѣ. Но раздраженіе генерала, не смотря на все притворство, могло превратиться въ настоящее въ присутствіи холоднаго упорства его противника, и слабѣйшимъ въ этой игрѣ непремѣнно былъ тотъ, кто выказывалъ болѣе желанія и наиболѣе нуждался въ мирѣ. Какое ни чувствовалъ Бонапарте отвращеніе къ возобновленію войны, онъ былъ убѣжденъ, что обстоятельство, внушавшее ему только отвращеніе, было для Австріи предметомъ ужаса. Страхъ этотъ, на который онъ смѣло разсчитывалъ, показываетъ весьма мало основанія въ поводахъ, на которые онъ ссылался для оправданія своей политики. 16-го октября, не бывъ въ состояніи одолѣть упорства Кобенцеля и желая во что бы то ни стало покончить съ нимъ, прежде нежели новыя приказанія Директоріи могли помѣшать его намѣреніямъ, онъ всталъ среди конференціи, схватилъ со столика фарфоровый подносъ, подаренный графу императрицею Екатериною, и, разбивъ его о паркетъ въ дребезги, воскликнулъ: „Не пройдетъ мѣсяцъ, какъ я также разобью вашу монархію". Потомъ онъ объявилъ разрывъ перемирія, поклонился уполномоченнымъ и вышелъ изъ залы.

Едва Бонапарте оставилъ Udинъ, гдѣ происходила эта траги-комическая сцена, какъ на этотъ разъ Кобенцель, серьезно встревоженный, поспѣшилъ за нимъ въ Пассерьяно и объявилъ согласіе австрійскихъ уполномоченныхъ на ультиматумъ, предложенный отъ имени Франціи.

На другой день, 17-го октября 1797 г., статьи были составлены, копіи переписаны, и къ десяти часамъ вечера трактатъ утвержденъ подписями. Мѣстомъ сдѣлки обозначили Кампо-Форміо, небольшую нейтральную деревеньку, лежащую недалеко оттуда, но договоръ составленъ и подписанъ былъ въ Пассерьяно. Цѣлый день Бонапарте выказывалъ необычайное удовольствіе. Часть вечера прошла въ придумываніи разныхъ шутокъ и въ разсказахъ о приви-

дѣніяхъ. Въ полночь Монжъ и Бертье отправились съ трактатомъ въ Парижъ.

Черезъ двѣнадцать часовъ послѣ этого въ Пассерьяно прибылъ курьеръ изъ Директоріи. Онъ привезъ Бонапарте не только формальное запрещеніе уступать Австріи линію Адидже, но и извѣщеніе о смѣнѣ его по части переговоровъ. „Мы чувствуемъ необходимость, писали ему директоры: — назначить уполномоченныхъ, чтобъ облегчить вамъ часть политическую, и чтобъ вы могли всецѣло отдаться военнымъ распоряженіямъ.“ Это было приказаніе, котораго Бонапарте хотѣлъ избѣгнуть, ускоривъ подписаніе договора, въ чемъ и успѣлъ въ самомъ дѣлѣ. Видя себя обманутыми, разгнѣванные директоры сперва хотѣли было отказать въ утвержденіи договора, но, какъ и предвидѣлъ генералъ, слабое это желаніе, притомъ слишкомъ запоздалое, словно утонуло въ огромномъ взрывѣ радости, вспыхнувшемъ во Франціи при извѣстіи о заключеніи мира. Неудовольствіе Директоріи должно было замѣниться поздравленіями и выраженіемъ радости столь же мало искренними, какъ и всѣ дѣйствія, подготовившія успѣхъ этого лживаго дѣла.

Императоръ уступалъ намъ Бельгію; онъ отказался отъ Ломбардіи въ пользу Цизальпинской республики, состоявшей изъ провинцій Бергамской, Кремской, Бресчіанской, Мантуанской, Моденской, Болоньской, Феррарской и Романьской. Мы ему уступали Венецію, Истрію, Далмацію и всю венеціанскую территорію по ту сторону Адидже. Мы оставляли за собою Корфу и Іоническіе острова. Въ Раштадтѣ долженъ былъ составиться конгрессъ для переговоровъ о мирѣ между Франціею и Германскою имперіею. Кромѣ того императоръ обязывался одною секретною статьею употребить всѣ усилія, чтобъ способствовать намъ къ овладѣнію линіею Рейна.

Талейранъ поспѣшилъ съ преувеличенными комплиментами: „Прощайте, генералъ-миротворецъ! прощайте! дружба, удивленіе, уваженіе, признательность....' даже не знаешь гдѣ

остановиться въ этомъ исчисленіи чувствъ.... Можетъ быть, и найдется *нѣсколько итальянскихъ крикуновъ*, писалъ онъ: но это все равно!“

Генералъ Бонапарте хотѣлъ между тѣмъ сдѣлать что-нибудь и для народа, пораженнаго имъ столь жестоко. Онъ писалъ къ Виллетару нашему представителю въ Венеціи, чтобъ предложить убѣжище въ Цизальпинѣ венеціанскимъ патріотамъ, которые захотятъ выѣхать изъ отечества. Онъ предложилъ вывезти изъ Венеціи въ Феррару все, что оставалось въ республикѣ изъ военныхъ, морскихъ запасовъ, а также товары, и продать все вмѣстѣ съ казенными имѣніями въ пользу этихъ эмигрантовъ, чтобъ обезпечить имъ средства къ существованію. Виллетаръ, какъ честный и добросовѣстный агентъ коварной политики, хотѣлъ произвести революцію въ Венеціи, но никогда не думалъ, что она будетъ пожертвована. Онъ привязался къ новой республикѣ словно ко второму отечеству, и когда ему пришлось объявить венеціанскому правительству о заключеніи кампо-формійскаго договора, то при видѣ отчаянія, вызваннаго этимъ извѣстіемъ, волненіе овладѣло имъ самимъ до такой степени, что онъ прервалъ рѣчь и разразился рыданіями. Онъ тотчасъ же сообщилъ собранію предложенія генерала, которыя были отвергнуты съ негодованіемъ. „Я обрадовался, писалъ онъ по этому поводу къ Бонапарте:—что въ членахъ венеціанскаго правительства нашелъ благородныя души, которыя не согласились на мѣры, предлагаемыя вами чрезъ мое посредство; они пойдутъ искать свободной земли въ другомъ мѣстѣ, но предпочтутъ бѣдность позору.... Надобно сказать правду, что по прочтеніи вашихъ приказаній, вокругъ раздались стоны и проклятія противъ французской націи“. Бонапарте отвѣчалъ оскорбительною насмѣшкою человѣку, изъ котораго сдѣлалъ свое орудіе: „Никакой договоръ не связывалъ насъ съ венеціанскимъ муниципалитетомъ! Нечего было Франціи затѣвать войну за другіе народы. Что же касается до горсти

болтуновъ, желавшихъ всемірной республики, то имъ оставалось начать зимнюю кампанію. Венеціанской національности не существовало. Она была также труслива, какъ лицемѣрна и изнѣженна. Если она была создана для свободы, то пусть докажетъ это, защищая свою собственную. Венеціанъ не отдавали Австріи, Франція не имѣла на это права; имъ слѣдовало защищаться, во время нашего выступленія.

Какъ эти оскорбленія, брошенныя даромъ въ лицо народу, имъ обезоруженному, разоренному и лишенному средствъ защиты, были далеки отъ чувствъ, которыя впослѣдствіи на островѣ св. Елены онъ приписывалъ своей политикѣ относительно Венеціи! Тамъ, благодаря услужливости памяти, которая по своему передѣлывала событія, уступка Венеціи Австріи казалась ему только временнымъ испытаніемъ, которому онъ хотѣлъ подвергнуть венеціанъ, чтобъ закалить ихъ патріотизмъ. „Годы, проведенные венеціанами подъ ярмомъ Австрійскаго дома, заставили бы ихъ принять съ восторгомъ національное правительство, какъ бы оно ни было болѣе или менѣе аристократическое.... Нечего было опасаться, чтобъ народъ такого кроткаго нрава могъ привязаться къ нѣмецкому правительству и проч....“ Извиненія, столь же мало искреннія, какъ и обвиненія, которыми онъ осыпалъ тѣхъ, кого хотѣлъ погубить, потому что они препятствовали его планамъ, но которыя заключаютъ въ себѣ еще нѣчто болѣе гнусное, ибо въ нихъ есть стремленіе придать заслугу одному изъ своихъ дѣйствій, заклейменному самымъ справедливымъ образомъ.

Наконецъ, въ самомъ насмѣшливомъ предложеніи защищаться, обращенномъ къ связанному и забитому народу, было ни что иное какъ послѣднее оскорбленіе. Венеціане дѣйствительно хотѣли начать войну и посылали двойную депутацію въ Директорію и къ Бонапарте, прося позволенія начать дѣйствія собственными средствами по выходѣ нашихъ войскъ. Но вмѣсто всякаго отвѣта, генералъ велѣлъ аресто-

вать депутатовъ. Чрезъ нѣсколько времени французскія войска очистили Венецію. Серюрье забралъ все, что оставалось въ магазинахъ, потопилъ суда, которыхъ нельзя было увести, наконецъ сжегъ Буцентавра [15]), этого стариннаго свидѣтеля счастливыхъ дней республики. По совершеніи этого, онъ уступилъ мѣсто австрійцамъ. Нѣмое отчаяніе, глубокая скорбь царствовали въ городѣ, и это мертвое молчаніе было прервано лишь возгласами наемной черни. Комиссаромъ, явившимся отъ имени императора для приведенія венеціанъ къ присягѣ, былъ тотъ самый Франческо Пезаро, который столько разъ договаривался съ генераломъ Бонапарте.

Эксъ–дожъ Манинъ долженъ былъ присягать отъ имени своихъ соотечественниковъ, и съ сокрушеннымъ сердцемъ подчинился этой тягостной необходимости. Но въ моментъ, когда онъ приближался, чтобъ произнести эти роковыя слова, онъ вдругъ зашатался и палъ бездыханенъ, словно пораженный стыдомъ и отчаяніемъ. Такъ пала Венеціанская республика послѣ долгаго и славнаго существованія. Венеціанскій народъ не умеръ съ нею; онъ еще страдаетъ и протестуетъ. Съ тѣхъ поръ онъ не разъ былъ отомщенъ опасностями и безконечными замѣшательствами, завѣщанными Европѣ кампо-формійскими беззаконіями; но преступленіе, совершенное французскими руками, ожидаетъ еще удовлетворенія.

(Писано въ 1865 г. Съ тѣхъ поръ преступленіе заглажено, но только не французскими руками).

---

[15]) *Буцентавръ*, парадное судно, употреблявшееся въ Венеціи для празднованія свадьбы Дожа съ моремъ—церемонія происходившая въ день Вознесенія. Это былъ родъ очень высокой галеры безъ мачтъ и парусовъ, ходившей на веслахъ и увѣнчанной полукруглою эстрадою, откуда ежегодно Дожъ бросалъ золотое кольцо въ Адріатическое море въ знакъ обрученія. Обрядъ этотъ восходитъ до 1177 г. *Буцентавръ* получилъ названіе оттого, что имѣлъ на носу изображеніе *центавра* верхомъ на быкѣ.

Пр. перевод.

ГЛАВА X.

Египетская экспедиція.

Генералъ Бонапарте продолжалъ свое пребываніе въ Италіи до половины ноября, чтобъ докончить устройство Цизальпины. Сдѣлавъ послѣднія распоряженія, онъ покинулъ Миланъ 17 ноября 1797 г., оставивъ на прощанье итальянцамъ прокламацію, наполненную великолѣпными обѣщаніями. Онъ присоединилъ поздравленія, которыя, къ несчастью, преждевременно опровергалъ въ своей корреспонденціи съ Директоріею: „Цизальпинцы были единственнымъ въ исторіи примѣромъ народа, который сдѣлался свободнымъ безъ внутреннихъ раздоровъ, безъ революціи. Они призваны играть великую роль въ дѣлахъ Европы, и будь они предоставлены самимъ себѣ, вскорѣ никакая держава не будетъ на столько сильна, чтобъ лишать ихъ свободы. До тѣхъ поръ великая нація будетъ ихъ защищать отъ нападенія сосѣдей. Что же касается его, то онъ явится среди ихъ при первой опасности". Послѣднія ободренія, расточаемыя мечтою, которой онъ, можетъ быть, никогда не раздѣлялъ,—безполезное маскированіе дѣла, неспособнаго продолжаться ни минуты собственными средствами, и которое, доставивъ намъ всѣ выгоды завоеванія, должно было вскорѣ принести всѣ тягости убыточнаго протектората.

Бонапарте проѣхалъ сперва въ Туринъ, гдѣ постарался избѣгнуть свиданія съ Сардинскимъ королемъ, чтобъ не войдти въ какія нибудь обязательства съ колеблющимся уже трономъ. Черезъ Монт-Сенисъ онъ отправился въ Генуу, гдѣ первымъ его дѣломъ было—арестовать банкира Бонтами, который подозрѣвался въ содѣйствіи бѣгству Карно, услуги и старинная дружба котораго сдѣлались уже непріятнымъ воспоминаніемъ. Въ Лозаннѣ ему устроила овацію демократическая партія, которая приготовляла уже возстаніе въ кантонѣ Во противъ господства Берна. Въ Мара онъ посѣтилъ поле битвы, гдѣ мы были побѣждены; онъ осуждалъ планъ Карла Смѣлаго, порицая его ошибки, словно дѣло шло объ одномъ изъ его предшественниковъ, наконецъ, переправившись чрезъ Рейнъ, онъ прибылъ въ Раштадтъ. Тамъ уже собрались уполномоченные, но онъ не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія заниматься переговорами; онъ усталъ уже отъ кампо-формійскихъ, а здѣсь предвидѣлъ еще болѣе запутанныя усложненія. Онъ появился въ Раштадтѣ собственно для того, чтобъ, нѣкоторымъ образомъ, овладѣть этимъ дипломатическимъ споромъ съ цѣлью воспользоваться всѣми почестями на случай благополучнаго окончанія, и имѣть возможность устранить отвѣтственность при неблагопріятномъ исходѣ. Ему хотѣлось, чтобъ припомнили объ его участьи, и постарался заявить свое присутствіе въ Раштадтѣ буйною выходкою, впрочемъ достаточно оправдываемою, съ какою онъ встрѣтилъ представителя Швеціи графа Ферзена, замѣчательнаго въ нашей революціи по дружбѣ съ королевою и по дѣятельному участью во всѣхъ придворныхъ заговорахъ. Нѣсколькими рѣзкими и высокомѣрными словами онъ далъ графу замѣтить все неприличіе его являться для переговоровъ съ Французскою республикою, и графъ Ферзенъ, какъ представлявшій препятствіе къ успѣху дѣла, на другой же день выѣхалъ изъ Раштадта. Генералъ обмѣнялся съ Кобенцелемъ ратификаціями Кампо-формійскаго трактата и уѣхалъ въ Парижъ, подписавъ

военную конвенцію, по которой мы получали Майнцъ и Мангеймъ.

Онъ прибылъ въ Парижъ 5 декабря и остановился въ своемъ маленькомъ отелѣ въ улицѣ Шантреннъ, которая по этому случаю переименована въ улицу Побѣды—остроумная и добровольная лесть парижскаго муниципалитета. Будучи предметомъ огромнаго всеобщаго любопытства, онъ имѣлъ ловкость—удовлетворять его только на половину, что служило вѣрнымъ средствомъ значительно продлить его и подстрекало его, вмѣсто того чтобъ утишить. Осторожный и исполненный кажущейся скромности, принадлежащей тѣмъ, кто избѣгаетъ чванства изъ гордости, онъ укрывался отъ привѣтствій толпы, какъ и отъ блеска офиціальныхъ пріемовъ, отвѣчая на любезности чрезвычайно вѣжливо, но безъ фамильярности, выходилъ рѣдко, говорилъ мало, и въ одеждѣ и манерахъ выказывалъ безцеремонность, которая представляла разительную противоположность съ его славою и немного театральнымъ тономъ его прокламацій.

Принужденная позабыть свои неудовольствія предъ такою блестящею популярностью, Директорія сдѣлала великолѣпный пріемъ Бонапарте. На дворѣ Люксамбургскаго дворца былъ воздвигнутъ алтарь отечества, украшенный трофеями, уставленный аллегорическими статуями, стѣны увѣшаны знаменами, а вокругъ устроенъ обширный амфитеатръ. Здѣсь-то Директорія и дипломатическій корпусъ въ народныхъ мундирахъ встрѣтили молодаго генерала. Огромная толпа, жаждавшая видѣть его, наполняла дворъ и смежныя улицы. Когда онъ показался, взоры всѣхъ были обращены только на него, и вокругъ раздавались непрерывныя восклицанія. Его небольшой ростъ, блѣдность, болѣзненный видъ, профиль обличавшій иностранное племя, худощавость — все въ его особѣ было неожиданно, необыкновенно, создано для того, чтобъ поразить воображеніе.

Первымъ заговорилъ Талейранъ. Краснорѣчіе его въ этотъ день не отличалось свойственнымъ ему тактомъ, потому ли что онъ увлекся всеобщимъ восторгомъ, потому ли что онъ хотѣлъ расположить къ себѣ тріумфатора. Относя къ Франціи и революціи часть славы генерала, онъ восхвалялъ его въ такихъ выраженіяхъ, какія умѣстны только относительно мертвыхъ, и въ которыхъ было болѣе лести, нежели въ тѣхъ, какія употребилъ самъ Боссюэтъ, обращаясь къ Людовику XIV. Онъ обнаружилъ также, но, увы, весьма безполезное искусство показать, что этотъ день былъ „торжество равенства". Онъ преобразилъ Бонапарте въ какого-то стоическаго героя, отрѣшеннаго отъ почестей этого міра, любящаго только простоту, уединеніе, отвлеченныя науки и преданнаго „возвышенному Оссіану, который, казалось, отрѣшалъ его отъ земли". По словамъ оратора, не только не было основанія бояться его честолюбія, но „могло наступить время, когда пришлось бы упрашивать его—оставить его ученое уединеніе".

Одинъ уже тонъ отвѣта Бонапарте, кто съумѣлъ понять это, служилъ опроверженіемъ этимъ ребяческимъ мечтаніямъ, столь мало сообразнымъ съ характеромъ генерала. Глубокое молчаніе воцарилось, когда онъ заговорилъ; его жадно слушали, хотя конечно большинство не слышало. Рѣчь его состояла изъ нѣсколькихъ общихъ мѣстъ, не имѣвшихъ особаго значенія, въ особенности если сравнить ее съ характеристическими рѣчами, исходившими прежде изъ устъ его; но въ отрывистомъ говорѣ его слышался тонъ, обличавшій человѣка, привыкшаго повелѣвать. Замѣчательно только было заключеніе: „Когда счастье французскаго народа оснуется *на лучшихъ органическихъ законахъ*, тогда вся Европа сдѣлается свободною". Слова эти, произнесенныя при такомъ торжественномъ случаѣ и такимъ разсчетливымъ человѣкомъ, имѣли, можно думать, весьма опредѣленную цѣль: онъ старался дать замѣтить, что съ тѣхъ поръ онъ видѣлъ не одну пере-

мѣну въ нашихъ политическихъ законахъ. Надъ этими словами слѣдуетъ остановиться и зрѣло ихъ обдумать.

Потомъ говорилъ Барра̀ среди всеобщаго невниманія и съ напыщенностью, превосходящею все, что въ этомъ родѣ представляетъ намъ эта декламаторская эпоха. Онъ послѣдовательно сравнивалъ генерала съ Сократомъ, Цезаремъ, Помпеемъ, расточалъ ему самую низкую лесть по поводу кампо-формійскаго мира, который такъ часто самъ выставлялъ постыднымъ для республики и безславнымъ для того, кто подписалъ его. Послѣ этого, побуждая миротворца Европы увѣнчать такую славную жизнь новымъ завоеваніемъ и указывая для этого на Англію: „Идите, сказалъ онъ:—идите взять въ плѣнъ этого огромнаго разбойника, господствующаго на моряхъ, идите покарать въ Лондонѣ оскорбленія, остающіяся такъ долго безъ наказанія. Васъ ждутъ многочисленные почитатели свободы; вы освободитель, котораго человѣчество призываетъ жалобными воплями“ [46]). Проговоривъ это, Барра̀ обнялъ Бонапарте, консерваторія исполнила гимнъ, сочиненный Шенье и Мегюлемъ; потомъ Директоріи были представлены Жубертъ и Андреосси.

Въ слѣдующіе дни дано было множество праздниковъ въ честь молодаго генерала. Бонапарте мало на нихъ появлялся, питая большое подозрѣніе къ людямъ различныхъ партій; онъ умѣлъ щадить всѣ мнѣнія, но избѣгалъ высказываться относительно щекотливыхъ вопросовъ, и посѣщая преимущественно общество артистовъ и ученыхъ, собранія безъ политическаго цвѣта, онъ съ тѣхъ поръ выказалъ къ нимъ наклонность монарха, желающаго ободрять заслуги.

По случаю изгнанія Карно, въ Институтѣ очистилось вакантное мѣсто; его предложили Бонапарте, и онъ безъ зазрѣнія совѣсти принялъ наслѣдіе стариннаго своего покровителя, который искупалъ въ ссылкѣ вину своей добро-

---

[46]) Монитёръ. *Пр. автора.*

совѣстной оппозиціи фруктидорскому государственному перевороту. Онъ благодарилъ Институтъ письмомъ, въ которомъ называлъ „единственными истинными побѣдами тѣ, какія одерживаютъ надъ невѣжествомъ“ (26 декабря)—краснорѣчивыя слова, которыя грѣшатъ только тѣмъ, что составляютъ полнѣйшую противоположность съ его дѣлами. Съ тѣхъ поръ онъ тщеславился своимъ званіемъ члена Института, притворяясь, что пальму ученаго предпочиталъ почестямъ главнокомандующаго, и находя удовольствіе на всѣхъ публичныхъ церемоніяхъ показывать побѣдителя Европы въ скромной институтской формѣ.

Въ отношеніяхъ своихъ съ Директоріею онъ, подъ видомъ полнаго забвенія, скрывалъ глубочайшее недовѣріе, и, при нѣкоторыхъ случаяхъ, принималъ оскорбительныя предосторожности, оправдываемыя въ его глазахъ преждевременною смертью Гоша. Именно на Барра̀, на того изъ директоровъ, съ которымъ онъ былъ ближе, и устремлялись его подозрѣнія. Онъ считалъ его человѣкомъ, который не задумается ни надъ какою крайностью. Ничто однакоже не доказываетъ основательности этой боязни, хотя этотъ развратникъ соединялъ въ себѣ всѣ пороки прежняго и новаго правленія. Предположивъ даже, что директоры были способны на попытку отдѣлаться отъ него подобнымъ способомъ, они все еще были довольно сильны, чтобъ бояться его до такой степени. Они очень хорошо знали, что генералъ былъ предметомъ великихъ ожиданій, что многіе торопили его овладѣть диктатурою, но знали они также, что ничто еще не было готово, и элементы, на которые необходимо было ему опереться, не имѣли еще достаточной прочности. Они показывали ему даже донесенія полиціи по этому поводу, конечно не столько съ цѣлью заявить ему довѣріе, сколько для показанія, что они за нимъ наблюдали. Между прочимъ возраставшая его популярность внушала имъ серьезныя опасенія, и они употребляли, подъ рукою, всѣ зависѣвшія средства, чтобъ

уменьшить ее. Такимъ образомъ они заставили совѣтъ Пяти Сотъ отвергнуть предложеніе о подаркѣ ему Шамбора въ видѣ національной награды. Въ замѣну этого, они торопили его кинуться въ рискованное предпріятіе, которое, по словамъ ихъ, должно было довершить его славу, и которое они заявили Европѣ, назначивъ его главнокомандующимъ Англійскою арміею.

Приготовленія къ этому походу дѣлались шумно во всѣхъ портахъ Республики, но дѣятельность эта скорѣе была изъ тщеславія. Въ ожиданіи конца приготовленій, Бонапарте спрашивали совѣта во всѣхъ дѣлахъ и приглашали на всѣ важныя засѣданія. Повидимому его хотѣли освободить отъ строгости неосмотрительнаго закона, ввѣряя ему заранѣе власть, въ которой его возрастъ (29 лѣтъ) не позволялъ еще принимать явнаго участья. Первое, на что онъ употребилъ это вліяніе, было отрѣшеніе отъ командованія Рейнскою арміею Ожеро, сдѣлавшагося его отъявленнымъ врагомъ со времени обмана, которому онъ подвергся, въ фруктидорѣ. Ожеро съ дальновидностью ненависти давно уже проникъ въ его замыслы и немедленно донесъ о нихъ Директоріи. Бонапарте обвинилъ его въ томъ, что якобинскими демонстраціями онъ мѣшалъ переговорамъ съ Германіею, и Ожеро, впавъ въ едва замаскированную немилость, получилъ въ Перпиньянѣ какое-то незначительное мѣсто, не представлявшее ничего для будущности.

Бонапарте никогда не считалъ высадку въ Англію серьезною. Онъ зналъ всю недостаточность средствъ, предоставленныхъ въ его распоряженіе. Онъ зналъ, что въ этой странѣ ему предстояло имѣть дѣло совершенно съ другимъ племенемъ, нежели въ Италіи, и что если было не легко проникнуть на этотъ знаменитый островъ, о который разбивались столько разъ наши усилія, то выйдти изъ него еще труднѣе. Поэтому онъ не хотѣлъ рисковать своею славою въ такомъ невѣрномъ предпріятіи. Давно уже питалъ онъ намѣреніе

окончательной цѣли котораго не легко было достигнуть, но въ которомъ онъ нашелъ бы покрайней мѣрѣ многочисленные случаи удивлять и ослѣплять людей, ибо ихъ всегда болѣе поражаетъ блескъ успѣха, нежели прочность результатовъ: и онъ желалъ этого въ особенности. Египетская экспедиція не требовала медленной и опасной работы, на какую осуждало его неблагодарное занятіе покоренія Англіи, и, въ виду дряхлости Востока, экспедиція эта должна была доставить блестящіе, если и не продолжительные успѣхи.

Генералъ однако же притворялся, что раздѣлялъ виды Директоріи. Когда еще въ Пассерьяно, при первомъ взрывѣ мечтаній о Востокѣ, онъ обратилъ вниманіе директоровъ на удобство, какое представляли намъ наши учрежденія на Іоническихъ островахъ, на образованіе какого нибудь новаго государства на развалинахъ Турецкой имперіи, и въ особенности къ овладѣнію нами Мальтою и Египтомъ, ему отвѣчали возраженіемъ. Впослѣдствіи директоры изъявили свое одобреніе, но самымъ неопредѣленнымъ образомъ. Теперь же прежде чѣмъ снова испросить это согласіе, Бонапарте хотѣлъ убѣдить ихъ, что сдѣлалъ все для осуществленія ихъ намѣреній. Онъ поѣхалъ осмотрѣть лично вдоль нашихъ морскихъ береговъ приготовленія, направленныя противъ Англіи (10 февраля 1798). Онъ разспрашивалъ лоцмановъ и матросовъ, осматривалъ работы, входя во всѣ мелочи, но съ запасною мыслью, весьма различною отъ той, какую можно было предполагать въ немъ послѣ этой поѣздки, ибо въ каретѣ онъ имѣлъ съ собою планы и различныя сочиненія, касавшіяся Египетской экспедиціи, для которой онъ и хотѣлъ употребить матерьялы англійскаго похода. По возвращеніи въ Парижъ онъ объявилъ, „что долго ничего не будетъ готово, и что онъ не поставитъ судьбу Франціи на такую рискованную карту“, и приготовленія, предназначенныя противъ Англіи, получили новое назначеніе, но тщательно скрытое отъ публики.

Мысль увлечь изъ Франціи въ отдаленную и мало извѣстную страну, сообщенія съ которою должны быть насильно прерваны въ данное время,—цвѣтъ нашихъ солдатъ' генераловъ и ученыхъ, въ минуту, когда миръ не былъ еще подписанъ, когда еще намъ угрожала вооруженная Европа, когда подобное завоеваніе не могло не усилить неудовольствія, и въ особенности не могло не вызвать вражды притихшей, но не угасшей,—мысль эта была столь же почти неразумная, какъ и внушившая впослѣдствіи войну съ Россіею, хотя и негрозившая навлечь такія страшныя бѣдствія.

Занятіе Египта не представляло само по себѣ ничего неисполнимаго. Благоразумно веденная экспедиція эта могла бы, можетъ быть, доставить какіе нибудь полезные результаты въ эпоху мира. Ее не разъ обсуждали при прежнемъ правительствѣ. Лейбницъ подавалъ Людовику XIV проэктъ колонизаціи Египта. Мысль эта возобновлялась въ царствованіе Людовика XVI, и Бонапарте имѣлъ подъ рукою всѣ матерьялы, разработанные по этому поводу. Наконецъ недавно еще нашъ консулъ въ Александріи Магалонъ представилъ министру Шарлю Делакруа записку въ томъ же духѣ, уполномочивавшую его ѣхать въ Парижъ поддерживать и развивать свои виды (въ августѣ 1796). Но въ планахъ Бонапарте проэктъ этотъ получилъ новые размѣры. Онъ предлагалъ не только колонизацію—попытку такую рискованную со столь мало общительнымъ народомъ и при такихъ колонистахъ какъ французы, но и полное разрушеніе Востока, элементы возрожденія котораго, предполагалось, ожидали только искры, чтобъ возвратиться къ жизни и придти въ движеніе по призыву нашей арміи,—гипотеза, не подтверждавшаяся никакимъ серьезнымъ фактомъ. Разрушить англійскія учрежденія въ Индіи, изгнать турокъ изъ Константинополя въ Азію при помощи всеобщаго возстанія грековъ и прочихъ христіанъ, наконецъ возвратиться въ Европу и захватить ее врасплохъ: — таковы были замыслы

этого необузданнаго воображенія, которыхъ скромнымъ предисловіемъ служило занятіе Египта.

Для объясненія — какимъ образомъ могъ онъ получить согласіе Директоріи, въ моментъ, когда ничто не было обезпечено внутри, и когда все извнѣ обѣщало близость новой коалиціи, необходимо припомнить разомъ и восторгъ, возбужденный успѣхами, и желаніе директоровъ отдѣлаться отъ человѣка, честолюбіе котораго возрастало пропорціонально счастью, и неутолимую, палящую жажду этого человѣка— избавиться отъ досуга безъ славы и снова привлечь на себя взоры всего міра. Генералъ Бонапарте былъ слишкомъ прозорливъ, чтобъ вѣрить, что Директорія могла безъ него удержать Францію на опасной высотѣ, на которую ее вознесли его побѣды. Но прозорливость эта не только не вредила его планамъ, а напротивъ нѣкоторымъ образомъ ему помогала. Ему необходимо было доказать блестящими доводами что безъ него ничего не могли совершить, что всѣ наши военные успѣхи зависѣли отъ его генія, и что онъ наконецъ былъ единственнымъ необходимымъ человѣкомъ,—убѣжденіе, раздѣляемое со смерти Гоша весьма многими. Такъ самъ онъ писалъ съ наивнымъ маккіавлизмомъ: „Для того, чтобъ быть властителемъ Франціи, *необходимо было, чтобъ Директорія потерпѣла неудачу въ его отсутствіи*, а чтобъ его возвращеніе напомнило наши побѣды [47]).

Онъ впрочемъ терпѣть не могъ спокойствія, и всѣ способности его были обращены на дѣятельность. Но онъ еще болѣе боялся неизбѣжнаго анализа, которому готовился его подвергнуть проницательный скептицизмъ — родъ умственной лабораторіи, гдѣ все разбирается. Онъ зналъ этотъ подвижной и насмѣшливый народъ, который за свое пристрастіе мститъ равнодушіемъ и такъ скоро освоивается съ идолами, которымъ кадилъ наиболѣе. „Въ Парижѣ не остав-

---

[47]) Записки Наполеона. *Пр. авт.*

ляютъ ни о чемъ воспоминанія, говорилъ онъ своимъ короткимъ знакомымъ—и я погибъ, если останусь подолѣе въ бездѣйствіи. Увидятъ меня три раза въ театрѣ, и уже перестанутъ смотрѣть на меня". Надобно было дать новую пищу любопытству, этой жаждѣ къ чудесному, которая у націи заняла мѣсто революціонныхъ страстей. Необходимо было поддержать собственную особу, и новыми подвигами докончить завоевателя, героя, котораго, подъ его именемъ, создало народное воображеніе. Съ этой точки зрѣнія „маленькая Европа была не болѣе кротовины и не представляла поприща для славы; онъ пойдетъ требовать ее у Востока, у этой страны чудесъ, которая одна видѣла и огромныя имперіи, и великія революціи, и въ которой жило шесть сотъ милліоновъ народа".

Какимъ образомъ люди, находящіеся подъ вліяніемъ подобной мысли, могли задуматься надъ попраніемъ народнаго права, овладѣвъ Мальтою, которая не подала намъ ни малѣйшаго повода къ жалобамъ и не вела съ нами войны, или поссориться съ Турціею, нашею вѣковою союзницею, съ тѣми, кого самъ Бонапарте называлъ „нашими добрыми друзьями Турками" (письмо 23 декабря 1797), въ благодарность за деньги и всякаго рода припасы, которыми они снабжали добровольно нашъ гарнизонъ въ Корфу.

Исполненіе этого проекта задерживалъ единственно недостатокъ въ деньгахъ. Съ тѣхъ поръ какъ нашу казну перестали подкрѣплять итальянскіе милліоны, финансы наши впали въ прежнее печальное положеніе, и все было парализовано этимъ безденежьемъ. Горю пособили занятіемъ Рима и нашествіемъ на Швейцарію.

Бонапарте въ своихъ запискахъ часто порицаетъ оба эти дѣйствія, которыхъ послѣдствія долженствовали быть столь пагибельны. Онъ вмѣняетъ себѣ въ заслугу то, что имъ противился. Корреспонденція его однакоже доказываетъ очень ясно, что онъ до самаго конца былъ главнымъ руководи-

телемъ этого дѣла; всѣ инструкціи, адресованныя къ Брюну и Бертье, писаны его рукою. Между тѣмъ послѣдствія этого двойнаго нашествія легко было предвидѣть при тогдашнемъ состояніи ненадежнаго европейскаго мира; но не ему приходилось отвѣчать за нихъ. Оба эти событія, которыя могли доставить ему всѣ средства, въ какихъ онъ нуждался для своей экспедиціи, не были ль также средствомъ столь необходимымъ для того, чтобъ, по его мѣткому выраженію, „Директорія испытала неудачи въ его отсутствіи“? Какъ бы то ни было, но отъ его оппозиціи не осталось ни строчки; между тѣмъ какъ доказательства его согласія и многочисленны и убѣдительны; и если бы, какъ онъ утверждаетъ, онъ не одобрялъ этого опаснаго двойнаго нашествія, то въ его высокомъ и вліятельномъ политическомъ положеніи первымъ долгомъ его было не участвовать въ этомъ дѣлѣ.

Занятіе Рима было мотивировано убійствомъ генерала Дюфо. Убійство это, уже второе въ этомъ городѣ, безъ сомнѣнія, требовало строгаго возмездія, но если за нимъ должна была послѣдовать такая сложная мѣра, какъ уничтоженіе папства, то необходимо было, по крайней мѣрѣ, выбрать моментъ болѣе удобный для ея исполненія, ибо какъ же идти въ Римъ, когда упорно настаивали на египетскомъ походѣ; надобно было пожертвовать тѣмъ или другимъ изъ этихъ огромныхъ предпріятій. Что же касается до нашествія на Швейцарію, то ее ничто не оправдывало, и водскіе демократы, которые, желая освободиться изъ-подъ ненавистнаго ига бернскихъ властителей, не побоялись привлечь на родину опаснѣйшій въ тысячу разъ бичъ иностраннаго нашествія, были жестоко наказаны за свое ослѣпленіе, когда въ грабежѣ сокровищъ, медленно накопленныхъ ихъ предками, они должны были увидѣть причину, вооружившую ихъ освободителей. Причина эта, ясно вытекающая и изъ поведенія всѣхъ французскихъ властей въ Швейцаріи, и изъ документовъ, оставшихся намъ отъ этого печальнаго собы-

тія, представлена была какъ выдумка, разглашенная криками „этого маленькаго скупаго народца“ [48]). Въ этомъ случаѣ можно сослаться на подтвержденіе самого Наполеона, который изъ Парижа руководилъ экспедиціею: „Другая причина, говоритъ онъ, была не менѣе вліятельна на рѣшеніе Директоріи: — *это милліоны Берна, которыхъ ей хотѣлось*“.

Римскою экспедиціею начальствовалъ Бертье, начальникъ главнаго штаба Бонапарте. Послѣдній сдалъ свой постъ въ Италіи Бертье частью потому, что зналъ неспособность его быть главнокомандующимъ и зналъ, что изъ всѣхъ его генераловъ онъ преимущественнѣе могъ заставить пожалѣть о немъ, а частью съ цѣлью опровергнуть смѣшныя увѣренія тѣхъ, кто побѣды Бонапарте приписывалъ совѣтамъ этого генерала. Нашествіе на Швейцарію ввѣрено было Брюну, генералу отличавшемуся въ Италіи, куда онъ прибылъ къ концу кампаніи, и котораго Бонапарте берегъ по его извѣстному вліянію на крайнюю фракцію республиканской партіи. И тотъ и другой получали отъ Наполеона приказанія, посылали къ нему свои планы и отдавали отчетъ въ дѣйствіяхъ, цѣль которыхъ, какъ Бертье наивно писалъ къ своему начальнику, была скорѣе фискальная, нежели политическая: „Посылая меня въ Римъ, говоритъ онъ, *вы назначили меня казначеемъ англійской экспедиціи*; я постараюсь хорошенько наполнить кассу“ [49]). Вскорѣ грабежъ этого міроваго музея, возмущеніе войскъ, которыя оставлялись въ полнѣйшей нищетѣ, для болѣе удобнѣйшаго пополненія кассы, и немилосердные поборы Галлера, главнаго поставщика Египетской экспедиціи, достаточно доказали, что Бертье умѣлъ держать свое слово. Что касается Брюна, то онъ въ одномъ только Бернѣ завладѣлъ болѣе 16 мильоновъ

---

[48]) Тьеръ, Исторія французской революціи. *Прим. автора.*

[49]) Письмо 14-го января 1778 г., приводимое Барантомъ въ его *Исторіи Директоріи.* *Прим. автора.*

деньгами и въ слиткахъ, 7 мильоновъ въ оружіи и запасахъ и на 18 мильоновъ съѣстныхъ припасовъ. Назначеніемъ этихъ денегъ такъ хорошо распорядились заранѣе, что многіе милліоны были отправлены прямо изъ Берна въ Тулонъ. Вотъ на что были употреблены эти республиканскія арміи, столь извѣстныя вначалѣ своимъ безкорыстіемъ, благородствомъ и честностью. Для подобной перемѣны достаточно было двухлѣтней войны въ Италіи.

Директорія 12-го апрѣля подписала рѣшеніе относительно Египетской экспедиціи, но содержала его въ тайнѣ, такъ какъ было очень важно скрыть это отъ Англіи. Въ силу этого рѣшенія, предоставлялись генералу Бонапарте значительныя сухопутныя и морскія силы, которыми онъ могъ располагать по своему усмотрѣнію. Его уполномочивали взять „столько войска, сколько онъ почтетъ нужнымъ“, забрать изъ Италіи дивизіи, находившіяся въ Генуѣ, Чивита-Веккіи, въ Корфу, овладѣть Мальтою и Египтомъ, изгнать англичанъ изъ всѣхъ ихъ владѣній на Востокѣ, „отрѣзать Суэзскій перешеекъ“. Это, какъ бы нѣкоторымъ образомъ, отдавали ему въ чужихъ краяхъ государство, чтобъ недопустить его овладѣть господствомъ во Франціи. Бонапарте широко воспользовался этими либеральными уполномочіями. Онъ назначилъ къ себѣ самыхъ знаменитыхъ ученыхъ, литераторовъ, артистовъ, какъ Монжъ, Бертоле, Жоффруа Сентъ-Илеръ, Фуррье, Денонъ, Лоррей, Деженеттъ, Доломьё и др. Что касается генераловъ, то онъ не довольствовался своими старыми товарищами по Итальянской арміи, и выбралъ ихъ изъ всѣхъ армій республики. Онъ забралъ цвѣтъ генераловъ, какъ бы не желая оставить ничего порядочнаго: Дезэ, Клебера, Даву, Рейнье, Каффарелли, Беньяра и большую часть своихъ прежнихъ помощниковъ—Мюрата, Ланна, Мармона, Бертье, Андрасси, Жюно, все что было молодаго, энергическаго. Директорія чувствовала себя такъ счастливою освободиться отъ него, что дозволила ему взять цвѣтъ населенія, состав-

лявшій силу нашего края, а поводы ея поспѣшности помогать генералу были столь же мало похвальны, какъ и тѣ, которые побудили послѣдняго бросить столько драгоцѣнныхъ жизней въ одно изъ самыхъ дерзкихъ предпріятій.

Одинъ изъ тѣхъ случаевъ, который заставилъ бы призадуматься правительство, болѣе заботливое о безопасности и чести Франціи, пріостановилъ на пятнадцать дней отправленіе экспедиціи. Бернадоттъ, посланникъ нашъ въ Вѣнѣ, получивъ выговоръ отъ Директоріи по поводу слабости его республиканизма и по причинѣ его угодливости вѣнской аристократіи, водрузилъ на своемъ отелѣ республиканское знамя, согласно съ полученными приказаніями, но вопреки дипломатическимъ обычаямъ. Это вооружило вѣнскую чернь, которая оскорбила національные цвѣта́, и камнями разбила окна въ посольскомъ домѣ. Возмущеніе это, которое едва укротили, было серьезно въ особенности съ той стороны, что показывало дѣйствительное расположеніе народа, который можно было считать если не покореннымъ, то по крайней мѣрѣ деморализованнымъ и запуганнымъ. Оно доказывало, что для возобновленія военныхъ дѣйствій Вѣнскому двору слѣдовало только идти за нимъ, а не толкать его впередъ, какъ вообще предполагали.

Директорія видѣла сперва въ этомъ событіи неожиданный случай возобновить войну и возвратиться къ кампоформійскимъ условіямъ. Она предложила Бонапарте званіе главнокомандующаго германскою арміею. Но послѣдній, будучи весь преданъ своимъ приготовленіямъ, исполненный надеждъ на успѣхъ предпріятія, мало выказывалъ расположенія къ новому назначенію. Онъ слишкомъ хорошо зналъ разстроенное положеніе Австріи, чтобъ вѣнскія сцены считать обдуманнымъ разрывомъ. Но такъ какъ онъ былъ всегда господиномъ своихъ плановъ и сохранялъ до послѣдней минуты возможность измѣнить ихъ при удобномъ случаѣ, то захотѣлъ, по своему обыкновенію, испытать новые

шансы, представлявшіеся ему, написалъ къ Кобенцелю въ видахъ уладить дѣло, предложилъ даже услуги возвратиться въ Раштадтъ, и его предложеніе было принято. Но начальничій тонъ, принятый имъ въ этомъ обстоятельствѣ, тайна, которою онъ прикрывалъ свои поступки, и безпокойная дѣятельность, съ какою онъ привлекалъ къ себѣ, заставили вскорѣ директоровъ раскаяваться въ первомъ ихъ движеніи. Вѣнскій дворъ, желавшій выиграть время, скрылъ свое неудовольствіе на занятіе нами Рима и Швейцаріи, и предложилъ намъ самое полное удовлетвореніе. Но по мѣрѣ того какъ Директорія охладѣвала къ разрыву съ Австріею, Бонапарте, съ своей стороны, казалось, вдругъ почувствовалъ угрызенія совѣсти, о чемъ до сихъ поръ не имѣлъ понятія, и хотѣлъ отступить передъ отвѣтственностью, какую навлекало на него удаленіе такой арміи при обстоятельствахъ, столь опасныхъ для республики. И хотя онъ писалъ Клеберу, Кафарелли, Брюйе, „что нѣкоторыя смуты въ Вѣнѣ заставили его остаться нѣсколько дней въ Парижѣ, *но что это ничего не измѣнитъ относительно экспедиціи*", однако его нерѣшимость увеличивалась, повидимому, ежедневно, потому ли, что ему хотѣлось получить формальный приказъ объ исполненіи предпріятія, во избѣжаніе отвѣтственности за послѣдствія, если они будутъ гибельны, или скорѣе потому, что онъ въ послѣднихъ событіяхъ предвидѣлъ нѣкоторыя средства осуществить болѣе дорогое намѣреніе для его честолюбія, благодаря сосредоточеннымъ въ его рукахъ силамъ. Матьё Дюма утверждаетъ въ своихъ Запискахъ, что ему передавалъ генералъ Дезэ, который былъ адъютантомъ Бонапарте и оставался съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, что генералъ наканунѣ своего отъѣзда въ Египетъ все приготовилъ къ ниспроверженію Директоріи и былъ готовъ исполнить этотъ переворотъ. Свидѣтельство это согласно съ свѣдѣніями, которыя получали директоры о происках генерала. Вотъ причина замѣчательной энергіи, съ

какою отдано было ему приказаніе объ отъѣздѣ. Сцена была очень жива и происходила въ самой Директоріи. При первомъ противорѣчіи Бонапарте вспыхнулъ и предложилъ свою отставку, но это предложеніе не произвело уже прежняго дѣйствія. Ревбель равнодушно протянулъ къ нему перо и сказалъ: „Пишите вашу отставку, генералъ; у республики есть еще дѣти, которыя не покинутъ ее“. Генералъ взялъ перо, но допустилъ Мерлина вырвать его у себя изъ рукъ, и не говорилъ болѣе объ отставкѣ.

Онъ выѣхалъ изъ Парижа 3-го мая, оставивъ генералу Брюну, назначенному главнокомандующимъ Итальянскою арміею, подробныя инструкціи о веденіи кампаніи въ Италіи,— такъ казался неизбѣжнымъ разрывъ съ Австріею. Позиція, которую Брюнъ имѣлъ защищать во что бы то ни стало, какъ ключъ Италіи — была та же самая линія Адидже отъ озера Гарде до Порто-Леньяго, на которой Бонапарте выдержалъ непоколебимо столько страшныхъ ударовъ. Главная точка опоры должна была находиться въ Кастель-Ново, откуда можно защищать переправу черезъ рѣку или командовать ущельями, выходящими на Риволи. Онъ рекомендовалъ ему въ особенности весьма оригинальный маневръ, такъ удавшійся ему при Рокко, когда онъ, что называется, однимъ скачкомъ очутился въ тылу у непріятеля. Тщетныя рекомендаціи, которыя никогда не могли замѣнить генія. Впрочемъ не въ этомъ заключалась самая главная опасность въ Италіи, а въ слабости нашихъ въ ней учрежденій. Зданіе Бонапарте разрушалось само собою. Съ тѣхъ поръ, какъ Бертье выгналъ позорно изъ Цизальпинскаго Совѣта депутатовъ, отказавшихся утвердить мѣру, предложенную на ихъ обсужденіе, — упала послѣдняя маска, скрывавшая завоеваніе. Не менѣе предсказывала близкое разрушеніе этого созданія и постыдная анархія, раздѣлявшая побѣдителей, утомленныхъ собственными ихъ злоупотребленіями. Но Бонапарте сдѣлался равнодушенъ и какъ бы чуждъ этой самой

Италіи, которой столь часто обѣщалъ возрожденіе. Какое ему теперь было дѣло до судьбы страны, въ которой онъ не находился! Съ тѣхъ поръ призракъ своего будущаго величія онъ видѣлъ сквозь миражи Востока, а съ этимъ обаяніемъ и страшныя африканскія пустыни изглаживали въ его глазахъ блестящую Италію.

По прибытіи въ Тулонъ, генералъ съумѣлъ почтить послѣднія минуты своего пребыванія во Франціи энергическимъ и краснорѣчивымъ протестомъ противъ кровавой казни, совершенной во имя закона объ эмигрантахъ: разстрѣлянъ былъ восьмидесятилѣтній старикъ. Бонапарте сурово выговаривалъ военной коммиссіи за этотъ безчестный, хотя и законный приговоръ. „Военный, писалъ онъ судьямъ:—который подписываетъ смертный приговоръ личности, неспособной носить оружіе, — подлецъ“. Благословенна его память, если онъ превышалъ законы только подобными дѣйствіями.

Наканунѣ отплытія онъ сдѣлалъ смотръ своей арміи и обратился къ ней съ рѣчью, знаменитою по случаю непризнанія ея, и которая въ тоже время замѣчательнѣе и болѣе сообразна съ характеромъ автора, нежели прокламація, какою замѣнили ее послѣ. Кромѣ того, что каждая строка этой рѣчи напоминаетъ Бонапарте, подлинность ея не подвержена сомнѣнію, ибо она введена во многія сочиненія, собранныя Лас-Казомъ. Въ ней Бонапарте снова взываетъ къ чувствамъ, которыя такъ могущественно служили ему въ Италіи. Но надобно было говорить болѣе вразумительнымъ языкомъ по поводу неизвѣстности такого случайнаго предпріятія.

„Солдаты! говорилъ онъ:—вотъ уже два года, какъ я принялъ надъ вами начальство. Въ то время вы находились на генуэзскомъ берегу, въ самой крайней нищетѣ, нуждаясь во всемъ, и вынуждены были продавать даже часы для поддержанія своего существованія. Я обѣщалъ помочь вашей бѣдѣ, я повелъ васъ въ Италію. Тамъ все вамъ было доставлено.

Не сдержалъ ли я слово? Итакъ, знайте, что вы не все еще сдѣлали для отечества, и отечество не все еще сдѣлало для васъ. Я хочу вести васъ въ страну, гдѣ будущими вашими подвигами вы превзойдете тѣ подвиги, которымъ удивляются теперь ваши поклонники, и окажете отечеству услуги, которыхъ оно вправѣ ожидать отъ непобѣдимой арміи. *Каждому солдату я обѣщаю, что, по возвращеніи изъ похода, онъ будетъ имѣть на что купить шесть десятинъ земли*".

Языкъ этотъ, грубость котораго возмутила директоровъ, отлично согласовался съ новымъ духомъ, развитымъ генераломъ Бонапарте въ республиканскихъ арміяхъ. Одна лишь его ошибка въ томъ, что онъ прямо выразился о вещахъ, которыя до тѣхъ поръ прикрывались ораторскими общими мѣстами. Это значило признать слишкомъ откровенно, что воевали только съ цѣлью добычи, и подобное признаніе не могло успокоить Европу, уже встревоженную нашимъ поведеніемъ въ Швейцаріи. Въ этой рѣчи слышались воспоминанія о древнемъ Римѣ: „Привыкайте къ корабельнымъ обычаямъ, будьте страшны врагамъ на сушѣ и на морѣ, подражайте въ этомъ римскимъ воинамъ, которые умѣли бить карѳагенянъ и на равнинахъ и на водахъ".

Рѣчь эта, воспламенившая солдата въ высшей степени, не меньшій имѣла успѣхъ и въ публикѣ, энтузіазмъ которой былъ еще выше настроенъ. Самъ Бонапарте, вѣроятно, почувствовалъ ея политическое неприличіе, ибо чрезъ два дня онъ издалъ прокламацію, изъ которой тщательно выбросилъ обѣщанія, какія считалъ прежде обязанностью выставить на приманку солдатамъ. Журналъ Директоріи перепечаталъ ее, объявивъ первую рѣчь подложною, увѣряя, „что она не была ни достаточно обдуманна, ни довольно возвышенна, чтобъ быть произведеніемъ побѣдителя Италіи".

Съ якоря снялись 19-го мая. Англичане, будучи вполнѣ увѣрены, что приготовленія эти имѣли цѣлью высадку въ Англіи, довольствовались тѣмъ, что стерегли въ Гибралтарѣ

выходъ изъ Средиземнаго моря, а у Тулона оставили для блокады малую эскадру подъ командою Нельсона. Флотъ нашъ, слѣдовательно, могъ выйдти, не опасаясь, чтобъ увѣдомленіе объ этомъ было сообщено англійскимъ силамъ. 9-го мая онъ у Мальты соединился съ дивизіями, отплывшими изъ Аяччіо и Чивита-Веккіи. Флотъ этотъ состоялъ изъ тринадцати линейныхъ кораблей, четырнадцати фрегатовъ, семидесяти-двухъ корветовъ, однимъ словомъ около пяти сотъ судовъ всевозможныхъ ранговъ съ двадцатью-пятью тысячами солдатъ и десятью тысячами матросовъ. Зрѣлище величественное, но въ глазахъ спеціалистовъ представляющее опасность этою, такъ сказать, переполненною погрузкою. По мнѣнію самого Брюйе, главнаго начальника морскихъ силъ, довольно было десяти англійскихъ военныхъ кораблей, чтобъ разстроить и потомъ уничтожить эту громадную флотилію. Весь успѣхъ столькихъ предположеній и соображеній зависѣлъ отъ невѣрной случайности совершить походъ, не встрѣтивъ препятствія.

Но судьба, казалось, бодрствовала тогда надъ своимъ любимцемъ съ нѣкотораго рода материнскою заботливостью и прозорливостью. Начала она съ того, что отдала намъ Мальту, самое слабое сопротивленіе которой заставило бы насъ отступить, ибо для насъ было очень важно не дать англичанамъ времени захватить насъ, что повело бы къ гибельнымъ результатамъ. Наполеонъ могъ только попытаться на дерзкое нападеніе. Правильная осада представлялась ему невозможною по многимъ отношеніямъ, а крѣпость была такъ сильна, что малѣйшее серьезное сопротивленіе заставило бы насъ удалиться. Но вмѣсто того, чтобъ встрѣтить въ Мальтійскомъ Орденѣ энергію, какой вправѣ были ожидать отъ этихъ остатковъ рыцарства, Бонапарте нашелъ только деморализованныхъ, разрозненныхъ противниковъ, сыновей знатныхъ фамилій, которые давно уже, не имѣя другаго непріятеля кромѣ скуки, въ постыдномъ тунеядствѣ тратили силы

и убивали время на пирахъ и праздникахъ въ городахъ итальянскаго побережья. Конечно, это моральное униженіе, въ которое впали мальтійскіе рыцари, отдало Бонапарте эту неприступную крѣпость скорѣе, нежели вліяніе французскаго языка, на которое онъ разсчитывалъ при посредствѣ Пуссіельга.

Тогдашній великій магистръ Ордена, графъ Гомпешъ, сперва выказалъ въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ крайнее недовѣріе; потомъ, когда произведена была высадка, имъ овладѣло глубокое отчаяніе, сопровождаемое самою постыдною бездѣятельностью. Часть рыцарей желала защищаться; но великій магистръ парализовалъ это желаніе, ободрилъ своею трусостью возстаніе мальтійскаго населенія и наконецъ, послѣ незначительнаго сопротивленія, сдался на капитуляцію, будучи занятъ только обезпеченіемъ огромнаго пенсіона, назначеннаго ему Бонапарте,—до 300,000 франковъ. Остроумное замѣчаніе Кафарелли цѣнитъ этотъ военный подвигъ настоящимъ образомъ: „Къ счастью, говоритъ онъ:—что нашелся на Мальтѣ нѣкто, чтобъ отворить намъ ворота, а иначе мы туда никогда не вступили бы“. Такимъ образомъ пало это древнее учрежденіе, заслуживавшее если не долговременнаго существованія, то по крайней мѣрѣ благородной кончины. Еслибъ въ немъ оставалась хоть одна искра прежняго духа, оно не упустило бы случая пасть честно, сопротивляясь хоть нѣсколько времени человѣку, который былъ враждебенъ духу рыцарства болѣе всѣхъ прежнихъ противниковъ Страннопріимнаго Ордена.

Бонапарте нашелъ на Мальтѣ тысячу двѣсти орудій, сто тысячъ фунтовъ пороху, два военныхъ корабля, одинъ фрегатъ, четыре галеры, сорокъ тысячъ ружей. Всѣмъ этимъ завладѣлъ онъ, какъ нашею собственностью, въ силу новаго закона, пущеннаго имъ въ моду: мы могли питать къ Ордену неудовольствіе лишь единственно за то, что онъ далъ убѣжище нѣсколькимъ эмигрантамъ, но это скорѣе слу-

жило къ чести Ордена, нежели давало намъ право овладѣть всѣмъ его достояніемъ. Бонапарте послалъ Директоріи въ видѣ трофея серебряную модель первой галеры рыцарей. Онъ оставилъ Мальту 19-го іюня, устроивъ ее по своему и оставивъ гарнизонъ на островѣ.

Въ это время Нельсонъ, подкрѣпленный десятью кораблями, снова появился передъ Тулономъ; онъ узналъ объ отплытіи французскаго флота. Послѣдовавъ за нимъ по невѣрнымъ и неполнымъ указаніямъ, онъ пришелъ въ Неаполь въ то время, когда мы оставляли Мальту. По прибытіи въ Неаполь, онъ догадался, что цѣлью нашего похода былъ Египетъ, опередилъ насъ ночью, самъ того не зная, у Кандіи, гдѣ наша армія избѣжала какимъ-то чудомъ вѣрнаго истребленія, пришелъ раньше насъ днемъ въ Александрію, гдѣ никто не могъ сообщить ему о насъ никакихъ свѣдѣній, и предположивъ, что мы направлялись въ Сирію, вышелъ самъ туда поспѣшно, что спасло насъ вторично, безъ нашего вѣдома. Чудесное счастье, какого часто судьба не посылаетъ планамъ, обдуманнымъ самымъ лучшимъ образомъ, и которымъ она осыпала насъ тогда съ безграничною щедротою, словно для того, чтобъ лучше скрыть ловушку, куда эти милости должны были завести насъ впослѣдствіи.

28-го іюня флотилія была еще въ открытомъ морѣ, когда Бонапарте объявилъ солдатамъ и мѣсто, куда онъ велъ ихъ, и цѣль предпріятія: они готовились нанести смертельный ударъ Англіи, одержать побѣду, послѣдствія которой для цивилизаціи были неисчислимы. Но они должны были расположить къ себѣ жителей этихъ странъ, уважая ихъ религію, нравы и обычаи. „Поступайте съ ними, какъ мы поступали съ евреями и итальянцами; оказывайте уваженіе ихъ муфти и имамамъ, какое оказывали вы раввинамъ и епископамъ. Имѣйте то же снисхожденіе къ ихъ церемоніямъ, предписаннымъ кораномъ, какое имѣли вы къ монастырямъ, синагогамъ, къ религіи Іисуса Христа и Моисея.

Римскіе легіоны покровительствовали всѣмъ религіямъ.“ Въ то же время онъ объявилъ въ приказѣ самыя строгія мѣры въ предупрежденіе грабежа,—весьма необходимая предосторожность для поддержанія дисциплины въ арміи, столь расположенной воспользоваться всѣми правами войны, т. е. всѣми злоупотребленіями силы, какими она пользовалась съ такимъ успѣхомъ въ Италіи.

30-го іюня французскій флотъ появился передъ Александріею. Англичане ушли только за два дня предъ тѣмъ; ихъ считали еще весьма недалеко, вслѣдствіе чего высадка производилась съ такою поспѣшностью, которая походила скорѣе на пораженіе, нежели на завоеваніе. Армія вышла на берегъ у бухты Марабу и немедленно направилась на Александрію, овладѣніе которою не представляло труда, принимая во вниманіе условія защиты этого города. Бонапарте оставался тамъ восемь дней.

Египетъ считался тогда зависимымъ отъ Турецкой Имперіи, но султанъ имѣлъ тамъ представителемъ только пашу, безъ существенной власти, и лишь пользовавшагося почетнымъ положеніемъ. Вся власть принадлежала мамелюкамъ, милиціи, восходящей до временъ Саладина и не имѣющей примѣра въ исторіи. Милиція эта набиралась изъ невольниковъ, покупаемыхъ въ дѣтствѣ въ Греціи и у черкесъ, и подчиняясь только двадцатичетыремъ начальникамъ, управлявшимъ ею подъ именемъ беевъ,—представляла родъ странной кавалеріи, которая не знала другой религіи, кромѣ военнаго братства, и другаго закона, кромѣ воли начальниковъ. Издавна уже Порта имѣла надъ мамелюками только чисто номинальную власть, и считала за счастье, что ей позволяли ее удерживать. Подъ этимъ, такъ странно организованнымъ правительствомъ, прозябало населеніе, слои котораго, лежавшіе одинъ на другомъ, свидѣтельствовали о постепенныхъ нашествіяхъ на Египетъ: низшую степень занимали копты, жалкіе, уничиженные остатки первобытнаго

египетскаго племени, часть котораго занимала кое-какія должности, служа мамелюкамъ агентами и сборщиками; потомъ слѣдовали первые завоеватели, арабы, изъ которыхъ иные вели еще, подъ именемъ бедуиновъ, кочевую пастушескую жизнь библейскихъ временъ, а другіе, подъ именемъ феллаховъ, воздѣлывали землю или, называясь шейками, владѣли большими имѣніями; наконецъ турки, господство которыхъ предшествовало мамелюкамъ, и которымъ воздавалось почтеніе только для формы въ особѣ паши.

Во всякой другой странѣ легко было поднять населеніе противъ подобныхъ властителей, но въ Египтѣ нельзя было ожидать ничего, кромѣ пассивной, фаталистической неподвижности отъ народа, въ теченіе вѣковъ отупѣвшаго отъ всевозможныхъ злоупотребленій деспотизма и разслабляющихъ религіозныхъ вѣрованій. Сперва Бонапарте обратился къ пашѣ, увѣряя въ своемъ уваженіи къ султану и корану; по его словамъ, онъ пришелъ только освободить Египетъ отъ ига мамелюковъ, и вслѣдствіе этого приглашалъ „соединиться съ нимъ и проклинать вмѣстѣ нечестивое племя беевъ.“ Онъ издалъ потомъ прокламаціи, переведенныя на арабскій языкъ, въ которыхъ онъ взывалъ ко всѣмъ страстямъ, какія считалъ способными дѣйствовать на умы этого населенія. Онъ вычислялъ всѣ злоупотребленія, какія терпѣло оно отъ тираніи мамелюковъ, всѣ лишенія; онъ обѣщалъ „возстановить его права“, слова, о которыхъ оно не имѣло понятія и представлявшія рѣзкую противоположность съ восточными оборотами этого манифеста, и потомъ онъ увѣрялъ въ своемъ уваженіи къ ихъ религіознымъ вѣрованіямъ:

„Мы также истинные мусульмане, говорилъ онъ. Развѣ не мы уничтожили папу, который требовалъ войны съ мусульманами? развѣ не мы истребили Мальтійскихъ рыцарей за то, что эти безумцы думали, что Богъ велѣлъ имъ воевать съ мусульманами? Трижды счастливы тѣ, которые

пойдутъ съ нами; ихъ ждетъ преуспѣяніе во всемъ. Счастливы тѣ, которые останутся нейтральными; имъ будетъ время узнать насъ, и они къ намъ присоединятся. Но горе, трижды горе тѣмъ, которые вооружатся за мамелюковъ и пойдутъ противъ насъ; для нихъ не будетъ надежды, они погибнутъ" (2-го іюля 1798 г.).

Обыкновенно удивляются какъ образцовому политическому произведенію — этой чрезмѣрной лести, которою генералъ Бонапарте считалъ себя обязаннымъ осыпать мусульманскую религію; но лесть эта черезчуръ уже переходила всякую мѣру, чтобъ быть дѣйствительно искусною. Она вызывала смѣхъ у солдатъ и такимъ образомъ не производила серьезнаго вліянія на умы населенія, къ которому обращалась. Слова наши слишкомъ не согласовались съ нашимъ положеніемъ, чтобъ быть искренными. Было бы справедливѣе и политичнѣе показывать строгое уваженіе къ вѣрованіямъ этихъ народовъ и поддерживать его на дѣлѣ; но притворяться, жертвовать для этого собственными религіозными идеями, наконецъ презрительно оскорблять то, что Бонапарте третировалъ въ Италіи съ такимъ преувеличеннымъ уваженіемъ, — значило показывать слишкомъ явно хитрость, которая рѣшилась не отступать ни предъ какимъ коварствомъ. Генералъ могъ избѣжать коварства, столь же безполезнаго, какъ и мало почетнаго для его достоинства.

Приведя Александрію въ оборонительное положеніе, армія углубилась въ пустыню, двинувшись кратчайшимъ путемъ на Каиръ въ то время, какъ флотилія пошла вверхъ по Нилу въ томъ же направленіи. Первые дни похода подъ знойнымъ небомъ, чрезъ огромныя песчаныя равнины, изъ-за холмовъ которыхъ арабскіе всадники убивали нашихъ отсталыхъ, чрезвычайно тревожно подѣйствовали на нашихъ солдатъ. Измученные, нуждаясь въ пищѣ, страдая отъ томящей жажды, которой нечѣмъ было утолить, они съ громкимъ ропотомъ спрашивали: неужели въ этой жалкой и

дикой странѣ должны были осуществиться заманчивыя обѣщанія, въ силу которыхъ они отправились? Написанная отчасти подъ этимъ первымъ впечатлѣніемъ „Перехваченная Корреспонденція“, изданная вскорѣ послѣ того англичанами, наполнена только криками гнѣва и обманутыхъ надеждъ.

Многіе начальники, испытанной храбрости, но надѣленные пылкимъ воображеніемъ, раздѣляли это отчаяніе, изливая горькія жалобы. Но 10-го іюля видъ Нила придалъ бодрости, а 13-го первая стычка съ блестящими всадниками Мурадъ-бея, главнаго вождя мамелюковъ, подстрекнула армію, что вскорѣ ей предстояло дѣло съ непріятелемъ, болѣе достойнымъ, нежели тѣ полудикія полчища, какія встрѣчались ей до сихъ поръ. Грустно сказать, но на солдатъ дѣйствовало болѣе всего чувство алчности. Убитыхъ мамелюковъ обдирали, снимали съ нихъ дорогое оружіе, и какъ послѣдніе носили при себѣ все свое состояніе, то въ карманахъ ихъ имѣлись значительныя суммы золотомъ. Всѣ только и мечтали достигнуть скорѣе Каира, предположеннаго центра всевозможныхъ богатствъ. Первое это сраженіе, возлѣ Хебрейсса, имѣло также цѣлью выручку нашей флотиліи, которая подвергалась сильной опасности отъ нападенія турецкихъ канонирокъ. При этомъ случаѣ сдѣланъ опытъ наиболѣе удобной тактики для успѣшной битвы съ этою храброю, но лишенною дисциплины кавалеріею.

30 іюля армія очутилась въ виду пирамидъ. На другой день она увидѣла минареты Каира, отъ котораго отдѣлялъ ее лишь укрѣпленный лагерь Эмбабегъ, гдѣ мамелюки сосредоточили всѣ свои силы. У непріятеля было отъ осьми до десяти тысячъ всадниковъ, которые долженствовали захватывать наши батальоны на походѣ, въ то время какъ ихъ пѣхота,—весьма плохое войско, но поддержанное артиллеріею, ожидала нашего нападенія за укрѣпленіями Эмбабега. Планъ сраженія Бонапарте здѣсь былъ тотъ же, что и при

Хебрейссѣ. Онъ расположилъ свои карре въ шахматномъ порядкѣ съ строжайшимъ приказаніемъ останавливаться только для встрѣчи нападенія. Онъ направилъ свое движеніе такимъ образомъ, чтобъ отрѣзать непріятелю отступленіе въ Верхній Египетъ. Сраженіе это въ грандіозной рамкѣ изъ пирамидъ—свидѣтелей первыхъ вѣковъ человѣчества, долженствовавшее произвести такое могущественное дѣйствіе на умы современниковъ, по неравенству оружія болѣе нежели храбрости, походило скорѣе на бойню чѣмъ на серьезную битву. Сравнительная цифра убитыхъ и раненыхъ съ обѣихъ сторонъ доказываетъ это краснорѣчивѣе всякой диссертаціи. По рапорту самого Бонапарте, у насъ въ этомъ знаменитомъ сраженіи при пирамидахъ было „отъ 20 до 30 человѣкъ убитыхъ и 120 раненыхъ“ (Въ Директорію 24 іюля 1798). Непріятель потерялъ 2000 человѣкъ, часть которыхъ была загнана къ Нилу, гдѣ и потонула.

При видѣ такой богатой добычи, утопавшей въ рѣкѣ, нѣсколькимъ солдатамъ пришла мысль согнуть штыки и употребить ихъ въ видѣ удочекъ для ловли труповъ. Не было изъ послѣднихъ почти ни одного, при которомъ не нашлось бы суммы въ пятьсотъ, шестьсотъ луидоровъ золотомъ, и „въ теченіе многихъ дней,—говорится въ Запискахъ Наполеона,—армія занималась только тѣмъ, что удила трупы мамелюковъ“. Тамъ же прибавлено, „что съ тѣхъ поръ армія начала примиряться съ Египтомъ“. Надобно знать и взвѣшивать всѣ эти подробности, чтобъ убѣдиться навѣрное — изъ чего состоитъ слава завоевателя.

Солдаты наши ожидали нѣсколько дней въ прелестныхъ садахъ Жизега прибытія флотиліи, чтобъ идти на Каиръ, куда они и вошли вскорѣ безъ выстрѣла. Бонапарте учредилъ свою квартиру въ этомъ богатомъ и населенномъ городѣ и старался покорить жителей смѣсью кротости и строгости, которую съ успѣхомъ употреблялъ въ Италіи. Онъ собралъ шейковъ, поздравилъ ихъ съ освобожденіемъ отъ ихъ враговъ-

мамелюковъ и польстилъ возстановленіемъ арабскаго владычества. Въ тоже время онъ поручилъ увѣрить пашу, что дѣйствовалъ собственно для поддержанія турецкаго владычества. Для доказательства шейкамъ своего благаго намѣренія, онъ учредилъ изъ нихъ родъ центральнаго муниципалитета подъ именемъ дивана; въ каждой провинціи учреждался мѣстный диванъ съ обязанностью посылать депутатовъ въ Каирскій. Правосудіе онъ оставилъ въ рукахъ Кади, провозгласилъ безграничное почтеніе къ магометанской религіи, показывался на религіозныхъ празднествахъ и публичныхъ церемоніяхъ, оказывалъ уваженіе къ женщинамъ и этимъ искуснымъ и осторожнымъ, хотя притворнымъ поведеніемъ онъ снискалъ у этихъ народовъ кажущееся расположеніе, ничтожество котораго не замедлило оказаться.

Черезъ двѣ недѣли генералъ оставилъ Каиръ съ тѣмъ, чтобъ отбросить въ Сирію остатки мамелюковъ, которые, подъ начальствомъ Ибрагимъ-бея, тревожили еще нашу армію. Въ минуту когда онъ готовился возвратиться изъ этой экспедиціи, къ нему пришла вѣсть о новомъ несчастьи, отрѣзывавшемъ его арміи сообщеніе съ Европою:—Нельсонъ уничтожилъ нашъ флотъ при Абукирѣ.

При уходѣ нашей арміи изъ Александріи, адмиралъ Брюйё получилъ отъ Бонапарте инструкціи, которыми ему предписывалось остановиться въ александрійскомъ портѣ, если онъ окажется удобнымъ для якорной стоянки эскадры, или расположиться на абукирскомъ рейдѣ, если онъ полагаетъ возможнымъ защищаться противъ сильнѣйшаго флота, или наконецъ, въ случаѣ неудобства того и другаго, идти въ Корфу. Приказаніе это предоставляло адмиралу, такъ сказать, выборъ между тремя невозможностями, ибо съ одной стороны входъ въ александрійскій портъ былъ запертъ для его трехдечныхъ кораблей, и проходъ, найденный послѣ долгихъ изысканій, оказался недостаточнымъ; съ другой стороны абукирскій рейдъ предоставлялъ ему стоянку безъ всякой за-

щиты, и наконецъ онъ не могъ плыть въ Корфу, хотя это было благоразумнѣе и удобнѣе всего, за недостаткомъ съѣстныхъ и другихъ припасовъ. Независимо отъ этой невозможности удаленія, адмиралъ имѣлъ еще и другіе поводы оставаться въ Египтѣ. Въ Александріи долгое время не имѣли извѣстія объ арміи, находившейся въ экспедиціи; всѣ сообщенія были прерваны, и самые зловѣщіе слухи носились объ участи нашихъ солдатъ. Эскадра, на которую возлагалась единственная наша надежда на возвращеніе, не могла уйдти, не будучи увѣрена, что мы не встрѣтили непреодолимыхъ препятствій, чтобъ имѣть возможность доставить во Францію свѣдѣнія объ арміи, углубившейся въ пустыню, или обезпечить ей отступленіе на случай неудачи. Итакъ Брюйё, не имѣя возможности ни войдти въ Александрію, ни отплыть въ Корфу, остался въ Абукирѣ ожидать извѣстій изъ арміи и съѣстныхъ припасовъ. Тамъ-то вечеромъ 1 августа напалъ на него Нельсонъ. Флотъ нашъ, находясь на мѣстности, гдѣ не ожидали нападенія, будучи тамъ аттакованъ и поставленъ между двухъ огней, такъ что арьергардъ не могъ принять участья въ дѣлѣ, былъ сожженъ и истребленъ послѣ сопротивленія, въ которомъ моряки наши выказали болѣе героизма, нежели искусства и опытности.

Бонапарте послалъ въ Директорію длинный отчетъ объ этой катастрофѣ и свалилъ всю вину на адмирала, который не могъ отвѣчать, ибо блистательная смерть служила ему единственнымъ оправданіемъ. Бонапарте привелъ приказанія, отданныя адмиралу, но ни слова не говорилъ о томъ, что мѣшало ихъ исполненію. Въ извиненіе Брюйё, онъ сказалъ только, что „по его мнѣнію, адмиралъ не хотѣлъ плыть въ Корфу, во-первыхъ, потому, что желалъ убѣдиться, нельзя ли войдти въ александрійскій портъ, а во-вторыхъ, не получая долго извѣстій изъ арміи, онъ не зналъ, не находилась ли она въ необходимости отступленія“. (Въ Директорію 29 августа 1798). Генералъ Бонапарте не могъ однакоже не знать, что

Брюйё не имѣлъ возможности плыть въ Корфу за недостаткомъ обѣщанной ему провизіи, ибо во всѣхъ письмахъ адмиралъ жаловался на этотъ недостатокъ, парализовавшій его до такой степени, что невозможно было послать въ крейсерство двухъ фрегатовъ для развѣдокъ о непріятелѣ. „Еслибъ у меня были съѣстные припасы, писалъ онъ Бонапарте 26 іюля:—я послалъ бы два хорошихъ фрегата, которые отлично исполнили бы это порученіе, и я помѣшалъ бы любопытнымъ явиться къ нашимъ берегамъ, развѣ уже были бы они въ большомъ количествѣ; но за неимѣніемъ припасовъ и средствъ замѣнить такелажъ, остаешься парализованнымъ, и это бездѣйствіе причиняетъ болѣзнь“ [50]). Съ своей стороны Бонапарте, наканунѣ абукирской катастрофы, 30 іюля писалъ къ Брюйе: „Полагаю, что въ настоящее время прибыло уже пятьдесятъ судовъ, нагруженныхъ припасами для эскадры“, и прибавилъ: „я хочу послать еще судовъ тридцать съ хлѣбомъ для вашей эскадры“. Что отплытіе въ Корфу онъ считалъ въ зависимости отъ этихъ отправокъ, яснѣе всего видно изъ слѣдующаго мѣста: „Необходимо поскорѣе войдти въ Александрійскій портъ, или, поспѣшивъ *запастись* рисомъ и хлѣбомъ, который вамъ посылаю, *отправиться въ портъ Корфу*“.

Адмиралъ Гантомъ въ своемъ рапортѣ объ этомъ печальномъ событіи, продолжительную стоянку Брюйе приписываетъ инструкціямъ Бонапарте, не настаивая однакоже на необходимости снабженія эскадры припасами. „Въ виду приказанія главнокомандующаго, говоритъ онъ:—и той огромной силы, какую присутствіе флота придавало сухопутной арміи, адмиралъ считалъ своею обязанностью — не удаляться отъ этихъ водъ“.

---

[50]) Корреспонденція Брюйё, приводимая адмираломъ Жюрьенъ де ла Гравьеръ въ его ***Исторіи морскихъ войнъ во время Республики и Имперіи; прибавленіе.*** ***Пр. автора.***

Но боясь тѣни, которую отвѣтственность за такое большое несчастье бросила бы на его имя, Бонапарте обошелъ молчаніемъ эти объясненія, довлѣющія памяти храбраго моряка, бывшаго его друга. Онъ замѣнилъ ихъ общими декламаторскими мѣстами, въ которыя примѣшивалъ фортуну и судьбу для доказательства, что даже въ этомъ случаѣ онѣ расточили намъ свои милости, и лишали ихъ насъ только тогда, когда мы показали себя недостойными этого нашею непредусмотрительностью.

„Эта неудача, не смотря на всю ея громадность, не можетъ быть приписана непостоянству Фортуны, которая насъ не только не оставляетъ, а напротивъ въ этомъ самомъ дѣлѣ служила намъ такъ, какъ никогда. Во время моего прибытія къ Александріи.... Я припоминаю, что въ моментъ высадки указали въ отдаленіи военное судно. Это былъ *Жюстисъ*, слѣдовавшій изъ Мальты. Я воскликнулъ: „Фортуна! неужели ты покинешь меня? какъ! только пять дней!“ И въ теченіе пяти дней я былъ властелиномъ Египта. Въ то время лишь когда Фортуна видитъ, что всѣ ея милости безполезны, она предоставляетъ нашъ флотъ собственной его судьбѣ“.

Странная гордость, или скорѣе вѣрный, дальновидный разсчетъ, заставившій его приписывать свою славу вѣрности своей Фортуны болѣе нежели вѣрности своихъ соображеній; ибо ему достаточно были извѣстны люди, чтобъ знать, что онъ у нихъ выиграетъ скорѣе, показывая свою вѣру, нежели свой геній или добродѣтели. Истинная причина истребленія нашего флота заключалась не въ непредусмотрительности Брюйе, не въ отплатѣ утомившейся Фортуны, а просто въ сущности этого самаго предпріятія, исполненнаго невозможностями. Рано или поздно это истребленіе было неизбѣжно. Не доходя еще до Александріи, французскій флотъ былъ два раза спасенъ какъ бы чудомъ отъ вѣрной гибели. Какъ только цѣль нашей экспедиціи перестала быть тайною для англичанъ, и принимая во вниманіе огромную важность

для нихъ уничтоженія нашего флота, надежда сохранить наши сообщенія съ Европою посредствомъ эскадры—была однимъ изъ безумнѣйшихъ мечтаній. Съ тѣхъ поръ флотъ нашъ былъ обреченъ на истребленіе, или на блокаду, которая дѣлала бы его безполезнымъ.

Извѣстіе объ абукирскомъ пораженіи привело нашу армію въ отчаяніе. Бонапарте подавалъ начальникамъ примѣръ твердости и спокойствія. Онъ описалъ имъ Египетъ страною въ родѣ острова, окруженнаго со всѣхъ сторонъ пустынями, который легко будетъ сдѣлать имъ неприступнымъ, и въ которомъ въ скоромъ времени они устроятъ себѣ всѣ необходимыя средства. „Если англичане смѣнятъ эту эскадру другою, писалъ онъ къ Клеберу:—они подвинутъ насъ, можетъ быть, на такія великія дѣла, о какихъ мы и не помышляли“ (22 августа). Слова обнаруживающія уже поколебленное довѣріе въ самомъ авторѣ и которыя не могли обольстить здравомыслящаго и насмѣшливаго Клебера.

Въ этомъ состояніи совершеннаго почти розъединенія, въ странѣ, гдѣ онъ могъ разсчитывать единственно лишь на мѣстныя средства,—ученые, находившіеся при экспедиціи, оказали ему большую пользу. Онъ присоединилъ ихъ къ своимъ администраторамъ и самымъ отличнымъ офицерамъ и такимъ образомъ учредилъ египетскій Институтъ, который по его мнѣнію долженствовалъ служить орудіемъ колонизаціи. Сперва онъ употребилъ ихъ на приведеніе въ дѣйствіе экономическихъ средствъ страны. Прежде приступленія къ геологическимъ изслѣдованіямъ, къ изученію древнихъ памятниковъ, они обязаны были изучить произведенія почвы и мѣстные пріемы промышленности. Обязанности ихъ генералъ разбилъ на рядъ практическихъ вопросовъ, обличающихъ проницательный и организаторскій его умъ; они должны были изыскивать удобнѣйшія средства для постройки мельницъ, для ухода за виноградомъ, для замѣны хмѣля при пивовареніи, для выдѣлки пороха, для очищенія нильской

воды и проч. Задачи эти, предложенныя необходимостью, долженствовали предшествовать задачамъ чисто спекулятивнымъ, но и для науки пришелъ свой чередъ, и можно сказать, что Египетъ собственно завоеванъ ею. По крайней мѣрѣ наши пожертвованія въ этомъ отношеніи не погибли даромъ. Бонапарте устроилъ въ Каирѣ арабскую и французскую типографію, благодаря которой армія могла имѣть свой журналъ; онъ завелъ кузницы и монетный дворъ, который приносилъ значительныя выгоды, умноживъ средства обмѣна въ странѣ, гдѣ они почти были неизвѣстны и жители которой предпочитали европейской монетѣ мундирныя пуговицы.

Заботы эти не заставили однако же упускать изъ вида необходимость докончить истребленіе мамелюковъ, часть которыхъ подъ начальствомъ Мурадъ-бея скрылась въ Верхнемъ Египтѣ послѣ битвы при пирамидахъ. Дѣло это поручено было Дезэ, который чрезъ нѣсколько дней по выступленіи настигъ Мурадъ-бея въ Седиманѣ, который какъ бы ослѣпленный неодолимою рутиною, противопоставилъ намъ точно такую же тактику, какъ и при пирамидахъ, т. е. укрѣпленный лагерь, защищаемый пѣхотнымъ отрядомъ и прикрытый съ боковъ пятью или шестью тысячами кавалеріи, которая, бывъ выманена, какъ и при пирамидахъ, на равнину, погибла, атакуя наши карре, въ то время какъ непріятельская пѣхота была для нея совершенно безполезна. Но мамелюки показали на этотъ разъ чрезмѣрную ярость, раздѣляемую и арабами, составлявшими значительную часть ихъ арміи. Событіе это показываетъ, какъ мы были далеко отъ предполагаемаго нами умиротворенія. Возмущеніе въ Каирѣ подкрѣпило демонстрацію, но освѣтивъ ее еще болѣе зловѣщимъ свѣтомъ.

Мятежъ этотъ, подготовленный съ необыкновенною скрытностью и искусствомъ, замѣчателенъ въ особенности потому, что не былъ вызванъ ни однимъ изъ злоупотребленій, обыкновенно сопровождающихъ нашествіе чужестранцевъ и

дѣлающихъ невыносимымъ присутствіе грабителей. Онъ не имѣлъ другой причины, кромѣ несовмѣстимости двухъ, столь противоположныхъ цивилизацій. Наполеонъ употребилъ все искусство, чтобъ изъ новой власти сдѣлать благодѣяніе для Египта, и воспоминаніе о мамелюкахъ, самыхъ жестокихъ притѣснителяхъ, должно было значительно облегчить исполненіе этого намѣренія; ежедневно онъ старался расположить къ себѣ туземцевъ, облегчивъ лежавшія на нихъ тягости, оказывая уваженіе къ ихъ правамъ и предразсудкамъ, въ особенности льстя до излишества ихъ религіознымъ чувствамъ, полагавшимъ пропасть между ними и нами. Чувствуя очень хорошо, что въ послѣднемъ, не смотря на всѣ его усилія, заключалось непреодолимое препятствіе, и не смѣя думать объ обращеніи арабовъ въ христіанство, онъ съ удовольствіемъ увидѣлъ бы обращеніе своей арміи въ исламъ, чтобъ покончить съ этою преградою. Но инициатива, принятая въ этомъ отношеніи генераломъ Мену, показалась только смѣшною и нашла мало подражателей, ибо если у солдатъ и не было религіозныхъ убѣжденій, то все-таки они обладали чувствомъ гордости и моральнаго превосходства. Это безсиліе заставило его сожалѣть о томъ, что онъ не жилъ въ древнія времена, когда завоеватели не останавливались передъ препятствіями подобнаго рода; и говоря объ Александрѣ Великомъ, онъ завидовалъ ему въ особенности въ томъ, что онъ могъ заставить провозгласить себя сыномъ Юпитера Аммона, что покорило Египетъ вѣрнѣе двадцати выигранныхъ сраженій. Что касается лично Бонапарте, то въ тотъ вѣкъ анализа и разсужденій, онъ могъ прибѣгать лишь къ хитрости и мелочнымъ средствамъ. Онъ усвоилъ óбразный и поучительный языкъ Востока, и съ шейками и муфти говорилъ не иначе, какъ приводя при каждомъ случаѣ стихи изъ Корана: онъ хвастался предъ ними „уничтоженіемъ папы и ниспроверженіемъ креста“; онъ старался подѣйствовать на воображеніе фаталистовъ, приписывая себѣ неотразимую силу и родъ бо-

жественной миссіи, предназначенной дополнить дѣло Магомета. Все это однакоже было проникнуто этими варварами, которымъ, чтобъ не попасться на эту удочку, — достаточно было инстинкта самосохраненія и чувства ненависти къ иностранцамъ.

Мятежъ вспыхнулъ въ Каирѣ 21 октября и продолжался три дня. Онъ былъ подавленъ со строгостью, доказывавшею, что мы заимствовали у Востока на одни только нравоученія. Безъ сомнѣнія, кровь нашихъ солдатъ, зарѣзанныхъ на улицахъ, вопіяла о мщеніи, и такъ какъ нашлись въ необходимости вызвать это возмущеніе, то и надо было подавить его. Но въ присутствіи бѣдствій, имъ же возбужденныхъ, виновникъ стольких дѣлъ долженствовалъ припомнить, что всѣ эти событія имѣли причиною его желаніе найдти въ Египтѣ новыя средства для ослѣпленія людей; поэтому онъ, можетъ быть, колебался, подписывая безжалостные приказы, измѣнявшіе укрощеніе въ бойню. „Главнокомандующій приказываетъ вамъ, писалъ онъ генералу Бону:—казнить всѣхъ кто встрѣтится на улицѣ съ оружіемъ“ (22 октября). Этого казалось было бы достаточно. Однако на другой день онъ писалъ Бертье: „Вы потрудитесь, гражданинъ-генералъ, отдать приказаніе коменданту крѣпости отрубить головы всѣмъ арестантамъ, взятымъ на улицахъ съ оружіемъ въ рукахъ. Они имѣютъ быть выведены сегодня ночью на берегъ Нила, между Булакомъ и старымъ Каиромъ, а трупы ихъ брошены въ рѣку“; а чрезъ нѣсколько дней онъ писалъ къ Ренье: „Каждую ночь мы велимъ рубить тридцать головъ и въ числѣ ихъ нѣсколькихъ вождей: надѣюсь, что это послужитъ имъ хорошимъ урокомъ“. Такъ какъ окрестные поселяне принимали участье въ Каирскомъ возмущеніи, то ихъ также хватали и обезглавливали въ большомъ количествѣ. Однажды утромъ стадо ословъ, навьюченныхъ мѣшками и погоняемыхъ нашими солдатами, прибыло на площадь Эз-Бекигъ, одинъ изъ населеннѣйшихъ центровъ Каира; привлеченные любо-

пытствомъ жители начали толпиться вокругъ этого каравана; тогда солдаты развязали мѣшки, изъ которыхъ покатились на землю крестьянскія головы предъ глазами испуганныхъ зрителей.

Съ нашей стороны было убито всего около пятидесяти человѣкъ, но у инсургентовъ отъ двухъ тысячъ до двухъ тысячъ пятисотъ. Вотъ дѣйствительность тѣхъ блестящихъ мечтаній, которыя ослѣпляли и приковывали взоры всего міра. Если безопасность наша, какъ говорили, требовала подобныхъ кровавыхъ жертвъ, то что же думать о предпріятіи, сдѣлавшемъ ихъ необходимыми? Кто былъ ближе къ преданіямъ древняго варварства: бѣдные ли феллахи, шедшіе на смерть, изгоняя иноземцевъ, которыхъ они считали врагами вѣры и отечества, или молодой честолюбецъ, знакомившій ихъ съ цивилизаціею въ формѣ насилія и коварства, который для того, чтобъ прибавить лишнюю ступень къ своему пьедесталу, причинилъ столькимъ людямъ смерть и разореніе?

ГЛАВА XI.

Сирійская кампанія.

Благодаря этимъ страшнымъ казнямъ, зима прошла довольно спокойно. Армія попрежнему не имѣла извѣстій изъ Европы, и генералъ Бонапарте не только не зналъ, что дѣлалось на континентѣ, но и не подозрѣвалъ, что Турція объявила намъ войну, хотя это легко было предвидѣть послѣ нашихъ неблаговидныхъ поступковъ съ нею въ благодарность за ея услуги и постоянную дружбу. О расположеніи ея можно было догадаться по арестованію многихъ французовъ въ Сиріи и по весьма не двусмысленному поведенію акрскаго паши Джеззара, который на льстивыя письма главнокомандующаго отвѣчалъ презрительнымъ молчаніемъ, въ ожиданіи, что онъ велитъ отрубить головы его посланнымъ. Не успѣвъ получить отвѣта отъ Джеззара, онъ въ срединѣ декабря рѣшился послать въ Константинополь Бошана. Агенту этому поручено было представить Портѣ „что мы желали быть ея друзьями и что, занимая Египетъ, не имѣли другой цѣли какъ наказать мамелюковъ и англичанъ и воспрепятствовать двумъ императорамъ (русскому и австрійскому) раздѣлить Оттоманскую имперію“. Кромѣ того онъ долженъ былъ

„требовать повелительно“ освобожденія арестованныхъ французовъ и обѣщать, что мы очистимъ Египетъ, „какъ только оба императора откажутся отъ своего проэкта раздѣла“. Инструкціи эти (отъ 11 декабря 1798 года), предполагавшія въ турецкихъ государственныхъ людяхъ непроходимую глупость, послужили бы только къ тому, чтобъ Бошана заперли въ Семибашенный замокъ. Бонапарте въ тоже время и съ тою же цѣлью писалъ гражданину Талейрану, нашему посланнику въ Константинополѣ. Талейранъ дѣйствительно обѣщалъ принять на себя трудъ облегчить намъ тяжелый шагъ сближенія съ Портою, но, какъ осторожный человѣкъ, онъ не торопился выполнять порученіе, котораго понималъ всю несбыточность.

Генералъ однакоже не замедлилъ получить вѣсти, которыя не допускали сомнѣнія касательно дѣйствительныхъ намѣреній Порты. Вскорѣ онъ узналъ, что одна турецкая армія формировалась въ Сиріи, а другая на Родосѣ для возвращенія Египта. Вслѣдствіе этого онъ рѣшился предупредить первое нападеніе и самому занять Сирію. Этимъ онъ избѣгалъ опасности волненія, которое было бы возбуждено въ Египтѣ присутствіемъ турецкой арміи, и при томъ сбивалъ непріятельскіе планы и уничтожалъ магазины. Впрочемъ въ его намѣренія всегда входило овладѣніе Сиріею—страною, которая въ одно время была и единственнымъ путемъ для нападенія на насъ и неизбѣжнымъ базисомъ нашихъ дѣйствій противъ индійскихъ англійскихъ владѣній. Какія же были его предположенія на случай завоеванія Сиріи? Здѣсь-то этотъ умъ, столь положительный и вмѣстѣ столь мечтательный, давалъ волю своимъ исполинскимъ фантазіямъ, которыя смѣшивались съ отлично обдуманными планами. Впрочемъ онъ предавался имъ на половину, предоставляя себѣ дѣйствовать сообразно съ благопріятными обстоятельствами. То изучалъ онъ карту пустынь, отдѣляющихъ Сирію отъ Персіи, слѣдилъ войны Александра и писалъ къ Типпо-Саибу, что располагаетъ

„освободить его отъ желѣзнаго ярма Англіи", то мечталъ, что онъ подымаетъ христіанъ, друзовъ и грековъ противъ турокъ, и во главѣ этой громадной арміи идетъ на Константинополь, а оттуда, по его выраженію, принявъ Европу въ тылъ, уничтоживъ на пути австрійскую монархію, вступаетъ во Францію съ еще невиданнымъ и неслыханнымъ тріумфомъ.

Оставляя на второмъ планѣ эту магическую перспективу, которую открывалъ только самымъ близкимъ людямъ, онъ часть зимы употребилъ на приготовленія къ экспедиціи. Многочисленные наѣзды на племена пустыни доставили ему необходимыхъ верблюдовъ, и онъ сформировалъ новаго рода кавалерійскій корпусъ, посаженный на дромадерахъ. Приказавъ обвести небольшими укрѣпленіями главные источники, имѣющіеся на дорогѣ, по которой должна была слѣдовать армія, онъ погрузилъ на три фрегата всѣ припасы и осадную артиллерію. Съ цѣлью обезпечить безопасность страны во время своего отсутствія, онъ возстановилъ жителямъ Каира ихъ диванъ, упраздненный вслѣдствіе возмущенія. Обращаясь по этому случаю къ шерифамъ и улемамъ, онъ говоритъ въ своей любопытной прокламаціи: „Объявите народу, что съ тѣхъ поръ какъ міръ существуетъ, написано, что истребивъ враговъ исламизма и уничтоживъ крестъ, я приду изъ глубины Запада исполнить возложенную на меня обязанность. Объясните народу, что въ священной книгѣ Корана, болѣе нежели въ двадцати мѣстахъ, предвидѣно то, что совершается, и равно объяснено то, что имѣетъ совершиться. Я могъ бы потребовать у каждаго изъ васъ отчета о самыхъ сокровенныхъ чувствахъ, ибо я знаю все, даже и то, чего вы еще никому не говорили. Но придетъ время, когда всѣ убѣдятся, что я руководился велѣніями свыше и что противъ меня не властны всѣ человѣческія усилія. Счастливы тѣ, которые пристанутъ ко мнѣ добровольно" (21 декабря 1798).

Потомъ онъ поѣхалъ для обслѣдованія береговъ Чермнаго моря, осмотрѣлъ слѣды Сезострисова канала, обозрѣлъ на мѣстѣ задачу соединенія двухъ морей и отправился на Синай вписать свое имя рядомъ съ именемъ Магомета въ книгѣ, сохраненной монахами — почесть, для которой онъ искалъ случая, ибо Магометъ былъ любимѣйшею его историческою личностью, и Бонапарте не разъ жаловался на то, что бѣдность воображенія его современниковъ не дозволяла ему выполнить, подобно этому великому человѣку, двойной роли возобновителя — политическаго и религіознаго.

Онъ выступилъ наконецъ въ началѣ февраля 1799 г., оставивъ въ верхнемъ Египтѣ Дезэ, въ Каирѣ Дюгуа и въ Александріи Мармона. Экспедиціонная армія состояла изъ дивизій Клебера, Бона, Мюрата, Ланна и Ренье—всего около 12,000 человѣкъ. Паши, войска которыхъ сосредоточены были въ Сиріи, выслали авангардъ на египетскую территорію до эль-Ариша; онъ занялъ это укрѣпленіе и его окрестности, когда наша армія прибыла туда послѣ долгаго и утомительнаго похода въ пустынѣ. Дня два эль-Аришъ защищался, но потомъ былъ взятъ, а гарнизонъ, въ 1,200 человѣкъ, сдался въ плѣнъ; остальныя войска были разбиты и разсѣяны (20-го февраля). Французская армія отдохнула немного и черезъ нѣсколько дней вступила въ Азію. Въ Газѣ она снова разбила кавалерію Джеззаръ-паши, и 3-го марта находилась уже передъ Яффою.

Небольшой этотъ палестинскій городъ, столь часто оспаривавшійся во время войнъ крестоносцевъ, и которому новыя, болѣе кровавыя сцены готовились возвратить его старинную знаменитость, былъ достаточно укрѣпленъ и защищаемъ четырехтысячнымъ гарнизономъ. Комендантъ, одинъ изъ помощниковъ Джеззара, на требованіе сдаться, отвѣчалъ однимъ изъ любимыхъ пріемовъ своего начальника, а именно: велѣлъ отрубить голову посланнику. Но распоряженія Бонапарте были такъ удачны, что въ крѣпости открылась

брешь послѣ нѣсколько-часовой канонады. Непосредственно за этимъ послѣдовалъ приступъ. Солдаты наши, ворвавшись въ городъ, произвели страшное кровопролитіе какъ между его жителями, такъ и между его защитниками. Нѣкоторые офицеры остановили эту рѣзню, и часть гарнизона отъ двухъ до двухъ съ половиною тысячъ человѣкъ, укрытыхъ въ мечетяхъ и въ родѣ цитадели, сдалась, по словамъ однихъ, безусловно, по словамъ другихъ, съ условіемъ сохраненія жизни.

Около тысячи человѣкъ жителей сосѣднихъ провинцій были отосланы частью въ Дамаскъ, частью въ Египетъ. Но что было дѣлать съ 2,500 человѣкъ плѣнныхъ? Отпустить—значило увеличить непріятельскую армію, оставить—значило держать столько безполезныхъ ртовъ. Въ теченіе двухъ дней участь ихъ находилась въ неизвѣстности; на третій, т. е. 9-го марта 1799 года, ихъ построили въ колонну и помѣстили въ центрѣ карре, подъ командою генерала Бона, который и погналъ ихъ къ морскому берегу. Они поняли участь, ихъ ожидавшую, и шли молча съ мрачнымъ смиреніемъ фатализма. Придя на песчаныя дюны, плѣнныхъ раздѣлили на небольшіе отряды и однихъ перестрѣляли, другихъ перекололи штыками. До сихъ поръ сохранился подлинный приказъ, въ которомъ генералъ Бонапарте велѣлъ стрѣлять несчастныхъ, „принимая мѣры, чтобъ не избѣгнулъ ни одинъ человѣкъ.“ Къ чести человѣческой природы, приказъ этотъ не былъ исполненъ безъ протеста и ропота, и многіе бригадные командиры, въ томъ числѣ полковникъ Бойе [51]), отказались отъ его исполненія.

Понятно, что почитатели памяти Наполеона старались извинить его въ этой ужасной рѣзнѣ. Основываясь на его собственныхъ увѣреніяхъ на о. св. Елены, они ссылались на три главные факта, доказывающіе необходимость этой

---

[51]) Записки принца Евгенія. *Прим. автора.*

жестокой мѣры: вопервыхъ, опасность предоставить непріятелямъ подкрѣпленіе, вовторыхъ, невозможность оставить плѣнныхъ вслѣдствіе невозможности кормить ихъ, наконецъ ихъ мнимое несдержаніе слова — плѣнные эти по большей части, какъ увѣряютъ они,—были солдаты, отпущенные нами изъ эль-Ариша.

Къ сожалѣнію, ссылки эти не выдерживаютъ внимательной критики. Дѣйствительно, нельзя отвергать опасности увеличенія непріятельскихъ силъ отпускомъ такого количества плѣнныхъ, но опасность эта была далеко не велика въ борьбѣ, гдѣ, сражаясь съ арміею въ пятнадцать, двадцать тысячъ человѣкъ, мы теряли среднимъ числомъ по тридцати, по сорока человѣкъ убитыми. Изъ рапорта самого Бонапарте въ Директорію (отъ 13-го марта 1799 г.) явствуетъ, что во время двухъ осадъ — Яффы и эль-Ариша — а эти осады были самыя тяжелыя, и въ сраженіяхъ при Газѣ и во всѣхъ схваткахъ во время пути въ Сирію, мы лишились всего *пятьдесятъ убитыми.* Значитъ можно было, по всей строгости, отпустить непріятеля, столь мало для насъ опаснаго. Несчастные эти и безъ того были достаточно устрашены кровопролитною рѣзнею, которую они видѣли по взятіи города.

Но изъ того же рапорта видно, что ихъ могли оставить, ибо было чѣмъ кормить. Въ эль-Аришѣ и Газѣ мы нашли значительное продовольствіе. „Въ Яффѣ, говоритъ Бонапарте, мы взяли болѣе 40,000 порцій сухарей и 200,000 центнеревъ риса.“ Итакъ, охранять плѣнныхъ было неудобно и тяжело, но не невозможно. Что же касается до мнимаго тождества яффскихъ плѣнныхъ съ эль-аришскими, то это одна изъ многочисленныхъ басенъ, сочиненныхъ на островѣ св. Елены, съ цѣлью повліять на судъ исторіи. Нѣтъ ни малѣйшаго слѣда подтвержденія этого тождества ни въ одномъ изъ многочисленныхъ писемъ и донесеній, въ которыхъ Бонапарте говоритъ о самомъ событіи; нѣтъ о немъ

ни слова и въ рапортѣ Бертье и въ реляціи Міо, исторіографа египетской экспедиціи [52]). Очевидно, что генералъ не преминулъ бы воспользоваться такимъ предлогомъ для уменьшенія гнуснаго эффекта, произведеннаго этою казнью. Онъ просто доносилъ Директоріи: „Я былъ строгъ къ гарнизону, который допустилъ взять себя съ оружіемъ въ рукахъ.“ Это была единственная жалоба, какую онъ могъ принести на гарнизонъ, въ силу того, что онъ называлъ „военными законами.“ Только на островѣ Эльбѣ, въ разговорѣ съ лордомъ Эбрингтономъ, этотъ разительный фактъ впервые представляется его уму. „Все, что вамъ говорили объ этой бойнѣ, справедливо, сказалъ онъ.—Я велѣлъ пристрѣлить около двухъ тысячъ турокъ. Вамъ это кажется черезчуръ жестокимъ; но я отпустилъ ихъ на капитуляцію въ эль-Аришѣ съ условіемъ, чтобъ они возвратились домой, а они, не сдержавъ слова, отправились въ Яффу. *Я не могъ взять ихъ съ собою, потому что мнѣ не хватало хлѣба, они же были слишкомъ опасны, чтобъ отпустить ихъ вторично,* и такимъ образомъ не оставалось другаго средства, какъ умертвить ихъ.“ Допустивъ возможность, что нѣсколько бѣглецовъ изъ эль-Ариша могли попасть въ число защитниковъ Яффы, — вещь весьма сбыточная, но они должны были находиться тамъ весьма въ небольшомъ количествѣ, ибо генералъ Бонапарте присоединилъ къ своей арміи около половины 1,200 человѣкъ, составлявшихъ гарнизонъ эль-Ариша. „Мы нашли въ эль-Аришѣ, писалъ онъ въ Директорію:—пятьсотъ албанцевъ, пятьсотъ магребинцевъ [53]) и двѣсти анатолійцевъ. Магребинцы вступили къ намъ въ службу, я сформировалъ изъ нихъ вспомогательный отрядъ. Предположивъ, что всѣ

---

[52]) Братъ того Міо, которѣй впослѣдствіи назывался Мелито.
Прим. автора.

[53]) Магребинцы, жители варварійской области *Магребъ.*
Прим. перев.

албанцы и анатолійцы отправились въ Яффу, что было не вѣроятно, и что невозможно было провѣрить, все-таки это составляло семьсотъ человѣкъ на четырехтысячный гарнизонъ, половина котораго уже была истреблена. Количество защитниковъ эль-Ариша, между яффскими плѣнными, не могло превышать двухъ сотъ, а самое бо́льшее трехъ сотъ человѣкъ, допустивъ даже справедливость всѣхъ данныхъ этой гипотезы. Но по поводу взятія Яффы онъ выразился, что „никогда война не казалась ему столь отвратительною" — родъ сожалѣнія, выразить которое онъ считалъ необходимымъ при разсказѣ о столькихъ ужасахъ, которое однакоже было не искренно, если принять во вниманіе слѣдующія строки его, писанныя имъ въ то же время и о томъ же событіи къ людямъ, съ которыми онъ допускалъ небольшую откровенность: „*Взятіе Яффы*, писалъ онъ Мармону:—*было чрезвычайно блистательно*. Четыре тысячи лучшихъ солдатъ Джеззара и лучшихъ константинопольскихъ артиллеристовъ погибли отъ нашего оружія" (9 марта 1799 г.).

14-го марта армія выступила на Сен-Жанъ-д'Акру, имѣя съ собою зародышъ чумы, захваченной въ Яффѣ. Въ Сен-Жанъ-д'Акрѣ имѣлъ резиденцію ужасный Джеззаръ, жестокости котораго, какъ и доказываетъ его прозваніе [54]), были одинаково страшны для сирійскихъ народовъ и для европейцевъ. Тамъ-то находились его сокровища, отборное войско и огромное количество военныхъ припасовъ. Къ древнимъ городскимъ укрѣпленіямъ онъ прибавилъ еще укрѣпленія новѣйшей системы, благодаря Сиднею-Смиту, начальнику англійской эскадры, который доставилъ ему инженеровъ и артиллеристовъ. Сидней-Смитъ былъ человѣкъ характера предпріимчиваго, склонный къ приключеніямъ, искусный офицеръ, отличавшійся энергическою дѣятельностью, ненавидя французовъ и ихъ главнокомандующаго со всѣмъ;

[54]) *Джеззаръ* по арабски *мясникъ*. *Прим. автора.*

гнѣвомъ національной ненависти, онъ понялъ всю важность защиты Сенъ-Жанъ-д'Акра, постоянно возбуждалъ энергію паши и гарнизона, обѣщалъ помощь, и огнемъ со своихъ кораблей подкрѣплялъ защиту крѣпости.

Онъ овладѣлъ уже судами, перевозившими нашу крѣпостную артиллерію, которою и вооружилъ городскія укрѣпленія. Вслѣдствіе этого несчастья, французская армія должна была, подойдя къ городу, пробивать брешь полевыми орудіями, и до такой степени нуждалась въ снарядахъ, что принуждена была употреблять ядра, посылаемыя непріятельскими пушками. Рекогносцировка крѣпости сдѣлана была ночью и весьма поверхностно полковникомъ Сансономъ, раненымъ при этомъ случаѣ, и который увѣрялъ, что въ ней не было ни рва, ни контръ-эскарпа. При первомъ приступѣ мы дорого поплатились за эту ошибку. Надобно было прибѣгнуть къ минѣ, которая однакоже подѣйствовала плохо, а второй приступъ, 28-го марта, обошелся намъ еще дороже перваго. Гарнизонъ защищался съ энергіею, удивлявшею наши войска, которыя рѣдко привыкли встрѣчать у турокъ столь храброе сопротивленіе, и большая часть солдатъ, проникшихъ въ брешь, поплатилась жизнью. Стрѣльба, направляемая отчасти европейскими артиллеристами, была необыкновенно мѣтка. Атакованныя нами укрѣпленія были починены и подкрѣплены новыми работами, сдѣланными по всѣмъ правиламъ. Планъ ихъ былъ составленъ французскимъ инженеромъ Фелиппо, товарищемъ Бонапарте по военной школѣ и который недавно способствовалъ побѣгу Сиднея-Смита изъ тампльской тюрьмы, гдѣ этотъ содержался военно-плѣннымъ.

Эти успѣхи подняли нравственно гарнизонъ, получавшій моремъ подкрѣпленіе и всевозможные запасы. Бонапарте льстилъ себя надеждою поднять противъ Турціи мѣстное населеніе, часть котораго намъ благопріятствовала. Туземцы однакоже не доставили ему существенной помощи и остава-

лись въ нерѣшимости между прежними и новыми властителями. Съ обѣихъ сторонъ къ нимъ обращались съ убѣдительными воззваніями, къ которымъ они однакоже мало показывали расположенія. На прокламацію, наполненную великолѣпными обѣщаніями, посланную имъ Бонапарте, Сидней-Смитъ отвѣчалъ воззваніемъ, въ которомъ онъ заклиналъ ихъ „ввѣриться слову христіанскаго рыцаря скорѣе, нежели безчестному ренегату", намекая на мусульманскіе принципы, опубликованные генераломъ въ Египтѣ. Этимъ средствомъ сэръ Сидней-Смитъ пытался подѣйствовать даже на нашихъ солдатъ, которыхъ открыто приглашалъ къ дезертирству, а такъ какъ вслѣдъ за этимъ произошелъ обмѣнъ личныхъ ругательствъ между нимъ и генераломъ, то онъ вспылилъ до того, что послалъ генералу вызовъ. Бонапарте довольствовался тѣмъ, что иронически предложилъ ему назначить нейтральное мѣсто на берегу и обѣщалъ вмѣсто себя послать одного изъ хвастуновъ арміи: единственный отвѣтъ, котораго единственно заслуживалъ ребяческій вызовъ, посланный подобному ему человѣку.

Вскорѣ получены были свѣдѣнія, что на помощь къ Джеззару шла двадцатипятитысячная армія, подъ начальствомъ Абдаллы-паши, частью состоявшая изъ войскъ дамасскихъ, частью набранная изъ воинственныхъ племенъ Наплузы. На встрѣчу непріятелю выступилъ Клеберъ съ своею дивизіею, и оба авангарда сошлись возлѣ Назарета. Авангардъ Клебера, подъ командою Жюно, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, выдерживалъ въ теченіе восьми часовъ натискъ непріятеля вдесятеро сильнѣйшаго, и потомъ отступилъ къ своей дивизіи въ порядкѣ. Послѣдней угрожало нападеніе всей турецкой арміи, а потому необходимо было подать ей помощь. Оставивъ часть войскъ у осаждаемой крѣпости, Бонапарте, съ дивизіею Бона и восьмью орудіями, отправился форсированнымъ маршемъ на выручку Клебера. Когда онъ прибылъ на высоты, господствующія надъ долиною, оконеч-

ность которой заперта горою Ѳаворомъ, то увидалъ вдали на равнинѣ слабыя карре Клебера окруженными со всѣхъ сторонъ громадными массами кавалеріи, которыя, по временамъ, покрывали ихъ словно волны. Тогда фронтъ ихъ освѣщался огнемъ и застилался дымомъ, и волны, отхлынувъ назадъ, устремлялись вскорѣ на карре съ новою силою. Бонапарте принялъ мѣры, чтобъ обойдти турокъ и скрыть свое движеніе; онъ направилъ кавалерію на ихъ фланги, и когда очутился не болѣе какъ въ полумилѣ, извѣстилъ Клебера выстрѣломъ изъ орудія. Немедленно наши карре построились въ колонны и перешли въ наступленіе, атакуя непріятеля, который изумился и смѣшался при видѣ этой неожиданной помощи. Турки, стѣсненные со всѣхъ сторонъ въ родѣ желѣзнаго треугольника и пронизываемые перекрестнымъ огнемъ, едва нашли выходъ къ горамъ и Іордану, и бросились туда въ полнѣйшемъ безпорядкѣ, усѣявъ поле сраженія своими убитыми и ранеными (16 апрѣля).

Въ это время осада шла болѣе настойчиво, нежели успѣшно, ибо ей мѣшали безпрерывныя вылазки и весьма искусно направленныя контръ-апроши, уничтожавшія дѣйствіе нашихъ минъ. Контръ-адмиралу Перрè удалось однакоже, обманувъ бдительность англійскихъ крейсеровъ, подвезти нѣсколько осадныхъ орудій, вслѣдствіе чего пробили новую брешь и взорвали отчасти башню, защищавшую главный пунктъ атаки. Горсть храбрыхъ зашла туда и держалась въ теченіе двухъ дней, но почти всѣ они были перебиты, и пришлось очистить брешь, не бывъ въ состояніи помѣшать непріятелю исправить ее новыми работами. Армія наша, придя въ ярость отъ этого сопротивленія, произвела въ первыхъ числахъ мая нѣсколько послѣдовательныхъ приступовъ. Бросаясь съ неотразимою храбростью, солдаты наши нѣсколько разъ проникали въ центръ города, но попадали въ плѣнъ или были убиты. Наконецъ 7-го мая дивизія Клебера получила приказаніе прибыть въ лагерь, чтобъ принять участье

въ генеральномъ приступѣ, и всѣ солдаты вышли къ ней на встрѣчу, поздравляя ее и предсказывая ей честь взятія города [55]). Гренадеры Клебера овладѣли первымъ укрѣпленіемъ подъ двойнымъ огнемъ изъ крѣпости и съ кораблей Сиднея, потомъ взяли второе и проникли въ городъ; но отвага ихъ должна была замолчать предъ дворцомъ Джеззара и предъ каждымъ домомъ, обращеннымъ въ укрѣпленіе. Ихъ снова отозвали въ траншеи, а гарнизонъ, безпрерывно подкрѣпляемый свѣжими силами, дѣлалъ вылазки изъ каждыхъ воротъ и даже тревожилъ нашъ лагерь. 10-го мая произведенъ былъ новый приступъ, скорѣе для удовлетворенія раздраженныхъ солдатъ, нежели въ надеждѣ овладѣнія крѣпостью. Онъ имѣлъ успѣхъ еще менѣе прежнихъ и былъ четырнадцатый. Въ продолженіе двухмѣсячной осады гарнизонъ сдѣлалъ двадцать-шесть вылазокъ; мы потеряли многихъ генераловъ и массу достойнѣйшихъ офицеровъ: Кафарелли, чрезвычайно умнаго человѣка съ блестящими военными познаніями, Рамбо, Круазье, Бона; Ланнъ и Дюрокъ были тяжело ранены. Изъ строя выбыло болѣе 4,000 человѣкъ; въ лагерѣ развилась чума, занесенная нами изъ Яффы; наконецъ пришло извѣстіе, что турки готовились посадить на суда въ Родосѣ армію, назначенную въ Нижній Египетъ. Отъ огромнаго несчастья могло лишь спасти быстрое отступленіе. Упрямство Бонапарте долженствовало смириться передъ этими неумолимыми фактами. Сколько разъ въ продолженіе гибельной, медлительной осады, въ виду перваго удара, нанесеннаго ему судьбою, онъ выходилъ изъ себя и нарекалъ на „этотъ проклятый городокъ, который мѣшалъ его карьерѣ.“ Сколько разъ впослѣдствіи, когда онъ вспоминалъ о превратностяхъ своей жизни и о различныхъ шансахъ, ему представлявшихся, онъ повторялъ, „что еслибы пала Сен-Жанъ-д'Акра, онъ передѣлалъ бы поверхность вселен-

[55]) Записки Лавалетта. *Прим. автора.*

ной и былъ бы императоромъ всего Востока.“ И онъ имѣлъ привычку прибавлять, „что одна какая-нибудь песчинка разрушила всѣ его предположенія.“ Но могъ ли онъ сильнѣе скритиковать всю суетность этихъ предположеній? Можно ли было строже осудить эти случайныя предпріятія, болѣе похожія на вдохновеніе игрока, нежели на соображенія ума дѣйствительно политическаго.

17-го мая рѣшено было отступленіе, и длинный обозъ больныхъ и раненыхъ потянулся впередъ, направляясь къ Яффѣ, чтобъ оттуда пройдти въ Нижній Египетъ. Но какъ ни было горько положеніе Бонапарте, какъ ни было оно унизительно для его гордости, онъ считалъ неудобнымъ признать свое пораженіе. Въ своихъ бюллетеняхъ, письмахъ, въ отчетахъ Директоріи, въ переепискѣ съ генералами, оставшимися въ Египтѣ, наконецъ въ самой прокламаціи къ своей арміи, которая отступала отъ Акры, разбитая, ослабленная и вмѣстѣ удивленная столь новою для нея неудачею, онъ принималъ тонъ и пріемы побѣдителя. „Онъ срылъ дворецъ Джеззара, разрушилъ укрѣпленія, сжегъ городъ и не оставилъ въ немъ камня на камнѣ.“ Мы уходили не отъ непріятеля, но отъ чумы; мы достигли вскорѣ желанныхъ результатовъ этой кампаніи — увѣренія, которыя достаточно опровергаются столькими бѣдствіями и полнымъ очищеніемъ страны, занятіе которой представлялось до тѣхъ поръ какъ необходимость для обезпеченія нашихъ владѣній въ Египтѣ. Онъ хотѣлъ вступить въ Египетъ со всѣми признаками тріумфальнаго возвращенія. Генералъ-адъютантъ Бойеръ, командовавшій авангардомъ, получилъ приказаніе забрать турецкія знамена и „во всѣхъ деревняхъ, чрезъ которыя будетъ проходить, выставлять ихъ какъ трофеи.“ Онъ долженъ былъ также выводить на показъ плѣнныхъ. Наконецъ гласила далѣе депеша: „онъ обязанъ писать, говорить и дѣлать все, что только можетъ придать видъ тріумфа“ (къ Бертье 24 мая 1799 г.).

Арьергардъ, подъ начальствомъ Клебера, имѣлъ приказаніе уничтожать на пути все, словно для того, чтобъ продолжить пустыню за ея естественные предѣлы. Главнокомандующій предписывалъ ему жечь дома, деревни, грабить ихъ, разорять мельницы, однимъ словомъ поступать такимъ образомъ, чтобъ армія, которая хотѣла бы насъ преслѣдовать, не нашла бы на своемъ пути ничего, кромѣ развалинъ и пепла (приказъ Клеберу и Жюно).

Солдаты, бѣдствія которыхъ только что начинались, и которые приходили въ отчаяніе при мысли о предстоявшихъ имъ страданіяхъ подъ знойнымъ небомъ, по пути усѣянномъ покинутыми умиравшими товарищами, которые, протягивая руки, упрекали ихъ за оставленіе, — возмутились въ Тантурагѣ. Бонапарте удержался однакоже употребить строгія мѣры противъ этого бунта, вызваннаго отчаяніемъ. Онъ только сдѣлалъ выговоръ генераламъ, спѣшилъ всю кавалерію, за исключеніемъ находившейся въ арьергардѣ, и подалъ примѣръ офицерамъ, отдавъ всѣхъ своихъ лошадей для перевозки больныхъ и раненыхъ. При видѣ этого неожиданнаго испытанія, превосходившаго силою его волю, имъ овладѣло мрачное раздраженіе, но неукротимое его сердце не подалось отъ этого, и когда конюшій его пришелъ спросить, какую подавать ему лошадь, Бонапарте, ударивъ его хлыстомъ, воскликнулъ: „Развѣ вы не слышали приказанія — чтобъ всѣ были пѣшкомъ [56])?“

Въ Яффѣ армія остановилась на нѣсколько дней. Чума была тогда въ полномъ развитіи. Яффскіе госпитали переполнились несчастными, зараженными этою болѣзнью, и для того, чтобъ поднять убитый духъ послѣднихъ, ихъ старались увѣрить, что чума незаразительна. Тогда-то Деженеттъ [57]), въ порывѣ героическаго движенія, привилъ себѣ,

---

[56]) Лавалеттъ, Міо, Бурріенъ. *Прим. автора.*

[57]) Докторъ, род. въ Алансонѣ въ 1762 г., ум. въ 1837 г., главный докторъ арміи. *Прим. перев.*

какъ говорятъ, чуму передъ солдатами, чтобъ вдохнуть въ нихъ убѣжденіе, котораго самъ не питалъ, но которое считалъ необходимымъ для спасенія арміи. Фактъ этотъ, считавшійся долго истиннымъ, повидимому, столько же подлежитъ спору, какъ и тотъ, который послужилъ сюжетомъ для прекрасной картины Гроса; находящіеся еще въ живыхъ друзья этого знаменитаго доктора, увѣряютъ, что онъ говаривалъ не разъ, что еслибъ привилъ себѣ чуму, то умеръ бы отъ нея, подобно двумъ англійскимъ докторамъ, которые, основываясь на этой мысли, тогда весьма распространенной, хотѣли послѣдовать его примѣру.

По выступленіи арміи изъ Яффы, въ этомъ городѣ осталось въ госпиталяхъ нѣкоторое число чумныхъ больныхъ, за неимѣніемъ средствъ къ ихъ перевозкѣ. Имъ предстояла неутѣшительная участь: турки непремѣнно отрѣзали бы имъ головы, какъ это было со всѣми покинутыми нами позади больными. Желая сократить ихъ страданія, Бонапарте предложилъ Деженетту дать имъ опіуму, но докторъ отвѣчалъ слѣдующею прекрасною фразою, которую сохранила исторія: „Мое ремесло лѣчить людей, но не убивать.“ Вѣсть объ этомъ не замедлила разойдтись по арміи, и всѣ говорили, что дѣйствительно такой приказъ былъ отданъ и приведенъ въ исполненіе. Черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ, въ одну изъ бесѣдъ на о. св. Елены, маршалъ Бертранъ признался, что всегда вѣрилъ этому и что вся армія была того же убѣжденія. Робертъ Уильсонъ, историкъ англійской египетской экспедиціи, развилъ этотъ слухъ до громадныхъ размѣровъ, возводя число отравленныхъ свыше пятисотъ человѣкъ. Наполеону нельзя было отдѣлаться отъ объясненія по такому серьезному обвиненію; но вмѣсто того, чтобъ уничтожить его, онъ самъ способствовалъ къ его подтвержденію явною неточностью своихъ ссылокъ. Дѣйствительно въ *Меморіалѣ* онъ приписываетъ предложеніе дать опіумъ второстепенному чиновнику, что самъ Ласказъ принужденъ

былъ опровергнуть, въ виду единодушнаго показанія свидѣтелей. Потомъ онъ увѣряетъ, что аріергардъ его оставался *три дня* въ Яффѣ, чтобъ покровительствовать больнымъ въ послѣднія минуты, между тѣмъ какъ изъ всѣхъ приказовъ и оригинальныхъ документовъ видно, что аріергардъ выступилъ изъ Яффы *на другой же день* по выступленіи изъ нея арміи. Защищаясь отъ взводимаго на него обвиненія, онъ не отвергалъ самой мысли, „какъ ужасной клеветы", по выраженію герцога Ровиго [58]), но поддерживалъ ея законность говоря О'Меарѣ, диктуя Бертрану, „что это значило повиноваться разуму: что еслибъ сынъ его находился въ подобномъ положеніи, то онъ былъ того мнѣнія, чтобъ и съ нимъ поступали такимъ же образомъ" [59]).

Въ виду такой слабой защиты, нельзя удивляться, что фактъ этотъ, отрицаемый его сторонниками съ негодованіемъ, которое, по меньшей мѣрѣ, неумѣстно послѣ его собственнаго заявленія, — постоянно утверждается его противниками. Молва объ этомъ фактѣ не умолкаетъ такъ долго потому, что онъ согласуется со всѣмъ, что́ извѣстно о характерѣ и мнѣніяхъ Бонапарте. Но исторія, основывающаяся только на доказательствахъ, должна заявить здѣсь, что не только это обвиненіе основано лишь на болѣе или менѣе вѣроятныхъ подозрѣніяхъ, но что есть два обстоятельства, ко-

---

[58]) *Записки* герцога Ровиго. Савари дополняетъ его апологію, прибавляя, что опіумъ не могъ быть предписанъ, такъ какъ въ арміи его недоставало. Если это правда, то почему же Наполеонъ пренебрегъ такимъ рѣшительнымъ доказательствомъ? *Прим. автора.*

[59]) Записки о'Меары. *Прим. автора.*

О'Меаро, флотскій хирургъ англійской службы, находился на *Беллерофонѣ*. Онъ привязался къ развѣнчанному изгнаннику и получилъ отъ адмирала дозволеніе слѣдовать за нимъ на о. св. Елены; но вскорѣ его заподозрилъ губернаторъ Гудсонъ-Лоу, и онъ былъ удаленъ въ 1818 г. Онъ напечаталъ въ Лондонѣ въ 1822 г., подъ заглавіемъ, *„Наполеонъ въ изгнаніи"*, драгоцѣнныя замѣтки, собранныя имъ на о. св. Елены. *Прим. перев.*

торые окончательно разбиваютъ обвиненіе. Вопервыхъ, оправданіе сэра Роберта Уильсона, который объяснилъ впослѣдствіи, что передалъ фактъ лишь по слухамъ, недостаточнымъ для утвержденія въ истинѣ; второе обстоятельство еще важнѣе, это —умолчаніе о фактѣ въ офиціальныхъ донесеніяхъ англійскому правительству командора Сиднея–Смита, который прибылъ въ Яффу немедленно послѣ выступленія оттуда нашего арьергарда, засталъ еще въ живыхъ нашихъ чумныхъ, и въ своемъ отчетѣ не говоритъ ни слова объ отравленіи, хотя и съ удовольствіемъ приводитъ жалобы нашихъ солдатъ на генерала. Наименѣе удаленный отъ истины, но всѣмъ вѣроятіямъ, разсказъ въ запискахъ, диктованныхъ Бертрану: „Наполеонъ, говорится въ нихъ: — отдалъ приказаніе медику, остававшемуся съ арьергардомъ, положить опіумъ возлѣ зачумленныхъ, объяснивъ имъ его употребленіе, какъ единственное средство избавиться отъ жестокости турокъ." Въ этомъ знаменитомъ обвиненіи достовѣрно лишь одно характеристическое мнѣніе, высказанное самимъ Наполеономъ по поводу этого страшнаго вопроса. Можетъ быть, и есть своя доля хвастовства въ холодной увѣренности, съ которою разрѣшаетъ онъ этотъ вопросъ, но нельзя при этомъ не видѣть и души, мало доступной тревогамъ совѣсти, которыя заставляютъ колебаться бо́льшую часть людей.

Возвратясь въ Египетъ послѣ долгаго и тяжелаго похода, армія имѣла возможность отдохнуть немного послѣ утомленія. Объ отсутствіи генерала Бонапарте свидѣтельствовали два возмущенія, быстро впрочемъ подавленныя: виновникомъ одного былъ эмиръ Гаджи, а другаго одинъ темный фанатикъ, выдавшій себя за ангела Эль–Моди, обѣщаннаго въ Коранѣ гонимымъ правовѣрнымъ. Послѣдній вмѣсто всякой пищи обмакивалъ только пальцы въ сосудъ съ молокомъ и водилъ ими по губамъ; вмѣсто оружія захватывалъ горсть пыли и бросалъ ее вверхъ, увѣряя, что этого достаточно для уничтоженія нашей арміи. По его зову подня-

лись многія тысячи людей; возмущеніе это было само по себѣ ничтожно, но оно показывало, какъ мало было успѣха въ нашемъ вліяніи на туземцевъ. Генералъ Ламассъ, человѣкъ ловкій и энергическій, усмирившій уже эмира, быстро пошелъ на Дамангуръ, немедленно разсѣялъ скопище фанатиковъ, которые потеряли полторы тысячи убитыми. Самъ ангелъ находился въ числѣ послѣднихъ.

Верхній Египетъ, находившійся подъ начальствомъ Дезэ, былъ гораздо спокойнѣе, благодаря отсутствію Мурадъ-бея, принужденнаго укрыться въ Нубіи. Но едва только Бонапарте успѣлъ возвратиться въ Каиръ, какъ этотъ отважный вождь, будучи извѣщенъ о близкой высадкѣ турецкой арміи, собранной на островѣ Родосѣ, появился снова, а одновременно съ нимъ Ибрагимъ-бей началъ угрожать Египту со стороны сирійской пустыни. Имѣя лишь нѣсколько сотъ мамелюковъ, оставшихся отъ всей великолѣпной кавалеріи, и будучи преслѣдуемъ Мюратомъ, Дезэ, Жюно и Фріаномъ, Мурадъ-бей появлялся на различныхъ мѣстностяхъ и держалъ всѣхъ въ тревогѣ. Онъ даже показывался возлѣ Каира въ то время, когда его считали уничтоженнымъ. Бонапарте сильно досадовалъ на этого неуловимаго врага и, не понимая его упорныхъ стремленій къ Нижнему Египту, потому что не зналъ еще о близости готовившейся высадки, позволялъ себѣ выходки отчаянія, мало достойныя честнаго и великодушнаго непріятеля. „Я очень желаю, писалъ онъ Фріану:— чтобы къ услугамъ, которыя не перестаете вы намъ оказывать, вы присоединили бы еще намъ большую, *а именно, чтобъ вы убили или загоняли до смерти* Мурадъ-бея; уморите его какимъ бы то ни было способомъ, я все равно буду вамъ признателенъ“ (5 іюля 1799 г.). Въ томъ же смыслѣ онъ писалъ и другимъ генераламъ.

13-го іюля Мурадъ-бей былъ у Пирамидъ; взойдя на самую высокую изъ нихъ, откуда открывается великолѣпная страна, которою онъ управлялъ какъ властелинъ и

чрезъ которую проходилъ теперь какъ бѣглецъ, онъ большую часть дня искалъ въ подзорную трубу свой каирскій дворецъ, въ которомъ осталось его семейство, и прелестные сады Жизега, доставшіеся въ добычу побѣдителю. Бонапарте, который отправился за нимъ въ погоню, понялъ цѣль его похода, когда узналъ, что сто турецкихъ судовъ и два англійскихъ линейныхъ корабля высадили въ Абукирѣ, вблизи Александріи, отъ 15 до 18 тысячъ человѣкъ, которые убили или захватили 400 французовъ, защищавшихъ фортъ и деревню. Немедленно собравъ дивизіи Ланна, Мюрата и Бона, и не ожидая другихъ подкрѣпленій, бывшихъ уже на ходу, онъ бросился на встрѣчу непріятелю, съ цѣлью помѣшать ему проникнуть въ глубь страны. Но турецкая армія, терпя недостатокъ въ кавалеріи и разсчитывая на конницу Мурадъ-бея, удовольствовалась только тѣмъ, что укрѣпилась на Абукирскомъ полуостровѣ, заперевъ его двумя рядами укрѣпленій. На этой-то позиціи генералъ Бонапарте усмотрѣлъ непріятеля 25-го іюля, убѣдившись предварительно, что Александрія была въ состояніи выдерживать осаду, благодаря работамъ одного изъ отличнѣйшихъ инженерныхъ офицеровъ, полковника Кретена. Съ нимъ было не болѣе 6,000 человѣкъ, но такъ какъ турки не имѣли кавалеріи, которая одна только дѣлала ихъ страшными, онъ не побоялся атаковать ихъ.

Между первою и второю линіями укрѣпленій тянулась небольшая равнина около трехъ четвертей мили, представлявшая родъ перешейка, упиравшагося однимъ концомъ въ море, а другимъ въ озеро Мадіегъ. Такъ какъ первая линія была слаба, то Бонапарте надѣялся отбросить непріятеля за вторую, а потомъ блокировать его въ этомъ узкомъ пространствѣ до прибытія нашихъ подкрѣпленій. Въ исполненіе этого плана Детэнгъ напалъ на турокъ съ праваго фланга, въ то время какъ Ланнъ атаковалъ ихъ съ лѣваго. Турки храбро выдерживали этотъ первый натискъ; но когда Мю-

ратъ, прорвавъ центръ, очутился съ своею кавалеріею на равнинѣ, находившейся между двумя укрѣпленіями, то они увидѣли себя атакованными съ двухъ сторонъ прежде, нежели могли добраться до второй линіи. Тогда неописанная паника овладѣла этою массою, часть которой, бросая оружіе, кинулась къ морю, а другая въ озеро Мадіегъ, съ цѣлью достигнуть турецкихъ судовъ. Кавалерія наша гнала ихъ до тѣхъ поръ, пока лошади не очутились по грудь въ водѣ. Многія тысячи утонули въ глазахъ арміи, пришедшей въ изумленіе при видѣ собственнаго торжества. Необычайный этотъ успѣхъ ободрилъ ее овладѣть второю линіею, которая, будучи крѣпче первой, защищалась съ крайнимъ упорствомъ, и стоила намъ очень дорого. Многіе изъ лучшихъ офицеровъ, Летюркъ, Кретенъ, Дювивье, Риберъ были смертельно ранены; но когда турки вышли изъ укрѣпленій для того, чтобъ отрѣзать головы нашимъ убитымъ и раненымъ, Мюратъ снова атаковалъ ихъ, смялъ, прорвался за ними и рѣшилъ побѣду. Всѣ, кто сопротивлялся, были умерщвлены или брошены въ море. Три тысячи человѣкъ заперлись въ деревнѣ и въ фортѣ, но были взяты на другой же день. Таково вторичное дѣло при Абукирѣ, можетъ быть, кровопролитнѣе перваго, но которое не могло ни уничтожить воспоминанія о первомъ, ни въ особенности исправить его послѣдствій [60]).

Когда установились переговоры относительно обмѣна плѣнныхъ, послѣ этого сраженія, между французскимъ лагеремъ

---

[60]) Необходимо здѣсь сказать для освѣщенія фантасмогоріи военныхъ разсказовъ, что бюллетень Бонапарте объ этомъ абукирскомъ дѣлѣ не сходенъ во многихъ, чрезвычайно важныхъ пунктахъ съ бюллетенемъ Бертье, его начальника главнаго штаба. Наконецъ въ донесеніи, посланномъ Мустафѣ-пашѣ послѣ высадки, отъ 7-го сефира (11-го іюля), турецкая армія показана не болѣе какъ въ числѣ 7,000 человѣкъ. Текстъ помѣщенъ у Капфига въ его сочиненіи: «*Европа во время консульства*» Т. I. *Прим. автора.*

я англійскою эскадрою, Сидней-Смитъ, изъ желанія ли отомстить побѣдителю, съ намѣреніемъ ли навести уныніе на армію, вручилъ парламентеру пакетъ журналовъ, адресованный на имя генерала Бонапарте. Послѣдній въ теченіе почти десяти мѣсяцевъ получилъ одну только депешу отъ Директоріи.

Бонапарте ничего не зналъ, что дѣлалось въ Европѣ, и имѣлъ лишь самое неполное понятіе о томъ, что совершалось во Франціи, и то благодаря письму, которое братъ его Іосифъ переслалъ ему тайно чрезъ посредство грека Бурбаки, съ просьбою, чтобъ онъ поторопился возвращеніемъ [61]). Всю ночь онъ съ жадностью пробѣгалъ газеты. Въ нихъ онъ прочелъ печальную исторію нашихъ бѣдствій; изъ нихъ онъ узналъ, что Италія потеряна, что Франціи грозила опасность, а въ особенности онъ увидѣлъ, что колеблющаяся и лишенная уваженія Директорія боролась съ собраніемъ, которое мстило за прежнія униженія. Со времени полученія письма отъ Іосифа, онъ уже возымѣлъ намѣреніе оставить Египетъ; Абукирское сраженіе дозволяло ему исполнить это намѣреніе, ибо онъ могъ ѣхать послѣ подобнаго успѣха. Такимъ образомъ объясняется странная фраза, которая, какъ говорятъ, поразила Мюрата передъ сраженіемъ: „Здѣсь рѣшается судьба міра.“ Чтеніе газетъ побудило его исполнить немедленно свое намѣреніе.

Ни на минуту не смутила его грусть о разлукѣ съ боевыми товарищами. Онъ сообщилъ свой планъ Бертье и Гантому, который получилъ приказаніе приготовить въ глубочайшей тайнѣ фрегаты *Карреръ* и *Мюлронъ*. Послѣ этого онъ возвратился въ Каиръ, чтобъ принять послѣднія мѣры,

---

[61]) Существованіе этого письма, подтвержденное сперва Міо и неизвѣстнымъ авторомъ *Записокъ* Фуше, отвергнутое потомъ Буррьеномъ и другими историками, возстановлено безспорнымъ образомъ въ Запискахъ самого Іосифа. *Прим. автора.*

вызванныя его отъѣздомъ. Темная молва начала носиться по поводу его рѣшенія. Онъ велѣлъ опровергнуть ее и распространить слухъ о своемъ близкомъ отъѣздѣ въ Верхній Египетъ. Наконецъ, назначивъ мѣсто свиданія всѣмъ, кого онъ хотѣлъ взять съ собою, Бонапарте выѣхалъ изъ города въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ; но вмѣсто того, чтобъ подняться вверхъ по Нилу, онъ спустился по его теченію и направился поспѣшно на Александрію. Прибывъ къ уединенному мѣсту на берегу, онъ удостовѣрился сперва, были ли фрегаты на условленномъ пунктѣ: они дѣйствительно стояли гдѣ слѣдовало, и все было приготовлено, будто къ бѣгству. Тогда только онъ счелъ безполезнымъ скрывать долѣе свои намѣренія, и сказалъ, обращаясь къ Евгенію Богарне: „Евгеній, ты увидишь мать.“

Принцъ Евгеній увѣряетъ въ своихъ Запискахъ, что слова эти не причинили ему такой радости, какой должно было ожидать. Обстоятельства, при которыхъ совершился этотъ поспѣшный отъѣздъ, объясняютъ эти чувства молодаго благороднаго сердца. Генералъ Бонапарте могъ считать себя необходимымъ для Франціи, бывшей въ опасности, но онъ былъ еще необходимѣе для арміи, ввѣрившейся его генію, которая ежедневно ослабѣвала вслѣдствіе даже собственныхъ побѣдъ и которой скоро приходилось имѣть дѣло съ новыми врагами опаснѣе турокъ — съ арміями англійскою и русскою.

Такъ какъ онъ одинъ вовлекъ ее въ самыя смѣлыя предпріятія, то ему слѣдовало и раздѣлять съ нею до конца ея опасности. Онъ не имѣлъ права думать о возможности прислать дѣйствительную помощь, онъ не могъ не знать, что оставленіемъ своимъ онъ повергаетъ ее въ уныніе. Цвѣтъ его арміи погибъ въ злополучной сирійской кампаніи, а самъ главнокомандующій обобралъ всѣхъ почти лучшихъ офицеровъ, составлявшихъ ея истинную силу: онъ увезъ съ со-

бою Ланна, Мюрата, Бертье, Мармона, Андреаси, Дюрока, Бессьера, Лавалетта, не говоря о людяхъ не менѣе полезныхъ съ другой точки зрѣнія, какъ Монжъ, Бертолле, Денонъ и др.

Онъ оставилъ Клеберу начальствованіе, лишенное уже силы и обаянія. Желая избѣгнуть упрековъ, отъ которыхъ его не пощадила бы мужественная откровенность Клебера, онъ назначилъ ему мѣсто свиданія, зная очень хорошо, что свиданіе это не могло состояться. Во время сирійской кампаніи онъ успѣлъ изучить независимый умъ и твердость характера этого генерала, который не разъ обнаруживалъ все, что было рискованнаго и химерическаго въ планахъ Бонапарте. Въ инструкціяхъ, оставленныхъ главнокомандующимъ, Клеберу предоставлялось право договариваться объ очищеніи Египта, если онъ потеряетъ полторы тысячи человѣкъ отъ чумной заразы,—рекомендація достаточно знаменательная. Въ прокламаціи, адресованной имъ въ каирскій диванъ, онъ говоритъ, что „отправлялся принять начальство надъ своею эскадрою“ и обѣщалъ возвратиться чрезъ два или три мѣсяца.

Тяжело легли на сердце Клебера эти поступки съ нимъ главнокомандующаго; онъ пришелъ въ негодованіе отъ искуснаго пріема, которымъ сваливали на него бремя отвѣтственности за предпріятіе, слава котораго не могла болѣе вознаградить опасностей. Онъ жаловался и предсказывалъ съ предусмотрительностью своего свѣтлаго ума, но со всею скорбью патріота, неизбѣжный исходъ положенія, въ которомъ его оставили. Но письмо его, адресованное въ Директорію, могшее бросить на этотъ длинный романъ египетской экспедиціи свѣтъ, дѣйствія котораго нельзя опредѣлить, будучи перехвачено въ пути англичанами, прибыло слишкомъ поздно и попало уже въ руки Бонапарте — первому консулу. Судьба, преобразившая обвиняемаго въ судью,

приготовила имъ обоимъ возмездіе: одному кинжалъ фанатика, другому первый тронъ во вселенной [62]).

---

[62]) Критики Клебера тѣмъ съ большею силою дѣйствовали на Бонапарте, что по большей части были поразительно вѣрны. Онъ обнародовалъ его письмо, сопровождая его опроверженіями, ссылаясь на данныя, цифры которыхъ передѣлывалъ по своему. Одного обстоятельства будетъ достаточно, чтобъ судить о вѣрности его опроверженій. Главнѣйшимъ образомъ онъ старается доказать, что Клеберъ преувеличилъ слабость своей арміи для склоненія Директоріи къ заключенію мира. Но вѣдь три мѣсяца назадъ, 28-го іюля 1799 г., самъ Бонапарте писалъ въ Директорію, требуя настоятельно помощи: *«Если вамъ невозможно прислать намъ все требуемое, то надобно заключить миръ.»* Онъ, въ своемъ отвѣтѣ Клеберу, утверждаетъ, что въ то время, когда писалъ послѣдній, т. е. 26-го сентября 1799 г., армія потеряла не болѣе 4,500 человѣкъ. Но въ упомянутомъ выше письмѣ въ Директорію отъ 28-го мая, онъ писалъ, что *«французская армія со времени прибытія въ Египетъ до этого числа потеряла 5.544 человѣка.»* Съ тѣхъ поръ до того дня, когда Клеберъ писалъ свое письмо, армія имѣла много мелкихъ стычекъ; она потеряла 400 человѣкъ, захваченныхъ на полуостровѣ Абукирѣ во время высадки; у нея, согласно съ обстоятельствомъ донесеній, выбыло изъ строя при абукирскомъ сраженіи отъ 1.000 до 1,500 человѣкъ; Бонапарте отнялъ у нея, увезя во Францію, отъ 400 до 500 человѣкъ; кромѣ того сколько же умерло солдатъ отъ чумы и другихъ болѣзней въ теченіе этихъ трехъ мѣсяцевъ. Потомъ Бонапарте прибѣгаетъ къ длиннымъ вычисленіямъ для доказательства, *«что въ сентябрѣ 1799 г. Египетская армія имѣла еще 28,500 человѣкъ, включая въ то число слабыхъ, ветерановъ и госпитальную прислугу»*. Въ письмѣ отъ 28-го іюня, прежде потерь, указанныхъ мною, разсчитывая на вѣроятность, основанную на прежнихъ потеряхъ, онъ говоритъ: *«Къ будущему времени года у насъ останется въ дѣйствительности 15,000 человѣкъ, а исключивъ изъ этого числа 2,000 госпитальной прислуги, 500 ветерановъ и столько же рабочихъ, не участвующихъ въ сраженіяхъ, мы будемъ имѣть 12,000, т. е. считая уже все—и кавалерію, и артиллерію, и саперовъ, и офицеровъ генеральнаго штаба, и не можемъ устоять противъ высадки, произведенной одновременно съ нападеніемъ черезъ пустыню»*.

Кромѣ того, доказательства Клебера получаютъ блестящее подтвержденіе въ документахъ, опубликованныхъ въ *Перехваченной Корреспонденціи*, подлинность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Тамъ находятся между прочимъ: 1) донесеніе начальника главнаго штаба Дама военному министру (отъ 10-го октября 1799 г.), изъ котораго видно, что

армія состояла изъ 22,000, изъ которыхъ 6,000 не могли участвовать въ сраженіи; 2) рапортъ главнаго финансоваго контролера Пуссьельга, который мрачными красками описываетъ плачевное состояніе арміи; 3) письмо генерала Дюгуа къ директорамъ, въ которомъ читаемъ: «Бонапартъ оставилъ насъ безъ денегъ, безъ пороха, безъ снарядовъ и часть солдатъ безъ оружія.»

Историки, которые при этомъ случаѣ не боялись чернить память Клебера, вмѣсто всякаго контроля, довольствовались тѣмъ, что рабски копировали встрѣчныя жалобы Наполеона. *Прим. автора.*

ГЛАВА XII.

18-е брюмера.

Со времени отъѣзда генерала Бонапарте въ Египетъ, въ положеніи Франціи произошли большія перемѣны. Внутри ея партіи вели ожесточенную войну заговоровъ и государственныхъ переворотовъ, освященную 18 фруктидора; но онѣ отличались болѣе интригами, нежели насиліемъ, и не въ состояніи уже были возбудить прежнихъ страстей — явный признакъ утомленія націи. Какъ только тиранія перестала внушать страхъ, она мгновенно упала предъ всеобщимъ презрѣніемъ и, слабо поддержанная фруктидорцами, уступила мѣсто безпрерывному непостоянству какъ относительно публичныхъ властей, такъ и общественнаго мнѣнія. Извнѣ, всѣ эти эфемерныя учрежденія, внесенныя нами ко всѣмъ нашимъ сосѣдямъ, прикрывъ нѣсколькими лохмотьями республиканской законности нахальство и грубость военнаго правленія, вездѣ рушились при первомъ извѣстіи о новой коалиціи. Народы, которымъ мы хвастались принести свободу и которыхъ своими злоупотребленіями и притѣсненіями заставили пожалѣть объ ихъ прежнихъ властителяхъ, не поднялись нигдѣ въ защиту учрежденій, опозоренныхъ грабежемъ, насиліемъ и всевозможными обидами, сопровождающими военное управленіе.

Двойное нашествіе на Швейцарію и Римскія владѣнія, совершенное подъ высшимъ наблюденіемъ Бонапарте, за нѣсколько недѣль до его отъѣзда въ Египетъ, значительно уже повредило успѣху переговоровъ, начатыхъ въ Раштадтѣ; удаленіе лучшей арміи и лучшихъ генераловъ Республики въ то самое время, когда они были необходимы для устрашенія нашихъ враговъ, окончательно уничтожило попытки примиренія. Англіи не предстояло труда собрать нашихъ старинныхъ противниковъ: горя нетерпѣніемъ отомстить за многія униженія, Австрія съ радостью схватилась за представившійся къ тому случай; Германія вступила въ коалицію для возвращенія Рейнскихъ провинцій, Неаполитанскій король съ цѣлью удалить отъ своихъ границъ революцію. Къ этимъ державамъ присоединились еще два новыхъ союзника: Турція, которую мы сами позаботились втолкнуть въ лагерь коалиціи, и Россія, вступившая изъ горячаго участья, принимаемаго тогда ею въ Турціи.

Возобновленіе непріятельскихъ дѣйствій было намъ заявлено умерщвленіемъ нашихъ уполномоченныхъ въ Раштадтѣ [63]), — гнусность, отъ которой Австрійскій домъ не очистился еще и доселѣ. Они уже начались въ Италіи, гдѣ неаполитанскій король, будучи увлеченъ долго скрываемымъ негодованіемъ, не дождался сигнала и потерею трона заплатилъ за неосторожную поспѣшность. Послѣ быстраго похода въ родѣ военной прогулки, Шампіоне овладѣлъ Неаполемъ; онъ присоединилъ парѳенонскую республику [64]) ко

---

63) Французскіе коммиссары: Робержо и Боннье. *Пр. перевод.*

64) Такъ названа была область, образованная французами изъ континентальной части прежняго Неаполитанскаго королевства, въ теченіе короткаго времени отъ вступленія Шампіоне въ Неаполь, 23-го января 1799 г., до возвращенія этой столицы кардиналомъ Руффо, 15-го мая того же года. Въ парѳенонской республикѣ было только временное правительство изъ 25 членовъ, во главѣ которыхъ находились послѣдовательно Шампіонне и Макдональдъ. *Прим. перев.*

всѣмъ этимъ недолговѣчнымъ республикамъ, основаннымъ нами въ Италіи. Въ то же время Сардинскій король и великій герцогъ Тосканскій были свергнуты съ престоловъ, и Піемонтъ былъ присоединенъ къ Франціи.

Благодаря этимъ побѣдамъ, болѣе гибельнымъ, нежели неудачи, линія, которую приходилось намъ защищать съ нашими столь ограниченными арміями, когда войска коалиціи двинулись на насъ, простиралась отъ Амстердама до Неаполя. На насъ напали одновременно въ Швейцаріи, въ Голландіи, въ Италіи и на Рейнѣ. Занять Неаполь съ значительною частью нашихъ силъ, когда австрійско-русскія войска окружили насъ со всѣхъ сторонъ на Адидже,—была ошибка тѣмъ болѣе непростительная, что Бонапарте нѣсколько разъ указывалъ на это обстоятельство, которое именно должно лишить насъ безвозвратно нашего завоеванія. Для того, чтобъ не впасть въ эту ошибку, онъ не поколебался ослушаться Директоріи, а теперь думали позволить себѣ это безнаказанно, имѣя главнокомандующимъ Шерера. За эту ошибку поплатились такими гибельными неудачами, которыхъ и Моро былъ уже не въ состояніи исправить, когда Шереръ, удрученный собственною неспособностью, оставилъ командованіе, при насмѣшкахъ солдатъ. Все, что онъ могъ сдѣлать — это спасти остатки арміи посредствомъ блестящаго отступленія, въ которомъ искусство распоряженій, находчивость, хладнокровіе и непоколебимая твердость доходили до высоты генія; но ему не удалось соединиться во время съ арміею Шампіонне, уведенною Макдональдомъ въ Верхнюю Италію, и которая была уничтожена Суворовымъ при Требіи. Но Моро все-таки собралъ ея остатки и долженъ былъ ограничиться охраненіемъ линіи Аппениновъ. Италія была для насъ потеряна, и итальянцы оставались до конца пассивными и почти равнодушными зрителями борьбы, предоставлявшей имъ только выборъ между прежними и новыми угнетателями.

Не болѣе счастливы были мы и на Рейнѣ, гдѣ Журданъ, разбитый эрцгерцогомъ, принужденъ былъ переправиться чрезъ рѣку. Въ Голландіи и Бельгіи мы находились тоже въ плохомъ положеніи: герцогъ Іоркскій высадился туда съ сорокатысячною англо-русскою арміею и началъ угрожать нашимъ сѣвернымъ провинціямъ. Гражданская война, возженная приверженцами королевской партіи (шуанами [65]), вспыхнула въ Бретани и Вандеѣ и, казалось, соединяла свои усилія съ иностранцами, чтобъ ускорить наше разореніе. Франція была наканунѣ нашествія чужеземцевъ.

Подъ вліяніемъ этихъ-то бѣдствій состоялись майскіе выборы 1799 г. Общественное мнѣніе Франціи единодушно почти приписывало эти несчастія ошибкамъ Директоріи, и въ этомъ случаѣ оно не ошибалось, хотя Директорія была тутъ не единственнымъ и, можетъ быть, не главнымъ виновникомъ. Выборы почувствовали это общественное настроеніе, и Совѣты, укрощенные со времени очищенія фруктидора, увидѣли съ восторгомъ, что ихъ нѣмая оппозиція мгновенно преобразилась въ большинство, которому въ столь критическихъ обстоятельствахъ — безпорядокъ, разстройство правительства и раздраженіе національнаго чувства придавали неотразимую силу. Деморализованная Директорія, чув-

---

65) *Шуанами* назыв[illegible] войнъ бретонскіе и нижне-майнскіе крестьяне, которые, подъ предлогомъ защиты королевскаго дѣла, наполняли дороги, грабили все и мѣстечки и разбойничали; впослѣдствіи названіе это было присвоено всѣмъ вандейцамъ. Шуаны такъ названы по имени перваго своего вождя Жана Каттеро по прозвищу *Шуана* (т. е. Chat-Huant. Сова), потому что, будучи по ремеслу контрабандистомъ, онъ употреблялъ совиный крикъ, какъ сигналъ для товарищей. Каттеро дѣлалъ деревянные башмаки близъ Лаваля; первый разъ онъ началъ партизанскую войну въ 1792 г., по поводу рекрутскаго набора, и былъ убитъ въ 1794 г. въ одной изъ стычекъ съ республиканскими войсками. Въ 1814 и 1815 г. нѣсколько роялистовъ образовали новую *шуаннерію*, которая была быстро разсѣяна генераломъ Ламаркомъ. *Прим. перев.*

ствуя, что ее лично поражала эта манифестація, смыслъ которой не подлежалъ сомнѣнію, не смѣла на этотъ разъ прибѣгнуть вновь къ циническому вѣроломству, посредствомъ котораго она нарушала предыдущіе выборы, замѣнивъ избранниковъ народа своими собственными креатурами во время государственнаго переворота 22 флореаля. Ободренные общественнымъ мнѣніемъ, приписывавшимъ всѣ наши бѣдствія неспособности директоровъ. Совѣты поспѣшили отомстить за обиды фруктидора.

Первою заботою ихъ было назначить въ Директорію Сье на мѣсто Ревбеля, срокъ службы котораго кончился законнымъ образомъ. Аббатъ Сье, недавно возвратившійся изъ Берлина, куда онъ ѣздилъ по порученію, въ которомъ выказалъ тактъ и ловкость,—былъ явно враждебенъ политикѣ правительства: всѣ знали, что онъ имѣлъ систему, цѣлилъ выше перемѣны лицъ и готовъ былъ употребить всѣ усилія для установленія новаго порядка вещей. Что касается Ревбеля, то онъ утратилъ популярность по поводу дружбы къ Шереру и своихъ связей съ знаменитымъ Рапина́, злоупотребленія котораго оправдывали названіе [66]). Предосудительная дружба эта заставила несправедливо заподозрить честность Ревбеля, который жилъ и умеръ бѣднякомъ; но общественный инстинктъ не ошибся, приписавъ ему полное вліяніе въ Директоріи съ 18 фрукгидора, и онъ несъ справедливое наказаніе за свою администрацію. Подобно всѣмъ, у кого умъ ниже характера, твердость Ревбеля перешла въ тупое упорство и привязанность къ принципамъ съ исключительно узкой точки зрѣнія, созданнымъ скорѣе для секты, нежели для политической партіи.

Съ назначенія Сье, — брешь была пробита въ Директоріи. Совѣты продолжали пользоваться успѣхомъ, смѣстивъ Треллъяра, при избраніи котораго не была соблюдена какая-

---

66) Rapine, по французски, *хищеніе, грабительство.* *Пр. перев.*

то формальность, и докончили побѣду, принудивъ Мерлина и Ларевельера подать въ отставку. Изъ членовъ прежней Директоріи остался одинъ Барра́, котораго пощадили потому, что онъ потерялъ значеніе и присоединялся всегда къ сильнѣйшей сторонѣ, а Гогье, Муленъ, Рожеръ-Дюко, люди незамѣчательные, посредственность которыхъ никого не могла тревожить, заняли мѣсто выходящихъ директоровъ. Таковы были результаты дня, извѣстные подъ именемъ 30 прэріаля, который служитъ возраженіемъ 18 фруктидора, и государственнымъ переворотамъ Законодательнаго Корпуса противъ Директоріи.

Пробужденіе національнаго чувства возвратило оборонительнымъ мѣрамъ энергію и рвеніе, необходимыя для спасенія Франціи. Бернадоттъ, человѣкъ политическаго ума и въ то же время образованнѣйшій офицеръ, назначенъ военнымъ министромъ; онъ приступилъ съ необычайною дѣятельностью къ преобразованіямъ и воодушевилъ солдатъ и генераловъ. Вотирована была конскрипція и пополнила пустые почти кадры нашей арміи. Бернадоттъ сдѣлалъ смотръ этой молодежи и наэлектризовалъ ее фразою: „Дѣти! воскликнулъ онъ: — безъ сомнѣнія, между вами есть великіе полководцы.“ Простыхъ этихъ словъ было достаточно, чтобъ создать героевъ. Истощенная казна нашла новые источники въ принудительномъ займѣ. Приверженцы королевской партіи были поражены въ самое сердце закономъ относительно заложничества—безнравственная мѣра, подвергавшая отвѣтственности цѣлый классъ людей за злоупотребленія, совершенныя шуанами. Снова появились народныя общества, неизбѣжныя при великихъ національныхъ бѣдствіяхъ; остатки якобинцевъ собрались въ Манежѣ, въ залѣ, гдѣ засѣдали наши большія собранія. Наконецъ арміи наши приготовились перейдти на всѣхъ пунктахъ въ наступленіе.

Но побѣда Совѣтовъ не только не укротила партій, а напротивъ ободряла ихъ надежды. Конституція III года

была въ нихъ глазахъ только оружіемъ, которымъ каждая изъ нихъ поочередно старалась овладѣть, чтобъ поразить другъ друга. Видя, какъ это оружіе ускользало отъ нихъ поминутно, они упрекали несовершенство этого учрежденія за дурное употребленіе, которое сами дѣлали изъ него, и обдумывали его уничтоженіе. Два главные недостатка Конституціи III года поражали каждаго здравомыслящаго человѣка: оба они были достаточно освѣщены: одинъ постояннымъ соперничествомъ Совѣтовъ съ Директоріею, другой безпрерывно возраждавшимся заговоромъ одною половиною директоровъ противъ остальныхъ товарищей. Недостатки эти легко могли быть уничтожены помощью болѣе точнаго объясненія парламентскихъ преимуществъ одной стороны и введеніемъ единства въ исполнительную власть; но каждая партія, желая изъ власти сдѣлать свою крѣпость, находила удобнымъ поступать такъ, чтобъ обратить въ tabula rasa всѣ существующія учрежденія. Республиканцы *Манежа* мечтали о возстановленіи якобинской диктатуры. Они имѣли во главѣ двухъ генераловъ — Журдана, суроваго республиканца, и Ожеро, буйнаго героя военной демагогіи. Сье, который попалъ въ Директорію послѣ поѣздки своей въ Берлинъ, которой приписывали поддержку прусскаго нейтралитета, носилъ всегда въ карманѣ знаменитый проектъ конституціи, о которомъ говорили всѣ, но котораго никто никогда не видѣлъ. Онъ не могъ простить Конституціи III года за то, что она вытѣснила это образцовое произведеніе — послѣднее слово его революціонной опытности. Положеніе его во главѣ правительства, которое онъ желалъ ниспровергнуть, его репутація, упроченная лестью Мирабо и искусно раздутая самою тайною, которою онъ старался окружить себя, очевидное превосходство его надъ товарищами, его познаніе людей и партій давали ему большія преимущества, какъ вождю заговора, и собирали вокругъ него какъ самыхъ честолюбивыхъ и способныхъ, такъ и всѣхъ тѣхъ,

которые, утомясь отъ агитацій, желали перемѣны, которая осуществила бы порядокъ болѣе прочный и обезпечила ихъ собственное спокойствіе. Его пророческій тонъ, саркастическій и спѣсивый умъ, его извѣстность, обязанная нѣсколькимъ рѣзкимъ фразамъ, которыя прозвучали во время революціи подобно аксіомамъ, намекали на пустоту его политическихъ мыслей, между тѣмъ какъ видимая простота его привычекъ и мнимая возвышенность его честолюбія указывали на мотивы, управлявшіе этимъ алчнымъ попомъ. Сье не предстояло труда покорить слабый и нерѣшительный умъ своего товарища Роже-Дюко; онъ также привлекъ на свою сторону большинство совѣта Старшинъ [67]), состоявшаго большею частью изъ конвенціонистовъ *Равнины* [68]), которые подобно ему, во время тревогъ 93 г., опустили головы, чтобъ быть забытыми, и всякой славѣ предпочли *жизнь*. Такъ какъ его намѣренія не замедлили обнаружиться, то весь многочисленный классъ тѣхъ, которымъ дороги были безопасность и порядокъ, возложили на него свои надежды и вступили въ заговоръ во имя охранительныхъ идей. Такія основанія сдѣлали изъ этой группы самую сильную, если не самую предпріимчивую партію, и всѣ, кто лучше умѣлъ угадать, откуда дуетъ вѣтеръ, и всѣ, кто изъ

---

[67]) Совѣтъ Старшинъ (Conseil des Anciens)—собраніе, учрежденное во Франціи Конституціею III года (23-го сентября 1795 г.), раздѣлялъ власть съ исполнительною Директоріею, и совмѣстно съ Совѣтомъ Пяти-Сотъ занимался составленіемъ законовъ. Въ немъ было 250 членовъ, треть которыхъ возобновлялась ежегодно; каждый членъ долженъ былъ имѣть не менѣе 40 лѣтъ, быть вдовымъ или женатымъ и водвореннымъ 15 лѣтъ на территоріи республики. Они утверждали или отвергали резолюціи Совѣта Пяти-Сотъ и избирали директоровъ исполнительной власти. Революція 18 брюмэра VIII г. (1799 г.) положила конецъ существованію этого Совѣта. Онъ засѣдалъ въ Тюильри.

Прим. перев.

[68]) *Равнина* (Plaine) часть Конвента, засѣдавшаа ниже *Горы*. Это была самая умѣренная фракція собранія. *Прим. перев.*

честолюбія изъ робости или вслѣдствіе опытности, не ожидали ничего отъ учрежденій III года, какъ Талейранъ, Рѐдереръ, Камбасэресъ, Реньо-де-Сен-Жанъ-д'Анжели, Кабанисъ, Семонвиль, Бенжаменъ-Константъ и самъ Дону — натурально были на его сторонѣ.

Что касается Барра́, то имя его утратило всякое политическое значеніе. Измѣнивъ поочередно всѣмъ партіямъ, отвергнувъ всѣ мнѣнія, онъ служилъ только представителемъ безнравственности; но такова была общественная и частная испорченность, что и онъ считался еще силою. Будучи окруженъ толпою ажіотеровъ и павшихъ женщинъ, презираемый, но сохранивъ еще родъ популярности, онъ думалъ только о спасеніи собственнаго положенія; онъ ходилъ отъ одного къ другому, безпокойный, удивляясь, что никого не устрашаетъ, расточая интриги, инсинуаціи, коварныя ласки, предлагая залоги, которымъ никто болѣе не вѣрилъ, и плавалъ какъ пѣна на поверхности партій. Заботясь о собственной безопасности, онъ, при помощи Фошъ-Бореля и Давида-Монньe, вошелъ въ сношенія съ Людовикомъ XVIII и исходатайствовалъ у него покровительство съ великолѣпными обѣщаніями; но потомъ, изъ боязни быть открытымъ, объявилъ товарищамъ обо всей этой интригѣ, подъ предлогомъ указать имъ на опасности, угрожавшія Республикѣ, но въ сущности, чтобъ больше ихъ обмануть на счетъ себя и обратить себѣ въ честь всѣ эти измѣны, въ то же время измѣняя всѣмъ и каждому. Мало-по-малу онъ уклонился отъ дѣлъ, оставивъ у себя въ рукахъ только полицію, на которую и смотрѣлъ какъ на свой оплотъ, бывшую подъ вѣдѣніемъ Фушѐ, министра, достойнаго подобнаго начальника, и Реаля, своего друга и повѣреннаго.

У Конституціи III года были только два защитника въ средѣ Директоріи: Когье, экс-министръ юстиціи, честный и незлобивый, юристъ правдивый и ученый, но непроницательный человѣкъ, совершенно чуждый пониманія дѣлъ и

людей, и котораго только насмѣшка судьбы толкнула на политическую дорогу, и генералъ Муленъ, пламенный республиканецъ, но государственный человѣкъ опытный не менѣе Когье, неизвѣстный въ арміи и безъ вліянія на солдатъ. Печальнѣе всего въ этой исторіи послѣднихъ дней Республики — видѣть столько безполезной прямоты и почти смѣшной добродѣтели. Никогда не было очевиднѣе, какъ, при извѣстныхъ положеніяхъ, мало полезны одни добрыя намѣренія безъ величія души, ибо Французская республика, можетъ быть, избѣгла бы Цезаря, еслибъ обладала Катономъ.

Въ министерствѣ оказывалъ главнѣйшую помощь этимъ двумъ директорамъ военный министръ Бернадоттъ, человѣкъ ума твердаго, дѣятельнаго, предпріимчиваго, съ неоспоримыми политическими и военными способностями, человѣколюбивый и который давно уже разгадалъ честолюбіе Бонапарте. Но Бернадоттъ, вскорѣ впрочемъ устраненный отъ дѣлъ подозрительнымъ Сье, не могъ одинъ помочь безсилію партіи, отъ которой уклонился самъ Дону [69]), главный творецъ Конституціи III года, задумчивый и смиренный

---

[69]) Дону́ (Daunou), непремѣнный секретарь Академіи Надписей и Словесности, родился въ 1761 г. въ приморской Булони, умеръ въ 1840 г. Сперва онъ читалъ въ духовномъ училищѣ словесность, философію и богословіе. Во время революціи сдѣлался сторонникомъ новыхъ идей, былъ избранъ депутатомъ въ Конвентъ, гдѣ отличался умѣренностью и занимался въ особенности народнымъ просвѣщеніемъ; потомъ вступилъ въ Совѣтъ Пяти-Сотъ, котораго былъ первымъ президентомъ и однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ; участвовалъ одно время въ Трибунатѣ, откуда былъ исключенъ за свой независимый характеръ; въ 1801 г. назначенъ директоромъ библіотеки Пантеона, а въ 1804 г. архиваріусомъ имперіи, должность, которой онъ лишился во время реставраціи, но которая была ему возвращена въ 1830 г. Въ 1819 г. получилъ каѳедру исторіи во Французской коллегіи, и въ томъ же году былъ избранъ членомъ въ Палату Депутатовъ, гдѣ и засѣдалъ среди защитниковъ національныхъ правъ. Ему готовилось званіе пэра, но онъ умеръ, не дождавшись этой почести.

Онъ оставилъ много полезныхъ сочиненій. *Пр. перев.*

свидѣтель усилій, приготовлявшихъ паденіе его произведенія.

Для осуществленія своихъ плановъ и для упроченія правительства, которое онъ хотѣлъ установить, Сье необходимъ былъ дѣятельный человѣкъ, рукою котораго онъ могъ бы управлять по своему произволу. Еще въ бытность посланникомъ въ Пруссіи, онъ одно время думалъ ввѣрить эту роль принцу изъ Брауншвейгскаго дома, — выборъ, достаточно доказывающій, сколько въ этой странной головѣ было химерическаго. Имя Брауншвейговъ было неразрывно связано съ воспоминаніемъ объ одномъ манифестѣ, въ силу котораго они очевидно утратили популярность во Франціи. Впослѣдствіи, какъ увѣряютъ, посылалъ къ Бонапарте, въ пакетѣ на имя прусскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Константинополѣ, записку съ цѣлью поторопить его возвращеніе во Францію; но нѣтъ свѣдѣній, дошла ли эта записка по адресу. Потомъ онъ пытался склонить Бернадотта, въ которомъ не нашелъ ни малѣйшаго желанія служить ему орудіемъ. Наконецъ онъ обратилъ взоръ на генерала Жубера, твердыя и вмѣстѣ умѣренныя мнѣнія котораго, а также благородный характеръ были симпатичны всѣмъ партіямъ. Но такъ какъ Жуберъ, не смотря на свои блестящія заслуги, не пріобрѣлъ еще славы, которая поставила бы его выше другихъ, то и рѣшено было назначить его главнокомандующимъ Итальянскою арміею, чтобъ доставить ему возможность отличиться. Въ то же время, съ цѣлью побѣдить его нерѣшимость и привязать болѣе тѣсными узами къ партіи, интриги и запасныя мысли которой были ему такъ не по вкусу, что онъ самъ донесъ Когье о намѣреніяхъ Сье,—его женили на дочери Семонвиля.

Въ ожиданіи пока слава Жубера достаточно возрастетъ для того, чтобъ поставить его во главѣ правительства, Сье рѣшился поразить единственную партію, энергія которой казалась ему опасною. Это была старая якобинская партія,

поднявшая голову съ 30 прэріаля, и которая съ помощью агитаціи, поддерживаемой клубами, въ особенности клубомъ Манежа, пыталась возвратить прежнее свое вліяніе на народъ. Между этою партіею и конституціоналистами подъ предводительствомъ директоровъ Когье и Мулина готовилось сближеніе, которому благопріятствовалъ осторожно Бернадоттъ. Но Сье предупредилъ эту опасность рядомъ деспотическихъ мѣръ, направленныхъ какъ противъ печати, такъ и противъ клубовъ. Этимъ способомъ оба его товарища были скомпрометированы, и якобинцы обезоружены. Главныхъ журналистовъ партіи сослали на Олеронъ [70]) простымъ приказомъ (12 фруктидора), а зала Манежа была закрыта, какъ и другія мѣста собранія народныхъ обществъ. Никого это не взволновало. Благодаря страшнымъ воспоминаніямъ, которыя оставилъ Терроръ, можно было какъ угодно нарушать законы, пугая Францію фантомомъ терроризма. Журданъ пытался вырвать у Совѣтовъ объявленіе, свидѣтельствующее, „что отечество въ опасности"; но это предложеніе, имѣвшее цѣлью замѣнить правленіе Директоріи диктатурою собраній, было отклонено, и партія Манежа была разбита и разсѣяна.

Партія Сье шла вверхъ, укрѣпляясь постоянно и увеличиваясь новыми сторонниками; но преждевременная смерть Жубера, который былъ убитъ при Нови во главѣ своего войска, въ самый день открытія кампаніи, пріостановили предпріятіе. Сье пытался привлечь Моро, но онъ не могъ уговорить этого робкаго и нерѣшительнаго человѣка, врожденная честность котораго съумѣла оттолкнуть эту приманку, но оставалась всегда безполезною, за отсутствіемъ иниціативы и рѣшимости [71]).

---

[70]) Французскій островъ на Атлантическомъ океанѣ. *Пр. перев.*

[71]) „Мнѣ предлагали—это фактъ—диктатуру во Франціи прежде генерала Бонапарте, но я отказался". Объясненіе, извлеченное изъ процесса Моро. *Пр. авт.*

Въ это время арміи наши, благодаря способностямъ и неустрашимости своихъ вождей и благодаря толчку, данному Бернадоттомъ военному дѣлу, отличились побѣдами на всѣхъ пунктахъ, за исключеніемъ Италіи, гдѣ мы принуждены были держаться въ оборонительномъ положеніи. Массена въ теченіе пятнадцатидневной кампаніи, извѣстной подъ сокращеннымъ названіемъ Цюрихской битвы, совершенно уничтожилъ австро-русскую армію, а генералъ Брюнъ, разбивъ герцога Іоркскаго при Бергенѣ и при Кастрикумѣ, принудилъ его къ капитуляціи. Голландія освободилась подобно Швейцаріи, и если мы не имѣли мѣста въ Италіи, покрайней мѣрѣ альпійская наша граница была не тронута, и Шампіонне сдѣлалъ изъ нея непреодолимую преграду.

Едва прошло нѣсколько дней со времени полученія извѣстій объ этихъ побѣдахъ, какъ чиновникъ, посланный Директоріею, былъ торжественно введенъ въ залу, въ которой засѣдалъ совѣтъ Пяти-Сотъ. Воцарилась глубокая тишина. Тогда президентъ прочелъ собранію бюллетень объ Абукирской побѣдѣ, полученный правительствомъ отъ генерала Бонапарте. Чтеніе это было покрыто тройнымъ залпомъ рукоплесканій. Давно уже ни одна изъ его депешъ не достигала до Директоріи, о положеніи нашей арміи въ Египтѣ знали только по свѣдѣніямъ, приходившимъ изъ заграницы, и мракъ, который распространяли они надъ судьбою этой рискованной экспедиціи, вмѣсто того, чтобъ уменьшить участье къ нашимъ солдатамъ и ихъ главнокомандующему, наполнилъ всѣ сердца невыразимою тоскою. Имена этихъ воиновъ, которые приходили намъ на память вмѣстѣ съ воспоминаніями объ этой древней и таинственной странѣ, явились намъ въ поэтическомъ отблескѣ, который увеличивался еще и отдаленностью, и опасностями, и этою неизвѣстностью, окутывавшею ихъ со всѣхъ сторонъ, подобно дыму сраженій, и скрывавшею ихъ отъ взоровъ. Египетская армія представлялась намъ только сквозь двойной миражъ пустыни и исторіи.

Народное воображеніе овладѣло уже этимъ великимъ приключеніемъ, и создало изъ него легенду, въ которой Бонапарте и Итальянская армія были *сосланы* [72]) въ Египетъ правительствомъ, завидовавшимъ ихъ славѣ.

Слово *ссылка Бонапарте* служила формулою, употреблявшеюся въ большей части народныхъ движеній. Превозносили похвалами его безкорыстіе и патріотизмъ и открыто сожалѣли о томъ, что онъ избѣгнулъ участи Гоша только для того, чтобъ быть осужденнымъ на болѣе злополучную кончину.

Вотъ почему такой громадный эффектъ произвела Абукирская побѣда, существенная важность которой была далеко ниже обаянія. Въ слѣдующіе дни Мониторъ обнародовалъ рапорты Бонапарте и о прежнихъ дѣлахъ: о Сирійской кампаніи, о битвѣ при горѣ Ѳаворѣ, о мнимомъ истребленіи Сенъ-Жанъ-д'Акры, со всѣмъ притворствомъ и блестящимъ искусствомъ показать товаръ лицомъ—какими были наполнены эти разсказы. Директорія, которая въ теченіе предшествовавшаго сезона могла только объявить болѣе пораженій нежели побѣдъ, нарочно придала больше блеска этому обнародованію. И вотъ 15 октября Мониторъ объявилъ новость, передъ которою поблѣднѣли всѣ прежнія: Бонапарте высадился во Фрежюсѣ; обитатели этого города приняли его съ восторгомъ и освободили отъ карантина; онъ ѣхалъ въ Парижъ, привѣтствуемый восторженными криками народа.

Генералъ дѣйствительно возвратился во Францію послѣ долгаго и утомительнаго путешествія, въ продолженіе котораго ему удалось избѣжать англійскихъ крейсеровъ, благопріятствуемый тѣмъ удивительнымъ, чудеснымъ счастьемъ, въ которомъ онъ не имѣлъ недостатка, при обстоятельствахъ

---

[72]) Выраженіе это буквально находится въ большей части адресовъ, присланныхъ въ совѣтъ Пяти-Сотъ, по поводу 30 прэріаля. См. между прочими Moniteur отъ 8 іюля, 1799. *Пр. авт.*

зависящихъ отъ случая. Онъ принужденъ былъ оставаться нѣсколько дней на Корсикѣ, гдѣ вскорѣ ознакомился съ теченіемъ дѣлъ и прежнимъ положеніемъ партій. Намѣреніе его было уже рѣшено въ тотъ день, когда онъ задумалъ покинуть Египетъ. Онъ возвращался, лелѣя болѣе чѣмъ когда нибудь тайную мысль, которая въ продолженіе двухъ лѣтъ слѣдовала за нимъ неотступно, сопровождая его даже въ глубину пустынь. Онъ рѣшился на все для достиженія власти. Но какихъ избрать помощниковъ среди этого хооса партій? На что опереться? Не смотря на упадокъ Республики, удастся ли ему, при столькихъ междоусобицахъ, найдти партію, готовую оставить благородныя дѣла революціи, чтобъ примкнуть къ судьбѣ солдата? Или ему самому придется погрязнуть въ какой нибудь изъ этихъ группъ мнѣній, служить ея дѣлу, пристать къ ея цѣлямъ и подчиниться ея условіямъ.

Въ состояніи страшнаго раздробленія, въ которомъ находились партіи, его одиночество было скорѣе сила нежели невыгода, ибо оно относительно ихъ придавало ему видъ безкорыстія и высокаго безпристрастія, что обѣщало ему согласіе всѣхъ людей. Онъ дѣйствительно былъ безкорыстенъ въ раздорахъ партій, въ томъ смыслѣ, что думалъ только о себѣ. Независимо отъ союзниковъ всѣхъ происхожденій и цвѣтовъ, обезпечивавшихъ ему это положеніе, за него были всѣ, кто подобно ему преслѣдовалъ личныя цѣли, и военные, большая часть которыхъ предалась ему заранѣе, ибо возвышеніе его было вѣрнымъ залогомъ ихъ собственнаго вліянія въ государствѣ. Во время его отсутствія братья его Іосифъ и Люціанъ—вслѣдствіе ли его приказаній, повинуясь ли внушенію собственнаго интереса, согласовавшагося съ его интересомъ,—поведеніемъ своимъ служили самымъ лучшимъ образомъ для его цѣлей: Іосифъ, дѣйствуя дипломатически и располагая къ себѣ самые оппозиціонные умы вѣчно улыбающимся оптимизмомъ своего кажущагося добродушія

и Люціанъ, съ пылкостью бросаясь во всѣ ссоры и работая изъ всѣхъ силъ, чтобъ увеличить всеобщее разложеніе. Послѣдній былъ избранъ депутатомъ въ совѣтъ Пяти-Сотъ и благодаря своему пылкому краснорѣчію, тревожной дѣятельности и великому имени брата, пріобрѣлъ себѣ вліяніе, на которое можно было разсчитывать. Сама Жозефина снискала себѣ друзей не безполезныхъ для честолюбія генерала. Изъ чисто-женскаго разсчета и чтобъ торжественно отвѣчать на всѣ обвиненія враговъ она вступила въ тѣсную дружбу съ честнымъ Гогье, пользовавшимся репутаціею образцовой добродѣтели. Предосторожность эта была не безъ пользы въ отношеніи раздражительнаго ея супруга, котораго отголоски общественнаго злословія преслѣдовали въ самый Египетъ, и который мучился отъ ревности. Такимъ образомъ Жозефина пріобрѣла для Бонапарте довѣрчивую благосклонность Гогье, избраннаго президентомъ Директоріи.

Этому то директору генералъ сдѣлалъ первый визитъ по прибытіи въ Парижъ. Но не смотря на неслыханный блескъ своего торжественнаго шествія по Франціи, онъ не могъ не питать нѣкотораго безпокойства относительно пріема за то, что оставилъ армію безъ позволенія. „Президентъ, сказалъ онъ Гогье:—вѣсти, достигшія къ намъ въ Египетъ, были такъ тревожны, что я не поколебался покинуть армію и пріѣхалъ раздѣлить съ вами опасности“. „—Онѣ были дѣйствительно большія, генералъ, отвѣчалъ Гогье:—но мы вышли изъ нихъ со славою. Вы прибыли кстати отпраздновать съ нами торжество вашихъ товарищей по оружію“. На другой день (17 декабря) Директорія приняла его въ торжественной аудіенціи. Генералъ возобновилъ свои увѣренія, и, положивъ руку на эфесъ своей шпаги, прибавилъ, „что не обнажитъ ее иначе *какъ на защиту Республики и своего правительства*“ [73]) Ему отвѣчали пожеланіями и привѣтствіями, которыя не

---

[73]) Записки Гогье. *Прим. автора.*

могли совершенно скрыть чувствъ недовѣрія и безпокойства, возбужденныхъ въ душѣ директоровъ неожиданнымъ его возвращеніемъ.

Далеко не раздѣляя этой боязни, парижская публика присоединилась къ восторгу всей Франціи съ увлеченіемъ близкимъ къ опьянѣнію, и котораго никогда не могли забыть очевидцы. Во время проѣзда Бонапарте чрезъ Ліонъ, въ честь его была написана пьеса, подъ заглавіемъ: „Возвращеніе Героя“. Это было выраженіе минуты. Бонапарте былъ предметомъ всѣхъ разговоровъ, всѣхъ упованій. Журналы говорили только о немъ и повторяли его малѣйшія слова. Въ Республикѣ былъ одинъ только человѣкъ—Бонапарте. Единственно его отсутствіе причинило намъ всѣ напасти, которымъ полагало конецъ его возвращеніе. Онъ возвратился, и должны окончиться всѣ бѣдствія, а побѣда снова завитаетъ подъ наши знамена. Этотъ народъ артистовъ и солдатъ, соединявшій съ пламеннымъ воображеніемъ непомѣрное честолюбіе юныхъ демократій, которому надоѣла и мелочность интригъ и посредственность людей, занимавшихъ сцену въ продолженіе двухъ лѣтъ,—этотъ народъ во что бы то ни стало желалъ героевъ, и, овладѣвъ тѣмъ, который ему представился, широко наградилъ его всѣми достоинствами и добродѣтелями, не вспомнивъ ни одну минуту о значительномъ участьи, какое принималъ онъ въ ошибкахъ, въ которыхъ наиболѣе упрекали Директорію. А между тѣмъ, если бы хотѣли возложить на каждаго подобающую долю отвѣтственности, то надобно бы спросить Директорію, кто вовлекъ ее въ эту страну завоеваній? Кто повелъ ее 18 фруктидора на гибельный путь государственныхъ переворотовъ? Кто освятилъ преобладаніе военной власти надъ властями гражданскими? По чьей инииціативѣ созданы были эфемерныя республики—первая причина нашихъ неудачъ? Кто удалилъ столь несвоевременно наилучшую изъ нашихъ армій?

Но опытность мало служитъ народу, легкомысленному какъ въ своемъ пристрастіи, такъ и во всѣхъ строгостяхъ. Въ сущности этотъ народъ гнѣвался на Директорію не за ея политику, то неблагоразумную, то нечестную, а за то что она не умѣла торжествовать. Въ Бонапарте были ему любы не столько геній, сколько счастье, удачная смѣлость и шпага, считавшаяся до тѣхъ поръ непобѣдимою. И движеніе, толкавшее къ этому человѣку Францію, увлекало вмѣстѣ интеллигенцію и толпу. Со времени его пріѣзда, вокругъ него образовался родъ двора изъ людей, замѣтныхъ въ различныхъ партіяхъ. Бонапарте былъ очень остороженъ относительно публики, взоровъ которой избѣгалъ для возбужденія ея любопытства, тщательно старался не показываться публикѣ, жаждавшей видѣть его черты; будучи вездѣ невидимкою и между тѣмъ представляясь вездѣ взорамъ, которые упорствовали видѣть его, появляясь чаще въ мундирѣ Института, нежели въ военномъ, какъ бы въ знакъ уваженія къ превосходству гражданскаго порядка, онъ звалъ къ себѣ людей извѣстныхъ. Званныхъ этихъ онъ принималъ съ разсчитанною любезностью, и заставлялъ высказаться, заставлялъ предлагать ихъ планы, показывая готовность принять эти планы; онъ испытывалъ надъ ними то свои дѣйствительныя мысли, то такія, которыя онъ хотѣлъ, чтобъ ему приписывали. Небольшой отель его въ улицѣ Побѣды былъ наполненъ посѣтителями всѣхъ родовъ, привлеченными къ нему тою же мыслью, какая заставляла и его заискивать въ нихъ— взаимнымъ желаніемъ проникнуть обоюдныя намѣренія. Тамъ встрѣчались друзья Сье съ друзьями Гогье и Бернадотта, члены Манежа рядомъ со сторонниками Барра̀, и ученые, и литераторы, и артисты, и самые замѣчательные генералы арміи.

Прозорливый Талейранъ одинъ изъ первыхъ присоединился къ этой свитѣ Бонапарте, а послѣдній, будучи слишкомъ ловокъ для того, чтобъ припомнить маленькую измѣну ди-

пломата относительно посольства въ Константинополь, принялъ его самымъ дружественнымъ образомъ. Реньо де Сенъ-Жанъ д'Анжели, котораго Бонапарте оцѣнилъ въ Италіи и на Мальтѣ; Ре́дереръ тонкій и проворный политикъ, опытность котораго перешла въ скептицизмъ, и который по современному выраженію *проползъ извиваясь* чрезъ всѣ партіи; Реаль, умный и веселый человѣкъ, которому ораторскія и писательскія способности, и въ особенности мѣсто комиссара Директоріи при Сенской администраціи давали значеніе не очень блестящее, но которое могло пригодиться; Кабанисъ старинный другъ Мирабо, которому пришлось впослѣдствіи раскаяться въ содѣйствіи, котораго онъ не предвидѣлъ всѣхъ послѣдствій; Вольней, знаменитый ученый, напрасно старавшійся потомъ уклониться отъ насильственныхъ почестей императорскаго Сената; наконецъ адмиралъ Брюйе, морской экс-министръ,—все это люди чрезвычайно тонкіе и умные, вмѣстѣ съ Талейраномъ, были самыми искренними его совѣтниками и болѣе заслужившими его довѣрія, что значитъ сказать немного; ибо подобный человѣкъ могъ имѣть людей близкихъ, но не такихъ, которымъ онъ ввѣрился бы вполнѣ.

Директоры Гогье, Роже-Дюко и особенно Муленъ, управлявшіе военнымъ департаментомъ, были его постоянными посѣтителями и совѣтовались съ нимъ постоянно, также какъ и Камбасересъ, министръ юстиціи, имѣвшій къ нему слабость, питаемую законниками всѣхъ временъ къ власти, и Дюбуа де Краже, преемникъ Бернадотта. Что касается Фуше, то этотъ любимый министръ Барра́ обонялъ своимъ чувствительнымъ полицейскимъ носомъ заговоръ, видя съ безпокойствомъ образованіе интриги, въ которой онъ не участвовалъ, но будучи не въ состояніи высказаться противъ заговора, которому повидимому предстоялъ великій и близкій успѣхъ,—онъ осыпалъ генерала увѣреніями въ своей преданности, конечно съ тѣмъ, чтобъ измѣнить ему вполнѣ

слѣдствіи, въ случаѣ дѣло приняло бы дурной оборотъ. Самые замѣчательные въ Республикѣ военные люди стекались къ Бонапарте, безъ различія мнѣній—одни потому, что видѣли въ немъ самаго высокаго представителя ихъ интересовъ и славы, другіе потому, что для нихъ было очень важно проникнуть его планы, для направленія собственной дѣятельности. Между послѣдними находились люди, почти явно ему непріязненные, какъ Ожеро, Журданъ, Бернадоттъ; въ числѣ первыхъ—генералы, привезенные имъ изъ Египта—Ланнъ, Мармонъ, Бертье и Мюратъ, къ которымъ присоединились офицеры, отличившіеся подъ начальствомъ другихъ главнокомандующихъ, какъ Макдональдъ и Бернонвиль.

Вскорѣ появился у него въ домѣ знаменитѣйшій изъ всѣхъ человѣкъ, котораго молва одно время назначила ему соперникомъ, а именно Моро, который былъ тогда сильно раздраженъ противъ Директоріи, за то что она извлекла его изъ продолжительнаго бѣдствія только для того, чтобъ подвергнуть неизбѣжному несчастью. Первый разъ Бонапарте увидѣлся съ нимъ у Гогье. Оба эти великіе вождя никогда не встрѣчались. Бонапарте подошелъ къ Моро съ предупредительностью, которая, судя по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, не была бы столь жива, еслибы несчастья не уничтожили прежней репутаціи у послѣдняго. Замѣтили тогда, что прежде чѣмъ заговорить, они молча осматривали другъ друга, какъ бы этимъ быстрымъ обзоромъ хотѣли пополнить понятіе, составленное ими другъ о другѣ. Бонапарте отозвался первый и въ лестныхъ выраженіяхъ разсказалъ о своемъ нетерпѣніи—съ нимъ познакомиться. Моро принялъ эти любезности съ обычною простотою, и они начали бесѣдовать о военномъ дѣлѣ и о различныхъ его шансахъ. Чрезъ нѣсколько дней Бонапарте посѣтилъ его, подарилъ ему великолѣпный дамасскій клинокъ, привезенный съ Востока, и, благодаря недовольству Моро на Директорію, могъ овладѣть этимъ нерѣшительнымъ человѣкомъ, который былъ на столько не искусенъ

въ политикѣ, на сколько высокъ въ военномъ дѣлѣ. По, по весьма характеристической нерѣшимости, отдаваясь въ распоряженіе Бонапарте, Моро отказался выслушать объясненіе его плановъ.

Итакъ вокругъ генерала Бонапарте группировались сами собою элементы, въ которыхъ онъ имѣлъ надобность для узнанія дѣла и для выбора. Однако это наблюдательное положеніе не могло долго продолжаться, безъ боязни за успѣхъ предпріятія; необходимо было приготовиться и дѣйствовать. Прежде чѣмъ приступить къ открытому и необходимо-рискованному нападенію на существующія учрежденія, Бонапарте сперва хотѣлъ убѣдиться, не было ли возможности ему проникнуть въ среду правительства путями правильными и законными. Къ Сье онъ чувствовалъ сильнѣйшую антипатію. Госпожа Бонапарте разсказывала всѣмъ, что этотъ директоръ былъ „противнѣе всего" для ея мужа. Дѣйствительно, по своему характеру и положенію Сье былъ единственнымъ человѣкомъ, который могъ связать его условіями и воспрепятствовать его цѣлямъ. Непріязнь директора къ генералу отличалась не меньшею живостью, ибо эти оба лица были врагами по своему положенію, слишкомъ проницательные, чтобъ не понимать другъ друга, что вся трудность заключалась не въ уничтоженіи ихъ взаимной вражды, но въ соглашеніи ихъ честолюбій. Однажды Сье и Бонапарте встрѣтились на обѣдѣ, за которымъ послѣдній старался не взглянуть ни разу на своего противника. „Смотрите, воскликнулъ разъяренный директоръ:—на поведеніе этого маленькаго нахала относительно члена власти, который долженъ былъ бы велѣть разстрѣлять его". Сперва Бонапарте думалъ сдѣлаться директоромъ на мѣсто Сье. Соединившись съ конституціонною партіею, онъ разсчитывалъ касировать подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ избраніе Сье и занять его мѣсто. Онъ откровенно сообщилъ это намѣреніе Гогье и Мулену, но какъ онъ не достигъ еще сорока лѣтъ, требуе-

мыхъ Конституціею для званія директора, то и встрѣтилъ въ нихъ непоколебимое сопротивленіе.

Наконецъ, ни это предложеніе, ни знаменательное упорство, съ какимъ онъ его поддерживалъ, не могло заставить ихъ остерегаться намѣреній генерала. Единственною предосторожностью, которую внушили имъ эти его выходки, они рѣшились предложить ему отъ Директоріи командованіе арміею—въ химерической надеждѣ, что такимъ способомъ могли избавиться отъ этого честолюбца, не удовлетворивъ его. Это окончательное средство было принято большинствомъ, не смотря на сопротивленіе Сье и особенно Барра̀, который воскликнулъ при этомъ случаѣ „что маленькій капралъ достаточно хорошо обдѣлалъ свои дѣла въ Италіи, для того чтобъ имѣть желаніе возвратиться туда“, намекая на суммы, предварительно вычтенныя генераломъ изъ разработки гидрійскихъ рудниковъ. Это дошло до Бонапарте, и въ тотъ день, когда директоры сдѣлали ему предложеніе, онъ, бросивъ на Барра́ вызывающій взоръ, сказалъ, что если онъ и обдѣлалъ свои дѣла въ Италіи, то по крайней мѣрѣ не на счетъ Республики. Онъ отказался отъ командованія, которое ему предлагали, ссылаясь на необходимость отдыха и поправленія здоровья.

Послѣ этой неудавшейся попытки, Бонапарте обратился къ членамъ Манежа, къ партіи республиканской диктатуры. Бернадоттъ тѣснѣе сблизился съ этою партіею, съ тѣхъ поръ какъ Сье удалилъ его изъ министерства, чтобъ отдѣлаться отъ слишкомъ прозорливаго соглядатайства. Онъ составилъ съ Ожеро и Журданомъ родъ военнаго тріумвирата, вокругъ котораго группировались остатки изувѣченнаго якобинизма. Партія эта довольно точно представляла прежнія мнѣнія генерала Бонапарте; она подходила къ его деспотическому характеру, который раздражала конституціонная щекотливость; она владѣла страшною энергіею, рѣдкою дисциплиною, преданіями правительства; наконецъ, если вселяла ужасъ въ

значительную часть націи, то оставалась популярною между низшими классами, которые она обогатила добычею отъ дворянства, и среди солдатъ, которыхъ разувѣрила относительно возвращенія эмигрантовъ. Но Іосифъ напрасно старался увлечь своего зятя и друга Бернадотта. Послѣдній оставался непреклоненъ, но скорѣе изъ соперничества честолюбія, какъ изъ дѣйствительной оппозиціи принципамъ. Между коллективною диктатурою, о которой мечталъ Бернадоттъ, и диктатурою одного лица, которую приготовлялъ Бонапарте, существуетъ только вопросъ времени, ибо первая почти неизбѣжно ведетъ ко второй, а это не всегда самая худшая.

Бонапарте сдѣлалъ попытку новаго соображенія. Фуше болѣе и болѣе безпокоясь, что патронъ его Баррá находился въ дурныхъ отношеніяхъ съ могуществомъ, вліяніе котораго возрастало съ каждымъ днемъ, рѣшился устроить соглашеніе между двумя старинными друзьями. Бонапарте многимъ былъ обязанъ Баррá: благодаря ему онъ получилъ мѣсто 13 вандемьера, а позже назначенъ главнокомандующимъ Итальянскою арміею. Будучи дружны со времени осады Тулона, они вмѣстѣ возвышались и прошли чрезъ одни и тѣ же испытанія. Не бывъ собственно легковѣренъ относительно чувствъ, Фуше надѣялся, что солидарность, которая установилась бы при помощи прежнихъ отношеній, воспоминаніе прежнихъ услугъ, и можетъ быть и пробужденіе старинной дружбы позволили бы имъ забыть недавнія огорченія и идти вмѣстѣ. Баррá согласился на первый шагъ и пригласилъ Бонапарте обѣдать въ Люксамбургъ. Но свиданіе это не привело къ желанному результату. Вмѣсто откровенности, съ обѣихъ сторонъ явилась подозрительность; тотъ и другой держались въ оборонительномъ положеніи. Наконецъ Баррá приступилъ къ предмету, о которомъ думали тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе говорили, но приступилъ косвенно, окольною дорогою, съ умыш-

ленною простотою, словно для того, чтобъ принудить генерала высказаться, а самому держаться въ сторонѣ.

„Республика гибнетъ, сказалъ онъ:—ничто не можетъ идти болѣе. Необходимо совершить важную перемѣну и назначить Гедувиля президентомъ Республики. Вы отправитесь въ армію; что же касается меня, то я боленъ, разслабленъ, лишенъ популярности. Я способенъ лишь къ частной жизни.“ Гедувиль былъ генералъ неизвѣстный, но не безъ достоинствъ, выказавшій впослѣдствіи отличныя административныя качества, въ то время, протеже Барра́, а прежде пользовавшійся благосклонностью Гоше, и имя котораго было выдвинуто впередъ единственно, чтобъ поймать собесѣдника на удочку. Вмѣсто отвѣта и будучи мало расположенъ откровенничать съ тѣмъ, кто не показывалъ ему довѣрія, Бонапарте пристально посмотрѣлъ на Барра́, который сильно смутился отъ этого. Разговоръ на этомъ и прекратился. Черезъ нѣсколько минутъ генералъ вышелъ отъ Барра́ и отправился къ Сье, чтобъ сообщить, что только съ нимъ онъ хочетъ быть заодно.

Общіе друзья Сье и Бонапарте—Талейранъ, Редереръ Кабанисъ, соображая преимущества, какія могли произойдти отъ соединенія этихъ людей, силу, какую они могли пріобрѣсти, легкость для осуществленія своихъ намѣреній, часто огорчались отъ взаимнаго ихъ отдаленія и недовѣрчивости. Они тѣмъ болѣе сожалѣли объ этой взаимной непріязни, что плохо понимали истинную причину. Будучи равнодушны къ столкновенію этихъ двухъ честолюбій, они думали только объ успѣхахъ общаго предпріятія, и такъ какъ въ случаѣ удачи одного изъ соискателей ихъ собственный интересъ былъ бы обезпеченъ, то имъ и мало было нужды, которымъ изъ двухъ пришлось бы пожертвовать. Нѣсколько разъ они пытались разсѣять взаимныя предубѣжденія обоихъ соперниковъ и дать имъ понять, что они ничего не могли сдѣлать одинъ безъ другаго. Но несовмѣстимость существовала не между

ихъ личностями, а между ихъ претензіями. При томъ же едва прошло нѣсколько дней съ тѣхъ поръ, какъ Сье говорилъ о разстрѣляніи Бонапарте за нарушеніе военныхъ законовъ, а Бонапарте предлагалъ смѣнить Сье, какъ человѣка преданнаго Пруссіи; отъ этого не легокъ переходъ къ искреннему согласію. Не смотря на тактъ и на всю ловкость примирителей, они безъ сомнѣнія не успѣли бы въ своемъ стараніи при честолюбіи и непреклонной гордости этихъ двухъ человѣкъ, еслибъ необходимость не заговорила громче всякихъ совѣтовъ. Оказалась настоятельная нужда дѣйствовать, если не хотѣли быть предупрежденными. Іосифу и Кабанису удалось пока усиленною настойчивостью исторгнуть согласіе у Сье на сближеніе съ генераломъ. Но Сье сдался неохотно, предчувствуя, что Бонапарте бралъ его въ сотрудники лишь по обстоятельствамъ, и что постарается послѣ успѣха отдѣлаться отъ него. „Я знаю судьбу меня ожидающую, сказалъ онъ имъ:—послѣ успѣха онъ отстранитъ своихъ товарищей и оставитъ ихъ назади, какъ поступаю я въ настоящую минуту.“ И, подтверждая слова дѣйствіемъ, онъ быстро прошелъ между двумя собесѣдниками, оставляя ихъ назади [74]).

Предскаазніе чрезвычайно вѣрное, ибо это согласіе дѣйствительно повело къ политическому концу Сье. Послѣ предполагавшагося государственнаго переворота, очевидно, что львиная часть досталась бы болѣе блестящей популярности, а въ этомъ случаѣ генералъ до такой степени былъ выше директора, что по всѣмъ вѣроятіямъ было бы невозможно и предлагать ему раздѣлъ власти, несовмѣстимый впрочемъ съ подобнымъ ему характеромъ. Значитъ, Бонапарте имѣлъ весь интересъ, чтобъ преодолѣть свое отвращеніе и сойтись съ соперникомъ, который рано или поздно долженъ былъ очутиться у него во власти. Къ всевозможнымъ преимуще-

[74]) Записки короля Іосифа. *Прим. автора.*

ствамъ, представляемымъ этимъ союзомъ, присоединялась еще одна особенность, имѣвшая въ глазахъ его не малую цѣну, а именно, что онъ находилъ здѣсь совершенно готовый заговоръ, давно организованный, располагавшій значительнымъ, дисциплинированнымъ личнымъ составомъ, могущественными средствами дѣйствія, лозунгъ котораго былъ извѣстенъ публикѣ, и которому недоставало только дѣятельнаго человѣка, чтобъ дать ему движеніе. Бонапарте тѣмъ болѣе долженствовалъ оцѣнить пользу столь отлично устроенной машины, что самъ онъ, вопреки своимъ увѣреніямъ впослѣдствіи, не только не оттолкнулъ заискиванья всѣхъ партій, но послѣдовательно потерпѣлъ неудачу у каждой изъ нихъ, и ему угрожало одиночество, которое осудило бы его на безсиліе. Но всѣмъ этимъ причинамъ генералъ не поколебался сдѣлать первый шагъ къ противнику, а Сье, принявшій эти предложенія, не смотря на то что предвидѣлъ неминуемое ихъ послѣдствіе, заслуживалъ ничтожества и презрѣнія, въ которыя долженъ былъ упасть послѣ своей грустной побѣды. Дѣла уже зашли такъ далеко, что въ тотъ же вечеръ, когда Бонапарте пришелъ съ мировою къ Сье (30 октября 1799), было условлено приступить чрезъ восемь или чрезъ десять дней къ рѣшительному удару.

На другой день Барра̀, получивъ выговоръ отъ своихъ друзей Реаля и Фуше, которымъ Бонапарте передалъ разговоръ свой съ этимъ директоромъ, и замѣтивъ, что вмѣсто ловкости онъ выказалъ страшную безтактность, побѣжалъ къ генералу, чтобъ умилостивить его и примириться съ нимъ. Но было уже очень поздно. Бонапарте отвѣчалъ только предложеніями, столь же мало серьезными, какъ и тѣ, какія были сдѣланы ему наканунѣ, и велъ себя въ высшей степени осторожно.

Онъ приготовлялъ уже средства къ выполненію намѣренія. Посредствомъ двухъ директоровъ—своихъ сообщниковъ—онъ имѣлъ содѣйствіе части правительства или по крайней

мѣрѣ былъ увѣренъ въ его бездѣйствіи; при помощи Сье онъ имѣлъ на своей сторонѣ большинство въ совѣтѣ Пяти-Сотъ; чрезъ брата Люціана, котораго торжественное возвращеніе Наполеона подняло на высоту президентскаго мѣста въ совѣтѣ Пяти-Сотъ, онъ имѣлъ не много, но людей преданныхъ въ средѣ самаго Совѣта; при помощи Реаля, принятаго въ заговоръ, не смотря на его короткость съ Барра́, онъ располагалъ муниципалитетами и администраціею Парижскаго департамента; при посредствѣ Фуше, который зналъ тайну, хотя ее собственно ему и не ввѣряли, и который дѣйствовалъ подъ рукою съ рвеніемъ волонтера въ этомъ дѣлѣ, не вступая однако жъ въ него положительно до побѣды, Бонапарте могъ разсчитывать на потворство полиціи, рѣшившейся ничего не видѣть и не слышать касательно его происковъ. Наконецъ отъ поставщиковъ финансовой аристократіи того времени, онъ имѣлъ, какъ говорятъ, сумму въ два мильона на первыя потребности. Онъ самъ занялся военною силою и безъ труда привлекъ офицеровъ и генераловъ. Въ составѣ парижскаго гарнизона были два драгунскихъ полка, служившихъ въ Итальянской арміи, солдаты которыхъ большею частью были страстно привязаны къ его особѣ. Третій полкъ заранѣе былъ задобренъ Мюратомъ, который самъ вышелъ изъ рядовъ этого полка. Можно было также разсчитывать на сорокъ адъютантовъ національной гвардіи, назначенныхъ самимъ Бонапарте послѣ 13 вандемьера, а также и на большую часть офицеровъ стражи, состоявшей при Совѣтахъ и при Директоріи. Таковы были сильные и совсѣмъ готовые элементы.

Что касается генераловъ, то большинство ихъ уже участвовало въ заговорѣ. Моро не вступалъ формально, но тѣмъ не менѣе былъ замѣшанъ и замѣшанъ такъ, что не зналъ куда поведутъ его—самый печальный способъ принимать участье въ заговорахъ. Когда Бонапарте хотѣлъ объяснить ему свои планы, Моро, словно изъ боязни узнать слишкомъ много,

перебилъ его. сказавъ: „что не имѣлъ надобности знать тайну, но что ему самому надоѣлъ гнетъ адвокатовъ, и что онъ со своими адъютантами отдаетъ себя въ его распоряженіе.“ Макдональдъ и Серюрье поступили такимъ же образомъ. О генералахъ, привезенныхъ Бонапарте изъ Египта, и говорить нечего. Оставался Лефебръ, отличный офицеръ, но человѣкъ недалекій — двѣ вещи совершенно несовмѣстимыя. Лефебръ командовалъ Парижскою дивизіею, поклялся умереть за Республику и истребить ея враговъ, и Муленъ и Гогье надѣялись на него какъ на каменную гору. Бонапарте, знавшій лучше людей этого сорта, не считалъ необходимымъ открываться Лефебру, но постарался захватить его врасплохъ и увлечь въ послѣднюю минуту, не давъ ему времени одуматься. Менѣе явную пропаганду и достаточно скрытую для того, чтобъ въ случаѣ надобности можно было отпереться, предприняли между низшими офицерами. Мюрату поручено было завербовать кавалерійскихъ офицеровъ, Ланну пѣхотныхъ; Мармонъ взялъ на себя артиллерію, которою съ честью командовалъ, а Бертье высшихъ офицеровъ [75]).

Въ то же время Бонапарте не щадилъ ничего, чтобъ усыпить единственныхъ двухъ директоровъ, которые могли помѣшать его намѣренію. Онъ даже умѣлъ искусно усиливать въ нихъ вѣру въ безопасность по мѣрѣ приближенія рѣшительной минуты, такъ что наканунѣ 18 брюмэра довѣріе ихъ къ нему не знало предѣловъ. Всему Парижу извѣстно было то, что готовилось, объ этомъ громко говорили во всѣхъ собраніяхъ, а они не питали ни малѣйшаго подозрѣнія. Если же кто намекалъ объ этомъ въ ихъ присутствіи, они отвѣчали только улыбкою сожалѣнія и пожимали плечами. Они сильно насмѣхались надъ бѣднымъ Сье, который началъ учиться верховой ѣздѣ. Муленъ каждое утро продолжалъ совѣтоваться съ генераломъ, который считалъ за удовольствіе

---

[75]) *Записки* Мармона. *Прим. автора.*

знакомить его съ состояніемъ военныхъ дѣлъ, а послѣдній положительно не могъ обойдтись безъ общества Гогье. Онъ осыпалъ его дружескими любезностями, лестными тѣмъ болѣе, что обыкновенно онъ былъ на нихъ скупъ; онъ заставлялъ Жозефину писать къ нему любезныя записочки и самъ звалъ его обѣдать; онъ даже заранѣе пригласилъ его къ обѣду въ самый день переворота [76]).

15 брюмэра (6 ноября 1799) былъ въ церкви св. Сульпиція пиръ, данный Совѣтами генералу Бонапарте въ честь его возвращенія. Пиръ этотъ, предложенный самопроизвольно старшинами, встрѣтилъ весьма живое сопротивленіе у Пяти-Сотъ, вслѣдствіе слуховъ, носившихся о намѣреніяхъ Бонапарте, и надобно было устроить его по подпискѣ, во избѣжаніе споровъ, вредныхъ для славы того, кого хотѣли чествовать. Моро находился тутъ очень близко отъ своего соперника: но повидимому онъ присутствовалъ для того, чтобъ украсить, а не раздѣлять торжество его. Обѣдъ былъ необыкновенно скученъ и молчаливъ. Казалось, оцѣпенѣніе овладѣло всѣми собесѣдниками и мѣшало изліянію. Тамъ собралась, обмѣниваясь холодными пошлостями, большая часть виновниковъ заговора, съ людьми, долженствовавшими сдѣлаться его жертвами; и тѣ и другіе были тревожны, недовѣрчивы, заняты событіемъ, слѣдствія котораго могли быть гибельны. Изъ предосторожности оскорбительной и вмѣстѣ малодушной, которая одна уже могла обличить наблюдательному взору тайныя его мысли, Бонапарте велѣлъ своему адъютанту Дюроку принести небольшой хлѣбъ и полбутылки вина [77]). Подъ вліяніемъ такой же заботливости о себѣ, возвращаясь изъ Ліона въ Парижъ, онъ поѣхалъ по Бурбонской дорогѣ, зная, что его ожидали по Бургонской. Заговорщикъ всюду видитъ ловушку и злоумышленіе. Онъ говорилъ мало и едва

---

[76]) *Записки* Гогье. *Прим. автора.*

[77]) *Записки* Лавалетта. *Прим. автора.*

прикасался къ подаваемымъ блюдамъ. Черезъ полчаса онъ всталъ и медленно обошелъ съ Бертье вокругъ столовъ, обмѣниваясь нѣсколькими словами съ знакомыми, и потомъ скрылся въ боковую дверь.

Немедленно онъ отправился оттуда къ Сье, чтобъ условиться съ нимъ на счетъ послѣднихъ приготовленій. Прежде всего надо было перенести Совѣты за городъ, чтобъ отнять у нихъ возможность дѣйствовать на большинство, и легче запугать ихъ. Творцы Конституціи III года, предвидя серьезную общественную опасность и припоминая покушенія черни на собранія, уполномочили Совѣтъ Старшинъ предписать эту мѣру. Было рѣшено, что Старшины, которыми располагалъ Сье, дадутъ повелѣніе перевести Совѣты въ Сенъ-Клу. Какъ причина подобной мѣры, долженъ быть выставленъ якобинскій заговоръ, на который Сье указывалъ во всеуслышаніе уже нѣсколько мѣсяцевъ—предлогъ несомнѣнно успѣшный даже въ наше время, благодаря воспоминанію, оставленному Терроромъ. Тѣмъ же указомъ Бонапарте назначался начальникомъ парижской дивизіи, національной гвардіи и стражи Законодательнаго Корпуса, что сосредоточивало въ его рукахъ всѣ военныя силы. По перенесеніи Совѣтовъ въ Сенъ-Клу, имъ тотчасъ же представятъ отставки Сье Роже-Дюко, потомъ Барра́, Гогье и Мулена, поданныя добровольно или вынужденныя. У разстроенной такимъ образомъ Директоріи предположено было вытребовать учрежденіе временнаго консульства изъ Бонапарте, Сье и Роже-Дюко, которыхъ облечь въ родъ диктатуры и которымъ поручить составленіе Конституціи.

Что такое будетъ эта Конституція?—вопросъ оставался почти неопредѣленнымъ. Исключая раздѣленія власти между тремя временными консулами, которые предоставляли себѣ установить существенныя формы правленія, не видно ничего рѣшеннаго въ этомъ отношеніи. Ни Сье, ни Редереръ, получившій отъ него трудное порученіе наставить генерала, и

который каждый почти вечеръ имѣлъ съ Бонапарте политическія совѣщанія касательно будущаго правительства [78]), не думали о мѣрахъ обезпеченія противъ такого явнаго честолюбія. Каждый договаривался только о своихъ собственныхъ интересахъ, не заботясь о свободѣ. Сье довольствовался общими увѣреніями, потому ли, что считалъ себя такимъ сильнымъ законодателемъ, что надѣялся навязать свой знаменитый планъ генералу, потому ли, что считалъ съ тѣхъ поръ безполезными всякія предосторожности противъ подобнаго сотрудника и рѣшился уступить во всемъ безъ сопротивленія. Итакъ конституціонный вопросъ оставался на почвѣ теоретическихъ преній. Для Бонапарте весь интересъ былъ приступать къ этому щекотливому вопросу послѣ побѣды; онъ легк отклонилъ его, притворяясь, что въ этомъ случаѣ отдавался на познанія своего ученаго товарища.

Послѣ принятія этихъ рѣшеній вождями заговора, комисія Старшинъ подъ предсѣдательствомъ Корне, тоже одного изъ заговорщиковъ, всю ночь съ 8 на 9 ноября, при закрытыхъ ставняхъ, въ избѣжаніе всякой нескромности [79]) составляла необходимыя условія, такъ чтобъ Совѣту не осталось ничего болѣе кромѣ вотировки. Совѣтъ Старшинъ сзывался къ семи часамъ утра, а Совѣтъ Пяти-Сотъ къ одиннадцати, но такъ, что повѣстки не были посланы членамъ, которыхъ опасались самостоятельности или непріязни. Бонапарте съ своей стороны принималъ военныя мѣры. Вступивъ заранѣе въ командованіе, на которое еще не имѣлъ права, онъ, подъ предлогомъ смотра, велѣлъ объявить генераламъ и высшимъ офицерамъ, какіе были ему нужны, собраться въ его квартирѣ въ улицѣ Побѣды, на другой день, 18 брюмэра (9 ноября 1799) въ шесть часовъ утра.

---

[78]) Рёдереръ. *Записки о моей жизни для моихъ дѣтей.* *Прим. автора.*

[79]) Корне. *Замѣтки о 18 брюмэра.* *Прим. автора.*

Въ назначенное время масса офицеровъ всѣхъ чиновъ, въ полной формѣ, толпилась у квартиры генерала. Между ними находилось сорокъ адъютантовъ національной гвардіи, вызванныхъ какъ бы для исполненія важной гражданской обязанности. Въ первыхъ рядахъ стояли Моро, Макдональдъ, Серюрье, Мюратъ, Ланнъ, Андреоси, Бертье, Лефебра извѣстили въ полночь. По дорогою онъ встрѣтилъ множество кавалеріи и, удивясь при видѣ движенія войскъ безъ его приказанія, онъ спросилъ о причинѣ у командира полковника Себастіана, который, вмѣсто всякаго объясненія, отослалъ его къ Бонапарте. Лефебръ пришелъ въ дурное расположеніе. „Ну, Лефебръ, сказалъ ему Бонапарте: — неужели вы, одна изъ подпоръ республики, оставите ее погибнуть въ рукахъ этихъ адвокатовъ? Смотрите, вотъ сабля, которую я носилъ при Пирамидахъ, я вамъ ее дарю какъ знакъ моего уваженія и довѣрія.“ — „Бросимъ адвокатовъ въ рѣку!“ отвѣчалъ Лефебръ.

Бонапарте употребилъ тотъ же пріемъ и съ Бернадоттомъ, котораго привезъ Іосифъ, и котораго партикулярное платье какъ бы служило протестомъ среди блестящихъ мундировъ. Но Бернадоттъ не походилъ на Лефебра и не поддался ни на просьбы, ни на устрашенія. Бонапарте не удалось даже добиться у него обѣщанія — остаться нейтральнымъ. Бернадоттъ соглашался ничего не предпринимать собственно отъ себя противъ заговора, но если прикажетъ правительство, онъ пойдетъ. Вотъ все, чего отъ него добились. Замѣтно было отсутствіе Журдана и Ожеро, но ни тотъ, ни другой не получили повѣстки.

Пока генералы спѣшили на мѣсто, назначенное Бонапарте, старшины собрались въ залѣ засѣданія. Корне, одинъ из главныхъ сообщниковъ заговора, господинъ въ родѣ смѣшной личности, извѣстный впослѣдствіи подъ именемъ графа Корне, взошелъ на трибуну, чтобъ въ жалостныхъ выраженіяхъ объявить объ опасностяхъ, грозившихъ Совѣ

тамъ; онъ описалъ заговорщиковъ, „что они ожидали только сигнала, чтобъ поднять кинжалы на представителей націи", но воздержался произнести хоть одно имя, или представить хоть одинъ фактъ. „Вы еще можете, прибавилъ онъ:—предупредить пожаръ, для этого достаточно минуты; но если вы ею не воспользуетесь, то республика погибла, *и скелетъ ея достанется коршунамъ*, которые будутъ оспаривать другъ у друга искалѣченные члены ея" [80]). Когда Корне сошелъ съ трибуны, другой статистъ, Ренье, занялъ его мѣсто, и предложилъ собранію проекты декретовъ, выработанные въ комиссіи инспекторовъ. Старшины приняли ихъ безъ обсужденія, благодаря предварительному устраненію, которое помѣшало самостоятельнымъ членамъ присутствовать на засѣданіи. Они поочередно голосовали перенесеніе Совѣтовъ въ Сенъ-Клу, неконституціонный декретъ о назначеніи Бонапарте командующимъ всѣми военными силами, наконецъ воззваніе къ народу, предлагавшее ему быть спокойнымъ. Однимъ параграфомъ декрета генералъ приглашался присягнуть въ Совѣтѣ.

Корне было поручено отнести Бонапарте декреты Совѣта Старшинъ, и онъ вручилъ ихъ ему около десяти часовъ утра въ присутствіи многочисленной свиты, его окружавшей. Генералъ, выйдя на крыльцо, прочелъ ихъ своимъ товарищамъ по оружію, которые тогда уже были такъ близки отъ того, чтобъ сдѣлаться его подданными, и спросилъ, можетъ ли онъ разсчитывать на нихъ въ минуту опасности, угрожавшей отечеству. Всѣ отвѣчали, потрясая шпагами. Бонапарте сѣлъ на лошадь и отправился во главѣ своей свиты.

Вездѣ на пути онъ могъ убѣдиться въ исполненіи предписанныхъ имъ мѣръ. На бульварѣ его привѣтствовалъ полкъ, поставленный тамъ по его приказанію, и который не при-

[80]) Монитеръ. *Прим. автора.*

знавалъ уже другой власти, кромѣ власти Бонапарте. Другой, назначенный имъ полкъ, занималъ Тюильри, и безпрерывно новыя войска вступали то въ садъ, то на площадь Людовика XV для принятія участья въ смотрѣ, — манифестація, имѣвшая цѣлью поразить умы огромностью военныхъ приготовленій. Парижъ былъ спокоенъ. Народъ высказывалъ удивленіе, но ни малѣйшаго безпокойства или смущенія; генералы и солдаты пользовались въ то время большою популярностью, и на нихъ смотрѣли довѣрчиво. Съ десяти часовъ утра начали раздавать въ Парижѣ маленькую брошюру, сочиненную Рёдереромъ, въ формѣ разговора, въ которой старшина спорилъ съ членомъ Совѣта Пяти-Сотъ о перенесеніи Совѣтовъ въ Сенъ-Клу, и указывалъ необходимость *исправленія* Конституціи. Такимъ образомъ публика узнала мѣры и была обманута на счетъ ея значенія еще прежде обнародованія декрета. На замѣчанія члена Совѣта Пяти-Сотъ о предполагаемомъ честолюбіи Бонапарте, членъ Совѣта Старшинъ отвѣчалъ: „Цезарь! Кромвель!.. Дурныя, избитыя роли, недостойныя честнаго человѣка. Такъ самъ Бонапарте выражался во многихъ случаяхъ. Было бы святотатственною мыслью, говорилъ онъ въ другой разъ, покушаться на представительное правительство, въ вѣкъ просвѣщенія и свободы. Одинъ лишь безумецъ рѣшился бы проиграть въ закладъ республику противъ королевствъ Европы, послѣ того какъ онъ поддержалъ ее съ нѣкоторою славою и нѣкоторою опасностью.“

Продолжая въ этомъ тонѣ устами старшины, Рёдереръ пугался мысли, что Бонапарте можетъ отказаться отъ командованія войсками, возложеннаго на него Законодательнымъ Корпусомъ, и говорилъ, что въ этомъ случаѣ, и только въ этомъ единственномъ случаѣ, онъ не поколебался бы „направить на него кинжалъ Брута“ [81]).

---

[81]) Монитёръ отъ 18-го брюмэра. *Пр. автора.*

Между тѣмъ генералъ со своимъ штабомъ былъ введенъ въ залу Совѣта Старшинъ для принесенія присяги той самой Конституціи, которую собирались уничтожить. „Граждане-представители, сказалъ онъ: — Вы знали, что республика погибала, но вашъ декретъ спасъ ее. Горе тѣмъ, кто пожелаетъ смятенія и безпорядковъ! Я арестую ихъ съ помощью генераловъ Лефебра, Бертье и всѣхъ моихъ товарищей по оружію. Пусть не ищутъ въ прошедшемъ примѣровъ, которые могли бы замедлить шествіе ваше. Ничто въ исторіи не походитъ на конецъ XVIII столѣтія, ничто въ XVIII вѣкѣ не походитъ на настоящее время. Мы желаемъ республики, основанной *на истинной свободѣ*, на свободѣ гражданской, на народномъ представительствѣ... и клянусь, будемъ имѣть ее! Клянусь за себя и отъ имени моихъ товарищей по оружію".

Бонапарте поклялся, но не принесъ законной присяги въ вѣрности Конституціи III года. Гора́ потребовалъ слова, чтобъ сдѣлать замѣчаніе по этому поводу, но президентъ отказалъ подъ тѣмъ предлогомъ, что со времени декрета о перенесеніи, пренія могли имѣть мѣсто лишь въ Сенъ-Клу. Такой же отвѣтъ, въ то же время, т. е. около одиннадцати часовъ утра, былъ данъ президентомъ Совѣта Пяти-Сотъ членамъ этого собранія, которые требовали объясненія о декретѣ перенесенія. Такимъ-то образомъ пользовались Конституціею, чтобъ ее уничтожить. Люціанъ отложилъ засѣданіе до полудня на слѣдующій день въ общинѣ Сенъ-Клу, и Совѣтъ Пяти-Сотъ разошелся подъ вліяніемъ живѣйшаго безпокойства и при повторенныхъ крикахъ: „Да здравствуетъ Конституція III года!"

Совершенно другіе крики отвѣчали имъ изъ тюильрійскаго сада и съ площади Людовика XV. Бонапарте сѣлъ на лошадь, чтобъ произвести смотръ войскамъ, и солдаты встрѣчали его криками: „Да здравствуетъ Бонапарте!" который былъ уже для нихъ все. Оттуда Бонапарте поѣхалъ въ Тю-

ильри и отправился въ комиссію инспекторовъ, сдѣлавшуюся центромъ движенія, пунктомъ собранія, куда стремились всѣ какъ за полученіемъ приказаній, такъ и для того, чтобъ узнать о ходѣ дѣлъ. Этотъ родъ безсмѣнной делегаціи законодательной власти дополнялъ власть военную, безъ чего послѣдняя, можетъ быть, не дѣйствовала бы столь рѣшительно. Въ залѣ комиссіи собирались всѣ коноводы заговора; въ нее безпрерывно входили и изъ нея выходили какъ игравшіе дѣйствительную роль въ событіяхъ, такъ и тѣ, которые довольствовались лишь ролью наблюдателей. Явился туда и Фуше, который, въ виду несомнѣннаго успѣха того утра, не поколебался высказаться. Онъ начиналъ обнаруживать рвеніе и, на всякій случай, самъ приказалъ запереть барьеры; но Бонапарте велѣлъ ихъ снова отворить, считая эту предосторожность безполезною. Легкость, съ какою событія совершались по плану, назначенному заранѣе, вселила въ Бонапарте необыкновенную увѣренность, и онъ низачто не хотѣлъ даже показать видъ, что сомнѣвался въ благопріятномъ исходѣ своего предпріятія. Хотя Ожеро втайнѣ и питалъ непріязнь, однако встревожился, когда увидѣлъ, что дѣло обошлось и безъ него и, поспѣшивъ къ Бонапарте, воскликнулъ: „Ну что же, ты больше не разсчитываешь на твоего маленькаго Ожеро?“ Бонапарте велѣлъ ему оставаться спокойнымъ также, какъ и Журдану.

Всѣмъ генераламъ, сопровождавшимъ Бонапарте, назначены были посты и отданы приказанія. Ланнъ начальствовалъ въ Тюильри, Мармонъ военною школою; Макдональдъ былъ посланъ въ Версаль, а Мюратъ занялъ Сенъ-Клу. Оставался постъ самый щекотливый и самый опасный, именно Люксамбургъ, въ которомъ засѣдала еще Директорія. Здѣсь уже дѣло заключалось не въ томъ, чтобъ занять военную позицію, но открыто возстать на законное правительство, захватить врасплохъ людей, его составляющихъ, и сдѣлаться тюремщикомъ,—порученіе, болѣе приличное полицей-

скому, нежели генералу,—опасное на случай неудачи и безчестное въ случаѣ успѣха. Дѣло это Бонапарте ввѣрилъ Моро, который попался въ ловушку и принялъ его безпрепятственно, потому ли что не понялъ всего его значенія, или считалъ себя зашедшимъ такъ далеко, что не было возврата. Ловкій этотъ маневръ освободилъ окончательно Бонапарте отъ единственнаго соперничества, которое могло еще тревожить его. Подобно всѣмъ слабымъ людямъ, Моро раскаявался послѣ совершенія проступка и старался оправдаться, но его никогда не покидало тяжелое воспоминаніе о Брюмэрѣ. Съ этой минуты онъ былъ уничтоженъ.

Пока эти важныя событія совершались въ Парижѣ, гдѣ же были душа и рука этой Директоріи, которую приготовлялись арестовать въ ея собственномъ дворцѣ? Всѣ объ этомъ спрашивали. Барра́ ушелъ въ баню; Сье и Роже-Дюко находились съ заговорщиками; Гогье и Муленъ начинали открывать глаза и совѣтовались о томъ, что́ они могли, или должны или хотѣли дѣлать. Наканунѣ, около полуночи, Гогье получилъ отъ госпожи Бонапарте приглашеніе на такой ранній завтракъ, что не могъ не возымѣть подозрѣній, которыя вскорѣ подтвердились свѣдѣніями, сообщенными его женою, которая одна ѣздила къ генералу. Онъ не замедлилъ узнать о декретѣ, изданномъ старшинами и побѣжалъ къ Барра́, котораго нашелъ въ ваннѣ; послѣдній просилъ разсчитывать на него. Гогье отправился отъ него ожидать вмѣстѣ съ Муленомъ въ залѣ засѣданій Директоріи, гдѣ назначено было свиданіе. Но едва онъ вышелъ, какъ Талейранъ и Брюи, въ свою очередь, явились къ Барра́, чтобъ вынудить у него отставку въ обмѣнъ за личную его безопасность и сохранность имѣнія. Талейранъ привезъ въ карманѣ написанную заранѣе отставку, что должно было произвести сильное впечатлѣніе на директоровъ, показывая ему твердое рѣшеніе вынудить у него означенный актъ.

Онъ подписалъ отставку, безстыдно покинулъ своихъ товарищей и подлостью увѣнчалъ продолжительную карьеру измѣны.

Бумага эта была дѣломъ Рёдерера, которой редакцію поручилъ ему Бонапарте [82]). Въ ней замѣчательно одно только мѣсто, гдѣ Барра́ объясняетъ, что такъ какъ опасности, угрожавшія свободѣ, преодолѣны, благодаря „знаменитому полководцу, *которому онъ имѣлъ счастье открыть путь къ славѣ*", то онъ съ радостью возвращался въ ряды простыхъ гражданъ. Дѣйствительно, здѣсь одинъ только разъ Бонапарте упомянулъ объ услугахъ, оказанныхъ ему Барра̀, но упомянулъ для того, чтобъ довершить его разрушеніе. Онъ не думалъ, что, вызывая воспоминаніе о благодѣяніи, онъ увѣковѣчивалъ также память о своей неблагодарности.

Благодаря этой отставкѣ, которой уже предшествовали увольненія Сье и Дюко, Директорія была разстроена, ибо меньшинство не могло даже начать совѣщанія. Гогье и Муленъ наивно продолжали ожидать своего товарища. Вскорѣ копія съ его просьбы объ отставкѣ объяснила имъ продолжительное его отсутствіе. Тогда они рѣшились отправиться въ залу комиссіи инспекторовъ, чтобъ узнать наконецъ, что́ дѣлать и, если можно, привести Сье и Дюко. Немного прежде прибылъ туда Ботто, секретарь Барра̀, и Бонапарте встрѣтилъ его знаменитою выходкою, которая относилась ко всей Директоріи: „Что сдѣлали вы изъ Франціи, которую оставилъ я въ блестящемъ положеніи? я оставилъ миръ, а нашелъ войну; я оставилъ итальянскіе мильоны, а нашелъ грабительскіе законы и нищету. Что сдѣлалось со ста тысячами человѣкъ, исчезнувшихъ съ французской почвы? они умерли, а это были мои товарищи по оружію. Подобное состояніе

---

[82]) Рёдереръ. Замѣтки о моей жизни для моихъ дѣтей.

Прим. автора.

вещей не можетъ продолжаться; менѣе чѣмъ въ три года *оно повело бы насъ къ деспотизму.*"

Бѣдный Ботто, остолбенѣвъ отъ этого жестокаго выговора, постарался ускользнуть какъ можно скорѣе, безъ сомнѣнія, задавая себѣ вопросъ, что онъ сдѣлалъ, чтобъ заслужить такую чрезмѣрную честь; но рѣчь эта относилась не къ нему, и пока генералъ произносилъ свой краснорѣчивый періодъ, Ботто могъ бы видѣть, какъ поэтъ Арно записывалъ ее нѣкоторымъ образомъ подъ его диктовку, чтобъ отослать въ парижскіе журналы, ибо у этого человѣка все, даже самый гнѣвъ былъ разсчитанъ. Совершенно другой пріемъ сдѣлалъ онъ Гогье и Мулену, которыхъ надѣялся еще привлечь на свою сторону. „Вижу съ удовольствіемъ, сказалъ онъ имъ: — что вы соглашаетесь съ нашимъ желаніемъ и желаніемъ вашихъ товарищей. Вы присоединяетесь къ намъ для спасенія республики потому, что привязаны къ вашему отечеству." И какъ Гогье требовалъ предоставить эту честь Директоріи, то Бонапарте спросилъ: „Съ какими же средствами? не съ тѣми ли, которыя вамъ даетъ ваша Конституція? Посмотрите же, какъ она рушится со всѣхъ сторонъ. Конституція эта не можетъ болѣе существовать."— „Кто вамъ это сказалъ? возразилъ Гогье: — измѣнники, у которыхъ не достаетъ ни воли, ни отваги идти вмѣстѣ съ нею." Тогда этотъ честный человѣкъ съ трогательною простотою напомнилъ Наполеону объ опасности нападенія на законность, о присягѣ Законодательнаго Корпуса, столько разъ возобновляемой предъ лицомъ свѣта, объ оружіи республики, которое вездѣ было побѣдоносно, послѣ кратковременнаго упадка: картина безспорно болѣе вѣрная той, которую изобразилъ генералъ, совершенно позабывъ объ участьи, которое самъ принималъ въ нашихъ неудачахъ, но которая имѣла неблагоразуміе появиться въ моментъ, когда рѣчь шла о томъ, чтобъ побѣдить, а не вразумить. Сильнымъ ребячествомъ отзывается попытка убѣдить подобнаго противника,

когда дѣло зашло такъ далеко. Видя, что съ Гогье ничего нельзя было подѣлать кротостью, Бонапарте попробовалъ устрашить Мулена, грозя велѣть разстрѣлять друга его Сантерра, если онъ рѣшится на движеніе, и кончилъ тѣмъ, что потребовалъ у нихъ отставки. И тотъ и другой отказали съ непоколебимымъ упорствомъ, не смотря на косвенныя угрозы, которыми хотѣли ихъ заставить сдаться; они возвратились въ Люксамбургъ, гдѣ Моро задержалъ ихъ, и, благодаря ихъ твердости въ этотъ день, республиканское правительство не пало безчестно.

День окончился, и заговоръ не встрѣтилъ ни малѣйшаго затрудненія. Всѣ общественныя власти словно исчезали немедленно, какъ только налагали на нихъ руку; одинъ человѣкъ, казалось, господствовалъ надъ всѣмъ. Бонапарте такъ мало сомнѣвался въ успѣхѣ слѣдующаго дня, что съ презрѣніемъ отвергъ предложеніе Сье арестовать ночью болѣе самостоятельныхъ членовъ въ обоихъ Совѣтахъ. Будучи увѣренъ въ побѣдѣ, онъ не хотѣлъ, чтобъ кто-нибудь вкругъ него питалъ безпокойство. Онъ дозволилъ Фуше закрыть на время двѣнадцать муниципалитетовъ Парижа и поручить всю ихъ власть ихъ комиссарамъ, которыхъ Реаль задобрилъ заблаговременно. Министръ полиціи, отлично знавшій это населеніе, уставшее отъ волненій, которымъ начали овладѣвать эгоизмъ и страхъ, обнародовалъ воззваніе, объявляя согражданамъ о неопредѣленныхъ заговорахъ и приглашая ихъ быть спокойными: „Пусть слабые не боятся, прибавилъ онъ: — *ибо они находятся вмѣстѣ съ сильными.*“ Ночь прошла въ совершенномъ спокойствіи. Въ разныхъ мѣстахъ были тайныя сходки сторонниковъ Манежа и болѣе отважныхъ депутатовъ Совѣта Пяти-Сотъ; но будучи разъединены, въ количествѣ недостаточномъ, безъ единства и не имѣя между собою сообщеній, господа эти приняли противорѣчивыя рѣшенія безъ практическаго смысла. Часто высказывалось удивленіе, почему какъ въ дни предшествовавшіе

18 брюмэра, такъ и въ послѣдующіе ничего не было устроено для серьезнаго сопротивленія. Потому что, въ этомъ отношеніи, нельзя было ничего ожидать отъ обезглавленной націи. Всѣ люди, въ теченіе десяти лѣтъ отличавшіеся во Франціи характеромъ, способностями или добродѣтелью, были поглощены сперва эшафотами и ссылками, а потомъ войною. Изъ переживших эти катастрофы ни у кого не было достаточно силы и власти для сопротивленія Бонапарте. Это было главное, но не послѣднее очищеніе грѣховъ террористскаго изступленія. Впрочемъ одна изъ этихъ сходокъ выработала проектъ, послѣдствія котораго могли вліять на событія. Человѣкъ двѣнадцать депутатовъ, въ числѣ которыхъ находился и Бернадоттъ, собравшись у Саличетти, рѣшили ускорить на другой день въ Сенъ-Клу, вмѣстѣ съ единомышленными товарищами, часъ засѣданія и ввѣрить Бернадотту начальство надъ стражею Совѣта Пяти-Сотъ. Но Саличетти въ тотъ же вечеръ донесъ на нихъ Бонапарте, и Фуше принялъ мѣры не допустить ихъ въ Сенъ-Клу.

Часть ночи Бонапарте провелъ въ составленіи плана дѣйствій на слѣдующій день, вмѣстѣ съ комиссіею инспекторовъ и главными членами Совѣта Старшинъ. Многіе депутаты начали безпокоиться о заговорѣ великаго дня законодательныхъ преній и оспаривать необходимость диктатуры; они выражали желаніе, чтобъ Бонапарте удовольствовался мѣстомъ въ обновленной Директоріи. Но генералъ очень дурно принялъ ихъ предложеніе: „Не было больше Директоріи! Франція ожидала отъ нихъ не серальскаго переворота, но перемѣны Конституціи. Родъ временной диктатуры, или если это слово пугало, — сосредоточеніе исполнительной власти— вотъ единственное и разумное средство.“ Несогласные смирились; рѣшено было предложить Совѣтамъ учредить консульство и отложить законодательную сессію на 1 вантоза, не думая о томъ, что мѣры эти могутъ быть сомнительны или недоступны для тѣхъ, кто былъ призванъ ихъ вотировать.

На другой день послѣ полудня Совѣты начали свои засѣданія въ Сенъ-Клу. Съ утра еще городъ былъ наполненъ солдатами и любопытными. Такъ какъ ничего еще не было готово для вступленія въ должность Законодательнаго Корпуса, то изъ этого послѣдовало гибельное замедленіе для заговорщиковъ, ибо ихъ весь планъ основывался на внезапномъ ударѣ, а дать время противникамъ собраться и одуматься—значило потерять много шансовъ. Они воспользовались этимъ временемъ для взаимнаго возбужденія и ободренія. Старшины засѣдали въ одной изъ дворцовыхъ залъ; Совѣтъ Пяти-Сотъ въ оранжереѣ; Бонапарте занималъ аппартаменты со своимъ штабомъ и Сье, котораго карета, запряженная шестерикомъ, ожидала у рѣшетки на случай неудачи.

Въ Совѣтѣ Пяти-Сотъ, Годенъ, получившій приказаніе, открылъ засѣданіе, призывая вниманіе собранія на опасности, грозившія республикѣ, и на необходимость помочь бѣдѣ быстрыми мѣрами общественной безопасности. Онъ предложилъ назначить комиссію, которая обсудила бы наиболѣе удобныя средства для спасенія Республики. Такимъ способомъ надѣялись сократить пренія и устранить болѣе трудныя условія; но предложеніе Годена, будучи сдѣлано среди собранія справедливо-недовѣрчиваго и раздраженнаго предосторожностями, угрозами и ловушками, которыми оно чувствовало себя окруженнымъ въ теченіе двухъ дней, — вызвало страшную бурю. Огромное большинство Пяти-Сотъ, состоявшее изъ искреннихъ республиканцевъ, хотѣло поддерживать существующія учрежденія. Крики: „Долой диктатуру! да здравствуетъ Конституція!“ покрывали прочіе голоса до того, что Гранмэзонъ предложилъ присягнуть въ вѣрности Конституціи III года, что и было принято съ восторгомъ. Но такъ какъ эта формальность должна была совершиться путемъ подачи голосовъ, то и потребовала нѣсколько часовъ времени. Она дала возможность коноводамъ

заговора исправить все, что для нихъ заключалось вреднаго въ этомъ обстоятельствѣ, новое доказательство неспособности собраній въ случаяхъ, гдѣ нужно дѣйствовать съ быстротою и рѣшимостью.

Это ясно доказываетъ, какъ мало можно было разсчитывать на средства убѣжденія. Коноводы заговора оробѣли на время. „Ты очутился въ хорошемъ положеніи!“ сказалъ Ожеро Бонапарте, съ насмѣшливымъ самодовольствіемъ, котораго онъ не старался скрывать болѣе. Въ Совѣтѣ Старшинъ, гдѣ умы были менѣе воспламенены, дѣло принимало токой же неутѣшительный оборотъ. Члены, не получившіе повѣстокъ на засѣданіе, бывшее наканунѣ, заявили объ этой неисправности; они требовали объясненія по поводу мнимыхъ опасностей, заставившихъ перевести Совѣты въ Сенъ-Клу; но Фаргъ, Корнюде и другіе пріятели Сье, послѣ довольно оживленныхъ преній, успѣли добиться, чтобъ отложить засѣданіе до полученія оффиціальнаго извѣщенія о собраніи Совѣта Пяти-Сотъ въ общинѣ Сенъ-Клу. Въ три съ половиною часа получено было письмо отъ главнаго секретаря Директоріи, что такъ какъ четыре члена Директоріи вышли въ отставку, а пятый былъ арестованъ генераломъ Бонапарте, то Директорія не существовала, вслѣдствіе чего и рѣшено было послать это письмо въ Совѣтъ Пяти-Сотъ, дабы онъ прислалъ списокъ кандидатовъ, и засѣданіе снова было отложено. Письмо это было ложно, ибо ни Гогье, ни Муленъ не выходили въ отставку. Въ четыре часа въ собраніи произошло большое движеніе, депутаты поспѣшно заняли свои мѣста: доложено о прибытіи генерала Бонапарте.

Онъ былъ встревоженъ, раздраженъ, и все въ его особѣ обнаруживало внутреннее волненіе. Онъ разсчитывалъ, что дѣло пойдетъ также легко, какъ наканунѣ, а тутъ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, все шло вопреки его предположеніямъ. Это потому, что предпріятіе его принадлежало къ числу тѣхъ, которыя не могутъ выносить свѣта и контроля

преній стороны противной. Его можно съ одной стороны навязать, съ другой лично ему подчиниться, но обсуждать его — значитъ его уничтожить. Удивляются, что человѣкъ, столь прозорливаго ума, поддался обольщенію дѣйствовать въ кажущихся законными и правильными формахъ при совершеніи акта, ни поводы, ни цѣль котораго не выдержали бы самой легкой критики. Все это громоздилось на основаніи большаго якобинскаго заговора, дѣйствительное существованіе котораго было слабо до того, что тѣ самыя лица, которыя рѣшительно увѣряли въ его дѣйствительности и положили ни въ чемъ не отказывать генералу, должны были молчать, когда дѣло шло о представленіи фактовъ. Имъ даже недоставало той степени видимости, безъ которой невозможно обойдтись при задушеніи истины, въ особенности въ присутствіи собранія, ибо люди, будучи собраны въ обществѣ, ощущаютъ стыдъ, котораго не чувствуютъ каждый порознь. Вотъ что парализовало до тѣхъ поръ сторонниковъ Бонапарте, да и самъ онъ былъ удивленъ и встревоженъ, подчиняясь вліянію этого чувства. Привыкнувъ командовать военными, привыкнувъ къ тому, чтобъ вѣрили ему на слово, и говорить: „я хочу“, онъ совершенно растерялся, когда ему пришлось прибѣгнуть къ увѣреніямъ.

Онъ вышелъ въ сопровожденіи своихъ адъютантовъ, предварительно поставивъ полкъ, готовый къ дѣлу, на дворѣ и объявивъ офицерамъ, что *идетъ покончить*. Но, очутясь въ собраніи, онъ видимо оробѣлъ, досадуя на новое для него впечатлѣніе, и въ словахъ его слышалось страшное разстройство, въ которое былъ приведенъ умъ его отъ этой внутренней борьбы. По отзывамъ всѣхъ очевидцевъ этой странной сцены, рѣчь, которую *Мониторъ* вложилъ потомъ въ его уста, не смотря на всю свою несвязность, не даетъ ни малѣйшаго понятія о нескладности словъ оратора.

Сказавъ вначалѣ, „что республика находилась на волканѣ“, онъ вмѣсто того, чтобъ привести причины этого по-

ложенія, о которыхъ такъ много толковали въ продолженіе двухъ дней, онъ быстро перешелъ „къ клеветамъ, которыми осыпали его за его столь чистыя и безкорыстныя намѣренія. Говорили о Цезарѣ, о Кромвелѣ; ему стали приписывать намѣреніе—учредить военное правительство! Еслибъ онъ хотѣлъ похитить подобную власть, то и не имѣлъ бы надобности просить ее у Старшинъ: ему стоило бы только уступить желаніямъ товарищей и солдатъ, которые ему предложили ее, по возвращеніи его изъ Италіи. Предостереженіе для вразумленія собранія, что въ случаѣ надобности онъ съумѣетъ обойдтись и безъ него. Потомъ онъ перешелъ къ опасностямъ, грозившимъ Республикѣ, но не привелъ другихъ фактовъ, кромѣ „ужасной войны въ Вандеѣ и новости, что шуаны овладѣли многими крѣпостями“, что было невѣрно и во всякомъ случаѣ не могло оправдывать тревогъ, которыя онъ старался возбудить. Когда онъ началъ заклинать Старшинъ спасти свободу и равенство, Ленгле спросилъ его: „А Конституцію?“

„— Конституцію! воскликнулъ Бонапарте:—вы нарушили ее 18 фруктидора, вы нарушили ее 22 флореаля, вы нарушили ее 30 прэріаля. Конституція! Она была вызвана всѣми партіями и всѣми же нарушена; она презрѣна всѣми; она не можетъ для насъ быть средствомъ спасенія, потому что не внушаетъ болѣе никому уваженія.“ Эта критика политики государственныхъ переворотовъ была справедлива, хотя онъ болѣе, нежели кто-нибудь принималъ участья въ этихъ нарушеніяхъ; и это была также единственная часть его рѣчи, отличавшаяся краснорѣчіемъ. Но если изъ этого слѣдовало, что необходимо было ввести нѣкоторыя преобразованія въ учрежденія III года, то никакъ не слѣдовало сосредоточивать всю власть въ рукахъ генерала Бонапарте, и когда онъ пришелъ къ этому заключенію, увѣряя, „что откажется отъ власти немедленно по миновaніи опасности“, всѣ почувствовали недостаточность подобныхъ посылокъ для того, чтобъ

мотивировать подобное рѣшеніе. Отъ генерала снова потребовали объясненія на счетъ опасностей. „Если необходимо объясниться совершенно, сказалъ онъ тогда:—если нужно наименовать лица, я ихъ наименую. Я скажу, что директоры Барра́ и Муленъ предложили мнѣ стать во главѣ партіи, стремившейся опрокинуть всѣхъ людей съ либеральнымъ образомъ мыслей.“ Доносъ этотъ, впутывавшій въ одинъ и тотъ же заговоръ двухъ людей, явно противоположныхъ мнѣній, доказываетъ только смущеніе его автора. Очевидно, онъ направленъ былъ по ложному пути, ибо что же съ тѣхъ поръ значило пугало якобинскаго заговора, о которомъ такъ много шумѣли до того времени?

Корнюде, постоянно поддерживавшій съ комиссіею инспекторовъ послѣднюю тему, чувствуя себя открытымъ, настаивалъ, чтобъ генералъ дополнилъ свое обвиненіе. Самъ президентъ предложилъ Бонапарте сообщить болѣе точныя подробности. Но вмѣсто требуемаго объясненія, онъ возобновилъ жалобы на недостаточность Конституціи для спасенія отечества, началъ обвинять въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ партіи, „что онѣ стучались у его двери, чтобъ предложить ему власть, которой онъ не хотѣлъ принять иначе, какъ отъ французскаго народа.“ Забывая наконецъ всю осторожность, требуемую еще его положеніемъ, и будучи увлеченъ раздраженіемъ, котораго не могъ преодолѣть, онъ напалъ на Совѣтъ Пяти-Сотъ съ непонятною яростью: „Онъ не разсчитывалъ, говорилъ онъ:—на Совѣтъ Пяти-Сотъ, гдѣ находились люди, желавшіе возстановить революціонные комитеты и эшафоты; гдѣ засѣдали коноводы этой партіи; на Совѣтъ Пяти-Сотъ, откуда отправились эмиссары съ порученіемъ произвести волненіе въ Парижѣ.“

Слова положительно безразсудныя, неловкія и приличныя только человѣку, потерявшему голову. Окончивъ это объясненіе, онъ перешелъ къ другому, указалъ на старинное пугало якобинизма, на Барра́ и Мулена, и напалъ на самую

законодательную власть: такъ трудно ему было обозначать факты. Друзья генерала находились словно въ пыткѣ, соумышленники пришли въ крайнее смущеніе. Онъ обращался къ благосклонному собранію, три четверти котораго были на его сторонѣ, а наговорилъ вещей, способныхъ только разстроить его и вызвать недовѣріе. Онъ окончилъ свою рѣчь дурно скрытыми угрозами: „И если бы какой нибудь подкупленный иностранцами ораторъ сказалъ о томъ, чтобъ лишить меня покровительства законовъ, пусть онъ остерегается, чтобъ это рѣшеніе не обратилось противъ него самого; если онъ сказалъ бы объ этомъ, я обратился бы къ вамъ, мои храбрые товарищи по оружію, къ вамъ, гренадеры, которыхъ я вижу кивера, къ вамъ, храбрые солдаты, которыхъ я вижу штыки! Помните, что меня сопровождаетъ богъ фортуны и богъ войны.“

Гибельное впечатлѣніе, произведенное рѣчью, надутость и неприличіе которой возмутили бы слушателей менѣе благосклонныхъ, было таково, что президентъ не желалъ оставить Бонапарте на этихъ послѣднихъ словахъ. Онъ надѣялся, что Бонапарте, войдя въ нормальное расположеніе духа, представитъ собранію причину, которой оно ожидало, чтобъ исполнить всѣ его требованія, и призывая его въ третій разъ къ вопросу, сказалъ: „Совѣтъ рѣшилъ предложить вамъ, генералъ, раскрыть во всей подробности заговоръ, угрожающій республикѣ.“ Тогда Бонапарте возвратился къ мнимому предложенію Барра́ и Мулена, прибавляя, „что эти два директора не были бы виновнѣе весьма большаго числа другихъ французовъ, еслибъ они совершили только фактъ, извѣстный всей Франціи.“ Больше ничего и не могли добиться отъ него. Съ тѣмъ онъ и вышелъ.

Самая рѣзкая выдающаяся черта этой памятной, столько разъ описанной сцены, по нашему мнѣнію, не была до сихъ поръ достаточно освѣщена, не смотря на все, что она имѣетъ поразительнаго и знаменательнаго. Характеръ этотъ, очевид-

ный даже въ донесеніи *Монитера*, не смотря на искаженіе послѣдняго,—это положительное, радикальное безсиліе генерала Бонапарте мотивировать хоть неосновательно, но маломальски правдоподобными доводами,—задуманную имъ революцію. Очутясь передъ собраніемъ соумышленниковъ, будучи понуждаемъ, умоляемъ имъ представить если не доказательство, то по крайней мѣрѣ обвиненіе, основанное на какой нибудь видимости, онъ лишь говоритъ неопредѣленно, несвязно, онъ даже не въ состояніи представить объясненія поводовъ, которыми дотолѣ такъ изобиловали партіи. Кто докажетъ лучше, что эта революція не имѣла ни достаточной причины, ни характера необходимости, которые ей приписывали? Ея творцы ничего не могли представить въ подкрѣпленіе своихъ проэктовъ, даже какого нибудь предлога. Они очень хорошо поняли, что одна необходимость болѣе или менѣе общей реформы недостаточна еще для того, чтобъ узаконить диктатуру; они чувствовали, что только близость опасности можетъ извинить устраненіе гарантіи гражданъ, и вотъ почему они пустили сперва впередъ существованіе большой общественной опасности; но когда пришло время, они не умѣли даже создать ея призрака, и истина сама, собственною своею силою побѣдила долгія и заботливыя ихъ старанія обмануть мнѣніе отечества. Напрасно эту истину затемняли софисты, болѣе изобрѣтательные въ апологіи деспотизму, нежели самъ деспотъ. Сама сила вещей требовала тогда реформы, но не безграничной власти, и спекулируя только на одну, удалось осуществить другую.

Въ совѣтѣ Пяти-Сотъ, по принесеніи присяги, пренія въ силу неизбѣжной логики шли тѣмъ же путемъ, какъ и въ Совѣтѣ Старшинъ, только еще живѣе и поспѣшнѣе. Тамъ, болѣе нежели гдѣ нибудь, сгарали нетерпѣніемъ знать что дѣлать съ огромнымъ заговоромъ, послужившимъ причиною перевода Совѣтовъ въ Сенъ-Клу. Вслѣдствіе этого рѣшено было послать въ Совѣтъ Старшинъ спросить о причинѣ этого

чрезвычайнаго созванія. Потомъ прочли просьбу объ отставкѣ Барра́, которая показалась надиктованнымъ недобровольно, что и было на самомъ дѣлѣ. Поднялся вопросъ, удобно ли заняться немедленно его замѣщеніемъ, какъ отворилась дверь, и явился Бонапарте, окруженный на этотъ разъ вооруженными гренадерами. При этомъ видѣ чувство невыразимаго негодованія овладѣло собраніемъ, и всѣ встали съ своихъ мѣстъ. „Что это значитъ? раздались крики:—здѣсь сабли!.. вооруженные люди!" Болѣе отважные депутаты бросились къ Бонапарте, окружили его, начали отталкивать, осыпать ругательствами: „Прочь отсюда! Долой диктатора!"—„Что вы дѣлаете, дерзкій? вы нарушаете святыню законовъ!" сказалъ ему Бигонне. А Дестремъ, подходя къ нему, сказалъ: „И развѣ для этого ты побѣждалъ?" Другіе схватили его за воротникъ, упрекая въ измѣнѣ. Явясь, чтобъ устрашить собраніе, генералъ поблѣднѣлъ и упалъ въ изнеможеніи на руки гренадеровъ, которые унесли его изъ залы.

Тогда и впослѣдствіи печатали, что на него подняты были кинжалы. Басня эта опровергнута всѣми очевидцами, заслуживающими вѣры [83]). Обвиненіе это не находится въ отчетѣ весьма при томъ подробномъ, въ Монитерѣ отъ 20 брюмэра, который былъ составленъ сторонниками государственнаго переворота. О немъ упоминается только въ родѣ постскриптума. На другой лишь день позаботились приписать гренадеру Тома́ честь принятія кинжальнаго удара, предназначеннаго генералу—штука, выдуманная Люціаномъ, чтобъ опош-

---

[83]) «Я не видѣлъ кинжаловъ, поднятыхъ на него» говоритъ самъ принцъ Евгеній, въ своихъ *Запискахъ*. Изъ числа друзей Бонапарте, признающихъ фактъ справедливымъ, ни одинъ не видѣлъ его собственными глазами. Всѣ другіе очевидцы и современные историки отъ Тибодо до Дюпона (Dupon de l' Eure), энергически опровергаютъ его, и когда хотѣли приписать его Аренѣ *), то никого не нашлось, чтобъ доказать обвиненіе. *Прим. автора.*

*) Корсиканскій депутатъ въ Совѣтѣ Пяти-Сотъ. *Прим. перев.*

лить тѣхъ, кого не могли принудить къ слабости. Еслибъ кто захотѣлъ убить Бонапарте, то ничего не было легче при подобной свалкѣ, изъ которой онъ вышелъ съ разорваннымъ платьемъ. Но какъ тѣ, кто замышлялъ гибель Республики, первые донесли о существованіи заговора, точно также тѣ, кто единственно прибѣгалъ къ употребленію оружія, первые обвиняли въ этомъ противниковъ.

Люціанъ сошелъ съ президентскаго кресла, и его замѣнилъ Шазаль. Масса предложеній посыпалась изъ всѣхъ пунктовъ собранія, такъ что не было возможности пустить ихъ на балотировку, какъ вдругъ одинъ членъ воскликнулъ: „Прежде всего надобно объяснить, что Бонапарте совсѣмъ не начальникъ вашей стражи.“ Другой прибавилъ: „Вокругъ васъ шесть тысячъ человѣкъ, объясните, что они составляютъ часть стражи Законодательнаго Корпуса“. Люціанъ, понимая значеніе этихъ мѣръ, потребовалъ слова, чтобъ защитить брата, напомнивъ о его заслугахъ, и просилъ собраніе не торопиться съ рѣшеніемъ. Но буря, утихшая на минуту, возникла съ большею силою, и крики „лишить покровительства законовъ!“ раздались снова. Еслибы это предложеніе было принято немедленно, никто не можетъ сказать, какія произошли бы изъ этого послѣдствія. Люціанъ это чувствовалъ и упрямо отказывался пустить его на голоса. Онъ горячо протестовалъ, выказывалъ братскую скорбь, потомъ отказался отъ должности и сложилъ на трибуну знаки президентскаго достоинства среди неописаннаго движенія, среди котораго слышалось одно только слово, одинъ крикъ, крикъ ужасный—„лишить покровительства законовъ!“ который погубилъ самого Робеспьра и сохранилъ еще часть прежняго обаянія. Его слышали снаружи въ группѣ, гдѣ находился Бонапарте, и всѣ поблѣднѣли. „Такъ какъ они лишаютъ васъ покровительства законовъ, сказалъ тогда Сье, который одинъ сохранилъ невозмутимое хладнокровіе въ роко-

выхъ перипетіяхъ этого дня:—то они сами этому подвергаются.“ [84])

Понявъ все преимущество, какое могло принести ему присутствіе президента среди войскъ, Бонапарте послалъ взводъ гренадеровъ на выручку брата, которые и привели его чрезъ нѣсколько минутъ. Онъ рѣшился очистить залу вооруженною силою, но солдаты, которыхъ приходилось употребить для этого, были изъ числа служившихъ въ стражѣ Законодательнаго Корпуса; они повидимому колебались, и потому страшно было встрѣтить въ нихъ еще каплю совѣсти, которая все погубила бы. Люціанъ, котораго они знали какъ президента собранія, былъ въ это время истиннымъ властелиномъ движенія и спасителемъ заговора. Сѣвъ на лошадь и обратившись съ рѣчью къ солдатамъ, онъ сказалъ, что совѣтъ Пяти-Сотъ „притѣсняютъ представители съ кинжалами, разбойники, подкупленные Англіею“, и что дѣло идетъ лишь объ освобожденіи собранія отъ этого меньшинства убійцъ. Потомъ обнаживъ шпагу и направивъ ее на брата,— „Что касается меня, сказалъ онъ:—я клянусь пронзить грудь роднаго брата, еслибы онъ когда нибудь покусился на свободу французовъ“.

Ораторское это движеніе сильно воспламенило солдатъ, которые отвѣчали ему крикомъ „да здравствуетъ Бонапарте!“ Воспользовавшись кстати этимъ настроеніемъ, Мюратъ увлекъ ихъ въ атаку при барабанномъ боѣ. Когда они прибыли къ двери залы, въ которой засѣдало собраніе, то остановились на порогѣ, словно пораженные невольнымъ уваженіемъ. Командовавшій ими полковникъ предложилъ представителямъ разойдтись. Они оставались неподвижны, ссылаясь на законную неприкосновенность. Тогда полковникъ скомандовалъ гренадерамъ идти впередъ, а барабанщику велѣлъ бить на-

---

[84]) Рёдереръ *Замѣтки о моей жизни.* Лавалеттъ *Записки.*

Прим. автора.

ступленіе. Послышался послѣдній крикъ „да здравствуетъ Республика!"—отчаянный возгласъ умиравшей свободы. Черезъ нѣсколько минутъ зала опустѣла, и преступленіе совершилось.

Около девяти часовъ вечера Люціанъ собралъ *тридцать* [85]) членовъ Совѣта Пяти-Сотъ, изъ которыхъ одни были сообщники, другіе подкуплены. Они назвались большинствомъ Совѣта и издали указъ, что Бонапарте со своими помощниками оказалъ важныя услуги отечеству. Булай де ла Мертъ, докладчикъ закона 18 фруктидора—прецедентъ, дававшій ему право и на докладъ закона 19 брюмэра, попросилъ слова и предложилъ мѣры, принятыя заговорщиками: учрежденіе временнаго консульства изъ Бонапарте, Сье и Роже-Дюко, отсрочку Законодательнаго Корпуса по 1 вантоза; назначеніе двухъ комисій отъ двухъ Совѣтовъ, обязанныхъ помогать консуламъ въ дѣлѣ преобразованія; наконецъ исключеніе пятидесяти семи представителей,—замѣченныхъ въ оппозиціи, мѣра, черезъ нѣсколько дней дополненная спискомъ ссылокъ. Обязательное собраніе употребило часть ночи на изданіе указовъ обо всемъ, что отъ него требовали; всѣ эти предложенія оно голосовало съ необыкновенною поспѣшностью, словно боясь дневнаго свѣта, и въ часъ утра декретъ отнесенъ былъ въ Совѣтъ Старшинъ, которые его утвердили. По окончаніи этого три консула принесли торжественную присягу передъ призракомъ собранія, составленнаго изъ ихъ же креатуръ. Бонапарте присягалъ первый „въ ненарушимой вѣрности законности, свободѣ, системѣ представительства". Потомъ Люціанъ попросилъ слова, чтобъ поблагодарить товарищей за совершенное ими дѣло; онъ не побоялся сравнить эту ночную тайную сходку съ чистою блестящею зарею революціи. „Народные представители! сказалъ онъ:— Французская свобода родилась въ Версальскомъ Жё де

---

[85]) Цифра, приводимая самимъ Корне. *Прим. автора.*

Помѣ [86]). Со времени безсмертной сцены въ Жё де Помѣ, она влачилась будучи поочередно жертвою непослѣдовательности, слабости, конвульсивныхъ болѣзней дѣтства. Она сегодня надѣла одежду совершеннолѣтняго. Едва посадили вы ее на довѣріи и любви французовъ, и уже на устахъ ея блеститъ улыбка мира и довольства. Народные представители! слушайте величественный крикъ потомства: „*Если свобода родилась въ Версальскомъ Же де Помѣ, то она была упрочена въ оранжереѣ Сенъ-Клу*“ [87]).

Исторія сохранила воспоминаніе не объ одной торжественной лжи, но трудно привести обстоятельство, въ которомъ истина была бы оскорблена съ большимъ цинизмомъ и большею наглостью. Когда дѣло принуждено, даже среди своего торжества, къ такому дерзкому искаженію, чтобъ заставить принять себя, то можно сказать, что оно отвергло даже собственный принципъ, и нечего прибавлять къ осужденію, которому оно само себя подвергло.

На другой день Бонапарте издалъ прокламацію къ французамъ. Онъ упомянулъ о предложеніяхъ, которыя, по его словамъ, дѣлали ему всѣ партіи, и которыя онъ отвергъ. Онъ представилъ себя какъ послушное преданное орудіе Старшинъ, какъ представителя плана всеобщей реставраціи, ими выработаннаго. „Онъ считалъ себя обязаннымъ изъ уваженія къ согражданамъ, къ солдатамъ, погибающимъ въ нашихъ арміяхъ, къ народной славѣ, купленной ихъ кровью, принять начальство“. Потомъ, переходя къ описанію событій въ Сенъ-Клу, онъ сказалъ: „Я заявляю свое негодованіе и скорбь Совѣту Старшинъ; я требую обезпечить исполненіе его благородныхъ намѣреній; я ему представляю бѣдствія

---

[86]) Зала для игры въ мячъ, въ которой 20 іюня 1789 г. депутаты Національнаго собранія поклялись не разлучаться, не давъ Франціи конституціи. *Прим. перев.*

[87]) Монитеръ. *Прим. автора.*

отечества, о которыхъ ему донесено, и онъ присоединяется ко мнѣ посредствомъ новыхъ свидѣтельствъ своей твердой воли. Я прихожу въ Совѣтъ Пяти-Сотъ, одинъ, *безъ оружія*, съ открытою головою, такъ же какъ въ Совѣтъ Старшинъ, гдѣ меня приняли съ рукоплесканіями; *я пришелъ напомнить большинству желанія Старшинъ и обезпечить его власть.* Кинжалы, угрожавшіе депутатамъ, немедленно устремились на ихъ освободителя; *двадцать убійцъ бросаются на меня и хотятъ заколоть.* Гренадеры Законодательнаго Корпуса, которыхъ я оставилъ у двери залы, вбѣгаютъ и становятся между убійцами и мною. Одинъ изъ этихъ храбрыхъ гренадеровъ (Томе) пораженъ ударомъ кинжала, который прокололь ему мундиръ. Они освободили меня.... Французы, прибавилъ онъ въ заключеніе:—безъ сомнѣнія, вы признаете въ этомъ поведеніи рвеніе солдата свободы и преданнаго гражданина Республики!"

А 23 брюмэра читали въ Монитерѣ:

„Тома Томе, гренадеръ Законодательнаго Корпуса, которому прокололи рукавъ мундира, когда онъ защищалъ Бонапарте отъ удара кинжала, направленнаго на генерала,—обѣдалъ 20 и завтракалъ 21 съ генераломъ. *Гражданка Бонапарте поцѣловала Тома Томе* и надѣла ему на палецъ алмазное кольцо цѣною въ 2000 экю".

Это не болѣе какъ лишняя черта, заимствованная изъ исторіи преторіанцевъ. Пока все это совершалось, Парижъ выказывалъ любопытство, но оставался нейтральнымъ; народъ казался чуждъ событіямъ, армія аплодировала, общественное мнѣніе молчало.

Таковъ былъ починъ новой власти, и таковъ былъ человѣкъ, которому пожертвовали общественною свободою.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Sept 1[illegible]

